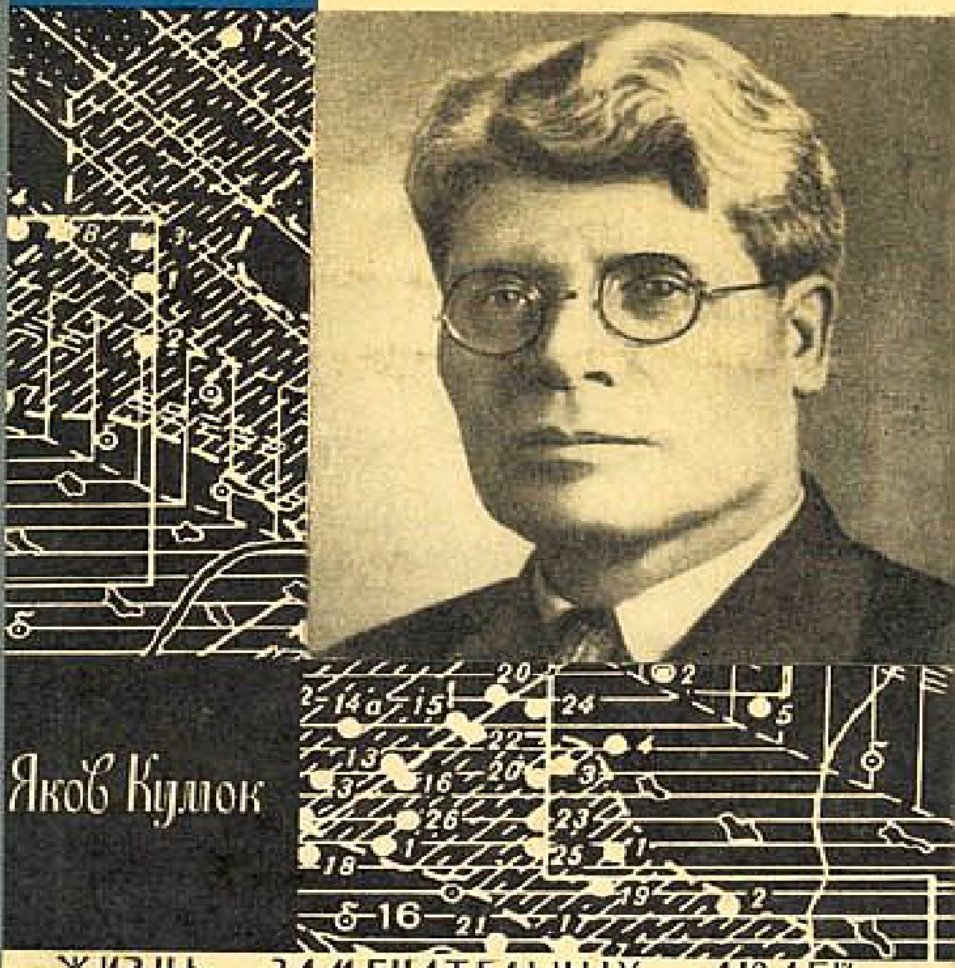
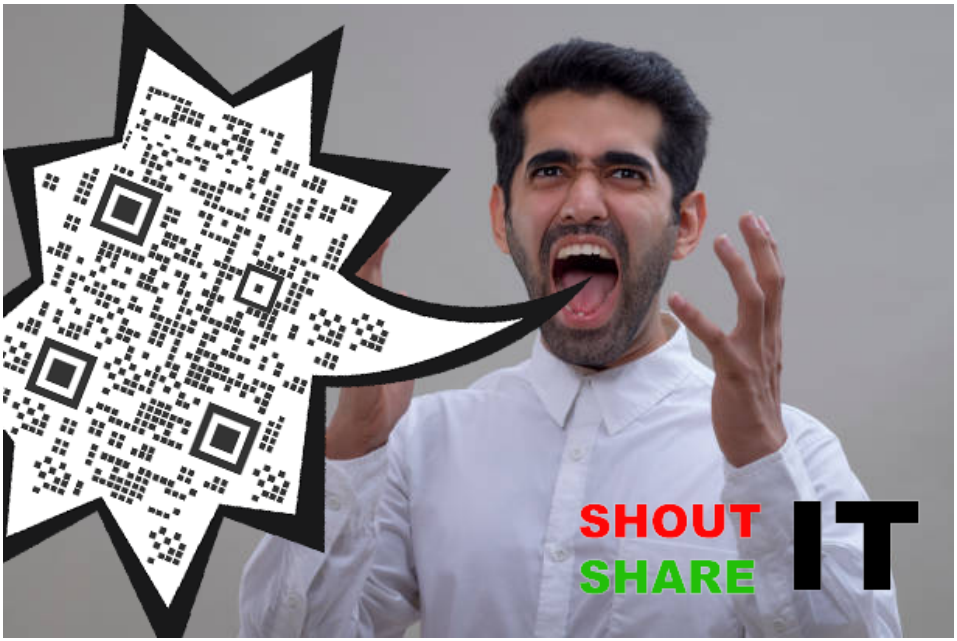
ГУБКИН



Яков Кумок

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография Ивана Михайловича Губкина — ученого-геолога, создателя советской нефтяной геологии.

- Яков Кумок
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - Глава 31
    - Глава 32,
    - Глава 33

        - Глава 34
        - Глава 35
        - Глава 36,
        - Глава 37
        - Глава 38,
        - Глава 39
        - Глава 40
        - Глава 41
        - Глава 42
        - Глава 43
        - Глава 44
        - Глава 45
        - Глава 46
        - Глава 47
        - Глава 48
        - Глава 49
        - Глава 50
        - Глава 51,
        - Глава 52,
    - Основные даты жизни и деятельности И. М. Губкина
    - Краткая библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

Яков Кумок
Губкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Перед восходом солнца…

Глава 1

Вводная. Употребляя геологический термин — рекогносцировочная. Автор, окидывая ретроспективным взглядом судьбу героя, пытается обосновать, почему ее следует считать необычной. Поль Гоген и Иван Губкин. Общее и отличное в них.

Человек, о котором предстоит рассказать, обладал многими достоинствами: острым умом, алчной любознательностью, находчивостью, терпением и еще одним, трудноопределимым — необычностью.

Но необычен каждый человек, как и время, в которое он живет; они неповторимы. «И богу я равен, и равен мне червь» — вот диапазон человеческой души, очерченный И. Северяниным гордо и уважительно. Диапазон любой души, не одной поэтической; она вмещает в себя вселенную, она сама вселенная. «Умирают не люди — миры», — перекликается с Северяниным современный поэт. По каким меткам отличаем мы душу незаурядную, судьбу выдающуюся? Тут перечислением подвигов или научных публикаций делу не поможешь. И все же кое-какие обстоятельства позволяют решительно отнести судьбу Ивана Михайловича Губкина к разряду необычных.

Начать с того, что нефть, в науке о которой он сделал так много, он впервые увидел в возрасте весьма солидном — сорока лет. И добро бы еще, до этого занимался поисками полезных ископаемых или чем-нибудь в этом роде. Отнюдь. Учительствовал на селе в Муромском уезде, в досужие часы рыбачил на Оке; писал статьи в журнал «Образование». Статьи достаточно серьезные; казалось бы, они могли свидетельствовать об установившихся интересах и наклонностях автора.

Нет. Внезапно герой наш прерывает налаженные занятия, укладывает в котомку томик Спенсера, шматок сала, сатиновую рубашку и — бежит, бежит навстречу своему призванию, тогда еще смутно осознаваемому.

Что вело его? Какую путеводную звездочку видел он внутренними очами? Случаи, когда бы пожилые люди круто воротили свою жизнь да еще добивались в новой профессии

больших успехов, чрезвычайно редки; психологи изучают их с особой тщательностью. Обычно, если хотят привести пример, называют Поля Гогена. Почти на скате лет он бросил сытную службу, семью, пустился бродить по свету с мольбертом в руках; до этого занимался живописью лишь «по воскресеньям» и, на поверхностный взгляд, не имел оснований считать себя талантливым.

Слава пришла к нему посмертно.

Ну, а в науке подобные случаи «затяжного прыжка» вообще уникальны. По своей сути, она требует основательной предварительной подготовки, да и для открытия, для создания чего-нибудь нового в ней нужны годы и годы…

Сопоставление судеб русского ученого и французского живописца показательно; вторая, «настоящая» жизнь Ивана Михайловича начисто лишена гогеновской трагичности, озлобленности и замкнутости. Но тут вступают в силу так называемые обстоятельства места и времени. И они носят характер уже социальный.

В ненастный день осени 1903 года в массивную дверь Петербургского горного института постучался среднего роста человек со следами, как выражались старые романисты, бедности в одежде и на лице. Путь его к этой двери был нелегок. В один год пришлось выдержать два тура экзаменов: за гимназию (в институт принимали только с «классическим» образованием) и в вуз, где на пятьдесят вакансий подавалось шестьсот-семьсот прошений. Как жил он все это время, как кормил себя, жену и ребенка с тех пор, как отдался безумной, по мнению родственников, идее стать исследователем земли и перебрался в столицу, трудно представить. Снимал жалкие каморки в мещанских домах; перебивались с женою неверным заработком репетиторов…

Стучавший вошел спокойно, но быстро. Огляделся. Стремительно взбежал по лестнице. Много лет спустя он вспоминал: «В науку я вошел хозяином». Он ошибался, он не вошел — он вбежал. И потом бежал уже все время, не останавливаясь, втягивая в вихрастую орбиту своей неуемной деятельности десятки людей, экспедиции, просторы, недра… пока орбита не оборвалась внезапно, образовав пустоту, в которую долго с ужасом всматривались ученики его…

Итак, две жизни?

Одна: спокойная, на лоне природы, полная невысказанных устремлений и предчувствий, непонятных неудовлетворений и осознания накапливающихся сил. Некоторый период ее связан со знаменитым селом Карачаровом, и это дает повод вспомнить

тридцатитрехлетнюю спячку Ильи Муромца.

И как сказочное пробуждение богатыря, как лавина его подвигов — другая жизнь. Другая жизнь — деятельная, яркая и, несмотря на невзгоды, связанные с его характером и с характером эпохи, — счастливая.

Естественно, такое разделение условно. В Гогене-художнике не умирал маклер. И в Иване Михайловиче учитель не умирал никогда. Все же в отношении Губкина условность сказывается скорее в другом: не укладывается он в «две» жизни!

Некоторые научные открытия опережают свое время. Это верно в том смысле, что или нет средств для их технического воплощения (а в нем эффективней всего проявляется открытие), или в том, что представители, так сказать, среднего научного уровня, коих всегда — большинство, не способны оценить открытие. Некоторые — причем, важные — открытия Губкина опередили свое время. И так уж, может быть, парадоксально сложилось, что это не стало ни личной трагедией, ни трагедией науки.

Когда в 1942 году немцы почти блокировали Кавказ и ставился вопрос об эвакуации нефтяного оборудования, не было споров, куда его бросить: во Второе Баку, детище Губкина. Стране не грозил нефтяной голод. Известно, какую роль играла нефть в планах генштаба фашистской армии.

Когда после войны у нас появилась мощная землеройная техника и стало экономически выгодным вскрыть толщу пород над Курским железорудным телом, не пришлось разведывать его конфигурацию — это уже сделал Губкин.

В трудах его находили подсказку.

И сейчас, когда геологи волокут на себе обсадные трубы по барханам Каракумов или сибирским болотам, они идут туда, куда указал Губкин.

Великая догадка его о сибирской нефти поражает уже не только тем, что обогнала время, она поражает каким-то космическим всеохватным ощущением планеты, гениально-интуитивным проникновением в еще не раскрытые законы земной коры. В начале 30-х годов о строении недр Сибири было известно так мало, что воистину надо было «чувствовать» недра, как опытный врач-диагност чувствует не поддающиеся приборам очажки болезни в организме пациента, чтобы высказать эту догадку.

Однако чувство чувством: сколько тысяч геологических разрезов пришлось изучить, какую колоссальную работу по сопоставлению геологических регионов проделать… Речь о ней впереди.

Так приступим к рассказу о жизни Ивана Губкина (все же решимся сказать; о «двух» жизнях, даже о «трех», потому что счастливая судьба его открытий, обогнавших свое время и переживших автора, — это тоже его жизнь).

Но прежде коснемся загадочной жидкости, изучению которой он себя посвятил.

Глава 2

Черные терпкие соки земли… Сколько минералов знали древние люди? Экскурс в историю геологии. Горящее озеро.

Борис Николаевич Наследов, известный исследователь Средней Азии, собирался в четырнадцатую свою — самую крупную, самую высокогорную — экспедицию. Были построены по им самим составленному проекту три базы: первая — у подножья Кураминского хребта, вторая — на полуторатысячной высоте, в лощине Бозымчак, третья — где-то за снеговой линией; где, точно установить сейчас трудно, да и нет необходимости: открытие было сделано близ второй базы.

Борис Николаевич поднялся к ней в середине мая. Уже цвели эринорусы, мальвы, клевер; днем припекало, но по ночам вода в ведре замерзала, и часто сыпал град. Крыша палатки под его тяжестью провисала.

Маршруты начались, судя по записям в пикетажной книжке, 18-го числа, а 23-го Наследов увидел удивительную горную выработку.

В лучах заходящего солнца водораздел Меридиональный наливался сиреневым свечением; по карнизу его вилась зеленая малахитовая полоска. «Скарны?» — удивился Наследов. Здешние скарны (особый тип пород, образующийся на контакте известняков с расплавленной магмой), по его давней замете, содержали золото и медь. Впоследствии это подтвердилось, и все же Бозымчак стал знаменит другим. Возвращаясь по карнизу, довольно опасному своей крутизной, Борис Николаевич наткнулся на искусственную расщелину; по отвердевшим отвалам можно было судить, что она вырыта давно. Забегая вперед, сообщим, что нынче ее возраст оценивается в десять тысяч лет.

Если быть точным, то надо сказать, что подобные сооружения он видел и раньше, но не обращал внимания. Сколько открытий таится подчас в заурядных явлениях — сумей только обратить на них внимание!.. Много в то лето Наследов ездил и ходил, и немало любопытного попало в его планшетку; и загадочные

«закопушки» преследовали его, как насмешливые призраки. Представьте, что должен испытывать человек, уверенный, что ходит по дичайшим местам, никем до него не описанным, не закартированным, и на каждом шагу ему попадаются следы, которые оставить мог только геолог. Опытному глазу нетрудно было в заросших шиповником выбоинах опознать шурф, штольню; однажды ему попалась настоящая шахта, вполне правильного сечения, с крепью. Рядом валялись странной формы кайла, черепки посуды.

Кто мог здесь побывать до него?

Наследов имел мужество признаться в своих терзаниях душевных, и из этого вытекли два важных следствия. Во-первых, родилась новая отрасль науки, что в те времена происходило гораздо реже, чем сейчас; названия отрасль тогда не получила: она на стыке геологии и археологии. Во-вторых, мир узнал о древних рудознатцах.

И узнал нечто поразительное.

Начало древних горных работ датируется — по современным воззрениям — верхним палеолитом. Трудновообразимая давность, тысяч пятнадцать лет тому назад. Оказывается, в это время предгорья Тянь-Шаня, его уютные долины, зеленые ущелья с кипящими водопадами населяли отважные и любознательные племена. Так называемыми дарами земли они не удовлетворялись. Они и к самой матушке земле приглядывались с прищуром, заскорузлыми пальцами ощупывали валуны. Гальки цветные, серые, зернистые, литые, тяжелые, легкие — они скатываются со склонов, их уносят гремучие воды рек… Камни по-разному пахнут и звучат…

Бесспорно, в первом человеке, проникшем в «душу» кремния, следует признать гениального петролога. Кремний обточлив, из него несложно изготовить топор, наконечник стрелы. Недаром освоение кремния открывает первую страницу цивилизации.

Когда же была понята способность меди смягчаться от жара и, остывая, затвердевать в нужной форме, начались настоящие походы за камнем на громадной территории: от подножий Гиссар до Кызылкумов. Кстати, раскопки стоянок медных дел мастеров в пустыне помогают находить древние протоки Аму-Дарьи; это важно знать современным мелиораторам. Узбекский ученый А.Г. Гулямов облазил берега озера Лявлякан, теперь пересыхающего и соленого, и раскопал стоянки первобытного человека. Везде плавили медь и шлифовали бирюзу. Плавильщики меди пользоваться соленой водой не могли. Значит, озеро тогда было пресноводным.

В 1963 году впервые в русском переводе вышло знаменитое

«Собрание сведений для познания драгоценностей» великого хорезмийца Бируни — одно из оригинальнейших минералогических сочинений средневековья. Бируни упоминает около трехсот минералов, «эксплуатировавшихся» с незапамятных времен. Из книги мы узнаем о копях ляпис-лазури и благородной шпинели, о горном хрустале Памира и аметисте близ нынешнего Душанбе. О разработках золота, серебра, ртути. Ученый посмеивается над верой в чудодейственную силу самоцветов. Бирюзовое ожерелье дарили невестам, считалось, оно приносит счастье в любви и семейной жизни. Серпантинит растирали и пили в случае укуса змеи. Многие легенды и верования, связанные с камнем, полны поэзии. Разве не ясно, что они могли родиться только у того народа, который всем сердцем привязался к камню?

Размах древних поисков необычайно широк. Кажется, все скалы, саи и горные останцы своей родины «обстучали», как выражаются геологи, древние рудолюбы. И тут мы подходим к самой темной и привлекательной стороне загадки: как в старину искали полезные ископаемые?

Мы теперь пользуемся сложнейшими приборами, производим гору всяческих расчетов, чертим карты, схемы и диаграммы, бурим, наконец, дорогостоящие скважины. Древние ничего этого, конечно, не знали, однако точность их «попаданий» поразительна. Добро бы еще, они находили только поверхностные залежи — нет ведь! Сфотографирована, например, наклонная штольня, пробитая к рудному телу, залегающему на стометровой глубине. Никаких признаков его на поверхности не заметно. Как древние догадались, что под землей есть залежь?

Среди геологов мастерство их стародавних коллег до последнего времени вызывало немало толков. Находились и такие, что склонны были приписывать древним способность чувствовать намагниченность и слабые электрические токи и даже «видеть» пальцами сквозь толщу пород. Но, очевидно, никакими сверхъестественными талантами старые искатели кладов не обладали. В хребте Султан-уиздаг, неподалеку от Хорезма, они плавили железную руду. Несколько лет назад эти плавки подвергли химическому анализу. В них оказалось (в пересчете на тонну породы) семнадцать граммов золота! На железо переплавлялась отличная золотая руда! Золото в породе микроскопически рассеяно, и древние не подозревали о его существовании. Таких фактов немало. Древние развили в себе изощренную наблюдательность, научились подмечать конфигурацию, оттенки цвета горных пород и правильно судить по ним о геологическом строении участка. Они искали

интуитивно, но интуиция у них была развита блестяще. В этом их сила и их слабость.

В полной мере эта сила и слабость сказались и в их отношении к нефти.

Наконец мы добрались до нефти! Этого главного предмета страсти нашего героя. Нет, он не был однолюбом и, возглавляя долгое время Госгеолком СССР, одинаково щедро субсидировал своими чувствами и алмазников, и полиметаллистов, и нефтяников. Ему, как уже упоминалось, принадлежит честь открытия Курской магнитной аномалии; за одно это он был бы достоин памятника. В свое время это уже сделал Владимир Маяковский, так сказать, в нерукотворном виде: написал прекрасное стихотворение «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского». Ныне на месте, где бурилась скважина, стоит памятник постоянный — город, названный именем Губкина.

«Что такое время? Бесплотное и всемогущее — оно тайна, непременное условие мира явлений, движение, неразрывно связанное и слитое с пребыванием тел в пространстве и их движением. Существует ли время без движения? Или движение без времени? Неразрешимый вопрос!» — таким восклицанием открывает Томас Манн главу седьмую романа «Волшебная гора». Что касается движения в данной главе, то оно явно не в связи со временем, характерным признаком которого считается: то, что «будет», никогда не бывает раньше, чем то, что «было». Начав с Наследова, мы углубились затем в верхний палеолит и через средние века вынырнули в 30-х годах нашего столетия. Но уж коли мы вынырнули в 30-х годах, то на память приходит маленький эпизод, случившийся с нашим героем как раз в 1934 году.

Иван Михайлович Губкин совершал экспедиционную поездку по Туркмении. День выпал утомительный, жаркий. К вечеру добрались до геологического лагеря, расположившегося близ Балаханских гор. Ивану Михайловичу шел шестьдесят четвертый год. Он устал так, что едва дождался, пока в палатке поставят раскладушку. Полежав, решил выкупаться в озерке, на берегу которого был разбит лагерь. Ему не разрешили. Он вернулся в палатку.

Ночью он внезапно проснулся. Так всегда бывало, если он днем переутомлялся. Вышел наружу и увидел неподалеку странное пламя, похожее на миниатюрное северное сияние.

«Господи, что это? Разбудить кого-нибудь из местных геологов?.. Ах я, старый глупец», — рассмеялся Губкин. Перед ним было одно из горящих озер пустыни. По дну его ветвились

трещины, и по ним из глубин земли бежали струйки природного газа. Слабо булькая, газ вырывался из воды. Солнце, а может быть, чабан какой-нибудь, чтоб знали, что вода заражена, подожгли газ.

Озеро горело. Пламя переливалось чистой, кристаллически прозрачной голубизной.

И Губкину вспомнились сказания об огнепоклонниках, притчи Заратустры, мраморный храм огня в Баку…

Да, вот так, голубым трепещущим пламенем вошла нефть в жизнь человечества, а огонь-то постарше кремния будет…

Черные терпкие соки земли… Они наши, земные «во плоти своей». Взгляните на обломок флюорита с его внутренним морозным фиолетовым мерцанием. Или на друзу кварца, на гладкие грани, высеченные бесстрастной рукой Природы. В них есть что-то космическое, внеземное, их как будто можно встретить и на другой планете. А нефть? О нет! Она наша. Она вбирает в себя запахи и микроэлементы вмещающих ее пород и подземных вод, текущих мимо залежи. Недаром нефтей столько, сколько мест, где она добывается. Быструю летучую нефть Белоруссии не спутаешь с густой ароматной мангышлакской. Даже в одном месторождении нефти из разных горизонтов разные, хотя по химическому составу могут не отличаться друг от друга. Почему? Одна из загадок этого текучего минерала — такого изменчивого и в то же время верного себе.

Тут уместно вспомнить историю с искусственной минеральной водой; ее любил приводить, рассказывая слушателям литературных курсов о сущности поэзии, Валерий Брюсов. К тому времени ученые исследовали кавказскую минеральную воду и определили ее химический состав. Сейчас его можно прочесть на любой этикетке. Анионов столько-то, катионов столько-то, хлора, брома, йода столько-то… Кажется, чего проще: вылить в банку составные части, перемешать стеклянной палочкой — и пожалуйста, незачем возить из Ессентуков. А вот не получилась искусственная минеральная вода, и пить ее было невкусно и без пользы. «Так и поэзия, — заканчивал Валерий Яковлевич. — Есть в ней что-то не поддающееся анализу».

Так и с нефтью, заметим. Есть в ней что-то, до чего еще не проникла математика. Может быть, это потому, что она очень наша, земная — нефть? Потому, что вобрала в себя вкусы и запахи родной земли?

Все наше предыдущее изложение сводилось к тому, чтобы показать, что геологией люди стали интересоваться не сто и не двести лет назад, как это представляют многие, даже некоторые

специалисты-археологи, а гораздо раньше. Неизмеримо раньше. Вокруг человека — царство минералов. И прежде чем он даже понял это, человек в это царство вступил. В какой-то ему одному понятной очередности он принялся ознакамливаться с богатством. И одной из первых в загадочной очереди стояла нефть.

Попробовал он конопатить ею лодки. Превосходно! Ноев ковчег, как повествует библия, был «покрыт смолой (асфальтом) изнутри и снаружи». Причем эта деталь повторяется как в древнееврейской, так и в древнеассирийской версии всемирного потопа. Вот вам первое применение нефти в мореходном деле. В древнегреческой мифологии — колыбель муз тоже проконопачена асфальтовой смолой!

Попробовал использовать в жилищном строительстве. Чудесно! «Я построил дворец Вабил из кирпича и битума», — горделиво заявил царь вавилонский Небучаднеззар, живший за две тысячи лет до новой эры. Он же первый (судя по сохранившимся письменным источникам) применил нефть в воздвижении фортификационных сооружений и при мощении дорог. «Я придал несокрушимость стенам восточной части Вавилона. Я обнес их рвом и построил крутой откос из битума и кирпичей». «Я… устроил выше битума и обожженного кирпича мощную надстройку из блестящей пыли и укрепил ее изнутри битумом и кирпичом как высоко пролегающую дорогу». Технология, напоминающая нынешнее асфальтирование!

Попробовал человек лечиться нефтью. Не очень приятно глотать сию густую микстуру, да что поделаешь… Подслащивать лекарства научились совсем недавно. Около восьмисот видов лекарств изготавливают наши фармацевтические заводы из нефти. В стародавние времена список был значительно короче, но вот что мы читаем у Марко Поло, посетившего Баку в XIII веке. Тамошние эскулапы прописывали земное масло (вернее, ее светлую фракцию) при камнях в почках, расстройствах желез, венерических болезнях, гипертонии, цинге, подагре, сердечных спазмах и просто как стимулирующее средство.

Тут давайте прервем наш экскурс в историю геологии и в историю нефти. Впереди нам представится немало возможностей рассказать о значении чудо-жидкости в современной жизни. Да и о былом вспомнить.

А теперь не пора ли произнести сакраментальную фразу: ГЕРОЙ РОДИЛСЯ? И указать дату.

Глава 3

Река Ока, ее берега и плесы. Сорок два внука бабушки Федосьи. О том, как мир готовился встретить нашего героя.

Начнем с даты, этой обязательной подробности, определяющей вместе с именем личность. Дату называют почти так же часто, как имя; по крайней мере при всех переломных и торжественных случаях жизни: поступая в школу или уходя в армию, устраиваясь на работу или подавая заявление в загс. Дата рождения очерчивает нижнюю границу индивидуального бытия: все, что было до нее, навечно останется прошлым. А что будет после? Каких событий мы станем свидетелями и каких участниками? Все предопределила дата рождения. Она, наконец, необходимейшая из двух цифр, которые в скобках будут следовать за нашей фамилией еще долго после нас — в служебных анкетах или в энциклопедиях: в зависимости от того, как мы постараемся в промежутке между двумя цифрами.

Начнем с даты: 1871.

Ванюша родился третьим из пятерых детей, старшим из братьев, которых было трое, и единственным — осенью, в сентябре. Остальные Губкины предпочитали издавать первый крик весной или летом, и отцу этого крика слышать уже не доводилось. Он возвращался домой не ранее октября, а уходил в начале марта, не дождавшись родов. Бабушка говорила: «Ну и слава богу, самого уродства в младенце не видит». Однако некоторого огорчения скрыть не могла.

Отец был отхожником.

Отхожим промыслом муромские крестьяне кормились издавна и многие; где только не встретишь муромских: на верфях Нижнего, в рыболовецких командах под Астраханью и в бурлацких артелях по всей Волге. Муромского уезда славились кровельщики, каменщики, калачники, матросы и офени (это книжные торговцы, букинисты, они ходили по селам, продавали книги, иконы).

Бурлацкие артели состояли из старшого водолива, он отвечал за сохранность товара (говорили: «за подмочку товара») и заодно плотничал, когда нужно; лоцмана (говорили «дядя», «букатник»); передового в лямке («шишки»), двух косных в хвосту, обязанных лазить на мачту, а при тяге — ссаривать бечеву (то есть очищать ее или, если она зацепится за дерево, куст, что нередко случалось, освобождать).

Так вот, отец был старшим артельщиком. К этой должности предрасполагали его огромная физическая сила, невозмутимость и редкостная памятливость: неграмотный, он вел все переговоры с подрядчиками и заказчиками и без записи держал в уме суммы,

фамилии, долги, сроки…

Был он молчалив, несуетлив; росту невысокого; любил костры и ненастья.

Странно, сын крестьянина, он тяготился земельным трудом. Правда, земля семью все равно не прокормит: участок меньше восьми десятин, да от них немалый кусок — болото. Дальше, на восток от родного села Позднякова, шли почвы подзолистые, поплодородней, там и села стояли гуще. А в родном селе — что ж… одни яблони и хороши: анис и боровинка, апорт и бели разных сортов. А поди ж ты, дай Михаилу Губкину земли и посули доход от урожая — все равно не удержать его.

Мартовскими стылыми рассветами поднимался он раньше всех, шел на Оку. Слушал… Снег на льду осевший, умятый, голубы следы от полозьев саней. Скоро ли вскроется красавушка река?

«Миша!.. — билась жена его. — Смотри, соха рассохлась, сеновал обвис… Ить ты мужик в доме…»

Все починит Михаил молча, а вечером, почесывая короткую бороденку, подолгу стоит у плетня, смотрит вдаль.

Вина он не пил совсем и домой из Астрахани приносил рублей до ста — немалые по тем временам деньги. Жил он неразделенный с младшим братом в одной избе, а у того тоже семья… Ртов много, а работников? И Михаилу прощались долгие отлучки, неразговорчивость, непонятная, внезапно на него нападающая тоска…

Выходит, три по меньшей мере качества, небесполезные для ученого, заимствовал Иван Губкин у своего отца. Спокойствие характера, любовь к путешествиям и трезвость. Вина Иван Михайлович не потреблял — разве так, пригубит, сидя за столом с друзьями, и к табачному дыму не мог привыкнуть до конца дней, хотя, бывало, в тоскливую минуту и мял губами папиросу.)

Дом Губкиных в Позднякове — третий от краю в правом ряду. Это если стоять лицом к лесу. А именно так чаще всего стоял и именно в этом направлении чаще всего убегал Ванюша. На взгорье теснился чудесный березнячок, к сожалению, не сохранившийся. Под ним текла небольшая речка Теша. Воды в ней летом по пояс, а местами и по щиколотку; ивы вперехлест закрывают небо. Множество холоднющих родничков вспарывают песчаное дно.

В устье вода — слезной прозрачности — журчит по камешкам. Вот и Ока, безмятежно-хрустальная гладь. Лиловеет бор на правом, высоком берегу, пенится под ним перекат. «Эге-гей!..» — крикнет кто-нибудь просто так, из озорства: звук протяжно висит над водой.

Зимою на Теше расчищали каток. Губкины-младшие особым досмотром не балованы были: пропадали здесь до позднего часа. Коньки из березы стругал отец. А то на санках или на корточках с пригорка — ух!.. Возвращались пропотевшие и промокшие насквозь, в сенях сбрасывали валенки и — шмыгом — по приступочкам на печь. Там пахло овчинной сухостью, кислым тестом и чем-то прогорклым.

Мамка не ложится. На ней весь дом и вся работа — и шитье, и жнитво, и косьба, и пахота…

Небольшое село Поздняково, изб сорок.

И события в нем небольшие происходят.

Нюрка платок купила, в Рязань ездила. Плешаковы опять с Козюхиными поругались, чуть до кольев не дошло.

Кто родился да кто забылся, кто с хлебом зимует, а кто бедует…

Внешний мир не касался села, кажется, со времен татарского нашествия.

И нелегко представить, что он вообще существует, Большой Мир, большие города, большие раздоры и большие раздумья.

По Оке тянули баржи бечевой…

В селе Позднякове не догадывались, но Большой Мир знал, какой мальчик родился в селе Позднякове, знал, что ему предстоит в этом Большом Мире играть видную роль. И готовился к встрече.

Академик Губкин будет неустанно восхищаться продуманным и неторопливым строем доказательств теории актуализма, согласно которой изменчив лик Земли, но неизменны силы, на него действующие. Благодаря этой теории можно мысленно восстанавливать картины далекого геологического прошлого. Теорию эту создал Чарлз Лайель. Другой английский ученый, Майкл Фарадей, открыл и описал явление электромагнитной индукции. А это позволило изобретателям сконструировать точные приборы для магнитных измерений, без которых невозможно было бы разгадать загадку Курской аномалии.

В Большом Мире писались романы, симфонии, трактаты…

Нескольких дней до рождения мальчика не дожил английский баронет Родерик-Импей Мурчисон. Но и он успел приготовить свой подарок: первую геологическую карту России (вернее, ее европейской части). Целый ряд счастливых обстоятельств помог ему в этом. В 1830 году Родерик-Импей, тогда блестящий драгунский капитан, участник африканских походов, полюбил тихую девушку, дочь сослуживца Шарлотту Гюгонин. На беду армии и к счастью для науки, она увлекалась геологией. Под влиянием невесты капитан бросил службу и

посвятил себя изучению горных пород. Он объездил весь свет. Много бродил и по российским губерниям. Он любил Россию и впоследствии часто выступал в ее защиту в английском парламенте и в прессе.

В 1869 году Дмитрий Иванович Менделеев составил периодическую систему элементов; в марте 1871 года рабочий люд Парижа построил баррикады и образовал Коммуну — прообраз Советского государства, могуществу которого отдал все свои силы Иван Михайлович Губкин.

Нет, мир не с пустыми руками его встречал, и в этом, право, нет ничего удивительного и ничего мистического. Каждого из нас мир встречает всем своим богатством — надо только научиться этим богатством пользоваться.

Теперь Большому Миру оставалось только послать своего представителя в семью Губкиных.

За кандидатурой дело не стало.

Однажды дверь в избу отворилась и вошла бабушка Федосья.

— Михаил, — обратилась она к сыну, — вот что я хочу тебе сказать. Надо бы Ванюшу в школу определить. Умненький он.

Русские бабушки! Скольких мужей для науки вы спасли, скольких для поэзии воспитали! Матерям все некогда, они в поле да в хлеву, их руки горят от морозов и ушибов. Отцы издерганы заботой о куске хлеба…

У бабушки Федосьи было в селе Позднякове ни мало ни много — сорок два внука! И все голубоглазые и русоголовые. И всех она целовала в голубые глазки и гладила по льняным волосам. Ну как тут руками не развести — разглядела ведь, что в одной из сорока двух головок спрятано нечто большее, чем в остальных.

— Еще чего, — буркнул отец. — Учиться…

Сам Ванюша перекрестился:

— Да минует меня чаша сия…

Но от бабушки Федосьи отделаться было не просто.

Глава 4

Еще о бабушке. Ванюша боится школы. Раскол в семье. Первые понятия о зависти. Закаты на Оке.

Муромского уезда отхожники разбредались весной по Руси. Кровельщики шли в Москву, бурлаки в Нижний, а офени-букинисты сначала во Владимир, где запасались образами (во Владимире много работало иконописцев), лубками и «народной»

литературой, оттуда — в южные губернии. На юге, на Дону и Кубани, жили посытнее и грамотность была распространена. Свои — что?.. Темные. Редко в приокские села заходил книгоноша.

Губкин признавался в старости: «…Сам я боялся ее, как чего-то неизвестного… Почему я боялся школы — не знаю».

«…Помню, горячо молился всем святым: «Да минует меня чаша сия…»

Но чаша не миновала. Я начал учиться».

В поздняковскую школу по осени приходило мальчиков двадцать; весной их оставалось семь-двенадцать.

Осенью Николай Флегмонтович Сперанский — обычно вечерами, дождавшись, когда все вернутся с поля, — обходил село, стучался в ставни.

— Петровна! В апреле твоему Сережке стукнуло восемь. А Дарьюшке тринадцатый, и я уж устал напоминать.

— И ктой-то? — доносилось изнутри.

— Учитель.

— С нами вечерять?

— Спасибо. Я по делу. В школу записывать.

— Говоришь, Сережке… Ето откеда же ему восемь? Еще только шесть ему!

— У меня записано.

— Записано… Нешто ты по записанному лучше меня знаешь? Он родился на Бориса и Глеба в том году, когда пьяный урядник приезжал.

Разгоралась перепалка, в результате которой Сперанский торопливо запахивался в сюртук, перешитый из рясы (чего никак нельзя было скрыть), и уходил. Бабы его нисколько не боялись, а мужики сторонились. Был он тощ и долгоног; глаза в красных веках запали, глядели отчужденно и добро. Появился он в селе лет пятнадцать назад — кто говорил, что он поп-расстрига, кто — что смутьян он, высланный из первопрестольной, а девицы подозревали несчастную любовь. Во всяком случае, направление от земства у него было, и место ему предоставили.

Жил он при школе, хозяйства не вел, питался приношениями.

Школа стояла под самым холмом. То была простая изба-пятистенка. Оползень приподнял один ее угол. Полы в ней были наклонены, и мальчишки обожали играть «во всадников»: парты сами скользили. Это, конечно, на переменках; на уроках Николай Флегмонтович между партами ходил и вел разом все предметы: у младшеньких поправлял чистописание, второклассникам давал задачки на сложение, а старшим объяснял священную историю. Классное помещение было одно. Освещалось оно двумя свечами в подсвечниках. Один подсвечник стоял на учительском столе,

другой на задней парте. Время от времени учитель подходил к печке, подбрасывал березовые поленья.

За окном шуршала поземка. Выйдя из школы, страшно было подумать, что Николай Флегмонтович остался в ней совсем один.

Бабушка Федосья сшила Ванюше сумку холщовую и тетради из каких-то конторских бланков, ею же где-то и добытых.

Много-много лет спустя, будучи сам уже в дедушкином возрасте, Губкин писал: «Бабушку я не забыл… Чту ее память и сейчас».

В крестьянских семьях — в те стародавние времена — старики нередко в тягость были. «Зажился…» Чтобы показать другим свою необходимость да и самим ее почувствовать, старики встревали в любое дело и разговор.

Бабушка Федосья верховодила в доме и по натуре была женщиной властной. Но властность ее проявлялась спокойно, даже неприметно, как у людей, нимало не сомневающихся в своем праве на власть и в том, что пользуются ею исключительно на пользу ближним.

Все, что она делала, было неприметно, прочно и полезно. Жердочку ли в курятнике прибьет, в огороде ли полет или на завалинке сказки рассказывает. К ней сходились связующие нити в семье, и, когда ее не стало, многое изменилось. Во всех окрестных и дальних селах у нее были приятельницы, которые часто приходили к ней испросить совета. С годами она становилась рассеянней, деятельней и полюбила петь песни.

Она одна догадывалась, что происходит в душе Ванюши. Сейчас это трудно понять, попробуем перенестись в прошлый век.

То, что Ванюша стал учиться, и то, что он без особых усилий занял место первого ученика, сделало его одиноким. Между ним и его сверстниками, между ним и остальными членами семьи будто пролегла пропасть. «Школяр», «ваше превосходительство», — кричали ему на улице. Разум мальчика не в состоянии познать злое. Ванюше казалось, чем лучше он будет учиться и больше работать по дому, тем больше его будут уважать. Получалось наоборот. Особенно злобствовала тетка. Однажды, улучив момент, когда они остались вдвоем, она придралась к чему-то и избила мальчика.

А однокашники не любили его за то, что ему легко давалась учеба.

В предыдущей главе поминалось, что события в Позднякове происходили небольшие. Верно, небольшие. Но может ли быть что-нибудь «небольшое», неважное для детской души, беззащитно подставленной всем впечатлениям бытия? Небольшие события ковали волю и великое терпение.

Ах, но разве это вспоминалось ему после, когда он думал о детстве? Нет, конечно! Вспоминались проказы, вспоминались бескрайние мещерские снега, тропка, пробитая им от дома до школы, и добрый учитель Сперанский.

Глава 5

Философия розового детства. Нефть Майкопа. Структурная карта. Звездный час героя.

Великие рождаются нагими — совершенно так же, как все смертные. Их первые гримасы, желания, шажки по полу, чувства к гувернеру или преподавателю так похожи на чувства, шажки и гримасы всех детей на свете! Может, кой-кто и сочтет это умалением славы, но приходится признать, что детство и юность, эти чаще всего безоблачные отрезки жизни, однотипны у основной массы выдающихся людей. И невольно, читая их биографии, начальные главы слюнявишь скучающими пальцами, ждешь не дождешься, когда же, наконец, герой ухватит за хвост свою Удачу и начнется самое интересное. При этом забывается, что мадемуазель Удача гибка и проворна, шутя выскальзывает из самых крепких объятий, и удержать ее можно, только обладая каменными мускулами или особым приворотным зельем.

Конечно, это шутка. И все же не честнее ли сразу указать страницу с описанием «звездного часа» героя и далее повести читателя по звездному пути, не мороча голову анкетными подробностями «дозвездной» жизни? Не знаем, как там с указанным часом у других героев, а у нашего все в порядке. Был такой час. Нетрудно обрисовать обстановку, предшествовавшую его наступлению. То было раннею весной, точнее, апрельским полднем 1911 года. Иван Михайлович сидел на берегу ручья в тридцати километрах от Майкопа. На коленях держал открытый полевой дневник, справа и слева на траве лежали длинные полосы миллиметровой бумаги с зарисовками геологических разрезов. Нет ни малейшего сомнения в том, что Губкин думал в этот момент о майкопских нефтяных залежах.

Следует заметить, что они представлялись в те времена крайне загадочными. Одни скважины бурно фонтанировали, другие, пробуренные совсем рядом, оставались «сухими». Еще в 50-х годах прошлого столетия Герман Абих доказал, что нефть теснится в выгнутых кверху наподобие колпаков слоях — антиклиналях. «Сухой», следовательно, может оказаться скважина, пробуренная за контуром антиклинали. Однако

площадь контура, как правило, десятки квадратных километров.

Чтобы наглядно представить антиклиналь, геологи составляют особую карту — структурную. Мысленно удаляются с поверхности геологические напластования (до нужной глубины) и на воображаемую горизонтальную плоскость наносятся абсолютные отметки искомого пласта.

Вот!.. Иван Михайлович склонился над дневником и острыми карандашными штрихами набросал подземный рельеф. То была структурная карта, но необычная. В 1948 году профессор М.М. Чарыгин, один из учеников Губкина, писал: «Идея Ивана Михайловича и проста и в то же время ее можно без преувеличения назвать гениальной». Сам автор не придал значения своему открытию. Да и мудрено ему было: ведь стаж его геологической работы не насчитывал еще одного года (самому ему было сорок). То, что он придумал, так просто…

Небольшая методическая перестановка! Губкин принял за исходную плоскость не воображаемую горизонтальную, которой в природе-то и не существует, а вполне реальный наклонный пласт, лежащий выше нефтяной залежи. Подземный рельеф получился без искажений.

И что же? Залежь на рисунке извивалась, как ручей, на берегу которого сидел он сам.

Друзья, с которыми Иван Михайлович поделился, поразились силе его пространственного воображения. Они заставили его, не откладывая, сесть за письменный стол и написать статью. Открытие было сделано не одно — целых три. Во-первых, открыта неизвестная науке форма нефтяных залежей (Губкин назвал ее рукавообразной, а американцы, применившие методику Губкина только через двадцать лет, — шнурковой; оба термина бытуют в научной литературе); во-вторых, новая генетическая единица (рукавообразная залежь образовалась в русле древней реки, палеореки, вот почему в плане она так извилиста); в-третьих, открыт новый метод составления структурных карт.

Статья называется «Майкопский нефтеносный район. Нефтяно-Ширванская нефтеносная площадь». Напечатана в 1912 году в Петербурге в типографии Стасюлевича. Вскоре переведена на английский язык.

По данным Ивана Михайловича в Майкопе заложили скважину. Губкину тогда уже было сорок один.

Глава 6

Всего три справки

Справка первая

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Муромский уездный Училищный Совет сим удостоверяет, что Губкин Иван Михайлович, сын крестьянина с. Поздняково, родившийся 9 сентября 1871 года, успешно окончил курс в Поздняковской сельской школе в 1883 году, в чем и выдано ему сие свидетельство. Выдано 10 числа мая месяца 1883 г.

Председатель Училищного Совета (подпись)

Инспектор народных училищ (подпись)

Справка вторая

«В семье началась война. Образовались два лагеря. Во главе одного стояла моя бабушка, ее поддерживал отец. Эта партия была за то, чтобы меня учить. Другая — во главе с моей теткой по матери — была против… Моя тетка в спорах со мной частенько пускала в ход не только доводы, но и ремень.

…Отец свое слово сдержал. Летом из Астрахани он написал письмо бабушке и, прося у нее родительского благословения, настойчиво требовал отдать меня в уездное училище в город Муром.

…Моя участь была решена».

И. М. Губкин,

Моя молодость.

Справка третья

Муром, уездный город, населения 15 679 чел., 8292 мжч., 7387 жнщ. Дворян 232. Духовного сословия 279. Почетных граждан и купцов 2134. Мещан 9376. Крестьян 3235, пр. сословий 423; Церквей 18.

В Рождественском соборе почивают мощи кн. Петра и супруги его кн. Февронии.

Из старой энциклопедии

Глава 7

О том, как шли бабушка с внучком и как пришли в уездный город.

Вззуаа…рр! — грохнула заслонка.

Зовуще-пульсирующее дребезжание перекрыла испуганно чья-то ладонь.

Он открыл глаза.

На потолке шаталось пятно. От горящей лампадки. Водянисто-имбирное с розовым окружением — оно то высвечивало, то опять смазывало тьмой ведомостные объявления:

«Несравненная рябиновка Шустова» и «Всенощное бдение, имеющее быть в храме по случаю престольного праздника преподобного Серафима Саровского».

Потолок — и стены — оклеены были газетами, подаренными ему бродячим книгоношей, за которым увязался он и до самого Ананьина сопровождал, жадно дочитывая на привалах весь его запас книг. Вот и лето прошло; ловил в поле сусликов, гонялся за букинистами, помогал Николаю Флегмонтовичу, учителю, — вот и лето прошло.

Вдруг он понял, что проснулся, что бабка и мама уже одеты, за окном темно, и вспомнил все разом: письмо отца с разрешением, и что вечор засыпал тревожно, тягуче и предчувственно-сладко, и что сегодня…

Он дернулся, встал, выхватил из-под подушки рубаху.

На печи, из которой мать достала чугунок, на полу, на полатях спали его бесчисленные братья и сестры, родные и двоюродные: Нюшка, Данька, Яшка, прозванный Суп-мурмын, что, по мнению сельских мальчишек, должно было означать татарское ругательство. Верка свернулась калачиком, а Филимон лежал враскидку, как настоящий мужик… Мать вынимала из чугунка картофелины с налипшим на кожуру снежным порошком соли; укладывала их на застиранный свой платок — рядом с полботинками, пятком яиц, огурцами, чтобы увязать все в аккуратный узел. Что-то пугало ее в Ванюше. Он одевался порывисто, несуразно — резкими толчками натягивал штаны. А глаза его продолжали постороннюю внутреннюю и, видно, пожизненную работу, еще не понятную самому ребенку; и это подневольное напряжение отемняло глаза; по-настоящему голубыми они становились только, когда смотрел он в небо.

— Господи, благослови, благослови, господь, — попросила мать икону над лампадой, а о чем просила, сама не знала; и это вдруг кольнуло сердце ее жалостью к сыну. — Ваня! — сказала она сердито. — Чего суетишься? — и выронила картофелину. Вззуаа…рр! — задребезжала заслонка.

Яшка Суп-мурмын поднялся, сомнамбулически улыбаясь, вышел на крыльцо, постоял не просыпаясь…

Бабушке хотелось село миновать засветло и задами; не часто из Позднякова уводили детей в город не в подмастерья, не на промысел — учиться; конечно, кому какое дело, да ведь люди-то разные, еще возьмет злыдня какая, да хоть та же Доценко-старуха, крикнет что-нибудь этакое, уязвит душу ребеночка, а она и так у него вся светится. И бабушка торопила всех, не позволяя задержаться даже для завтрака.

— Ничего, ничего, — ворчала она. — До омута дойдем, там и

посидим, и попьем, и поедим, и отдохнем. Давай.

По тону их с матерью разговора ясно было, что они уже успели повздорить. Ванюша вышел на крыльцо: дверь за собою Яша, конечно, забыл заслонить.

— Ваня! — застонала мать. — Куда он бегить, ну куда бегить, горе непоседливое! Присесть же надо!

Он вернулся в избу, теперь обдавшую его смрадом, и они сели втроем на скамью под печью. Ванюша смотрел в потолок, читал газетные заголовки, как любил это делать по утрам, проснувшись и лежа в постели. На стенах газеты уже ободрали, из пазов между бревен свисал почернелый мох, пахнувший чердаком.

Теша в то лето сильно обмелела. У ивы, по броду, вода едва покрывала подошвы, но была игольчато-холодна и освежила путников. Они поднялись на взгорье, остановились. Отсюда видна была Ока и вся деревня, все ее сорок изб, в иных уже курились трубы; церковь со свежевыкрашенным в бирюзовый цвет куполом и небольшим пожухшим крестом. Ванюше почудилось, будто из крайней хаты, из школы, вышел кто-то высокий, запахнутый в чиновничью шинель. Сперанский прощался с учеником. Солнце уже взошло, но его не видно было за серой пеленой, по которой ползла растянутая туча со свинцовыми вздутиями; оно угадывалось, потому что вода в Оке стала кирпичной и выпуклой.

— Бога помни! И родителей не забывай, — строго сказала бабушка.

В декабре 1937 года академик Иван Губкин, выступая перед избирателями, вспоминал: «Когда бабушка провожала меня, она просила: «Ваня, бога помни и родных не забывай». Мне казалось странным и непонятным, как я могу забыть бога и перестать в него верить, забыть свою бабушку. И что же? Бабушки своей я не забыл, чту ее память и поныне, но относительно бога — слова своего не сдержал».

Болтая, прошли они малинник (на ветках кой-где сохранились ягоды, похожие на капельки свернувшейся бычьей крови), прошли березовую рощу, где через каждые десять шагов попадались муравьиные пирамиды, и у каждой останавливались они, наблюдали работу насекомых.

— Вот, милый, как в старое время говорили: не по себе муравей ношу тащит, да никто ему спасиба не молвит, а пчела по искорке носит, да людям угождает.

— Ба, а почему крыша у муравейника острая?

Бабушка отвечала на Ванюшины «почему» не так, как должна была бы по своему уму и жизненному опыту, а как когда-то, когда она сама еще девочкой была, отвечала ей ее бабушка; и в этом

воспоминании детства состояло для нее особенное удовольствие общения с Ванюшей. И когда дошли до омута и присели и Ванюша спросил, почему омут зовут Страшным, бабушка рассказала поверье, которое от своей бабушки слышала; то была старинная муромская легенда о любви татарского воина и русской девушки, дочери священника. Татары обложили Муром, в нем укрылись жители окрестных сел; среди беженцев был священник с дочерью на выданье, а откуда он — то забыто, может, и нашенский, поздняковский батюшка. Наше-то Поздняково — у-у… древнее. Год минул, а муромцы бьются и на стены врага не пускают. И вспомнил батюшка, что зарыл в своей, в нашей, значит, поздняковской Церкви икону темную калужской богоматери особенной чудодейственной силы, и захотел благословить ею ратников, потому слабеть они стали на худых остатних хлебах. Дочь его вызвалась тайком пробраться в село, занятое татарами, и вырыть икону. Старику-то самому не дойти было.

Уж кончила девушка копать, икону тряпочкой обернула и к груди прижала — подняла голову: глядь, молодой татарин-лучник. Встала с колен, исхудалая, глазищи одни, красивая. — Смотрит гордо: убивай, мол, изверг, страха перед тобой нет. Воин полюбил ее с первого взгляда. И она им пленилась, у него было доброе лицо. И стали они украдкой от всех жить в церкви, по ночам он добывал провизию; и забыл он, нарушил свой воинский долг, а она, значит, духовный, религиозный. Кругом война, пожары, а они знать ничего не знают, все забыли… А потом нашли их. Повели его убивать. А она вырвалась, до Оки добежала, до этого самого места — и в омут…

Следующий привал был у трех сосен; от них спуск к реке крут — по белому песку. Бабушка и внучек из реки попили, держась на четвереньках, опять кой-чего пожевали; бабушка попросила:

— Вань! Я сосну. Далеко не ходи, ладно?

Легла на бочок, кулаки под щеку — и заснула.

Ванюша искупался. За ивняком, показалось ему, разговаривают женские голоса. Он оделся, поднялся по белому песку. Вдали уже виднелись-курчавились крыши Мурома. Пламенными язычками горели купола Воздвиженского монастыря.

Муром, если в него вступать по берегу, обманывает движением. Пристань шумна. Мокрое шлепанье босых подошв по мостовой, тугое дребезжание перекатываемых бочек, выкрики грузчиков. Пахнет бревнами, широкой водой и чем-то заморским, хотя импортные товары здесь редки. Сам же городок устойчиво, даже как-то усердно покоен. В нем много вековых лип,

таинственных тупичков и высоких оград. По площади катит тарантасик; каурая лошаденка плетется с таким видом, будто вконец разморена жарой; между тем довольно прохладно.

Бабушка скоро отыскала школу, и они вошли за ворота. На крыльце школы стоял невысокий человек с холеной бородкой, курил длинную папиросу, смотрел милостиво и пристрастно во двор, где гуляли мамаши с детьми, одетыми в костюмчики и причесанными так, как никогда и не видел Ванюша. Бабушка, оробевшая, должно быть, еще на улицах, обратилась к человеку на крыльце, и он выслушал ее милостиво и грустно.

— Вот… авось вспомните, господин инспектор… Здрась-те… Губкин Ваня из села…

— Помню, еще бы, как же. Поди, матушка, через дорогу серый дом Поляковых. С ними все договорено. Оставь мальчика, он будет там жить, и уходи скоро и без прощальных сцен.

Через полчаса бабушка уходила. Ваня побежал за ней на средину улицы. Он давно понял — не умом, а предчувствием, — что то в нем нечто, чему все завидовали и восхищались, отчуждает его от сверстников и близких и обрекает на незнакомую жизнь, непохожую на их жизнь. От дедов и от прадедов перешла к нему подсознательная уверенность, что в жизни надо много терпеть, что жизнь и терпение это вроде бы даже однословы. Терпеть труд от зари до зари, терпеть разлуки, голод, боль, вьюгу… Бабушка уходила не оглядываясь. Теша, родной двор, тощие куры, которые не хотят нестись. Это было утром, а теперь — далеко. Ванюше стало горько. Линия крыш над бабушкиной головой смыкалась в поле, открывая квадратные скобки неба. Ванюша стоял насупившись, русая челка падала ему на брови. Он был мужественным мальчиком и сдержал себя.

Глава 8

Автор оправдывает предыдущую главу. Муром: осень, зима, весна — так три раза. Походы графов Воронцова и Эристова, Академик Мушкетов о «завоевателе Кавказа для науки».

Коротки дороги землепашцев. На поле — домой. В физике такие направления обозначаются прямой линией со стрелками на концах в противоположные стороны.

Губкин-старший, бурлак, ходил далеко, до Астрахани. Возвращался долго. Линия длинная, а стрелки те же. Туда — обратно.

Ванюшина стрелка с одним концом: туда. Еще представится

случай нанести на карту маршруты; названий будет много; менялись средства передвижения; телеги, собственные ноги, плоты, поезда. А нынче мы у отправного пункта и у первого привала. Конечно, сам Ваня об этом не знает, ему кажется, он вернется домой. (Он и возвращался — на каникулы.) Птенец выпорхнул из гнезда. Еще не отросли крылья, сколько предстоит падать и грудь ушибать о каменья, пока отрастут крылья, и все увидят: орел!

Простите высокопарность. Не знать, что покидаешь родительский дом навсегда, — оно, может быть, легче. Не так щемит сердце. Своя судьба в сознании воспринимается нерасчлененным потоком дел, разлук, споров, горестей, удовольствий, размышлений. Биограф невольно препарирует исследуемую жизнь. Единый поток разносится на карточки и на полочки, появляются этапы. Захотелось постоять перед важным этапом после грустного дня. В сущности, предыдущая глава — остановка, хотя рассказывалось в ней о переходе Позднякова — Муром.

Конечно, никто посторонний в то утро в губкинской избе не присутствовал; стенографистка в те поры за Иваном Михайловичем еще не ходила, и мы лишены возможности проверить диалог у Страшного омута. Ту ли легенду напела бабушка, другую ли вовсе. Биограф в смущении: скреплять ли препарированные части воображением? Юрий Тынянов, много об этом предмете думавший, уверял, что «документ не отстраняет фантазии, он ее требует».

Но бабушка-то была, и расставание было, и были легенды! (Приведенная опубликована в газете «Муромский край», 1914.) Пройдет не так уж много времени, Губкин станет учителем; сам будет рассказывать сказки. Потом напишет много-много технических статей. Приведу образчик губкинской метафоры; согласитесь, такое не часто встретишь в научной литературе. Вот как заканчивается статья: автор пишет, что вопрос о геологическом строении Апшеронского полуострова «яснее и ближе виден со снеговых высот Шах-Дага, чем с горы Бог-Бога или со стороны Беюк-Шора». (Бог-Бога — невысокая гора, Беюк-Шор — озеро. Стоя на берегу озера или на холме, увидишь недалеко окрест. Надо взобраться на снежную вершину.)

Потом он будет читать лекции в созданном им институте, и лекции будут насыщены пословицами, народными словечками; с их помощью Губкин будет образно раскрывать суть сложных понятий. Всемирно известный геотектонист А.Д. Архангельский будет приходить на эти лекции со своими аспирантами и лаборантами. Легенды были, они запомнились, они

сформировали стиль.

Однако ухватимся за стрелку, она с одним острием: туда, вперед.

Потекли дни мальчика — плавно и напряженно. Освободившись от домашней и полевой работы, он страстно предался чтению; приготовление заданий немного отнимало у него времени. Засиживался у керосиновой лампы до серых мушек в глазах, так что к концу курса перестал различать нарисованное на классной доске, и смотритель отвел его к врачу. Кстати, о смотрителе С.И. Чухновском. Он много благодетельствовал Ванюше и впредь (в предыдущей главе изображен стоящим на крыльце с папиросой; бабушка ошибочно назвала его «инспектором»); он инспектировал выпускной экзамен в поздняковской школе и, приметив талантливого подростка, удосужился навестить родителей и уговорил их прислать мальчика к нему в уездное училище. И в дальнейшем он оказывал Ивану серьезные услуги.

Чухновский отвел мальчика к врачу, и тот прописал ношение очков.

С очками герой наш приобрел вполне городской вид. А то ведь из-за деревенского облика своего (и из-за деревенского говорка; язык муромского купечества и мещанства, хотя тоже с упором на «о», более близок московскому) он немало настрадался. «Но сильные деревенские кулаки и положение первого ученика, которое я занял в уездном училище и неизменно сохранял за все время обучения, внушили должное ко мне уважение. А помимо всего прочего к концу года мою поддевку заменили пальто, одели меня в пиджак, остригли по-городскому, так что и наружностью я перестал отличаться от других ребят».

Из мелких событий отметим примирение тетушки с племянником. В воображении родственников Ванюша уже стоял за прилавком или в конторе изящно отмерял костяшки на счетах; отец мечтал о месте приказчика на окском пароходстве. Приказчик! Ого-го! И родственники закладом почитали будущего богатея.

Тетушка с матушкою приезжали навещать.

По совету того же смотрителя Ванюша поселился у школьного сторожа (два рубля в месяц). «Сторожиха готовила мне простой сытный обед». Хозяин был старый николаевский солдат. Когда в подпитии шастал он по муромским закоулкам, мальчишки осаждали его: «Дядя Михайло! Расскажи про службу». Останавливался дядя, грудь колесил натужно, подбородок угловато склонял и угрюмой спешной хрипотцой, глаза закатывая под пучкастые брови, выпаливал замысловатую старинную

присягу. Впрочем, добрейший был человек. А жена его пекла чудесные пирожки с картошкой и жареным луком.

Тетушка с матушкой, приезжая, помогали сторожихе мыть полы и убирать училище.

Редко наведывался отец. Еще реже почему-то бабушка.

«Несмотря на то, что я жил в подвале, настроение у меня было самое бодрое».

Зимою Муром веселится. По Касимовской улице катание на санях. На Воеводской горе играют в снежную крепость. Пышные богослужения в Троицком женском монастыре. В почете торговые бани Тагуновых и крендельная А.И. Калинина (на ул. Московской). «Ежедневные приготовления муромских калачей и разного хлеба, тянучки, пирожного и всевозможных тортов на разные цены».

Все же к весне все надоедает. Ока разливается, и тогда от школы почитай до родительского очага можно добраться водой.

«Я чувствовал себя счастливым и мечтал о дальнейшем образовании».

В воде отражались черные ветки, золотые кресты, летящие облака.

С полой водой в город вступал простор.

Разве мы запоминаем счастливые годы?

И Губкин редко возвращался памятью к школьному порогу.

В статье «Моя молодость», из которой взяты вышеприведенные цитаты, главе «Уездное училище» отведены пятьдесят три строки.

Но вот цифровые начертания тех лет, 1885 — 1886-го, должны были потом попадаться ему часто, когда он занялся изучением Кавказа; ими помечены последние работы Абиха. И может быть, вглядываясь в цифры, ему представлялось, что как раз в те годы, когда он примерял первый в своей жизни пиджак и первую пару очков, в далекой Вене, в кресле на колесиках, влекомый тоже уже старой женой, день-деньской катался в просторном своем кабинете от шкапа к шкапу престарелый Абих, с ужасом и гордостью перебирая папки, тетради, образцы, рулоны карт… С ужасом, потому что понимал, что не успеет закончить свой геркулесов труд, и с гордостью потому, что делает и делал его всегда один.

Он и не успел, скончался в 86-м, 2 июля, в Герце.

Вдова продолжала выпускать в свет тома, посвященные геологии Кавказа, а в 1895 году издала «Письма кавказского путешественника». Они были написаны по-немецки.

Странная судьба была у этого русского ученого. Стоит рассказать о нем здесь, в этой главе, воспользовавшись

хронологической увязкой.

Ванюша сидит за партой. Училище — деревянное двухэтажное здание; клен во дворе — выше трубы; ветки заглядывают в окна. Когда Иван Михайлович достиг славы и успехов (условно: после 1912 года), об Абихе принято было вспоминать как о патриархе, с тусклым почтением. «Время Абиха» казалось далеким; такова частая иллюзия. Абиха не то чтобы недооценили — его недолюбили; возможно, он сам виноват. В разное время по-разному относились к трудам Абиха. В начале 50-х годов нашего столетия, то есть через восемьдесят почти лет после смерти его, вдруг модным стало критиковать взгляды «патриарха».

Сохранилась фотография Германа Вильгельмовича. Кто-то из современников назвал его красивым. По фото (анфас ¾) этого не скажешь. Крупны надбровные дуги, нос, подбородок, морщины; выражение тяжелое; что-то в лице есть эгоистическое, одержимое, сложное. Легко вообразить, скажем, походку этого человека: быструю, устремленную; он, наверное, никогда не поджидал отставших попутчиков; нетрудно вообразить, как он ел или разговаривал, — нельзя представить его юным.

Но юность, само собой разумеется, была; и юность была блестящей. В двадцать семь лет — профессор Дерптского университета (переименованного в 1895 году в Юрьевский; ныне — Тартуский). Совершает путешествие по Италии, изучает там вулканы — Этну, Стромболи, Везувий. Возвратясь, возглавляет геологическую кафедру. Дерптский университет — один из самых древних и знаменитых в Европе. Дерпт чист, благоустроен; река Эмбах режет его. На холмах Домберг и Шлоссберг — развалины средневековой крепости, епископского замка, вилл знатных горожан. Улицы городка вымощены пятнистыми гранодиоритовыми брусками, узки, темны, поэтичны, страшноваты. Много книжных лавок и типографий. Издается восемь газет. Покойны каменные стены домов; на них отпечаток культуры и старины. Хорошо думается в таком городе и хорошо работается. (Это я к тому, чтобы яснее стало, что на что поменял Герман Вильгельмович через четыре года.)

А через четыре года случилось страшное извержение Арарата; под потоками грязи и лавы погибли село Архури и монастырь св. Якова. Арарат — вулкан, к счастью бездействующий уже сто двадцать шесть лет. (В геологическом смысле — пустяк, мгновение; давайте привыкать к геологическим понятиям.)

Художник Мартирос Сарьян рисует Арарат всю жизнь. Очертания вершины не изменились; непрерывно меняется чарующая воздушная дымка, окутывающая ее. Прозрачность

воздуха удивительная; гора бывает видна за сто верст и больше. Армяне зовут ее Мазис, турки — Агри-Даг. Священная гора. Она поминается в библии. У подножий — рисовые и хлопковые плантации, выше — лиственные леса, еще выше — кустарники и альпийские луга. Кстати, смена форм растительности с высотой была впервые подмечена и описана здесь (Турнефором в начале XVIII века). По поверью, смертный не может взойти на вершину (непонятно только, на какую, их две: 5211 метров и 3960 метров). Действительно, долгое время это не удавалось. Первым поднялся русский академик Паррот с помощником Федоровым в 1829 году. За ними в 1835 году Спасский-Автономов. Третьим был Абих.

Герман Вильгельмович приехал в Тифлис 24 февраля 1844 года, намереваясь описанием последствий извержения дополнить свою монографию о вулканах. Спустя несколько месяцев ректор Дерптского университета получил немногословное письмо от своего профессора геологии. Оно содержало отказ от кафедры, от профессуры; Абих не испрашивал ни совета, ни средств. Одному — что ему делать в дикой стране?

«Он пользовался всяким случаем, чтобы проникнуть в малодоступные местности, часто следовал за русскими войсками и все более и более покорял Кавказ для науки, пока не завоевал его окончательно». (Из отзыва о деятельности Абиха, подписанного академиком Ив. В. Мушкетовым и Ф.В. Шмидтом.)

25 марта 1845 года граф Михаил Семенович Воронцов двинул походом на аул Дарго, резиденцию Шамиля. Путь лежал через непроходимые Ичкерийские леса. В арьергарде, сопровождаемый вестовым, ехал Абих. Он собирал минералы, описывал обнажения под свист пуль — не в фигуральном, а в самом натуральном смысле. За поход, правда не достигший поставленной цели, граф был произведен в княжеское достоинство; Абих же не получил ничего.

Но что хотел он получить? Перед ним возвышались непонятные хребты. Ни один человек не знал даже направления их. Очаровательные долины стлались перед ним. Что в их недрах? Громадная тайная страна, раздираемая несчастной войной, начавшейся еще в екатерининские времена. Узел хищных устремлений России, Турции, Персии, Англии. Он хотел познать и понять все в этой стране; задача невыполнимая и священная. Он был один.

Абих изучает развалины древних поселений, зарисовывает храмы и надписи на стенах; ему принадлежит инструментальный план городища Ани на реке Арпачае. (Археологические статьи свои он отсылал в Петербург, где академик Броссе с восторгом их обнародовал.)

Из Имеретии (сохраняю принятые в то время наименования) через Ахалцых, Александрополь, Каре путешествует Абих в Арзрум; открывает залежи каменного угля и марганца (разрабатываются до сих пор). Наконец добирается до западного берега Каспийского моря. Потом он возвращался сюда не раз; нам особенно важны его исследования здесь; на них опирались Д.В. Голубятников, Н.И. Ушейкин, М.В. Абрамович и наш Губкин. В пыльном городе Баку Герман Вильгельмович нанял пролетку и попросил отвезти его в селение Сура-Ханэ. Дорога была камениста, извилиста; только к вечеру вдали заголубели трепетным дрожанием огоньки храма зороастринцев; место паломничества огнепоклонников всего света. К четырем куполам его были подведены по глиняным трубкам бьющие из-под земли струи горящего газа. Они зажжены были несколько веков назад. Небывалая, пугающая картина! Вокруг голубых колонн огня извивались в пляске обнаженные фигуры молящихся. Некоторые из них проводили на крыше храма всю жизнь, питаясь подаянием, никогда не умываясь.

Абих первый догадался о связи горючего газа с нефтяными залежами. О древности нефтяных разработок в Баку сообщалось, как, вероятно, помнит читатель, в главе второй. Но до Абиха ничего не знали о залегании нефти; ее просто черпали бурдюками в тех местах, где она выливалась на поверхности. Абих заметил наклонность нефти скапливаться в породах особой структурной формы — антиклиналях. Это было замечательное открытие. Абихом высказаны глубокие мысли о генезисе месторождений. Он не был палеонтологом, стратиграфом или нефтяником — в современном понимании терминов. Тем более поразительна многоохватность, или, как сейчас говорят, комплексность его анализа. Он был вулканологом; и однажды ему пришлось наблюдать вулканическую деятельность на Каспии; только вулкан был ни на что не похожий: так называемый грязевой. Абих установил его связь с нефтеносностью. Впоследствии Губкин блестяще доказал полезность этого вывода.

Триалетские горы, воды Карталинии, Колхидская низменность… Ольховые заросли меж Курою и Араксом… Постепенно проясняется сложная орогения (сочленения хребтов) Дагестана. 1849 год Абих проводит на Главном Кавказском хребте. Картирует сначала южные, едва доступные, населенные враждебными племенами склоны, затем переходит в Осетию.

Затевается новый военный поход — на этот раз под руководством князя Эристова. Абих в войсках. Пересекает Главный хребет западнее меридиана Эльбруса; достигает Цебельды, карабкается на Бештау. Пятигорск. Описания целебных

пятигорских источников сохраняют до сих пор значение и свежесть. Эльбрус. Ледники в верховьях Риона, Малки, Кубани, Ингура, Баксана… А ведь Абих опять же не был ни гидрогеологом, ни гляциологом.

Петербургская академия время от времени получает увесистые пакеты от добровольного корреспондента. Его смелость и эрудиция восхищают, но каким ужасным языком написаны статьи! Видно, автор совсем не озабочен слогом, ему бы только поболе втиснуть в текст фактов и мыслей. В 1853 году академия избирает его своим почетным членом. Он вынужден явиться в столицу для чтения лекций.

И вот он впервые в столице. Ему устраивают торжественную встречу. Вот он каков… Ему уже за сорок пять. Худ, нервен, молчалив. Все куда-то торопится… Геологи толпились в квартире Германа Вильгельмовича, любовались коллекцией камней, рассматривали карты, диаграммы.

Лекции же, по-видимому, не удались. Герман Вильгельмович заскучал. Он вновь уезжает на Кавказ, в горы, ставшие родными. Вдогонку скачет почтальон. Он везет два письма Абиху. Содержание первого довольно приятно. Друзья добились «оформления» на работу: специально для Абиха выдумана должность чиновника особых поручений для геологических изысканий при кавказском наместнике. Друзьям казалось, что тем самым они оградили ученого от прихоти военачальников. Вышло по-другому. Наместник изощрялся в заданиях и командировках для «своего» чиновника. Так, он заставил его провести несколько месяцев у тифлисских минеральных ключей: мерять их температуру. Наместник обожал натуральные ванны. Правда, одно поручение пришлось кстати — для нашего повествования. В 1866 году Абих был отправлен на Кубань, к берегам реки Кудако, где впервые была пробурена нефтяная скважина. Бурили ее вслепую выписанные из-за границы техники (менаджером выступал некто Новосильцев — подробнее об этом в следующей главе), и если бы не Абих, научная ценность первой российской скважины была бы ничтожной.

…Содержание второго письма было ужасно. На петербургской квартире случился пожар, и от огня, воды и суматохи погибла бесценная коллекция. В книге «Письма кавказского путешественника» вдова Абих приводит отчаянные, порой неистовые и ругательные записи в дневнике ученого; ему виделся злой умысел, происки завистников. Пересказывать не к чему; состояние Германа Вильгельмовича понятно. В сущности, во многом приходилось начинать сначала. Геологу коллекция не память, а фундамент обобщений.

Сванетия…

Лечкум…

Абастуман…

Время отмерялось не годами, а исписанными пикетажными книжками, потому что на титульном листе стояли две даты: начата… кончена…

Абастуман…

Биби-Эйбат…

Слабели ноги, и, вероятно, портился характер. Разругался с издателями. И когда накатила последняя пора «камералить», он выбрал Вену и стал писать книги на немецком языке.

Мушкетов и Шмидт так закончили отзыв: «…Абих своею неутомимою и добросовестною деятельностью почти целой жизни оказал громадную услугу науке и нашему отечеству».

11 ноября 1964 года газета «Бакинский рабочий» опубликовала статью «Нефтяной исполин Азербайджана». Автор ее, научный работник З. Кравчинский, предлагает поставить памятник… продуктивной толще. Это мощная пачка пород, насыщенных «черным золотом». Из нее добыто без малого миллиард тонн нефти (1/22 всей мировой добычи), составившей славу и гордость Азербайджана. Оригинальная мысль, Надо полагать, она увлечет скульпторов и архитекторов.

Но все ли герои почтены?

Пора бы простить Абиху его нелюдимость.

Задержимся у решеток его памяти.

Глава 9

Полковники и нефть. Купец Сидоров. Оградка на берегу Ухты. Ваня, первый парень на деревне, уже знакомой читателю.

В ту далекую, глухую, тревожную пору совсем не умели обмазывать цементом стенки скважин, и от этого они осыпались. Абих уверял, что это портит залежь. В связи с этим он отрицательно относился к бурению на нефть. Ошибочная точка зрения. Абиху попадало за нее от промысловиков — на страницах технических журналов (и долго еще после смерти), у каждого свои странности, у каждого ученого свои необъяснимые заблуждения. Но, конечно, никому не могло прийти в голову усомниться в высокой учености Германа Вильгельмовича, она бросалась в глаза. Науку ведут вперед образованные люди, мы это затверживаем на школьной скамье… Однако обойдем ли молчанием любителей? В истории всякой науки и всякого

технического дела им принадлежит немалая доля успехов и хлопот.

Если ученым помогает добиваться успеха ученость, то дилетантам, как раз наоборот, необразованность, матерь самоуверенности. «Скажите, как делаются открытия?» — спросили великого физика Альберта Эйнштейна. «Очень просто. Все знают, что это невозможно. Но появляется молодой человек, который этого не знает…»

Конечно же, не обошлось без напористых любителей и в нефтяном деле. Особенно везло почему-то на первых порах отставным полковникам. Да. Пока знатоки спорили, вредно или нет бурить скважины, полковники их (то есть скважины) закладывали. Эдвин Дрейк в 1858 году купил в Пенсильвании двадцать пять акров земли, пригласил некоего Билля с двумя сыновьями, и совместными усилиями они пробурили скважину, давшую нефтяной фонтан и вошедшую в учебники под названием «Первая скважина полковника Дрейка». Откровенно говоря, полковником Дрейка можно величать с большой долей условности. Вообще-то он был кондуктором на железнодорожной линии Нью-Йорк — Нью-Гавен, но, если вы спросите американца, кто у них считается пионером нефтяной разведки, он ответит без колебаний: «Полковник Дрейк». Так уж повелось.

Что касается А. Новосильцева, тут сомнений никаких: он служил уланом и вышел в отставку в чине полковника. Каким-то образом в его распоряжении оказались двести тысяч рублей (надо полагать, получил наследство), и он возгорелся желанием истратить их с выгодой. Выписал из Германии специалистов, доставил их к берегам речушки Кудако, на Кубани, и они укрепили там бурильный станок. Провозившись два года, они добились своего.

Приходится констатировать, что оба полковника, начинавшие так бойко, в конечном счете разорились. Дрейк ослеп и кончил жизнь в приюте. Все же они вошли в историю нефтяного дела, хотя мечтали, кажется, только разбогатеть.

Вспоминая дилетантов в нефтяном деле, как обойти молчанием Михаила Сидорова, смелого и буйного сибирского бизнесмена? Невозможно перечислить все связанные с этим именем приключения, кутежи, драки, судебные процессы и торговые сделки. Куролесить Миша начал еще в гимназии, из которой был исключен за кулачную схватку с учителем. Папаша, архангельский купец, вымолил разрешение на экзамен экстерном, и его наследник получил диплом с правом домашнего преподавания. Диплом сей ни разу ему не пригодился, зато нередко мешал, потому что конкуренты апеллировали к

правосудию, мотивируя тем, что право на домашнее преподавание, оговоренное в дипломе, не дает права на промысел. Юный делец не очень разбирался во всех этих тонкостях и двадцати двух лет от роду вынужден был бежать в тайгу от губернаторского гнева за организацию частного банка с каким-то смутным направлением. Вскоре из тайги посыпались во все инстанции жалобы от золотопромышленников на невесть откуда взявшегося соперника, запутавшего их лукавыми махинациями и скорого на размашистую длань. Им удалось от него избавиться, но увез он с собой порядочную толику золотого песка.

Все это было бы нам неинтересно, если бы, разбогатев, Сидоров не проявил деловитость и заботу о процветании северного края. В 1862 году он обратился к правительству с предложением отправить на свой счет на собственных судах большую экспедицию из устья Печоры на Новую Землю. Он соглашался в течение десяти (!) лет содержать на свой счет эту экспедицию и внес тысячу рублей в качестве премии любому автору, который даст описание Новой Земли (между прочим, такую работу — «Новая Земля в географическом, естественноисторическом и промышленном отношениях» — написали в 1866 году Ф.П. Литке, Гельмерсен и др.; геологическая часть этой работы выполнена Гельмерсеном неудовлетворительно и неполно).

В 1864 году лесничий Гладышев, объезжая свой участок по реке Ухте, что впадает в Ижму, обнаружил на траве странные натеки маслянистого вещества. Об этом узнал Сидоров и тут же подал заявку на три участка по одной квадратной версте. Через несколько лет (царские чиновники не торопились) разрешение было получено, и Сидоров послал агента «в центр» за оборудованием. Несколько месяцев ушло на то, чтобы пробурить скважину глубиной пятьдесят два метра; сейчас это двухчасовая работа. На пятьдесят третьем метре сломался бур. Дыра в земле постепенно заполнилась нефтью. Выкачали тысячу пудов. Хозяин запечатал несколько бутылок и отправил их в Петербург; там готовилась какая-то промышленная выставка.

Через четырнадцать лет Сидоров повторил попытку открыть месторождение — тоже без большого успеха.

За годы Советской власти здесь разведана целая нефтегазоносная провинция, известная год названием Тимано-Печорской. Пробурены тысячи скважин. Но первая северная скважина — «Сидоровская» — сохранилась; устье ее огорожено штакетником. Андрей Яковлевич Креме, искатель тундровой нефти, опубликовал ее фотографию в своих очерках; он пишет,

что Сидорова помнят геологи.

Но что поделывает отпрыск никому пока еще особенно не известной фамилии? Мы оставили его четыре года назад. Да! Минуло четыре года.

Мы оставили нашего героя (в главе восьмой) сидящим за партой у окна, в которое заглядывает ветка клена, на втором этаже деревянного здания училища. Когда дует ветер, ветка стучит в стекло. Четырежды сбрасывала ветка листья и. четырежды выдавливала из сочного своего нутра свежую зеленую поросль; качались на ней сережки и манили вдаль, как та пылинка на блоковском «ноже карманном», что кутает мир в цветной туман. Четырежды просыхала тропа после разлива Оки, и наш герой шагал по ней в родное Позднякове на каникулы.

Да, просим учесть, что возвращался он не с пустыми руками: в котомке лежали любимые бабушкины сушки из крендельной А.И. Калинина (на ул. Московской) и разные сладости для братьев и сестер и бутылочка «шустовки» для. сердитой тетки. Потому что слух о талантливом ученике распространился по Мурому и купеческие мамаши наперебой зазывали его репетировать своих купеческих детишек. Конечно, не за одно спасибо. И Ванюша не только сам оплачивал свое содержание и учебу, но и выкраивал, как видим, кое-что на подарки.

И вот, когда в четвертый раз собирался он в деревню, он сложил в котомку все свои пожитки. Он обошел напоследок двор, на котором когда-то впервые увидел будущих однокашников и втайне поразился невиданным их прическам. Кое с кем пришлось потом подраться, отстаивая право на равенство. Теперь он и сам пострижен не хуже. Не в том дело. Ему шестнадцать лет. Исчезла несколько нервозная самоуглубленность, внезапный разброс жестов, пугавший собеседников. В очертаниях губ, в лепке подбородка появилось выражение скрытой сосредоточенности и упрямства. Он вырос, пиджак уж тесноват ему; из наружного кармана торчит расческа. В шестнадцать лет запоминаешь, когда женщины хвалят твои волосы. Он опьянен жаждой, познавать, удивляться и запоминать. Ему кажется, он ведает, чего хочет. Чего? Слабое ощущение ограниченности и неизбежности выбора уже проникло в его сознание, предвещая в будущем душевный кризис.

Нимало сим не обеспокоясь, герой наш вышагивает по тропе, и котомка за спиной похлопывает в такт шагам по правой лопатке, словно подбадривая и подгоняя: «Вперед, сударь! Ваша стрелка с одним острием!»

Глава 10

Уложение 1828 года. Глухая семинарская стена. Два новых понятия: «либерализм» и «распорядок дня».

Заглянем в словарь Даля. «Сословие, люди общего им занятия, одних прав; звание, состояние, разряд, каста. Сословие селян, мещан, купцов, дворян. Сословие ремесленников… Податные сословия».

В слаженном бюрократическом механизме Российской империи каждому сословию предписан был круг деятельности и интересов; круги эти, возносясь друг над другом, суживались и увенчивались коронованной макушкой, образуя изящную пирамиду. Не будем разбирать свойства этой геометрической фигуры, обклеенной снаружи для прочности указами, приказами, циркулярами и распоряжениями. Назовем лишь один документ; герой наш в данный момент и понятия не имеет о его существовании, но именно он отравлял — слегка — безоблачное настроение, в котором пребывал Ванюша, шагая по росистой тропе.

Уложение об образовательных правах, принятое в 1828 году, в расцвет крепостничества, закрепляло законодательным порядком социальный, кастовый характер образования в России. Иван Михайлович Губкин родился через десять лет после отмены крепостного рабства, но Уложение 1828 года оставалось в силе. Опять же всех аспектов канцелярского шедевра касаться не будем, но о сынах «селянского сословия» там предуказывалось следующее: они не имели права поступить после окончания уездного училища ни в одно учебное заведение, кроме семинарии — духовной или учительской. Закончив духовную семинарию, они должны были вернуться в село, облаченные в рясу; закончив учительскую семинарию, они должны были идти преподавать в сельской школе. И все! Таким должен был быть «потолок» образования крестьянского сына.

Мы сказали в предыдущей главе, что Ванюшу смутно тревожила «неизбежность выбора». Выбор — не то слово. Духовная семинария отпадала сразу и начисто, никакой симпатии к ней будущий нефтяник не питал. Оставалась учительская.

«На этот раз и отец был против дальнейшего продолжения учения. «Будет, выучился, — говорил он. — Поступай в конторщики или становись за прилавок. Тебе уже шестнадцать лет, пора отцу помогать». Остальные члены семьи тоже не понимали моих устремлений, и я очутился в полном одиночестве».

Стоит подчеркнуть: в одиночестве. Таланты расцветают в содружестве, пустота и ветер сушат дарования, а сила характера

проявляется в одиночестве и крепнет в одиночестве. Раньше Ванюшу поддерживала бабушка, но, видно, и ее представления об учености дальше «неполной средней» не простирались. Учиться дальше было уже проявлением гордыни, непослушания, себялюбства. Ирония тут непозволительна; крестьянская семья в самом деле не могла так вот, за здорово живешь, отпустить на сторону пару умелых рук.

Иван Михайлович пишет безлико: «остальные члены семьи».

Он не жаловался. Кому он мог пожаловаться? Он стиснул кулаки и сказал всем: «Нет!» Следует предположить, что он не умел толком объяснить, почему он хочет учиться, почему он хочет этого больше всего на свете; потом он часто писал об этом в письмах; всю жизнь; даже в старческом возрасте. Мало того. Письма дело интимное, они располагают к откровенности, но вот предвыборная речь, произнесенная в 1937 году и опубликованная во всех центральных газетах под заголовком «Доверие народа — высшая награда». Речь официальная, можно сказать, официозная — и чуть ли не половину ее Иван Михайлович посвящает обстоятельствам учебы своей! Почти скороговоркой рассказывает об открытии Курской магнитной аномалии и подробно о двоюродном брате Алеше Наумове, очень способном мальчике, из-за бедности вынужденном бросить школу. Как въелась обида-то! Алешка сдался, за что, конечно, винить его нельзя. Ваня учился не робеть одиночества, не робеть хулы — в самом начале долгого пути к себе.

Это пригодилось, кстати, и при открытии Курской магнитной аномалии.

Покончив с некоторыми частностями и эмоциями, предшествовавшими поступлению нашего героя в новое учебное заведение, перенесемся вместе с ним в Киржачскую учительскую семинарию. В видах экономии места предоставляем самому читателю вообразить впечатление, произведенное на угнетенного и преисполненного наилучших надежд юношу первой в жизни поездкой по железной дороге (она тогда доходила до г. Покрова; оттуда до Киржача — верст тридцать — приходилось добираться на попутных мужичьих телегах).

Смело можем опустить также и описание захолустного городка Киржача, его немощеных улиц и двух мест постоянного массового скопления киржачан: текстильной фабрики и кабака. Семинаристы в городе почти не бывали, они жили в удалении от него на два с половиной километра (обветшавшие семинарские корпуса до сих пор стоят, чего, к сожалению, не скажешь о великолепном — эпитет самого Губкина! — сосновом боре вокруг: он сильно и необратимо поредел).

Нет, что ни говорите, Ивану Михайловичу везло! До двадцатичетырехлетнего возраста он не знавал, счастливчик, ни бульканья паровых станков, шипенья ременных передач, ни канцерогенных выдыханий заводских труб, ни сладкого стрекота городских канцелярий, он жил, что называется, на лоне природы! Он дышал острейшим воздухом Мещеры, любовался нежнейшими пейзажами равнины, способными привить впечатлительной юношеской душе, а именно такой и называл свою душу Иван Михайлович, философическую стойкость и беспримерное терпение при неудачах. Он окунал тело свое, в то время жадно набиравшее сил и росту, в свежайшие водные струи, еще ни разу не замутненные семицветной нефтяной пленкой.

Вот и сейчас… Киржач-река — одна ведь из красивейших рек на Московской возвышенности (левый приток Клязьмы. Современные туристы доезжают до станции Орехово, откуда до устья восемь километров). Берега высокие, обрывистые, местами напоминают таежные; свисают ветки деревьев; затонувшие стволы образуют запруды… Дубовые рощи, пойменные луга с редким кустарником и пляжи… Глубокие овраги, заросшие бузиной, ивняком, шиповником…

К Киржач-реке ниспадал семинарский двор, окруженный упомянутым великолепным, ныне почти исчезнувшим сосновым бором, от которого отделялся он высоким частоколом — с неплохими звукоизоляционными свойствами: в семинарии должно было быть тихо. Семинария должна была, если угодно, олицетворять тишину, хранить частицу великой имперской тишины, консервировать ее в душах воспитанников, дабы, возвратясь в народ, они передавали ему, внушали благоговейное отношение к тишине, порядку. Время не имело права просачиваться сквозь высокий забор; программа по литературе обрывалась на Пушкине; Тургенев был запрещен. Да и Пушкин, обкорнанный и урезанный, выглядел вполне любителем тишины и дворцовых залов.

(В реконструкции семинарского быта много помог нам академик Иван Фомич Свадковский, крупнейший педагог, сам в прошлом выпускник семинарии. Работы Свадковского широко известны специалистам; переводятся за рубежом; а одну его книгу прочли миллионы советских людей; правильнее оказать, не только прочли, а научились по ней читать. Это букварь. Их уж немного в живых осталось, выпускников учительских семинарий, архаического, странноватого заведения… Выражаем Ивану Фомичу живейшую благодарность.)

В гидрогеологии классическим считается пример набухания пласта с высокой способностью поглощения — от маломощного

водного горизонта. Слабый родничок, «подпитывающий» пласт, может вытеснить из него нефть. Послушаем Губкина: «Поступил я в семинарию тихим, скромным, религиозным юношей… Встречи с новыми людьми, с новыми понятиями… содействовали тому, что я усвоил идеи, противоположные тем, которые во мне воспитывали». Заявление это, кажется, противоречит нашему представлению о семинарии? Но, видно, была малюсенькая течь в многопудовом заборе, а крестьянские дети, собравшиеся, чтобы научиться учить крестьянских детей, обладали, как тот пласт, — да простится нам сравнение с неодушевленным предметом — высокой степенью насыщения.

«Рядом, в ста километрах от нас, была Москва, и то новое, что было в общественной жизни, сведения о политических событиях просачивались в семинарию. Мы жили не только в замкнутом кругу своих интересов, но и интересами более широкими».

Рядом Москва… А в заборе не только метафорическая течь, но и реальная и тщательно замаскированная дыра. Через нее убегали семинаристы в лес после обеда (после обеда следовало единственное двухчасовое «окно» в строгом распорядке дня). «За это нас наказывали, сбавляли отметки по поведению. На этой почве у нас происходило много кронфлинтов». Убегал и Ванюша…

Возвращаться необходимо было в шесть сорок пять и в семь сидеть в классе — входил наставник, зажигал коптилки, прикрепленные к партам. «Ну-с, дети, что задали вам днем?» — и садился на стул дремать. Можно было разбудить его, проконсультироваться, но редко прибегали к этому ученики. Коптилка едва слышно шипела, пузырек пламени мелко прогибался, чадил, с потолка и из окон смотрела, наваливалась темнота. Темнота за окнами притягивала и страшила. Благословенные часы, никогда уж потом так сладко не читалось! Ванюша обкладывал тетрадками книжку, чтобы наставник, если проснется, не заметил, и… Майн Рид… Всадник без головы… Жюль Верн… Капитан Гаттерас… На втором курсе учитель Бедринский стал подсовывать запретное. Гончаров: «Обломов», «Обрыв», Толстой: «Анна Каренина», «Война и мир», Достоевский, Лесков, Боборыкин… Не дай бог попасться с такими книгами, ибо учил еще в свое время министр просвещения Шишков: «Лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием сочинители ум изощряют… Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином». А директор семинарии Никанор Дмитриевич (фамилию его, между прочим, разузнать не удалось, а имя-

отчество сохранилось в записках Губкина, хотя и недобрым словом помянутое) — Никанор Дмитриевич портить земледельческих сынов не хотел. Ибо сказано в приказе, чтобы каждый, «не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем ему суждено оставаться». Потому что крестьянские дети «прилежнейшие по успехам приучаются к роду жизни, к образу мысли и понятиям, не соответствующим их состоянию; неизбежные тягости иного для них становятся несносны и оттого они в унынии предаются пагубным мечтаниям и низким страстям».

Ох! — от этих цитат деревенеют губы. Боюсь, что даже Никанор Дмитриевич ощущал спазматическую неловкость в органах речи, когда читал эти высокопоучительные документы в училищном совете, подозревая некоторую часть — небольшую, конечно, — своих подчиненных в уклонении от свыше начертанной линии. «Бедринский, прислушайтесь… Святейший синод ниспосылает…»

Коптилка начинала шипеть ядовитее… Без пяти девять дежурный наставник открывал глаза, вытягивал судорожно ноги, зевал… в семинарии все настолько привыкали к неизменному распорядку дня, что знали ход времени, чувствовали ход времени без специальных механизмов, и если надо было появиться во дворе в шесть сорок пять — ни минутой позже, — то именно в это время Ванюша и приходил из леса. Ставши взрослым, он хвастал: «Я всегда знаю, где солнышко, и в непогоду и ночью, меня в семинарии обучили».

В девять — ужин (чай, хлеб, кусок сахара), в девять двадцать — молитва, в десять — отбой. Молитва в церкви. На отбой брели в спальные корпуса. «Мы жили в спальных корпусах. Это были огромные комнаты с некрашеными полами и грязными стенками. В каждой комнате в два ряда стояли железные кровати, разделенные деревянными тумбочками. В матрацах было такое обилие насекомых, что нервным и впечатлительным людям, как я, эти насекомые снились через много лет». Нервным и впечатлительным — как я! И через много лет! Разрешите заострить ваше внимание на этих словах, на этом удивительном в устах Губкина (и единственном) признании. Дело в том, что уже тогда определилась внешняя сторона поведения Губкина, которой он держался всю жизнь: он скрупулезно скрывал всякое выражение душевной боли. Спокойствие, самодисциплина, некоторая агрессивность — вот черты характера, казавшиеся ему похвальными, и он всем казался спокойным, дисциплинированным и азартно-терпеливым. Недаром его на втором году обучения выбрали артельным старостой —

ответственная общественная должность. Семинаристы получали стипендию — 6 рублей 67 копеек, но не тратили ее индивидуально, а сдавали старосте, тот покупал провизию, выдавал ее поварам, составлял с ними меню, проверял закладку в котел (выражаясь армейским лексиконом), ревизовал кладовую и т. д. Староста же, конечно, держал ответ перед администрацией за всякие ЧП.

Нет, Губкин впоследствии никому никогда не казался нервным — единодушное мнение всех встречавшихся с ним; могучая сосредоточенность — вот прекрасное определение его обычного состояния, неутомимая жажда труда… а поди ж ты, некие насекомые снились всю жизнь! Мальчик рос в бедняцкой семье и к физическим неудобствам, лишениям был привычен, но душа его не огрубела; запрятанная и запрещенная ранимость ее не была, да и не могла быть одолена. Мне представляется логичным сопоставить это хрупкое свойство души нашего героя с некоторым честолюбием, также не чуждым его богатой и одаренной натуре; в совокупности эти качества не позволяли ему коснеть в достигнутом, что в определенный период его жизни сыграло исключительно благоприятную роль.

В этой же связи хочется поговорить и еще об одном аспекте его личности. В семинарии изучали следующие предметы: закон божий, педагогику, русский и церковнославянский языки, геометрию, землемерие, русскую историю, географию, черчение, естествоведение, чистописание, пение, сельское хозяйство.! Ни к одному из них Ванюша особой склонности не питал; интерес к естественным наукам проснулся позже. Однако он не позволял себе роскоши иметь нелюбимые предметы и благодаря щедрой природной памяти и прилежанию блестяще успевал по всем. В ужасное (и триумфальное для него!) лето 1903 года он — тридцатидвухлетний, усталый, обремененный семьей — выдержал сначала экзамены за гимназический курс, потом вступительные в Горный институт и одновременно (на всякий случай!) сдал еще и в Электротехнический, хотя характер его таланта тогда вполне уже определился. Можно подумать, что, «запирая» известные интимные черты своей натуры, он стыдливо глушил и самые сильные ее наклонности.

Глава 11

Гимнастика по утрам. Семь ложек, миска одна. Внуки народников. Течь, насыщающая пласт. Книги как единицы измерения. Артельный староста.

Обитель тишины, в которой даже звонарь остерегался в будни посильнее дернуть канат (он же, звонарь, и о переменах оповещал: медленно шел по коридору с увесистым колоколом в опущенной руке и чуть подергивал его, невидно и редко — звук отлетал тяжелый, одинокий), — обитель тишины в половине седьмого утра сотрясалась от топота, визга, ругани, хлопанья дверьми. Можно было опоздать на урок, в худшем случае оставляли без обеда; можно было опоздать к обеду, скорее всего никто бы и не заметил; но нельзя было опоздать к заутрене — могли выгнать. И поэтому, едва продрав глаза, бросались к валенкам, сапогам, ботинкам, а в теплую погоду бежали босиком или в галошах — вниз по лестнице, мимо просторной умывальни, обдававшей щелочным запахом мыльных разводов, сыростью гнилых досок и желтых окурков, тайком брошенных, — через двор, к церкви, у дверей которой стоял Никанор Дмитриевич, сложив на животе руки, глядя в небо и боковым зрением пересчитывая входящих.

Четыре здания было в семинарском дворе. Классные комнаты (в два этажа) примыкали к церкви; соседство суровой, надменной, щемяще-гулкой пустоты храма всегда подспудно ощущалось сидящими в классах; голос учителя словно проникал сквозь стены класса и расширялся и опадал в той, соседней пустоте. Рядом с главным корпусом двухклассная образцовая школа (заведующий Бедринский Константин Степанович), слева от нее, если стоять спиной к Киржачу, квартиры наставников и директора; в углу двора конюшня (Никанор Дмитриевич на казенный счет имел выезд); к спальному корпусу примыкала столовая (к обеду потому опоздать можно было, не вызывая особенного внимания или сочувствия, что ни тарелок, ни вилок не полагалось: большая миска на пять-семь едоков, в нее наливали суп, потом наваливали кашу; мелькали ложки — и чаще других та, которую держали покрепче да понахальнее. «Получалось так, — грустно комментировал Губкин через много лет, — кто смел, тот и съел, а кто немножко посовестливее, тому ничего не хватало»).

Летом довольствие сохранялось, и многие семинаристы предпочитали оставаться в общежитии, не уезжать домой. Работали в огороде (весной и осенью это было для всех обязательным, овощами всю зиму кормились). Лето особая пора: приезжали на каникулы сыновья, дочери преподавателей, студенты из Москвы, Петербурга — с друзьями, подругами. Как отличались они от окружающих! Утрами на речке, вечерами под многопудовым забором текли разговоры ленивые, веселые; и в опустелый двор врывалось Время неведомой ранее стороной, сдержанное дыхание далеких аудиторий, звон приборов в

лабораториях, дерзкие пьянящие стихи. Мир поеживался от нетерпения, от нахлынувшей и предчувствуемой силы. Пухли города; уже изобрел Х. Максим скорострельный пулемет, а швед Г. Лавалъ одноступенчатую паровую турбину, Р. Кох увидел в микроскопе возбудителя туберкулеза, И.И. Мечников опубликовал теорию иммунитета. Мир спорил, ждал. Последняя четверть девятнадцатого столетия! Что-то ломалось, выпирало, и казались ясны препятствия. Уже прогремела морозовская стачка. К. Венц и Г. Даймлер собирали автомобиль! Скоро понадобятся шоссе и миллионы галлонов бензина. Некто Джон Рокфеллер, искусно интригуя, стравил три компании и разорил их. Рождались новые слова: монополия, синдикат, картель.

По ночам любили студенты зажигать в лесу костер и петь; в багровых, мятущихся отсветах они еще больше походили на первых народников: та же твердая и томительная чистота во взоре. Да они и были идейными внуками народников, если их отцов считать прямыми наследниками (зараженность народничеством деятелей крестьянского образования — факт общеизвестный; в отношении семинарий его подтвердил И.Ф. Свадковский). Народники к тому времени рассыпались в народе, иные отскочили от него, озлобились; раннею весною шесть лет назад они убили Александра II. Народники взбили пыль на проселочных тропах, пыль разнеслась ветром, осела у подножий холмов. Это была плодоносная пыль, но ее слишком было мало, чтобы скопиться плодородному почвенному пласту — лессу.

В семинарии средоточием если не кружка, то круга народнически настроенных преподавателей был К.С. Бедринский, заведующий образцовой двухклассной школой (интересно, что сам в прошлом кончил эту же семинарию). В школе учились малыши из Киржача и села Мальцева, но штатных учителей не было, уроки вели семинаристы: своеобразная форма совмещения теоретической и практической подготовки, возможно, полезная для практикующихся, но сомнительно, чтобы малыши получали большую от нее выгоду… Взбежав по ступенькам крыльца, перемахнув через порог школы, практиканты как бы переносились в свой завтрашний день, учились ходить медленно и обремененно и откликаться на собственное имя-отчество. «Иван Михайлович, чего Петька толкается…»

Бог мой, давно ли сам-то «Михайлович» сидел вот за такой же низенькой и тяжелой партой, и Николай Флегмонтович Сперанский, широко и диковато разводя руками, выпевал: «А-зз… бу-уки-и… ве-еди… глаго-оль…», а Ванечка в толк не мог взять, как это из букв, у которых к тому же такие длинные названия, из букв, нет, из черточек, из палочек, если их слепить, рождается,

нет, вырывается, вылетает слово. А теперь сам он ходит между партами, русые головки поворачиваются ему вслед, и он их посвящает в эту самую первую и, может быть, самую великую тайну человеческой мудрости.

Однако это потом, осенью, зимой… Когда ты молод, и днем тебя не ждут никакие дела, то выпадают на исходе лета особенные рассветы; полупроснувшись и легко и сладко затягивая пробуждение, предаешься чувству, которое иначе и назвать невозможно, кате только радостным осознанием себя, себя всего, лучшего творения природы, и сквозь щелочки век (игра, самообман!) рассматриваешь разводы на потолке, в другое время такие противные… Что звенит за окном с прелестной долготой и музыкальностью? Ах, дождь… светлый, утренний, августовский; дождинки рассекаются о хвою. Как скользко сейчас под соснами! А там, правее, звон другой, почти свист, то дождинки бьются о поверхность киржачской воды. Скоро, скоро пройдет по коридору звонарь-бородач, он же сторож, всклокоченный, высокий, чуть приволакивающий ногу, понесет свой тяжелый колокол. Уехали студенты в Москву, в Петербург, в столицу, с ее легендарными туманами и оградами.

В Петербург, в столицу, где среди прочих учреждений есть и министерство просвещения, возглавляемое человеком, именем которого будет названа целая эпоха в народном образовании, мрачнейшая эпоха: граф Делянов, считавший тайную полицию дополнительным ведомством своего министерства. «Деляновец», — с ненавистью шептали в спину Никанора Дмитриевича народнически настроенные преподаватели. А тот, не стесняясь, катил на тарантасе в жандармерию… Жестокая пора! Ну, что мог Бедринский передать ребятам? «Господа», — негромко обращался он к ним, а они вздрагивали: в семинарских коридорах их редко и по фамилии-то окликали: «Эй, ты!» «Господа, — говорил он, притворяя дверь в свой кабинет. — Не попадалась девятая книжка «Русской мысли»? Любопытная статья в разделе публицистики. Вот… кто не читал, может посмотреть».

Из газет Константин Степанович выписывал «Русские ведомости», которая критическое отношение к правительству выказывала несколько оригинально: перепечатывая или без комментариев излагая отчеты об обсуждении государственных дел в иноземных парламентах (а в германском рейхстаге, например, в эти годы выступали Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, и молодой Губкин их речи читал и фамилии запомнил!).

Конечно, Бедринский преотлично знал, что ребятам никак не может «попасться» книжка «Русской мысли» или любая другая, не

означенная в программе; скорее уж самим ребятам грозит опасность попасться на глаза подхалиму-наставнику, а то и самому директору с книгой, подсунутой Бедринский; и однажды беда эта стряслась с Ванюшей. «Произошел крупный скандал, и я попал в число неблагонадежных элементов». Хорошо еще, что в руках обнаружили «всего лишь» томик Достоевского: беллетристика все же, а администраторы беллетристику, выходящую за рамки программы, хоть и не любят, но и недооценивают.

— Константин Степанович, что это подолгу так сидят у вас в кабинете воспитанники, что вы там обсуждаете? — допытывался директор.

— Задания, Никанор Дмитриевич! — быстро отвечал Бедринский — и, между прочим, даже не лгал, но… «Получив от него задание для пробного урока, мы не спешили уйти, у нас завязывались оживленные беседы. Бедринский рассказывал нам о новых течениях в общественной мысли, о новинках литературы, заводил разговор о писателях, особенно о тех, произведения которых в семинарии было запрещено читать».

«Ну, господа, вы устали, чувствую, — улыбался Бедринский. — Кому уже привычно… можно и закурить…»

В окно кабинета, выходившее во двор, было видно, как выводили из конюшни лошадь, закладывали ее в сани; у ворот первокурсники играли в снежки. Снежки не лепятся, рассыпаются, не долетев до цели, мороз… Солнце легкими любопытными пятнами поджигает сугробы… Нынче понедельник, а в среду сани запрягут специально для Вани Губкина, и в сопровождении кладовщика, запахнутый в тулуп, под которым ощущает вес узелка с завязанными в нем общественными деньгами, поедет он в город, на базар, закупать для столовой провизию на неделю. Будет ходить по-над рядами, переворачивать одеревеневшие от мороза мясные туши, спорить с кладовщиком, торговаться с бабами… Потом, вернувшись, сдаст под расписку, а перед обедом заглянет в кладовую проверить, все ли правильно отпустили поварам… Хлопоты, ответственность, маета… Время от времени какой-нибудь семинарист с наглым кадыком и робким пухом над губою, доверительно обняв, уводит Ваню в темный угол и заклинательски отчаянно шепчет:

— Займи из казенных… Вишь, прохудились валенки… Отдам, ей-бо…

— Не могу! — честно отвечает Ваня. — Нельзя! — А сам насквозь видит, что ни на какие не на валенки выпрашивает бесстыжий кадык: удерет по льду за бутылкой…

Зимою расчищали на Киржачке каток, и свободные два часа

после обеда вся семинария была здесь. Зимний день короток, пользуясь темнотой, старшекурсники убегали в город, успевали обернуться до колокольного удара на самоподготовку. А вечером в спальне — пили, и староста стоял в коридоре за дверью «на стреме»… А что с ними, негодниками, поделаешь?..

В кабинете Бедринского висела картинка, вырезанная из той же «Русской мысли»: «Песталоцци у императора Александра I». Великий педагог действительно во время своего пребывания в Петербурге был принят «освободителем Европы» и, как вспоминали современники, с неожиданной и неуместной горячностью стал просить его освободить крестьян. Но, вероятно, не этот момент схвачен художником: Александр, изображенный на фоне собственного же портрета на коне (и, таким образом, дважды запечатленный на одном полотне: прием, принесший живописцу, надо полагать, дополнительный гонорар), милостиво касается плеча Песталоцци, который темным, худым и смиренно-фанатическим лицом напоминает почему-то дервиша. Непонятно, за что именно эту картину удостоил такого почета Константин Степанович; скорее всего в целях мимикрии — как-никак на ней сплетались, так сказать, возвышенные и преображенные искусством две темы, долженствующие и в повседневной работе семинарии быть главными: самодержавие и педагогика.

Бедринский тоже умел притворяться.

Значит, надо притворяться? Врать? Притворство и ложь — одно и то же? Что такое правда? Почему в бесконечном океане знаний, бесконечно для него, Губкина, притягательном, кем-то расставлены оградительные буйки с надписью: «Дальше не заплывать»? А заплывать-то уж стало потребностью…

Он таскает с собою книги в столовую, церковь, лес, пряча за пазухой, под полой пиджака. Сохранился небольшой, вероятно, неполный список литературных произведений, занимавших Ивана в годы учения в Киржаче. Любопытный перечень, свидетельствующий о здоровом природном вкусе и серьезном складе ума. Вначале, как уже упоминалось, стоят представители приключенческого жанра. Очень скоро их вытесняют великие русские романы. Истовое поклонение отечественным классикам он пронес через всю жизнь — и в первую очередь прозаикам, поэтам во вторую. Полюбил Салтыкова-Щедрина — тоже до конца дней своих (вообще сатира его привлекала, и в преклонном возрасте, как вспоминает Варвара Ивановна Губкина, он обожал после напряженного трудового дня покачаться в кресле с книгою «похлестче», посмешнее — по его выражению).

Читал ли он в это время философскую литературу? С несомненностью можно утверждать, что имена Огюста Конта,

Аристотеля, Платона, В. Соловьева, Беркли были ему знакомы: ими пестрит «Русская мысль». Основательно изучал современный русский и старославянский языки, и это способствовало более глубокому пониманию классиков. Тут надо отдать должное программе (недаром И.Ф. Свадковский, узнав, что Губкин выпускник семинарии, воскликнул: «Теперь мне понятно, почему его статьи в газетах написаны таким хорошим слогом! В семинарии словесность преподавали солидно».)

Человек стареет незаметно, но переход к взрослости ощутим.

Биограф вправе оперировать книгами, прочитанными героем, как единицами измерения его духовного роста; какая еще система отсчета применима? Мы держим список любимых молодым Губкиным книг; и право, первое, что приходит на ум: повзрослел Ванюша…

Да и не он один, вероятно… По вечерам теперь семинаристы долго шепчутся, задув лампу; спальня, хоть и все обитатели ее собрались, кажется пустой; она громадна и грязна; сколько в ней ночей переспали, а никому не стала родной — чужая… Кому в какой школе выпадет работать после окончания? Кто ее попечитель? Говорят, это очень важно — кто попечитель… У иного полена не выпросишь, классы всю зиму не топлены… Мало платят учителям. (На дворе метель. Стучит, завывает, вдруг запоет многоголосно и страшно, как семинарский хор в церкви.)

— Ну, ребята, хватит болтать…

«К концу учения в семинарии от моего старого мировоззрения не осталось камня на камне. Из семинарии я вышел безбожником, несмотря на то, что нас заставляли бить поклоны и ходить в церковь. Приехал я в семинарию с представлением о царе как о земном боге, а уехал — революционно настроенным. Ужаснейший гнет в семинарии пробудил во мне элементы бунтарства».

Чем ближе к концу, тем томительнее волочились дни (Губкин говорит: «дни семинарского плена»), тягостные и похожие друг на друга…

Глава 12

О том, как Ваня боролся за свободу поэтического творчества и был за это лишен права присутствовать на выпускном балу. Монолог купца Быкова.

1 марта Россия должна была отдыхать и печалиться. В церквах служили долгие панихиды по убиенному императору

Александру П. Для киржачских семинаристов этот день знаменовался жирным обедом, меню которого обсуждалось на учительском совете. Артельный староста с раннего утра стоял за весами в кладовой. Отыграл звонарь, прошлепали по двору бегущие неги, запел в церкви хор. Староста продолжал манипулировать гирями и, судя по всему, сознательно намеревался опоздать.

Он вошел в церковь почти в самом конце службы. Никанор Дмитриевич стоял на клиросе, впереди певчих, смотрел в потолок, но по какой-то неуловимой судороге, прошмыгнувшей по его лицу, Иван понял, что директор его заметил. Уловка не удалась. А он-то рассчитывал, что, осерчавши на него за опоздание, директор забудет про вчерашнее. Что могли с ним сделать за опоздание на службу теперь, когда до получения диплома оставалось два месяца? Небось не исключили бы, черт их подери… А за вчерашнее… А собственно, что «вчерашнее»?.. Легко можно выдать за шалость, проказу… Но, во-первых, несвойственно было Ивану шалить (в первый раз пожалел об этом), во-вторых, что-то повисшее в воздухе говорило ему — и всем говорило, хотя об этом молчали, — что там придают этому иной смысл, чуть не крамольный, а уж за это… Едва ссыпалось сверху из-под купола и просочилось наружу последнее «ал-лилу-й-й-я…» — директор поднял руку.

— Третий курс не расходиться, марш в класс.

— Учитесь вы хорошо, — начал он в классе, и сама по себе похвала, совершенно необычная в его устах, звучала угрозой. — Но дух у вас… скверный!.. Гнилой!.. Либеральный!.. И если этот дух… то карьера вам… не в народные учителя… а в тюрьму! Народный учитель должен учить… крестьянских детей… твердыми быть… в православной вере, любить… а в случае нужды отдать… за веру, царя, отечество…

(«Долго он нам читал рацею в духе православия и самодержавия», — прервем речь директора цитатой.)

— Особенно меня беспокоит… направление воспитанника Губкина… Он из ваз наиболее способный… судя по тому… вместе с тем… наиболее неблагонадежный ученик! Даже не знаю, как он может быть народным учителем!

Вдруг он выхватил бумажку из кармана, развернул и взмахнул над головой.

— Кто написал эту мерзость?.. Эту.-.. А?.. Эти стихи, видите ли… Быстро!

Класс молчал, и следствие было перенесено на следующий день.

Оно происходило на сей раз в доме директора, в зале.

Непривычная обстановка, все эти кресла, чайный сервиз, диван, портреты, писанные маслом, должны были способствовать ослаблению духа подследственных. «Мы, по своему скромному обыкновению, входили к директору на квартиру через черный ход и на этот раз направились на кухню. Видим, он стучит в окно и требует, чтобы мы шли с парадного. «Ну, — говорим, — ребята, дело принимает серьезный оборот. Крепись!»

Крепились они (их было трое) не очень долго. Гадкая сцена допроса (и, вероятно, бессонная ночь) измучили их. Время от времени из другой комнаты, дверь в которую была закрыта, подавала реплики директорша; они носили такой характер:

— А вот кто говорит стихами, тот и стихи написал.

Она имела в виду Ванюшу.

В конце концов, сняв очки, чтобы протереть их, разглядывая их на свет, он брезгливо пробасил (у него уже прорезался басок):

— Я… Со мной что хотите… других не трогайте.

И подумать только, вся эта сквернейшая карусель завертелась потому, что Иван, в то время баловавшийся стишками, как и многие в его возрасте, сочинил эпиграмму на однокашника, репетировавшего директорских детишек и, по общему убеждению, ябедничавшего на своих товарищей! На вечерних занятиях, когда наставник задремал, Иван пустил листок по рядам; за партами хихикали; кто-то написал над эпиграммой фамилию ябедника; тот выхватил и, грохнув дверью, помчался к своему покровителю. Неизвестно (текст, естественно, до нас не дошел), содержались ли там намеки на него, на покровителя, но тот счел себя ужасно оскорбленным, а оскорбление себя он по натуральной склонности администратора перенес на оскорбление существующих порядков, на оскорбление основ.

Возникло дело.

В классах провели обличительно-предостерегающие собрания.

Заседал учительский совет, и Ваня простоял несколько часов в коридоре в ожидании решения. Запросто могли исключить. (По мнению Губкина, его не исключили лишь потому, что он — артельный староста — знал о кое-каких финансовых грешках директора.) Все же вынесенный вердикт был чудовищным по жестокости: тройка по поведению за полугодие, что означало волчий билет, лишение диплома, лишение стипендии до конца учебы.

«Но тут пришли на помощь товарищи, которые собрали средства и дали мне возможность окончить семинарию».

Здесь хочется остановиться, порассуждать. Судьба нашего героя висела на волоске. Если бы не случайный факт знакомства с

махинациями начальства, его скорее всего исключили бы из семинарии. Что бы ему оставалось делать? Вернуться к крестьянскому труду. Очень может быть, что он прожил бы пусть честную, но ординарную жизнь. Задумываясь над этим, еще раз удивляешься жестокости приговора сравнительно с малостью вины. Одними мерзейшими порядками, царившими в семинарии, одним самодурством Никанора Дмитриевича и трусостью членов учительского совета его не объяснишь. Да, порядки — дальше ехать некуда, но все же это только одна сторона вопроса. Ведь неудача с эпиграммой — первая из целого ряда неудач, одолевавших Губкина на протяжении последующих пятнадцати лет.

Право, мы можем по-иному сформулировать вопрос: чем навлек он на себя мытарства и беды, выпавшие на его долю? С 1856 года существовала Киржачская семинария, ежегодно выпускала семьдесят-восемьдесят специалистов. Случалось, выгоняли учащихся — за неуспеваемость, нарушение дисциплины и т. д. Но впервые проступок ученика, в сущности, невинный, вызвал такой аффект. В затхлой семинарской атмосфере Губкин выделялся. Он был одаренной натурой. Он прекрасно и без видимых усилий успевал по всем предметам, проявил хозяйственную сметку и даже, как видим, кое-какие способности в сфере изящной словесности. Что это — разносторонность дарования? Правильнее будет сказать: неопределенность дарования. Многие выдающиеся личности в пору созревания своего таланта страдали этой неопределенностью; у Губкина процесс вылущивания таланта страшно затянулся, был болезненным; в этом разгадка многих его поступков, всего его поведения вплоть до 1903 года. Мы подробно разберем это во второй части нашей книги.

Несчастье Губкина-юноши состояло в том, что вокруг него не было ни одного достаточно чуткого и понимающего преподавателя, который смог бы уловить характер его дарования, но несчастье это случайным никак не назовешь, это несчастье всей царской системы крестьянского образования, не взращивавшей, а подавлявшей таланты. Возможно, все обстояло бы по-другому, если бы у Ванюши в раннем возрасте проявились бы исключительные способности в какой-нибудь конкретной области: ну, например, прорезался бы абсолютный слух или умение лепить животных — окружающие прощали бы ему странности, чувство превосходства и прочее. А он был неопределенно талантлив, талантлив — и все тут! Или выразимся по-другому: талантлив — и ничего больше. И это раздражало, казалось претенциозным.

Весной 1890 года в Киржачской семинарии состоялось торжественное вручение дипломов. Наш герой на этой церемонии не присутствовал. Он сидел в это время в железнодорожном вагоне. Он торопился в Муром. В кармане его пиджака лежала сложенная вдвое справка (увы, всего лишь) о том, что он действительно прослушал полный семинарский курс.

Единственный человек, кто мог ему сейчас помочь, был С.И. Чухновский. И Чухновский не отказал. Он с кем-то пошептался, поговорил, и Губкину дали место учителя в дальнем и глухом селе Жайском, верстах в шестидесяти от Мурома, на правом высоком берегу Оки. Выбирать не приходилось.

Через три дня Губкин был уже в Жайском. Первым делом, как водится, пошел представиться попечителю школы — им оказался некий Быков, купец. Сценой знакомства купца и молодого учителя и закончим первую часть нашего повествования. Перепишем приветственный монолог Быкова целиком из воспоминаний Ивана Михайловича; он стоит того. В нем, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Представьте купеческий дом, хозяина за самоваром и молодого учителя, стоящего у порога. Его не пригласили сесть.

«— Вот недавно здесь был преосвященный Феогност, архиепископ владимирский и суздальский, и он изволил почивать вот на этой кровати. А когда я езжу во Владимир, то бываю на приеме и у преосвященного владыки и у губернатора. Учитель, который был до тебя, возымел гордыню, и теперь его нет. Тебе, как молодому человеку, это должно служить примером. Ты должен почитать старших и почитать святую церковь неукоснительно. Я состою церковным старостой, и мне видно, кто в церкви бывает и кто не бывает, В церковь божию надо ходить и детей к этому приучать».

Начались годы учительства…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Загадка вспышечных звезд

Глава 13

Ноосфера. Живые минералы. Шуровский. Крекинг ускоряет цивилизацию. Музыкальный напор времени или сопоставления в духе Александра Блока. Снова двойник Губкина.

Есть что-то удалое, безуправное и знаменательное в том фейерверочном рывке, которым переступила нефть порог материнского царства минералов и явилась в гибельную для нее ноосферу. В 1859 году человечество потребляло полмиллиона пудов нефти, жалкая капля в сравнении с уничтожаемым ныне годовым объемом; уже в следующем, 1860 году, когда американцам удалось наладить добычу бурением, потребление возросло в восемь раз, через пять лет достигло двадцати двух миллионов пудов — и с тех пор растет лихорадочными темпами.

Человечество ступает по минералам, но в некотором роде его самого законно рассматривать как каталитическую щепоть в реактивном котле элементов (а именно это и представляет собой земная кора). Кожа планеты, ее охранная грамота, окутанная легчайшей газовой мантией, отбивающей грубые прикосновения космоса, кожа эта не омертвела. В ней бурлят превращения, восходящие и нисходящие потоки атомов преобразуются в минеральные формы и ряды. Минералы льнут друг к другу, враждуют, рассыпаются, путешествуют, раздаются вширь и ввысь, засыпают летаргическим сном. Профессор Н.М. Страхов в капитальном трехтомном труде «Основы теории литогенеза» приводит любопытнейшие примеры, рассмотрение которых подталкивает к выводу, что взаимоотношения минеральных кристаллов с окружающей кристаллической средой имеют определенные черты сходства с живой природой. Сходство это в том, что и там и там мы сталкиваемся с избирательным поглощением компонент среды и соответствующим выделением определенных, ранее внутренних для объекта, элементов в окружающую среду.

«Не верьте тем холодным натуралистам, которые искони обрекли его (минерал. — Я.К.) на вечную мертвенность, — воскликнул на одной из своих лекций знаменитый в прошлом веке пропагандист геологических знаний Г.Е. Шуровский. — Нет,

жизнь глубоко скрыта в минералах, но покорена тяжелой величественной их массой. Она не опочила в своих созданиях, не окаменела в неизменных формах. Все части органических тел, составляя целое, живут, будучи отделены от него, — умирают. Так и минералы, взятые порознь, оторванные от своего целого, от материка, представляются нам массами вещества без жизни, без движения, нередко без физиономии определительно выраженной. Но те же минералы в совокупности со своим целым, в материке, оказывают жизненные действия… Так мировая жизнь говорит и в безмолвном бытии минерала. Произведение вечной жизни мертво быть не может…»

Минерал наиболее устойчивая форма существования земной материи… в ее внешней оболочке, скажем для осторожности. Этим обусловлено «приспосабливание» к меняющимся температурным, электромагнитным, динамическим и космическим силам. Живая масса, биосфера, которая, кстати, по подсчетам В.И. Вернадского, неизменна в объеме с архея (если подсчеты подтвердятся, это явление еще предстоит объяснить), — биосфера деятельно вмешивается в жизнь минералов, меняет самый лик Земли: воздвигает острова, крошит скалы и т. д. И особенную роль во взаимодействии биосферы с каменной оболочкой выполняет человек, главное действующее лицо ноосферы (термина этого нет в «Геологическом словаре» издания 1956 года (!); многие авторы до сих пор запирают его в настороженные или даже иронические кавычки; пора бы уж, кажется, отшелушить кавычки от добротно придуманного термина, выражающего великое наблюдение).

Среди множества способов периодизации людской истории способ «по потребляемым минералам» общепризнан. Век каменный (правильнее сказать, кремневый), медный, железный… Ну, а нынешний, бесспорно — нефтяной (его называют также электрическим, атомным, но ведь это с точки зрения энергетической). Нефть питает движители, победившие три земные стихии: воду, сушу, воздух. Нефть подарила материалы, без которых немыслимы современная цивилизация и ее прогресс.

Итак, биосфере два миллиарда лет, ноосфере — три-пять тысяч. Это формальное исчисление; по-настоящему интенсивная переработка корковой материи планеты началась со времен первой промышленной революции. Возникла острая нужда в веществе, теплотворная способность которого была бы выше угля и других видов топлива. «Развитие крупнопромышленной эксплуатации нефтяных месторождений началось лишь тогда, когда человечество научилось, во-первых, добывать нефть из земных недр посредством буровых скважин, во-вторых,

фракционировать добытую сырую нефть, отгоняя из нее нефтепродукты различных свойств и хозяйственного значения. То и другое случилось лишь в середине девятнадцатого столетия и притом почти одновременно» (И.М. Губкин, Учение о нефти). В 1815–1817 годах земляки Губкина (но не односельчане) братья Дубинины, крепостные графини Паниной, по милости душевладелицы своей и прихотливой своей судьбы попали на Кавказ, увидели там нефть и додумались перегонять ее на огне, сливая образующийся фотоген (керосин) в отдельный сосуд. Конечно, это было гениальное рацпредложение. Своим умом до него дошли — чуть позже, чем братья Дубинины, — горные техники Геккер и Митис, жившие в австрийской Галиции; их патент заинтересовал европейских капиталистов. Механик Ленц несколько лет испытывал на заводе К. Сименса в Баку распылитель-форсунку; в конце 70-х годов ее применили в паровозных топках на Балтийской и Грязе-Царицынской железных дорогах. Наконец появляется превосходнейший тип форсунки изобретения знаменитого Людвига Нобеля; впервые он выставил свое детище на Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1882 году. Через одиннадцать лет свое изобретение представил Дизель.

«Особенное значение имеет замена угля нефтью на судах. Такая замена приводит к увеличению полезного тоннажа судна — с одной стороны, а с другой, что особенно важно, к удобствам маневрирования, так как такие суда могут надолго и на далекое расстояние отходить от своих питательных баз в отличие от судов, потребляющих уголь, не могущих обойтись без периодического пополнения запасов топлива.

В этом на первый взгляд маловажном факте и скрыты громадные преимущества нефтяного топлива и политическое значение самой нефти» (И.М. Губкин, Учение о нефти).

Впервые поставил дизели на судно тот же Нобель в 1904 году. То было речное судно, но вскоре Нобель вкупе с заводчиком Меркурьевым построил несколько морских судов — для перевозок по Каспию; новинка тотчас была оценена в других странах. Между тем высасывание нефти из недр продолжало бешено расти. В 1966 году оно составило астрономическую цифру: миллиард шестьсот миллионов тонн! (По ней легко представить физическое воздействие человека на земную кору: изъятие такого количества жидких углеводородов влечет за собой уродливое изменение гидродинамического режима подвижки пластов и иные геологические действия.) Да, есть что-то удалое, безуправное, мефистофельски насмешливое в том рывке, которым вырвало человечество нефть из материнского царства минералов

и приспособило к услужению себе.

Каждое «достигнуто» влечет за собой бесчисленные «требуется». Люди познали усладу скорости и воздвигли неведомые раньше места общего ожидания — вокзалы, порты и биржи — с их едкими запахами, тоской и распорядком самозабвенной толкотни. Реки, заливы, хребты перестали разделять берега и племена; под ликующий скрип репортерских перьев инженеры опустили в пучину трансатлантический кабель, и из Нью-Йорка в Париж транслировалась световыми бликами схватка боксеров Дэмпси — Карпантье. Походка горожан мельчает и убыстряется. Развеялись географические небылицы, и стали меньше сочинять сказок; зато напряженно и грозно нарастал «поток информации».

Мир менялся с такой быстротой, что у людей притупилось чувство удивительного.

Старенькую планету, проделывающую со всепобеждающим равнодушием вековечный орбитальный полет, опутывают провода; средства массовой коммуникации позволяют людям осознать общность их судеб и трагизм их разладов. Русский И.Л. Кондаков получил синтетический каучук, ирландец Дж. Денлоп отлил резиновые шины, немец Г. Зельферт поставил на дирижабле двигатель внутреннего сгорания. Слово «война» приобрело качественно новый смысл; эрудиты вспомнили предрекания апокалипсиса.

В напряженно и грозно нараставшем потоке информации Александр Блок первый услышал ритм времени — «музыкальный напор времени». В предисловии к поэме «Возмездие» он нанизывает звенья разнородных событий: кончина Комиссаржевской, лекция Милюкова, забастовка лондонских железнодорожников, расцвет французской борьбы в петербургских Цирках, кризис символизма… «Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл».

Блоковский прием монтажа дает изображение мира в пространственно-временной его цельности.

Любопытно ведь, право, представить, что в один и тот же весенний вечер некий сельский учитель, взобравшись по совету школьного сторожа на чердак покинутого поповского Дома, находит там груду книг и, замирая от нетерпения и чихая от пыли, подносит книги одну за другой к слуховому окну, чтобы в лунном свете разобрать название; некий французский живописец созывает друзей в кафе «Вольтер», чтобы проститься с ними, и самый почетный гость поэт Стефан Малларме провозглашает тост: «Господа, давайте, не откладывая, выпьем за возвращение

Поля Гогена и воздадим должное его чуткой совести, которая гонит его в изгнание в самом расцвете таланта, вынуждая его искать новые силы в далекой стране и в самом себе»; некий юный выпускник цюрихского Политехнического института Альберт Эйнштейн, потеряв надежду добиться в Цюрихе обеспеченного существования, задумал переехать в другой город.

Много событий происходит в один вечер (может быть, мир и вправду целен в изменчивом потоке проявлений?).

Никто из вышепоименованных не смел в тот весенний вечер и предположить, какая ждет его в будущем судьба; они никогда не встретятся лично, но их дела, мысли, желания переплетутся и смешаются с желаниями, мыслями и делами друг друга и миллионов других людей и создадут пеструю, но цельнокупную картину мира, в которой каждый поступок нагружен балластом ответственности.

Глава 14

Реконструкция черешков.

Прежде чем пуститься в дальнейший путь, где нас ожидают приключения, капризы судеб, отрешенные раздумья и волевые решения наших героев, нелишне вспомнить, что расстояние, с которого лучше всего рассматривать картину, должно быть равно четырем ее диаметрам. Однако знатоки, пожелав рассмотреть детали, приближаются к ней вплотную. Пожелав же оценить расположение цветовых пятен, отходят от нее подальше. Подобно этому и биограф (а следом за ним и читатель) вынужден то отдаляться, то приближаться к предмету своего исследования, чтобы высказать о нем разносторонние суждения.

Представим, что мы перелетели на самолете через горный хребет. А теперь мы приближаемся к горам на машине. Шумнее и уже речки, в оврагах краснеет свежая глина, сереют отмытые валуны, холмы теснятся друг к другу, листья на деревьях темны… И где-то там, над нами, в чистейшем и непрозрачном воздухе плывут голубые вершины с коричневыми точками елей и синими полосами каньонов.

«Начала всех вещей имеют тенденцию становиться материально неуловимыми», — метко подметил антрополог де Шарден. Вид в зоологии, ботанике мы находим почти всегда полностью сформировавшимся, древнее городище при раскопках открывает взору археологов улицы, переулки, базары. Пьер Тейяр де Шарден возводит свое наблюдение в закон, который остроумно

называет «автоматическим устранением эволюционных черешков».

Так вот, при изучении биографии сталкиваешься с тем же удивительным явлением. «Начало имеет тенденцию становиться материально неуловимым». Мы подошли к трудной части нашего повествования. Губкин — геолог… Губкин — сельский учитель. Как случилось преображение? Документов нет. Прямых высказываний тоже. Черешки исчезли!

Что же… Станем вплотную к предмету исследования. Мы увидим…

В один весенний вечер сельский учитель, взобравшись по совету школьного сторожа, приметившего любопытство оного учителя к чтению, на чердак покинутого поповского дома, находит там беспорядочную груду книг и, замирая от нетерпения и чихая от пыли, подносит книги одну за другой к слуховому окну, чтобы в лунном свете разобрать название…

Глава 15

Книги, книги, поэмы, романы, трактаты… Общество трезвости. Надзор. Переписка с министром. Жайские типы. Тоска. Каникулы. Дубленый полушубок. Сальдо-бульдо и звездное небо.

Это было настоящее богатство! Толстенные фолианты с красочными литохромиями, в картонных переплетах узорной кожи, с золотыми тиснениями на корешках, тонкие книжицы без переплета, жирные шрифты церковных сочинений, курсивы брошюрок… Разом перебрать всю груду было невозможно. Становилось холодно. Зябли пальцы; из развороченной книжной груды тянуло тленом и сжатым морозом. О запах завалящих печатных страниц!.. Губкин выпрямился с забытым на лице выражением растерянности и неверия. Крыша была маслянисто-черна, ни щелочки, снаружи по ней временами мягко страшно пробегал кот. Из круглого окна падал восковой с пыльными разводами лунный столб; где-то далеко звякала цепью собака. В углу чердака проступал из темноты странный предмет, похожий на чучело вздыбленного медведя.

Губкин торопливо сунул за пазуху, за пояс несколько томиков, спотыкаясь прошел к лунному столбу. Сел на кирпичную кладку, пятками нащупал лестницу. Деревня давно уснула. Который час? Утром уроки. Ветки деревьев, еще совсем голые, топорщились кружевно и упруго. В лужах стыла вода.

Губкин быстро и бесшумно слез на землю. Осторожно снял лестницу, отнес ее в сарай.

С этой ночи село Жайское как бы лишилось самого заметного жителя. Уж он не являлся на посиделки, на спевки, перестал ездить в управу с жалобой на попечителя и просьбой о создании просветительного кружка. Затея с кружком прошумела на всю округу. В первый месяц проживания в Жайском молодой учитель стал зазывать родителей своих, учеников на. беседы, рассказывал им, как воспитывать детей, читал журналы, чем очень скоро навлек на себя подозрение урядника. Кружок, объяснили ему, может существовать только при условии утверждения свыше и оформленный как «общество трезвости». Оформить же оказалось необычайно трудно. «В Жайском? — переспрашивали в управе. — Кому там нужно общество трезвости? Там и без того пьют нормально». Оно, конечно, пьянством особенным Жайское не отличалось, гуляли, как положено, на пасху, рождество, благовещение, светлое воскресенье, святой Параскевии да еще, как говорится, Трифона-гуслиста, Харлампия-бандуриста и матери их Хныхны голландских чудотворцев. Но уж зато в эти дни никаким «обществом» праздник не перешибешь.

С последним звонком спешил учитель в свою, комнатку при школе; сторож, приносивший еду, распахивал дверь, как всегда, без стука и видел одну и ту же картину: Иван Михайлович лежал на кровати, заваленный книгами. Стопки книг под кроватью, на подоконнике, на столе… Сторож локтем расчищал местечко на столе, ставил чугунок со щами. «Эй, книгочий!..» — ворчал. Уходил к себе за перегородку. Слышно было, как колол щепу, наливал в самовар воду, курил. Перегородка не доходила до потолка, и однажды это тоже явилось причиной схватки с попечителем школы купцом Быковым. До сторожа в соседней комнате жила вдова с пятью ребятишками. Никакого покоя учителю, конечно, не было ни днем ни ночью, и он попросил купца предоставить ему — или вдове — другое помещение. Тот отказался. Губкин вспыхнул, и заявил, что прекращает занятия. В конце концов, вдове подыскали жилье, но раскланиваться с Быковым Губкин перестал, что в глазах крестьян было неслыханной дерзостью.

Когда очередная стопка книг оказывалась прочитанной. Губкин, дождавшись ночи, влезал на чердак. Ему было неудобно делать это днем, хотя никому бы не пришло в голову упрекнуть его в посягательстве на чужое добро; книги вообще за «добро» не считались, да и были они ничьи. Странный вкус был у бывшего жайского попа! Собрание сочинений Дюма-отца, романы Чарской, «История России» Соловьева, «Основные начала» Спенсера,

«Происхождение видов» Дарвина, «История умственного развития Европы» Дрэпера… Были среди книг и такие, в которых общедоступно рассказывалось о науке; одну из них Губкин прочел без особого интереса: Фон Котт. «Геология».

Каждое воскресенье господин Быков, исполнявший с превеликой важностью обязанности церковного старосты, в начищенных сапогах, алой косоворотке, застегнутой наглухо, и подпоясанной тонким кавказским ремешком, стоял на паперти и, как некогда директор семинарии Никанор Дмитриевич, следил за прихожанами. Первыми приходили старушки, упираясь ладонями в колени, взбирались по ступенькам. «Здрасьте, ваша милость!» — «Бог в помощь!» Быков наклонял расчесанную посредине голову. Вот идет впереди своей ребячьей стаи молодой учитель. Ну, поздоровается?.. Нет. Эк норов!.. Попечитель провожает школьников своими чистыми, пытливыми, бегающими глазами: все ли свечечки купили? Все… Что-то замечать стал приход, что невнимательно и без благолепия молится строптивый учитель, лениво, с натугой кладет поклоны…

В одно прекрасное воскресенье Иван Михайлович, вернувшись из церкви домой, обнаружил следы обыска. Сторож подтвердил: приезжали жандармы. Взбешенный учитель тут же написал на имя министра просвещения графа Делянова прошение об отставке. Ответ прибыл довольно скоро. В нем вежливо напоминалось, что за стипендию, полученную во время учебы в семинарии, господин Губкин обязан прослужить народным учителем пять лет.

Едва дождавшись каникул, Иван уехал в Позднякoво. Он взял с собой все свои вещи, словно не собирался возвращаться. Среди них был и дубленый полушубок, приобретенный зимой. Бабушка с гордостью демонстрировала его односельчанам, как знак преуспевания любимого внука. «А сколько получает, знаете? — с гордостью спрашивала она. — Шестнадцать Рублей шестьдесят шесть копеек в каждый месяц!» Из заработанных денег истратил Иван мало, привез домой восемьдесят рублей, почти столько же, сколько привозил отец из Астрахани.

Все лето работал он как заправский крестьянин. Пахал, косил, подмазывал колеса у телеги, налаживал соху, отбивал косы. «Ловкостью в крестьянской работе я утешал своих родителей и особенно бабушку».

Однако между собой поговаривали домашние, что он тоскует, что-то стронулось в душе его…

Глава 16

Грустное возвращение. Дорога в лес. Что вы наделали, фон Кота? Пласт мергеля и исчезнувшее море. Первоптицы и прочие чудища. Перевод в Карачарово.

Как ни бодрился Иван, прощание вышло невеселым. Один отец, кажется, ничего не замечал. «Ехать не путем, погонять не кнутом! Ну, сынок, долгие проводы того… а я за тебя спокоен». Обнял; поцеловались троекратно; Иван ощутил сухой, милый с детства запах его бороды. Поседела борода-то… Поработали над ней годы; да и только ли над ней? Согнули плечи, нитяной переплет морщин бросили на лоб, и вся фигура отца получила какое-то старческое благочестие. В душе своей он, видно, считал далекую службу сына за некий отхожий промысел. Что ж, сам он всю жизнь далеко ходил, теперь вот и сын… Принаряженные и подвыпившие мать, бабушка и тетка всплакнули. Семейною гурьбой вышли на улицу, где ждала нанятая повозка.

В Мещерском крае есть села как бы притаившиеся, спрятавшиеся, будто бежали от погони, притулились в лощинке и настороженно притихли. Избы в тесном кружке, и сады не украшают их, а прикрывают. Жайское — из таких. Губкин добрался до него за полночь; собаки облаяли его с яростной приглушенностью. Вошел в свою каморку. За перегородкой зашевелился сторож.

— Иван Михайлович, никак?

— Ну!

— Стало быть, приехали?

Хотел, видно, встать, покряхтел, поворочался да и затих. Иван запалил спичку. Книги! Стопки книг — на тех самых местах, на которых он их оставил. Спичка погасла. Чувство одиночества охватило его. Никто не заходил в его комнатенку. Никто не притрагивался к книгам. На них, наверное, слой пыли. И не с кем поговорить о книгах. Тогда нужно ли их читать? И неужели вся жизнь теперь обреченно замкнулась в кругу забот, невыполнимых желаний… женится небось, домик поставит! «Почтенное дело», — как говорит Быков.

Впрочем, наутро дурное настроение развеялось. Узнав о приезде, в комнату набились ребятишки; вышел с ними за тын, и по степенно-долгому наклону головы, который отпустила ему баба, шедшая с коромыслом на плечах, по рукопожатиям мужиков нельзя было не догадаться, что его в селе ждали.

И потекли обыдни: уроки, детские каракули, вечерние бдения, прогулки. Иногда прибегали соседи с жалобами или просьбой разрешить споры. За лето, за три месяца его отсутствия, что-то в медлительном сознании жайцев созрело, и слово

«учитель» приобрело глубокий смысл. Чаще просьбы были такие: «Михаилыч, пособи огородную вошь извести, картошку начисто как есть пожрала», или: «Почему вода в колодце схлынула? Куда? Помоги». Михаилыч шел, заглядывал в таинственное нутро колодца. Там что-то невидимо булькало, чавкало, несло тиной из глубины. Ну что посоветовать, право? Прочистить. Хозяин, обвязанный веревкой, спускался по срубу, чистил, и вода набегала. Откуда? Откуда она вообще, подземная вода?

И почему на вкус она разная в разных местах? За околицей зиял овраг, из крутобокого склона его хлестал родничок. Вода в нем холодна и жестковата. У Лузановых, их хата под самым холмом, вода в колодце всегда высоко держится, отчего бы так? Им и вороток не нужен, черпать ведром можно прямо с земли. Где бы об этом прочитать? Губкин перебрал свои книжные запасы. Фон Котт. «Геология». (Ивану Михайловичу не очень повезло: книжица фон Котта не лучшая даже из тех немногих, что имелись в то время в России по данному вопросу. «История Земли» Боммели, двухтомник «Земля» Рулье — более основательные и занимательные труды. Повезло посредственному немецкому популяризатору, его брошюра пробудила интерес к эволюции планеты у будущего великого ученого. Внимание, важнейший момент биографии!)

В другой раз Губкин раскрыл фон Котта вот по какому поводу. В романах, которые он тогда читал, частенько описывались драгоценности. Алмазы, бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, топазы… Он никогда их не видел и наивно считал произведениями рук человеческих. А они произрастают в недрах. Сверкающий алмаз, черный антрацит и пачкающий графит — суть един углерод в трех лицах! Как это? Не прибавив ни атома чужого, природа лепит из одного и того же элемента столь разноликие вещества! Помнится, бабушка, рассказывая сказки, тоже упоминала ценные каменья, но называла их по-старинному: измарагд — изумруд, червчат — рубин, достокан — горный хрусталь. Красивые имена! Из-ма-рагд…

Оказывается, ручеек, плещущийся по оврагу, маленькая веточка подземной реки. Воды подземные тяжело волнуются в озерах, катятся по уклонам, ревут на перекатах, водопадах — своих, подземных, — и, может быть, своя подземная живность невиданных форм обитает в них? Спуститься бы туда… Оказывается, мелок, которым он пишет на классной доске, кусочек кладбища! Скорбное захоронение каких-то фораминифер, каких-то кокколитофорид, когда-то плававших в море, поедавших водоросли, пугавших друг друга и в медленном кружении падавших на дно, на вечный покой. И медленно, медленно

заносило трупики мутью, которую приволокли бог знает из какой дали сначала дождевые струи, потом ручьи, потоки… А на суше неуклюжей и спорой побежкой, пригибая длинные шеи с лохмотьями толстой сизой кожи, передвигались ящеры; и если бы вздумалось такому ящеру остановиться около школы, то хвост его далеко за хату Строминых уходил бы, а взмахни он этим хвостом, то, почитай, полдеревни и смахнул бы!

(Гигантские ящеры мелового периода, хищники цератозавры, растительноядные стегозавры пользовались особенным вниманием популяризаторов прошлого столетия. Габариты! Современные сумчатые не менее, а может быть, и более диковинные существа.) Мир вдруг получил временную выпуклость, четвертое измерение, наука представила пораженному Ивану Губкину каждую травинку, ложбинку, червячка всякого во временной протяженности. Наскоро похлебав щей из чугунка, спешит он в лес, минуя болотце, заросшее лилиями и кугой и кишащее гадюками, минуя просеку, прорубленную еще в екатерининское правление для какого-то немца-помещика, хотевшего построить себе в чаще дом. Каплет мелкий дождик. Справа открывается скошенный луг, жухлый, щетинистый; слева овальная полянка с растущими на ней папоротниками; осины окружают поляну. И воображение, уже подготовленное чтением Спенсера и Дарвина к способности находить в природе эволюционные связи, рисует ему папоротниковый лес. На качающихся ветвях-опахалах сидят стрекозы размером с добрую ворону. В воздухе сладковатый запах гниения. Век сотворения каменного угля.

Спешит он к известковому карьеру, небольшому обнажению (уж теперь он знал, что место, где пласт не зарастает почвой, где коренные породы выходят на дневную поверхность, называется обнажением), откуда мужики выламывали для побелки куски мергеля. Захотелось посмотреть слои, прямо ли они лежат или скручены, давила ли на них внутренняя сила. Каждый слоик, что кружок на дубовом пне, — годичный; в холода осадков выпадало на дно меньше. Это тонкие слои, а толстые? Что-то приподнимало вверх всю толщину, и возникал так называемый перерыв в осадконакоплении…

«А что — ну, предположим! — побуждал он себя. — Представим, что на месте Жайского в стародавние времена (в архее, например! Вполне ведь реально) был вулкан!» И воображение уже рисует ему конусную гору, из жерла вертикально вверх сильными толчками прет канат дыма, раскрывающий на тысячеметровой высоте крону в виде итальянской пинии. А по склону с неожиданной легкостью,

игривостью катится пурпурная густо-огневая лава.

Надо откровенно сказать, что, несмотря на богатую геологическую историю, село Жайское было самым скучным на земле местом. Так по крайней мере казалось молодому учителю. Наступила зима. Из-за сильных морозов класс несколько дней пустовал, небольшая печка не могла нагреть воздух в помещении. Губкин попросил попечителя прислать работников переложить печку. Тот цинично усмехнулся: «А самому бы тебе летом кирпичики потаскать, руки б не отсохли… Все книжки читаешь». Губкин сдержался. «Эх, вы…» Ушел.

На рождественские каникулы по крепкому насту поехал Иван в Муром. Терпеливо и непроницаемо, как свойственно старым и хорошо поработавшим в своей жизни педагогам, выслушал его покровитель сбивчивый рассказ. Все обиды свои выложил Иван. Чухновский курил длинную папиросу. Посмеялся, когда Иван рассказывал, как таскал книги с поповского чердака. «Знаю, что тебе нужно, — сказал решительным и слабым голосом. — Возвращайся и жди извещения».

Ждать пришлось долго. Иван нервничал. Исхудал. Наконец весной, в самую распутицу, прибыл конверт. «Я добился для тебя перевода в Карачарово», — сообщил Чухновский. Предостерегал: там свои сложности, и ухо надо держать востро. Таких откровенных самодуров, как Быков, пожалуй, нет (в своих воспоминаниях Иван Михайлович выразился о нем так: «Богач Быков типа Колупаевых-Разуваевых, которых так ярко изобразил гениальный сатирик Салтыков-Щедрин»), однако, писал уездный смотритель, проявляй смиренность, выбирай знакомства и не откровенничай. «Постарайся понравиться попечительнице, от сего многое зависит».

Мы сейчас увидим, какую неоценимую услугу оказал Чухновский Губкину.

Глава 17

Родина Ильи Муромца. Вид на пойменный берег. Стоянка первобытного человека. Вахтеров, Тулупов, Шестаков. История с волшебным фонарем. Москва! Проба пера.

«Моя школа в селе Карачарове стояла на высоком берегу Оки. Из окон школы открывался прекрасный вид на всю ширь правого, пойменного берега. Очаровательная картина, которая и теперь живо стоит перед моими глазами», — эти строки Иван Михайлович написал четыре десятилетия после того дня, как

уехал из Карачарова. Написал он их в своей московской квартире по Большому Гнездниковскому переулку, в кабинете, попасть в который можно было из коридора по крутой лесенке: получалось, что кабинет отделен и возвышен над остальными комнатами. Проект Варвары Ивановны, супруги (Варвара Ивановна — архитектор).

Написал он их за широченным письменным столом с массивными гнутыми ножками. Горела зеленая настольная лампа. Уже несколько недель не выходил он из дому: боль в боку не отпускала. Иван Михайлович смежил истонченные желтые веки и… «очаровательная картина, которая и теперь живо стоит перед моими глазами…».

Действительно, трудно во всей даже приокской полосе, изобилующей красивыми местами, сыскать пейзаж, исполненный такой величавой тонкой и печальной интимности. Пойменный берег, о котором вспоминает Губкин, начинается суходолом. За ним поля гречихи, ржи, пшеницы. В подлеске у самого небосклона гуляет табунок: бурые, белые, черные пятнышки. Заходит солнце. Дальний лес вспыхивает сначала приглушенно-синим, потом серовато-лиловым, потом пепельным цветом. Солнце, задев верхушки деревьев, чуть-чуть растягивается в ширину и повисает тяжело, царственно и невесомо. Вода в реке подергивается розовой пленкой, по которой от весел рыбачьей плоскодонки расходятся длинные и неопадающие морщины.

Слышно, как в село — за нашей спиной — пригнали стадо. Коровы ревут, топчутся в пыли, хозяйки зазывают своих манек, бестолково блеют бараны, мечутся от подворья к подворью, и детишки со смехом гоняются за ними.

Карачарово не засыпает долго; луна уж перевалила через зенит и вплыла в грядку облаков с волнистыми подпалинами, серебристая полоса на воде стала оловянной; тихо так, что слышно умиротворенное дзеньканье листьев ивняка, коснувшихся воды; ан нет-нет да выплеснет откуда-то из тьмы девичий смешок, остановленный умоляющим мужским шепотком, нет-нет да взвизгнет разудалая гармошка и тотчас как-то неумело и оборвется. Село большое, молодежи много. Дневная работа не в силах убить тяги к веселью.

Много по русской земле разбросано древних посадов, монастырей, городов, но Карачарово русскому сердцу поет особую песню. Оно из легенды. Тут в наше чувство вторгается неразгаданная грусть. Одно дело осматривать сторожевую башню XIV века. Проржавевший осколок кирпича, найденный в свалявшейся пыли у подножия стены, поражает вещественностью, самой своей материальностью — вот свидетель стародавних

событий. Однако совсем другое дело — осматривать холм, на котором когда-то в незапамятные времена стояла сторожевая башня; в одно несчастное утро с нее увидели змейку татарских конников, и хвост той змейки уходил за горизонт, а голова щетинилась пиками. Ни осколочка не осталось от башни, и сама эта невещественность, нематериальность больнее подстегивает воображение… Передние всадники вскинули пики, донеслись протяжные вопли, низкорослые мохнатые лошаденки бессмысленно и свирепо взяли в галоп… На башне лучники прильнули к бойницам, нетерпеливо и нерасчетливо стали натягивать тетивы так, что онемели пальцы правой руки…

Тщетно было бы искать в Карачарове следы былинных времен. Где печь, на которой сиднем сидел тридцать лет Илья Муромец, где дверь, в которую постучались калики перехожие? Нет в Карачарове места, которое даже «по преданию» было бы связано с прошлым. Многажды село сгорало дотла, схваченное вражеским или случайным огнем; вновь отстраивалось… Разве что на погосте громадный вяз меж щербатых камней поведает кое о чем чуткому уху глубиной своего дупла?..

Издавна Карачарово притягивало археологов, фольклористов, просто любителей русской старины; слава о красоте здешних мест разнесена была ими по столицам, и летом дачников съезжалось немало. Больше, чем в каком-либо ином пункте Владимирской губернии, здесь бывали люди из мира науки, искусства; это-то обстоятельство и имел в виду Чухновский, выхлопатывая перевод своему любимому ученику; он своеобразно «выводил его в свет».

В 50-х годах прошлого столетия граф Алексей Сергеевич Уваров, известный археолог, изучал владения бывшего княжества Суздальского; им было вскрыто семьсот пятьдесят семь курганов и составлен обширный труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам». Уже тогда он заприметил Карачарово; живал в нем по нескольку месяцев. В конце 70-х годов — после удачных поездок по Таврии — он вернулся сюда, и тогда-то его и поджидала, пожалуй, самая блестящая находка близ Карачарова: стоянка первобытного человека. Временный лагерь первобытных охотников, в котором прекрасно сохранились кости мамонта и носорога, кремневые нуклеусы, резцы, скребки, пластинки, проколки. По тем временам находка редкостная, сенсационная; в археологической литературе стоянка получила название Карачаровской. Гуманный Алексей Сергеевич (кстати, он основатель Московского Исторического музея, Археологического общества, содействовал составлению первой научной биографии первопечатника Ивана Федорова, знаменит и иными заслугами

перед отечественной наукой) почел за обязанность проявить заботу о жителях села, принесшего ему известность. Он внес деньги на строительство школы.

Как тут не подивиться редкому переплетению жизненных судеб, впрочем, лишнее доказательство цельнокупности мира. Отец археолога — граф Сергей Семенович Уваров — министр просвещения, президент Академии наук, один из авторов пресловутого Уложения об образовательных правах 1828 года — того самого, которое лишило нашего героя выбора и предопределило его судьбу на первых порах. Теперь же ему предстоит познакомиться со снохой С.С. Уварова Прасковьей Сергеевной, урожденной княгиней Щербатовой. К моменту нашего рассказа и С.С. Уваров и сын его, археолог, умерли; Прасковья Сергеевна продолжала дело мужа, руководила Московским археологическим обществом, председательствовала на съездах, вела раскопки — наиболее успешные в западных губерниях. Не изменила она и мужниной привязанности к Карачарову и взяла на себя попечительство над новой школой. Наведываясь в село, не забывала посетить школу; учителя и ученики тщательно готовились к этому визиту.

И однажды, когда, обойдя классы, она, сопровождаемая директором и стайкой уездных чиновников, вошла в учительскую, ей был представлен молодой учитель, пунцовый от смущения, скуластый и пышноволосый; он неумело поклонился. Графиня меланхолически просияла, произнесла несколько слов: работайте, мол, сейте добро — и подала душистую кисть. Губкин впервые обонял запах духов.

Нельзя сказать, что знакомство это сыграло значительную роль в жизни обоих; все же именем высокой попечительницы Иван оборонялся в период — скоро последовавший — бурной просветительской деятельности от назойливого внимания жандармов; об этой деятельности графиня получала регулярные донесения от своих корреспондентов из села. «Вывали такие случаи: классная комната, я веду чтение, показываю на экране картину, а в моей комнате при училище идет обыск, в моем шкафу гуляет рука жандарма. Нелегального я у себя ничего не хранил, так что жандармы уезжали ни с чем. Запретить же чтение, очевидно, было неудобно, тем более что попечительницей моей школы была графиня Прасковья Сергеевна Уварова, известный ученый-археолог, которая покровительственно относилась к моим просветительским начинаниям. Ее, как лицо влиятельное, побаивались и исправник и жандарм. Прикрываясь ее высоким положением, мне удалось организовать и библиотеку».

Кроме знакомства с графиней Уваровой, Губкин завел в Карачарове и другие небесполезные для себя знакомства. В село частенько приезжали на отдых московские педагоги Вахтеров и Тулупов и их приятель — по образованию тоже педагог — Шестаков, секретарствовавший в весьма почтенной газете «Русские ведомости», к чтению которой Ивана приохотил Бедринский еще в Киржаче. Составился кружок молодых людей: рассуждали об идеях Бакунина, о путешествиях к Северному полюсу, декламировали Надсона, критиковали сенатские указы…

Взаимная привязанность была, вероятно, очень сильной: встречи не прерывались даже зимой; друзья настойчиво приглашали Губкина погостить у них в Москве, и скоро случай к тому представился…

Тут незаметно подошли мы к какому-то неуловимому рубежу в биографии нашего героя. Несомненно, карачаровский период самый счастливый в «предгеологической» жизни Ивана Михайловича. Поражают простота и легкость, с какою сошелся он с людьми высокообразованными, со столичными педагогами, журналистами — вчерашний семинарист, пахарь, мальчишка! Ни тени смущения, он встревает в споры, он опровергает чужие мнения, он высказывает свои! Внезапно предстает он перед нами в незнакомом качестве. Еще несколько месяцев назад, когда работал он в Жайском, — кто бы осмелился предположить, что в нем скрыто умение обвораживать людей, такая приятная веселая неугомонность?

И эти внезапно и ярко открывшиеся душевные свойства юноша (ему двадцать один год, мы еще вправе называть его юношей) с охотой и страстью отдает делу крестьянского просвещения. О, молва о начинаниях его далеко разносится окрест!

Для рассказа о них обратимся к первой публикации Губкина, затерявшейся в подшивке журнала «Образование» почти восьмидесятилетней давности. Статья называется «Из записной книжки сельского учителя», вот ее первые строки:

> «В народе все больше и больше пробуждаются запросы на духовную пищу…
>
> Поставленный в близкие отношения к народу, я не раз замечал в некоторых из его членов горячее стремление к знанию; наблюдались мною такие личности, которые с глубоким интересом отдавались положительно всякой книге, к какой бы отрасли знания она ни принадлежала. Чтение этих лиц, конечно, ничем не руководствовалось: читали они, что попадет. Часто

попадались им книги, совершенно недоступные их пониманию; все-таки сухость этих книг не убила в них жажду читать».

С подробностями почти трогательными исповедуется автор в своих мучениях. Как помочь жаждущим знаний? «Читал и слыхивал, что для простолюдина интеллигентные люди что-нибудь да сделают полезное». Попытался было через мальчишек, через учеников своих, распространять книги, но уж больно скудна оказалась школьная библиотечка.

Тут-то попалась ему заметка о лекциях с «волшебным фонарем». В ту пору в университетах привилось иллюстрировать научные сообщения при помощи проекционного аппарата. Заранее приготовлялись диапозитивы. Подобные приборы нынче чуть не в каждой семье, где есть дети; в Москве открыт специальный магазин «Диапозитивы». Но тогда об этом, по словам Губкина, не слыхали «даже в Муроме».

Стоил фонарь баснословно дорого — сорок пять рублей. Иван написал какому-то купцу, числившемуся почетным блюстителем школы. Ответ был такой: «Что вы там, театр, что ли, вздумали устроить?»

(По-видимому, к попечительнице не решился обратиться — как ни скажи: графиня…) И пошел Иван по домам. Зажиточных мужиков в селе много, и противников среди них вроде не оказалось, но первый заход принес всего четыре рубля. По второму разу пошел учитель — и показал, на что способен! Перед его красноречием на этот раз никто не устоял. Некий расчувствовавшийся кулачок раскошелился на двадцать пять рублей. Другой дал шесть. Третий — десять. В конце концов нужная сумма была собрана. Однако это было еще не все. За фонарем надо было поехать в Москву! Кто выпишет командировочные? И по третьему разу пошел учитель…

Вахтеров и Тулупов, предупрежденные письмом, встретили Губкина на Нижегородском вокзале. Они приготовили целую программу развлечений. Какой там! Торопливо обняв друзей, он попросил везти его в магазин и, не замечая, казалось, ни нарядных экипажей, ни церквей, ни шестиэтажных зданий — всего того, чем собирались поразить провинциала столичные жители, — принялся с жаром рассказывать о своих просветительских начинаниях. В один день с покупками было покончено, Иван хотел тут же и отбыть. Выяснилось, однако, что требуется разрешение Комиссии народных чтений. Пришлось остаться ночевать. Чуть свет Иван был на ногах. Приятели, несколько утомленные беспокойным гостем, поспешили

доставить его в комиссию к началу присутствия. Через час у него на руках абонемент на право пользования брошюрками с теневыми картинками.

Но и этого оказалось мало! Нужно было еще одобрение церковных властей. На обратном пути Губкин слез во Владимире и выпросил прием у архимандрита.

16 января 1893 года в вместительной Карачаровской школе состоялось первое чтение. Само собой разумеется, что сельчане были наэлектризованы и с нетерпением ждали представления. Набилось в зал человек триста. Пожаловал священник из соседнего села. Прибыл член ученого совета от министерства народного просвещения (в своей статье Губкин особо выделяет это событие). Пришли учителя и учительницы из соседних школ. Иван Михайлович вставил в аппарат пластинку, и на стене возникло изображение двух старцев. «Кирилл и Мефодий — просветители славян», — объявил он тему.

Порядку, как он сам признается, не было никакого. Публика ахала, курила, сморкалась. Член совета от министерства покрикивал на задние ряды. К концу второго часа лектор охрип. В заключение рассказа об изобретателях славянской азбуки шли почему-то картинки «О силе крестного знамения».

Несмотря на непорядок, впечатление, произведенное лекцией и «фильмом» на зрителей, было, по-видимому, огромное. Расходились шумно; Губкина умилил какой-то старичок, который, ковыляя по коридору, встряхивал головой и говорил про себя: «Вот что хорошо, то хорошо, не скажешь ведь, что дурно».

Теперь каждое воскресенье в школе устраивались «культпросветбеседы».

Об опыте их организации и была написана первая статья.

Глава 18

Автор считает необходимым остановиться поподробнее на первой публикации Ивана Михайловича Губкина.

Статья кончалась так:

> «Читаешь и чувствуешь, что ты заодно с этой толпой, переживаешь все ее волнения.
>
> Право, ничего здесь нет преувеличенного. Мне даже кажется, что я бледно изображаю то, что происходило в нашей сельской аудитории. Представьте себе в самом деле праздничный вечер в селе. На улице темно. Около

школы толпится народ. А там за стеной собралась не одна сотня мужиков послушать, что там читается. Не в кабак, где обыкновенно крестьяне убивают свой праздничный досуг, а в школу собрались и старые и молодые, школа всех привлекла к себе, и чувствуешь в это время, как начинается нравственная связь школы с крестьянином…»

В предыдущей главе цитировалось начало. Уже из приведенных двух отрывков читатель, несомненно, уловил аромат доверчивости, горячности и некоторого хвастливого упоения. Статья вполне соответствует названию: воистину — из записной книжки! Изложение фактов перемежается с попытками осмысления и откровенными признаниями. Энтузиазм бьет из каждой строчки! Такое сочетание строгой фактографичности, элементов публицистики, подробностей личного свойства будет впоследствии отличать многие научные монографии Губкина, делая их интересными.

Статья написана вослед живому и бескорыстному делу, и увлеченность им, переполняющая страницы, светло заражала слушателей. Губкин сразу проявил себя организатором. Не обладай он даром организатора, он не сделал бы ни одного открытия: время гениальных одиночек, время Абиха в геологии минуло. И ведь не одними открытиями, хотя они грандиозны, славно имя Губкина: он создал школу, целое научное направление, «…прирожденные организаторы, способные успешно руководить работой большого коллектива, встречаются не чаще, чем талантливые ученые, а объединение обоих талантов — редкое исключение», — заметил академик Л.А. Арцимович. Губкин как раз и представлял собой такое «редкое исключение».

Статья долго пролежала в портфеле редакции (года полтора; Иван успел уехать из Карачарова в Петербург, поступить в Учительский институт и закончить первый курс), но зато появилась в номере, насыщенном интересными материалами, в соседстве с эрудированной рецензией на «Философские очерки» Н. Страхова, анализом психологического учения Гербарта и чрезвычайно любопытными очерками «Народное мировоззрение и школа», «Общее образование (по взглядам Кондорсе)», «Новые педагогические движения на Западе». (Нет сомнения, что все эти материалы Губкин прочел; он вообще внимательно следил за журналом «Образование», который — это нетрудно усвоить даже из приведенного перечня — отличался разнообразием тематики, солидностью и широтой взглядов. А когда нужно было, журнал умел отстаивать эти взгляды и проводить их сквозь цензурные

заслоны.)

И это он еще раз доказал, опубликовав вторую педагогическую статью Губкина.

Глава 19

Автор считает необходимым остановиться поподробнее и на второй публикации Ивана Михайловича Губкина.

Она, собственно, не предназначалась для печати, а для устного изложения: это доклад, читанный на общем собрании общества взаимопомощи бывших воспитанников Санкт-Петербургского учительского института 23 декабря 1900 года. Попросту, на традиционном вечере бывших выпускников принято было обмениваться итогами работы за год и научными сообщениями о методике преподавания, способах постепенного усложнения учебного материала, выработке прилежания у детей и пр. Перенесемся на Десятую линию Васильевского острова. Высокий и длинный потолок аудитории едва затронут светом керосиновых ламп. На трибуне бывший первый ученик института, выпущенный два года назад, — Губкин.

Боже! С трудом узнаем мы неугомонного карачаровского учителя. Суров, худ, желт. За круглыми очками глаза смотрят немигающе-упорно и фанатично; часто сдергивает он очки и, низко склонившись, раздраженно и стыдливо протирает. Костюм его весь залоснился. Сидящие знают, как туго ему пришлось после выхода из института. Долго не мог приискать службу. Доброжелательно к нему настроенный преподаватель физики Наумов помог устроиться воспитателем в приют имени принца Ольденбургского, и сам Иван Михайлович потом вспоминал, что «проработал поистине кошмарный год под командой настоящего мракобеса и самодура — директора приюта Ильяшевича, который на моих глазах избивал ребятишек в кровь собственными руками».

Он начинает говорить! И голос-то, голос даже неузнаваемо изменился, стал резким, сухим, вызывающим. Речь его посвящена предмету несколько неожиданному и к педагогической науке непосредственно касательства, казалось бы, не имеющему. «К вопросу об организации управления городскими училищами по положению 1872 года». Министерство просвещения после многомесячного корпения выработало пухлый свод правил, долженствующих заменить те, которыми до сих пор регулировалась жизнь городских средних учебных заведений.

Старые существовали почти тридцать лет и давно уже подвергались острой критике. Предстоящие изменения живо обсуждались в педагогической среде, но отнюдь не в печати, не на официальных собраниях!

Двадцатидевятилетний учитель с этим, кажется, решительно не может согласиться.

> «При существующей сложности общественных взаимоотношений было бы весьма рискованным проводить канцелярским путем даже незначительную реформу. Поэтому учебная администрация при разрешении такой важной задачи, как переустройство школьной системы, ничего не проиграет, если выслушает мнения общества по этому поводу и обратит внимание на его заявления о желательности того или иного направления в предстоящих реформах».
>
> Скрупулезно и неторопливо рассматриваются разные стороны коллективно-канцелярского творения; еще неясно, куда клонит докладчик, что выберет объектом сарказма или похвалы; язвительная усмешка проскальзывает между абзацами. Выпады стремительны и беспощадны. «Одним из таковых недостатков следует признать господство в нашей школе холодного и бездушного бюрократизма, губящего своим ледяным дыханием и бесчувственным отношением к живой человеческой личности все усилия и попытки сделать школу из «мертвого дома» рассадником истинного просвещения».

Выясняется направление главного удара. Директор! Отношения рядовых педагогов и начальства; уже в Положении 1872 года в статье 23 роль заведующего указана точно: по сути, хозяин и надсмотрщик; теперь почему-то регламентация прав показалась недостаточной, и в развитие статьи 23 появилось семнадцать параграфов.

> «Уже одно изобилие этих параграфов показывает, что Инструкция, придавая очень важное значение установлению точных пределов власти начальников городских училищ, не пожалела ни места, ни времени, чтобы в мельчайших подробностях выяснить и определить все преимущества этой власти. Заметим здесь кстати, что Инструкция 1894 года вообще отличается большой склонностью замыкать всякие мелочи школьного быта в строгие рамки параграфа.

Например, § 83 этого любопытного документа весьма озабочен тем, чтобы «стирание пыли со столов и прочей мебели производилось сырыми тряпками и ни в коем случае не теми, которыми вытирают классные доски»… И таких курьезных параграфов, как только что приведенный, в Инструкции не один. Стоит, например, обратить внимание на два следующих параграфа — 84 и 85, которые предписывают «печи в классах топить рано утром и при начале топки на некоторое время открывать форточки».

Превосходно, конечно, Губкин понимает и ясно дает и слушателям понять, что никак уж не санитарно-гигиеническая забота двигала сочинителями инструкции; он и спешит вернуться к разбору § 3. «На основании этого параграфа инспектор, если только он пожелает, может свести к нулю всю самостоятельность учителя в деле преподавания и воспитания, т. е. уничтожить одно из необходимых условий успешности всякого дела».

Раньше хоть некоторые вопросы позволительно было решать педагогическому совету (в частности, раздоры между учителями улаживал педсовет, считалось неэтичным директору влезать в дрязги; теперь и эта прерогатива совета уничтожалась; мало того: конфликт между директором и строптивым учителем предписывалось разбирать одному директору!). «Подобный порядок, само собой разумеется, и преданных своему делу учителей не располагает отстаивать свои взгляды и убеждения».

«Достаточно одного этого параграфа, чтобы остановить правильное развитие школьной жизни и повернуть ее на путь бездушного формализма, в корне убивающего самодеятельность личности и отводящего последней роль исполнителя чужих предписаний».

Следует серия ядовитых уколов, «…нас весьма поражает § 7 министерской Инструкции… Дело в том, что этот весьма любопытный параграф предоставляет, насколько мы его понимаем, инспектору городского училища право чинить суд и расправу между подчиненными ему преподавателями».

«…от педагогических советов остался только один внешний облик; это трупы в настоящее время; ибо животворившее их начало давно покинуло их; из коллегиальных учреждений они превратились в совещательный орган при начальнике училища; их настоящая видимая коллективность — одна фикция,

обман зрения. Да и могло ли ужиться коллегиальное начало с теми бюрократическими тенденциями, какими пропитано Положение, а в особенности Инструкция 1894 года, не ставши с ними в прямое противоречие? «Совет» училища и «начальник» училища — ведь это два противоположных полюса, два разнородных вида вместе. В основе первой власти лежит принцип общественности, равноправия членов в смысле их прав и обязанностей, а главным образом принцип доверия к человеку, к его силам, способностям и к желанию честно поработать на пользу общему делу; в основу другой власти положен принцип подчинения, полного неравенства в правах и недоверия к человеку».

Наконец добирается он и до пресловутого Уложения 1828 года, так много ему в жизни напортившего. Встреча — заочная — с графом Уваровым; он сводит счеты. «Таким образом, два документа — Устав 1828 года и министерская Инструкция 1894 года, — разнящиеся по возрасту с лишком на 65 лет, ничем не разнятся по духу бюрократизма, присущему им обоим».

Четко и грозно звучат выводы;

«Основываясь на всем вышеизложенном, в заключение мы позволим себе выдвинуть следующие положения:

1. Современная школьная система проникнута бюрократическими началами, вредно отражающимися на ходе всего учебно-воспитательного дела.

…3. Инспекторам и заведующим этих училищ предоставлены слишком большие права сравнительно с педагогическими советами…

4. Педагогические советы городских училищ в настоящем своем положении утратили характер коллегиальных учреждений, приобрели значение совещательных органов при начальниках этих училищ».

Под статьей — сноска: «Все означенные положения были приняты Общим Собранием Общества взаимопомощи бывших воспитанников Санкт-Петербургского Учительского института».

Собрание не только приняло «означенные положения», но и рекомендовало всю статью опубликовать. На сей раз редакция не положила ее в долгий ящик; статья вышла в майском номере. Текст ее был чуточку сокращен, но разящий дух демократизма и самый желчный тон сохранены. Впечатление такое, что, несмотря на скрупулезность, тщательность разбора, Губкин как бы брезгует

обсуждать всерьез предстоящие реформы. Они не могут принести ничего хорошего.

Местами явственно сквозит усталость от работы в — школе; нам это важно запомнить для дальнейшего хода повествования.

В том же майском номере напечатана была в разделе «Письма из провинции» заметка «Народное образование в заводском районе Белого и Черного городка», подписанная псевдонимом «Зэт». Прислана она была из Баку; Губкин, прочтя ее, впервые узнал, что в далеком городе на Апшеронском полуострове есть кварталы «белые» и «черные» и что «черные» кварталы действительно черны от копоти и нефти…

Глава 20

А теперь автор считает необходимым объяснить, почему он подробно останавливался на первых статьях Губкина.

Если найдется среди читателей педагог, можно не сомневаться, он признает в молодом авторе приведенных цитат родственную душу! Она просвечивает сквозь текст; что-то в самой манере, в оборотах речи выдает учителя. Более того, человека остро, даже удрученно озабоченного сословными интересами.

Чтобы окунуть себя в пучину министерских параграфов, отвратительно скучных даже на вид, надо было — кроме отваги! — обладать еще и взволнованным интересом к нуждам коллег, на себе испытать мертвую хватку параграфов и сильно свое дело любить. «Когда я получил звание учителя, я уже был не учителем-ремесленником, а учителем-общественником с горячим стремлением служить народу» (из автобиографии).

Смелость, резкость, прямота суждений, ясность политических симпатий, которая весной 1918 года, когда он вернется из Соединенных Штатов, поможет быстро разобраться в обстановке… Общественная активность, род нервной энергии, сопутствующей таланту. Это еще только «эманация» таланта, по-прежнему пребывающего в стадии неопределенности. Через три года после произнесения знаменательной речи Губкин навсегда забросит учительство.

Вот для чего мы подробно останавливались на первых публикациях. Талант растет не одними прочитанными книгами, но и написанными (пока еще статьями), отдача духовной энергии столь же необходима таланту, как и ее возобновление.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность — проклятие
И счастья без подвига нет.

Талант еще не созрел в нем; его предстоит выстрадать.

Но гражданин — созрел вполне.

Без четкого понимания этого нам нельзя возвращаться в Карачарово.

Между тем наступил 1895 год.

Зима…

Глава 21

Акулово. Ссыльный поселенец. О чем думается, глядя на снег. Гюнц, миндель, рисе и вюрм. Гренландия в Берлине. Эрратические валуны. Как быть? Как быть…

Последние месяцы жизни в Карачарове отмечены дружбой с Александром Федоровичем Страшным; он жил в восьми километрах от Карачарова, в маленьком селе Акулове; сельцо это в суровую и удивлявшую снежным изобилием зиму 1895 года совсем затерялось в снегах и замкнулось, из него редко кто и на лошади выезжал. Дороги никакой не было, и по свежему насту не мудрено было и промахнуться, стороной пройти, что с Иваном не раз и случалось. Он шел на лыжах, после обеда, успев и тетрадки просмотреть, а зимний день короток… В темноте дорожные приметы смазывались, Иван, двигая палками, напрягал слух, останавливался, нюхал воздух.

Страшной же приехать к Ивану не мог: он был ссыльный поселенец и отлучаться никуда права не имел. Причиной знакомства послужили просветительские чтения Губкина; однажды он получил запрос провести такие же чтения в Акулове. Конечно, Иван не мог ответить отказом. Молодые люди сошлись, что называется, с первого взгляда; вскоре Иван с некоторым удивлением узнал о том скрываемом влиянии, которым пользовался Страшной среди крестьян и крестьянской интеллигенции в округе; он был «центром притяжения всех наиболее радикальных и прогрессивно настроенных элементов учительства».

Впоследствии и Губкин отмечал: «Огромную роль в росте

моего революционного сознания сыграл народоволец А. Ф. Страшной…»

«У него я нашел книги, которые повлияли на выработку во мне марксистского мировоззрения: «Программа работников» Лассаля — речь о задачах четвертого сословия, произнесенная в одном из предместий Берлина, статьи Лассаля о конституция и его «Судебный процесс». Все это было для меня откровением. Помимо этого, я читал и другую литературу. Такие книги Салтыкова-Щедрина, как «Господа Головлевы», «История одного города», «Господа ташкентцы», «Сказка о пескаре» и т. д., не менее ярко раскрывали передо мной картину общественного и политического гнета, всю глубину бесправия и угнетения русского общества. Помню, огромное впечатление произвел на меня роман Шпильгагена «Один в поле не воин», где герой Лео Гутман говорит о том, что все в человеке должно быть направлено к достижению своей цели, на пути к которой должны быть сметены все препятствия.

Чтение подобной литературы, так же как и политических книг, вело к одному — к формированию моего революционного сознания» («Моя молодость»).

Мы хоть и назвали Страшного молодым человеком, но он был старше Вани лет на десять, успел хлебнуть невзгод, тюрьмы, судебной волокиты, этапных ночевок; в юности, кажется, путешествовал по Европе; впрочем, неохотно о своем прошлом распространялся. В Акулове поначалу, имея диплом фельдшера, занялся лекарской практикой — и с большим успехом. Медикаменты присылали ему друзья из Харькова и Киева, и он в них недостатка не испытывал и раздавал больным бесплатно. В народе шептались, что лекарства настояны на украинских травах и потому обладают особо целебными свойствами. Больных приводили и привозили издалека. Страшной был ласков, порывист, немногословен, одинок; его жалели и любили. Бороду и голову брил, что — при голубых глазах и впавших щеках — делало его юным. Ростом был повыше Вани, но тонок, узок и хил. Одевался по-крестьянски.

Долго лечить ему не пришлось. Местный священнослужитель, приревновав к влиянию на паству, накатал жалобу в синод: храм божий, мол, опустел, вместе с лекарствами ссыльнопоселенец распространяет безбожие и зловредные идеи, сам атеист. Этого оказалось достаточно. Александр Федорович стал помогать учителю в школе. Времени много это не отнимало, но он никогда не казался скучающим или бездельничающим; какая-то озабоченность его не покидала. На улице бритую свою голову покрывал он пышной меховой шапкой, которую называл

малахаем; мочалку называл он по-сибирски вихоткой и страсть любил париться в черной мужицкой бане. Именно там и проходили у Ивана с ним многие беседы.

Однако не одни эти беседы привлекали Ивана в Акулово. «Куды опять волокешься? — ворчал сторож, завидев Ивана, выходящего из дому с лыжами. — То книжки читал, тебя на свет не вытянешь, а теперя заладил каждый день в Акулово. Глянь, снег валит! Какое удовольствие? А я самоварчик поставлю…»

Но уж Ивана и след простыл. Как объяснить старику, что в самой дороге-то тоже кроется удовольствие? Вот подъедет к бугру, ударом лыжи вскроет сугроб, обнажит нутро его до самой земли. Разве читать нутро это менее интересно, чем книгу? Снегостой высокий, да не сплошной; сколько было снегопадов, все друг от друга отделены. Легко пересчитать, Внизу снег плотный и зернистый, вверху — пух. И каждый пласт отделен, невидимой пыльной пленкой. Название ей: поверхность выветривания.

Пласт — черт подери, чудо природы, материализованный ритм, планетные часы! Подумать только, каждый год, в ноябре или там в декабре, мы становимся свидетелями чуда осадконакопления. Процесс, который природа прячет, укрывает от глаз, как всякое рождение, погружает на недоступное океанское дно, составляет главную красоту русской зимы! И на наших глазах снежный осадок, пласт проходит все нареченные стадии жизни: возникает, уплотняется, гибнет эфемерная ткань земной коры… И весной, когда пробуждаются сад, и лес, и лесные звери, стонет гибнущий снежный пласт…

Если бы сыпал, и сыпал, и сыпал снег…

Что было бы, а?

Завалил бы избы с трубами, деревья с верхушками…

Тогда нижний пласт, плотный и зернистый, называемый — фирн, в какое-то мгновение от тяжести вдруг превратился бы в лед!

А снег бы все сыпал…

Гребет Иван палками, лыжи с трудом продираются по свежей пороше, и ведет Иван с собою, в воображении своем, странную игру… То он ветер, то он снег, то гора. Душа ветра…

А снег бы все сыпал…

И тогда от новой тяжести нижний пласт, теперь уж ледяной, опять вдруг — в какое-то мгновение — потек! И потек бы, как вода! Нет, медленнее в тыщу раз: как вар! Получил бы нижний пласт сказочное, непонятное для твердого тела свойство: пластичность…

Так текут ледники в горах.

Так текли ледяные горы, мегатонны льда в ту необъяснимую пору, когда на Земле похолодало. Лета стали короткими, жалкими, туманными и не могли побороть прошлогодний снег; на северных склонах холмов и в ложбинах он оставался лежать; в народе поля прошлогоднего снега называют перелетками. Как метко народное слово! Перелетки, подобно сыпи, с каждым летом все южнее высыпали на коже Земли. И полз ледник неотвратимо и неслышно, срезая холмы и деревья и волоча их перед собой: штабеля леса и скалы…

А там, где останавливался, не в силах ползти дальше, оставались лежать извилистой баррикадой протащенные тысячи километров жертвы ледника и до сих пор лежат. То место называется: морена.

По этим моренам ученые определяют границы оледенения.

В эпоху наибольшего оледенения граница забегала южнее Лондона, Берлина, Киева и Москвы.

И было несколько эпох оледенения: гюнц, миндель, рисе и вюрм.

Помнится, в сосновом бору близ Киржача попадались ему неподъемные валуны; на них влезть, так уж до самой макушки сосны рукой достать; он и тогда подумал, откуда они взялись? Из земли, что ли, выперли? Не великан же приволок. А сейчас-то ему ясно: великан… Ледник.

Из самой из Скандинавии!..

И представляется Ивану Скандинавия…

Так коротает он себе путь в Акулово; а придя туда уж затемно и отыскав жилище Страшного, кричит:

— Сашка! Отворяй скорее, замерз! Ох, замерз!..

— Да что же это? — хлопочет Сашка, впуская гостя в сени. — Да ты весь в снегу! Почему так поздно? Когда выехал-то? Ну и шаг у тебя, только за смертью посылать! Надо же… На лыжах, а сколь долго плелся!..

Попробуй-ка и Сашке объяснить, попробуй-ка рассказать про путешествие свое из Карачарова в Акулово, во время которого забредаешь и в Берлин, и в Швецию, и в рисе, и в миндель, и на эрратический (принесенный, значит, ледником) валун успеваешь вскарабкаться!.. Трудно это рассказать; давай уж, Саша, о чем-нибудь другом.

Всю зиму Иван был оживлен и деятелен; ежевоскресно проводил в школе чтения с волшебным фонарем. Однако чем ближе к весне, тем угрюмее становился. Кончался срок его службы «за стипендию». Он обретал свободу. Впрочем, несколько однобокую: мог переехать в другое село или даже уехать в город, но, вздумай продолжить образование, имел право на поступление

(по тому же Уложению 1828 года) только в Учительский институт.

Учительский институт имелся в Москве,

Имелся в Петербурге.

Но прежде всего надо решить, разумно ли покидать Карачарово?

Здесь он уважен и обласкан всеобщим вниманием; начальство признало его авторитет и его способности; в нем видят настоящего деятеля народного просвещения. Чухновский им чрезвычайно доволен и гордится. При встрече намекал на повышение, на возможный перевод в Муром.

Никого не удивит, если годков этак через пяток он станет директором.

Он хорошо зарабатывает — 18 рублей 33 копейки в месяц; помогает семье. («Четырехмесячное летнее жалованье я отдавал целиком в семью, кроме того, я кое-что экономил и за зимние месяцы, так что моя денежная помощь семье вырастала в год примерно в восемьдесят-девяносто рублей, то есть была немногим меньше того, что приносил отец от своих заработков. Материальная поддержка и участие в крестьянских работах — вот что получала моя семья от своего образованного сына. По тем временам эта помощь была вполне конкретной и очень значительной для нашей небогатой семьи».)

А главное даже не это! Он чувствует — и подтверждения сыплются со всех сторон! — что он приносит пользу своим трудом, приносит пользу вот этим карапузам, которые обступают его, едва он появится на улице, пользу их отцам и матерям, чья простецки выражаемая благодарность так трогает его

Значит, покидать Карачарово неразумно.

И каюк! И довольно на эту тему думать! Дались ему эти столицы!..

В марте ветра поутихли; ударил лютый, сухой и веселый мороз. Белая равнина, раньше сплошняком тянувшаяся от окон губкинского дома и до дальнего леса, стала проседать, неуловимо-серым оттенком обозначилась река.

Ждали какую-то инспекцию, скребли и мыли полы. В середине апреля младшеньких распустили, а у старших начались экзамены. Классы опустели; заглядывать в них — страшновато: обдавало неистовой тишиной.

Прискакал из Мурома кассир с четырехмесячным жалованьем; оно вперед выдавалось до сентября.

Как и в прежние годы, уезжая на родину, Иван Михайлович обошел дворы, попрощался с учениками.

Знал ли он, что не увидит их более никогда? Не вернется в

Карачарово?

Мы погрешим против истины, если станем утверждать, что борьба, происходившая в душе его, приняла слишком уж острый характер. Как ни ясно сознавал он, что принимает ответственнейшее решение, от которого зависит вся дальнейшая жизнь, самое ответственное из всех, когда-либо принятых им до сих пор, как ни ясно сознавал, что решение его рискованно с точки зрения житейского благополучия (и беды не замедлили последовать!), он… он попросту ничего не мог с собой поделать.

Он хотел учиться!

Кроме того… «Меня тянуло, как чеховских трех сестер, «в Москву, в Москву, в Москву» или в Питер».

И поехал Иван в Питер.

Глава 22

Прощание с Поздняковой.

Из того села да
с Карачарова
выезжал удаленький
дородный
добрый молодец…

(Былина «Илья»)

Выехав «с Карачарова», добрый молодец взял курс на родное село — передохнуть перед дальней дорогой и испросить родительского благословения. Нелестный прием ждал его там! «…мои семейные были чрезвычайно огорчены, когда я снова «снялся с якоря» и пустился в открытое плавание.

— Уедет в Питер, помощи не видно будет, самому нечем будет жить».

И в точности угадали: ему нечем стало жить, как только он прибыл в Петербург!

«Однако на свободу моего выбора в этот раз они не посягали: знали, что я сделаю то, что признаю для себя полезным».

Иван Михайлович будет не раз еще приезжать в Поздняково. Сохранилась любительская фотография (примерно 1910–1912 годов), на которой снят он с сыном Сережей и престарелым отцом. Дед Михайло, стриженный «под скобку», с пушистой и ровной бородой, смотрит на внука с отрешенной и тихой умиленностью. Длинный армяк до щиколки прикрывает тонкие

старческие ноги в портках и чувяках. Изображение самого Ивана Михайловича сильно смазано.

Необычная судьба Губкина будоражила воображение поздняковцев; молва о нем, перекатываясь из поколения в поколение, обрастала фантастическими подробностями. Лет пять назад еще живы были старики, помнившие «Ванечку» (Филипп Сергеевич Силов и Федор Борисович Губин. Сообщено журналистом М.М. Роговым, за что ему — глубокая признательность. — Я.К.). Рассказывали про лихие стычки Ивана с земским начальником Есиковым и про то, что, уехав в столицу, он «взял там в жены генеральскую дочь».

Не было никакой генеральской дочери! Стычки с земским начальником, может быть, и бывали, но подтвердить их документами нет возможности. Дело не в этом: характерна сама легенда!

Иван Михайлович будет еще посещать Позднякoво, но нам с вами, дорогой читатель, последовать за ним не представится веского предлога. Повествование торопит! Поднимемся в последний разок по муромской дороге на холм, с которого видны село, поля, Ока.

Прощай, Позднякoво!

Глава 23

Поезд мчится. Черный город и темные пятна в истории. Аробщики. Капиталисты. Таблицы. Нобели. «Нефтепровод — это бедствие». Абиогенная теория Д.И. Менделеева. Русские смазочные масла. Губкин о положении геолога.

Нетерпение превозмогает грусть разлуки, и у легконогой молодости некрепки прощальные объятия. Нет, не прав был Иван Михайлович, истолковав (в автобиографических заметках) сожаление родителей тем только, что он-де из Питера помогать не сможет. В одном ли меркантильном интересе причина? Наверняка ведь сам-то спал не шелохнувшись последнюю ночку (хотя, между прочим, число накрепко запомнил, на всю жизнь: шестое августа), но уснула ли мать, прилегла ли бабушка? В сотый раз, поди, перебирали вещички, штопаные носки, рубашку, платочки, укладывали в котомку, которую, сев в вагон, беспечно закинет он на верхнюю полку, а сам развалится — руки за голову, глаза к окошку, где шмыгают разорванные клочья пара и царапает стекло угольная пыльца.

Дорога выключает пассажира из цепи жизненных событий, из

«чистого времени» жизни, как в современном хоккее судья останавливает секундомер, когда шайба выскакивает из игры.

Дорога — ожидание, нега, грезы, в дороге грусть побеждает нетерпение. О чем думает молчаливый пассажир с котомкой? Легче сообразить, о чем он н е думает. Он не думает, он не знает, он и подозревать не может, что поезд мчит его на встречу с нефтью! Там, в Петербурге, она, наконец, состоится, эта столь долго откладываемая обстоятельствами личного и социального свойства встреча. Но пока стучат колеса, пока остановлена игра, шайба еще не вброшена и борьба не возобновилась — разве не любопытно взглянуть, как готовится к встрече другая сторона?

Другая сторона в последние годы вдруг стала остро занимать множество огромное разных людей. Торговцев, ученых, извозчиков, механиков, богачей, бродяг, журналистов и всякого пошиба ловкачей… В журнале «Образование», 1901, № 5–6, в котором появился губкинский злой и обстоятельный разбор школьной реформы, герой наш прочел (читатель об этом вспомнил?) заметку, подписанную псевдонимом Зэт, присланную из некоего расположенного на Апшеронском полуострове Черного города. Зная неутомимую и педантичную любознательность нашего героя, можно не сомневаться, что он тут же развернул всегда при нем бывшую карту Российской империи и осмотрел очертания крохотного полуострова: в длину семьдесят пять верст, в ширину сорок. Из приложенной к карте шкалы условных обозначений (так называемой легенды) нетрудно ему было вывести, что почва Апшеронского полуострова камениста, лесов нет, протекает всего одна речка — Суганты.

Черный город был еще молод. Его возникновение связано со вспыхнувшей в одно несчастное лето поголовно у всех бакинцев страстью гнать керосин. Во дворах устанавливались кубы наподобие тех, какие придумали братья Дубинины, разводился огонь, и денно и нощно на мостовые и на крыши города сыпались липкие хлопья сажи. В конце концов задыхающиеся и разгневанные власти запретили «варить» нефть ближе, чем в двух километрах от города. На таком расстоянии и возник поселок, названный по цвету облака, постоянно его окутывавшего.

Конечно, увлечение бакинцев имело свою экономическую причину, объяснять которую, вероятно, нет надобности; из главы 13 читателю известно о возникшем в последней четверги девятнадцатого столетия спросе на нефтепродукты. Цена за пуд составляла семь копеек, но пуды были даровые. Полуостров щетинился деревянными буровыми вышками. (Против них когда-то опрометчиво высказался академик Абих: «Буровая скважина… будет засоряться и сжиматься по мере углубления. Употребив

даже… предохранительные трубы, цель точно так же достигнется несовершенным образом…» Почему? Абих решительно ошибался, однако его мнение некоторое время довлело над промышленниками. Первая скважина была пробурена на Апшероне в 1869 году; она стала извергать с газом воду, камни, песок и нефть; мастер испугался и велел забросать ее булыжниками. Вторая скважина зафонтанировала; это приписали действию нечистой силы. Прискакал уездный начальник, распорядился поставить крест и произвести расследование. Потом дело пошло. В 1895 году скважинами было добыто 400,9 миллиона пудов.)

Россия долго задавала тон в мировой добыче. Таких темпов не знала даже Америка. Профессор К.А. Пажитнов в своих «Очерках по истории бакинской нефтедобывающей промышленности» приводит интересные сравнительные цифры; «Если в 1873 году добыча нефти составляла 3,9 млн. пудов, то через десять лет она выросла до 49,9 млн. пуд., т. е. в 12,8 раза. Между тем в США в 1860 году, к которому и относится начало крупной нефтяной промышленности, добыто было 3,8 млн. пудов, т. е. почти столько же, сколько в Баку, а через десять лет — 32,0 млн. пуд., т. е. лишь в 8,5 раза больше. Через двадцать лет, в 1892 году, добыча нефти в Бакинском районе поднялась до 296 млн. пудов, т. е. в 76 раз против исходного момента, а в США добыча нефти за равный промежуток времени увеличилась до 151,3 млн. пуд., т. е. только в 40 раз. Наконец, в 1902 году нефтедобыча Бакинского района составляла 637 млн. пуд., а в США соответственно (т. е. в 1889 году) — 267,2 млн. пуд., что дает увеличение в первом случае приблизительно в 160 раз, а во втором лишь в 70 раз».

Конечно, такое количество горючего нельзя было переработать в допотопных кубах. Экспансивных бакинцев скоро прибрали к рукам капиталисты. Миллионеры Мирзоев, Кокорев, Лианозов, Рагозин, Нобель нанимают разорившихся дехкан из Южного Азербайджана, согласных на любую оплату, строят заводы, прокладывают нефтепроводы. Нефтепроводы лишают куска хлеба аробщиков, владельцев телег. Раньше они перевозили нефть от буровых к заводам и пристаням. Аробщиков тысячи. По ночам они подкрадываются к трассе и ломиками дырявят трубы; нефть вытекает…

Средний возраст рабочих и служащих, обследованных летом 1899 года, равнялся 26,7; рабочих старше сорока почти не было. По этому поводу журнал «Нефтяное дело», 1900, № 5 писал: «…к сорока годам он (рабочий. — Я. К.) превращается в большинстве случаев в инвалида, не способного от преждевременной старости

и болезней к производительному труду… Особенно плохо обставлен труд тормозовых, ключников, тартальщиков и помощников буровых мастеров… У рабочих этой категории из ста человек переходят сорокалетний возраст всего только два-три человека».

Санитарный врач Л. Бертенсон посетил бакинские промыслы в конце лета 1896 года. Его отчет нелегко читать даже теперь, «… в казармах, предназначенных для спанья, приготовляется кушанье и печется хлеб… нечистоты и грязь составляют принадлежность всех казарменных помещений». Содержание воздуха ничтожно — 0,25 — 0,50 кубической сажени на человека; «приходится удивляться, как в них могут жить люди».

А люди все приезжали, влекомые слухами о легкой наживе, — из Костромы, Вятки, Нахичевани, из Персии… Национальный состав рабочих (среди них были и выходцы из западноевропейских стран) отличался редкой пестротой. Много было армян, грузин, персов, татар. Каждое землячество сколачивало свой барак. Между бараками шныряли продавцы гашиша и спиртного; драки «стенка на стенку» вспыхивали часто. Рабочий день длился двенадцать-четырнадцать часов. Читаем у профессора Пажитного: «…у тартальщиков под влиянием крайне однообразной работы, требующей сосредоточенного внимания на одном предмете в течение многих часов (не менее 12–14), появляется переутомление нервных центров и угнетение мозговой деятельности настолько сильное, что рабочие становятся апатичными, безучастными к внешнему миру, несообразительными и нередко даже близкими к состоянию идиотизма».

Не менее пестрым, чем национальный состав, был в Баку (поначалу) и набор фирменных знаков. Фирмы создавались и лопались быстро. Конкуренция была отчаянной и общему Делу, конечно, вредила. Трубопроводчики интриговали против судовладельцев, держатели «керосиновых акций» против «мазутчиков». Когда Нобели затеяли прокладку нефтепровода, в журнале «Нефтяное дело» появилась статья «Нефтепровод — это бедствие». Написали ее владельцы наливных барж братья Артемьевы. Раздоры и сговоры дельцов, всякого рода синдикатные договоры и картельные соглашения, закулисные сделки банкиров и промышленных воротил об «участиях» и финансовом контроле, подлинные источники и размеры прибылей — это всегда тайное тайных капиталистического общества. После революции остались фирменные, департаментские и министерские архивы. Мрачноватые хранилища заверений, просьб, кляуз, подсчетов… (Один пример,

выбранный по методу блоковского монтажа, уже использованного в главе 13. Иван Михайлович выехал из Позднякова в Петербург — на неведомую ему встречу с нефтью! — 6 августа 1895 года. За три недели до этого дня некто Г.К. Изенбек, комиссионер по продаже керосина за границей, подал государственному контролеру Т.И. Филиппову записку, копию которой отправил министру финансов С.Ю. Витте. Притесненный в чем-то Нобилем и Ротшильдом, Изенбек решается на разоблачение их афер — и делает это со знанием дела! Витте переправил записку в департамент железных дорог, и в тот самый день, когда по железной дороге несся будущий основоположник нефтяной геологии, некая начальственная департаментская рука чертила на полях изенбековской бумаги язвительные пометы: «Они и сейчас существуют, только нет Изенбека, который хочет быть комиссионером, а не устраивать склады и прочее». «Нобель и Ротшильд вели свои переговоры с ведома м-ва финансов». «Тогда для чего синдикат?» И т. д. В правительственных кругах Изенбека не поддержали. Характерный документик, вскрывающий подноготную капиталистических отношений. Желающих ознакомиться с ним отсылаем к сборнику «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России». Мы же воспользовались им, чтобы реконструировать «новость дня», весьма важного в жизни нашего героя и заодно проиллюстрировать остроту схваток за бакинскую нефть.)

Однако не одних же банкиров, продавцов гашиша и обездоленных крестьян привлекала бакинская нефть! Она все более притягивает к себе интерес ученых, и среди них встречаем мы личность замечательную в русской и мировой науке — Дмитрия Ивановича Менделеева. Им была создана первая рациональная схема промышленной первичной разгонки нефти на ее составные части. Особенно интересовался он бакинской нефтью. Баку посещал неоднократно в течение 1863–1886 годов.

Дмитрий Иванович был командирован в США для специального ознакомления с пенсильванскими промыслами (редчайшая эта возможность была впоследствии предоставлена Ивану Михайловичу Губкину) и внес в нефтяную экономику и производство много новаторских предложений, но мы остановимся только на его гипотезе происхождения жидкого минерала. Совершенно естественно, что, обратив мысль свою на химизм нефти и на применение нефти в народном хозяйстве, не мог же великий ученый не задуматься над тем, откуда нефть в земной коре появилась. К тому времени оформились две точки зрения на сей предмет: органическая теория, согласно которой нефть образовалась из остатков растений и животных, и

неорганическая. (Собственно, две эти точки зрения в «улучшенных» вариантах остались и по сей день.)

Дмитрий Иванович поначалу прельстился построениями «органиков»; по возвращении из Америки в 1876 году он писал: «Нефть, конечно, образовалась из остатков животных и растений, прежде живших, и только сохраняется в неизменяемом виде пластами, где ее находят». В том же году (запомним это для следующей главы) Менделеев доложил (вкратце) на заседании Русского химического общества о своей минеральной (карбидной) гипотезе; вскоре он подробно обосновал ее.

Сотни раз потом эта гипотеза пересматривалась (конечно, уже другими, не Менделеевым), пересчитывалась, объявлялась архиустаревшей и, несмотря на заклятия, никак не позволяла упечь себя в забвение. Несостоятельность ее с геологической точки зрения, кажется, совершенно теперь ясна, однако построена она так изящно и она настолько проста (ее поймет и десятиклассник), что так и тянет сказать: правдива! Темнейшая загадка природы была бы решена почти сто лет назад, но нет, она до сих пор так же темна, как и прежде.

Сущность гипотезы сводится к следующему.

Общая плотность Земли на основании ряда вычислений принимается равной 5,2; плотность горных пород земной коры — значительно выше. Следовательно, нутро планеты содержит гораздо более плотные вещества, нежели ее оболочка. Правомерно предположить, что там много углеродистого железа, плотность которого около семи; кстати, это вполне согласуется с данными магнитометрии. Углеродистого железа (карбидов железа) и карбидов никеля много в метеоритах и на Солнце; если Земля — дочь Солнца (гипотеза Канта — Лапласа и позднейшие ее разработки), то она непременно богата железом. Оно же при охлаждении превращается из парообразного в жидкое состояние ранее других элементов и соединений; оно менее летуче, и его было много. Сжижение железа происходило при таких температурах, когда не могли образоваться кислородные соединения; вместе с железом в ядро Земли попадал углерод.

Нефть, по Менделееву, образовалась при соприкосновении расплавленного углеродистого железа с водой. Вода (пресная или морская) проникла вглубь так: планета наша, остывая, сжималась, и наружная ее оболочка коробилась и трескалась. Дмитрий Иванович допустил (вот, пожалуй, единственная, но не выдерживающая критики с геологической точки зрения слабость его гипотезы) громадную глубину трещин. «Эти трещины должны быть отверстыми внутрь земли».

Через трещины вода достигает накаленных масс

углеродистых металлов, разлагается на водород и кислород, водород соединяется с углеродом карбидов и образует газообразную смесь углеводородов. А нефть, как известно, представляет собою смесь углеводородов. Формула реакции выглядит так: $2Fe_2C + 3H_2O = Fe_2O_3 + C_2H_6$.

Углеводороды, перемещаясь в верхние слои, конденсируются (ведь при образовании они были парами и испытывали большое давление со стороны водяных паров), претерпевают химические изменения сообразно встречаемым на пути условиям и превращаются в различные по составу виды нефтей.

Все:

Неправдоподобно просто; право, остается ощущение быстрого фортепьянного пассажа, взятого небрежно виртуозной рукой. Речь-то идет о сложнейшей проблеме! Фигурирующие в настоящее время гипотезы при всем соответствии требованиям современной науки лишены изящества менделеевской гипотезы; они громоздки. С химической точки зрения гипотеза Менделеева в полной мере безупречна до сих пор!

Дмитрий Иванович обрабатывал белый, зеркальный чугун соляною кислотой и получал бурую жидкость, до того по своим внешним признакам напоминавшую нефть, что буровики-практики, которым Менделеев ее показывал, «прямо говорили, что это нефть, даже старались определить по запаху и виду, из какой она местности…». Менделеев заключает: «На железо кислоты действуют, в сущности, так же, при обыкновенной температуре, как вода при накаливании; в обоих случаях водород выделяется, а железо, соединяется или с галоидом кислоты, или с кислородом воды…»

Эксперименты Менделеева были подтверждены опытами французского химика Клоэца и немецкого Гана. На некоторое время они увлекли и Губкина, однако вскоре он убедился, что увязать их с геологическими данными никак невозможно. Между ядром Земли и ее корой лежит пояс из базальтового субстрата, близкий, по выражению Ивана Михайловича, «к вискозному или пластическому состоянию, при наличии которого в субстрате не могут образоваться трещины». Это исключает проникновение воды до земного ядра; да и нефтяные пары не смогли бы подняться наверх, даже если бы они и образовались так, как это предположил Менделеев.

Дмитрий Иванович принимал живое участие в практических делах русской нефтяной промышленности; не без его влияния на заводах были созданы превосходные сорта смазочных масел, прогремевших на весь мир под названием «русских масел».

Заканчивая наш — по необходимости краткий — обзор того,

что происходило на другой стороне, торопящейся на встречу, которая состоится в Петербурге в недалеком будущем, можно заключить, что нефтяное дело в России развивалось — правда, не без скрипа и периодических упадков — как в хозяйственном, так и в научном отношениях. К вящему сожалению, предприниматели пренебрегали советами специалистов, многие участки катастрофически быстро истощались. «Геологи, в том числе и ученые авторитеты, вынуждены были играть постыдную роль приказчиков при спекулянтах» (Губкин).

Глава 24

Гипотеза Менделеева с точки зрения психологии, Высказывания профессора Лазурского. Вспомните фамилию: Шуровский! Да полно, был ли у Губкина талант? Почему нефть нравилась герою больше, чем свинец и олово, а также другие спорные истины.

Возвращаясь в сентябре 1876 года из Филадельфии на родину и обдумывая отчет свой перед научной общественностью (и министерством финансов, разумеется), Дмитрий Иванович не сомневался, что на вопрос, буде ему такой задан: что, по-вашему, есть нефть? — ответит, не моргнув; «Органика». Вышло же, как в древней притче о пророке Валааме, которого призвал царь Моавитский Валак, чтобы проклясть с горы народ израильский. И в первый, и во второй, и в третий раз противу воли собственной Валаам вместо проклятия произнес благословение.

В декабре семьдесят шестого Дмитрий Иванович докладная о виденном в Соединенных Штатах на заседании Физико-омического общества и вкратце нарисовал возможность полудня углеводородов при реакции карбидов металлов с водой; через несколько месяцев вышла в свет его книга «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе» с главой о происхождении нефти, основное содержание которой было повторено в знаменитых «Основах химии». Так оформилась абиогенная гипотеза.

Никому, конечно, не придет в голову упрекнуть великого химика в поспешности или недодуманности своих построений. Другое дело, что создание гипотезы не потребовало, может быть, тех нечеловеческих напряжений, которыми постигался периодический закон. Гипотеза Менделеева сама по себе, как уже отмечалось, производит впечатление виртуозности и легкости; не будет неправдоподобным предположить и легкость

возникновения ее: вдруг блеснула в сознании; рука торопливо и нервно записала латинские индексы элементов… И только закончив уравнение реакции, мог Дмитрий Иванович вспомнить о недавних своих противоположных убеждениях… Скорость в перемене взглядов, коробящая педанта в науке (человека с репродуктивным мышлением, по психологической терминологии), может быть отнесена к пластичности мышления (по той же терминологии), прекрасному качеству ума.

В определении понятия «талант», данном главою русской психологической школы А.Ф. Лазурским, есть некая сторона, весьма пригодная нам для развития нашей повести. «В то время как бедно одаренные индивидуумы обычно всецело подчиняются влияниям среды, ограничиваясь, в лучшем случае, чисто пассивным приспособлением к ее условиям и требованиям, натуры богато одаренные стремятся, наоборот, активно воздействовать на окружающую их жизнь, приспособляя и переделывая ее сообразно своим запросам и стремлениям; начиная, подобно более примитивным натурам, с подражания и пассивного приспособления, они затем по мере своего духовного роста превращаются постепенно в творцов и преобразователей жизни».

К этому определению (из обобщающего труда Лазурского «Классификация личностей») примыкает определение современных советских психологов А.Г. Ковалева и В.Н. Мясищева («Психические особенности человека», т. 2): «Следовательно, способности имеют решающее значение в приспособлении. Психический уровень личности определяется мощью психической энергии. С увеличением запаса нервно-психической энергии, т. е. ростом способностей, повышается психический уровень и возможности приспособления».

И Лазурский и Ковалев с Мясищевым вкладывают в понимание одаренной личности некую способность отражать пагубное воздействие среды и даже подчинять среду себе.

Творческий процесс, по Лазурскому, «далеко не ограничивается так называемым творческим воображением (свойственным по преимуществу художественным натурам), а, наоборот, может относиться одинаково ко всем без исключения основным психическим функциям, ко всякого рода душевной деятельности и душевным проявлениям. Люди, высокоодаренные в каком бы то ни было отношении, проявляя интенсивно те черты, которые им наиболее свойственны (например, волевую энергию, или чувство симпатии, или обобщающую деятельность мышления и т. п.), продолжая обнаруживать их даже в совершенно неблагоприятных новых и необычных условиях, создают, иногда

помимо своей воли, совершенно новые роды проявлений, пробивая дорогу, по которой потом пойдут другие».

Чрезвычайно полезно разработанное Лазурским понятие об общем запасе психической энергии («психический фонд»). Авторы «Психических особенностей человека» в основном согласны с этим учением, но ставят под сомнение врожденность таланта — в противоположность профессору Ленинградского университета (между прочим, доктору физико-математических наук) Н. Толстому, который в занимательной статье «Прицельный поиск таланта» («Неделя», 27 ноября — 3 декабря 1966 года), рассмотрев положительный зарубежный опыт, ратует за развитие новейших психологических дисциплин: квалификационной психологии, психотопологии, психологии профессий и др. Он приводит убедительный пример: в США, применив специальные тесты, выявили природные наклонности ста «спичечников» (так там называют нищих, побирушек). После направленного обучения многие из них добились поразительных успехов в излюбленной (об этой любви еще недавно они сами не подозревали!) отрасли знаний, защитили докторские диссертации и т. д.

Покончив на этом с общими рассуждениями, вернемся к Ивану Михайловичу Губкину. Герой наш мчится в поезде, он переменил позу и смотрит сейчас не в окно, а, предположим, на блондинку, подсевшую на ближайшей остановке. Очень скоро ему удается узнать, что она из села Верхние Пески, едет к бабушке с гостинцем. Кто ты, Ваня Губкин, человек из прошлого века? Не тебе ли предстоит, едва закончив Горный институт, открыть тайну рукавообразных залежей? Значит, ты талантлив уже сейчас? И талантлив, конечно, как геолог, иначе ты бы не мог, расставшись с одной профессией, так скоро добиться успехов в другой. Но что ответишь предполагаемой блондинке, если поинтересуется специальностью собеседника? «Учитель!» — с гордостью объявишь ты и, может быть, скромно помянешь и об успехах своих на благородном поприще народного просвещения. «У, да вы не простой учитель, вы талант!» — промолвит восхищенная блондинка, и кто же не согласится с ней? Талант, безоговорочный талант! (Мы привели обширные выписки из юношеских сочинений Губкина, они подтверждают это.)

Не относится ли дарование Ивана Михайловича к разряду многосторонних? (Таковы Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гёте. Наоборот, Дарвин был «рыцарем одной страсти»; примеры общеизвестные.)

Едва ли. Став геологом, Губкин забыл учительство, которым, кстати говоря, уже тяготился в последние годы петербургской своей жизни до поступления в Горный институт. Обратимся к

примерам иного рода.

В начале 30-х годов прошлого века Париж с любопытством следил за полемикой между Кювье и Сент-Илером. Еще в 1812 году Жорж Кювье обнародовал — в виде приложения к одному из томов своих исследований Парижского бассейна — новый взгляд на геологическую историю Земли: «Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара». Переворотов, повсеместных катаклизмов, сопровождавшихся полным уничтожением всего живого, знаменитый зоолог насчитал сначала три; затем число их возросло; церковники, которым новейшая гипотеза напоминала легенду о Ноезом ковчеге, ничего не имели против нее.

Э. Жоффруа Сент-Илер резко, иногда грубовато спорил с темпераментным Кювье, бурно переживавшим перипетии полемики. Внезапно он скончался. Друзья Кювье обрушились на оппонента с градом упреков. «Жоффруисты» подверглись гонениям в прессе.

Этот неприятный оборот научной дискуссии получил совершенно неожиданный отклик в Москве. Некий врач, проживавший в ней, Григорий Шуровский, бросился скупать по книжным лавкам свою брошюру «Органология животных».! В ней он высказывал откровенно эволюционистские идеи. Сирота, выросший в воспитательном доме, он с трудом добился приема на медицинский факультет университета; в студенческие годы перебивался частными уроками (между прочим, некоторое время преподавал Ивану Сергеевичу Тургеневу!). Двадцати пяти лет от роду выдержал экзамен на диплом доктора и акушера, через год защитил диссертацию, еще через год занял кафедру на медфаке. Жизнь наладилась, все беды позади, карьера ясна! Приятно, что строит ее своими рукам! И тут — на тебе… Чудовищные слухи из Парижа… у нас ведь при нашем-то подражательном характере тотчас кинутся избивать отечественных эволюционистов. А у него вышла недавно злосчастная эта брошюра!

Шуровский уничтожил все какие смог достать экземпляры, но страха в себе не подавил; он подал прошение о переводе на кафедру геологии и минералогии. Благо этими науками интересовался и раньше. Три года прилежно и отчаянно штудирует литературу; наконец чувствует себя в состоянии пуститься в экспедицию. «Уральский хребет в геогностическом, физико-географическом и минералогическом отношениях» — так называлась первая работа Шуровского в качестве геолога. Специалистов поразила легкая и горячая манера изложения. Видно, большой любви к путешествиям экс-врач не испытывал (кстати, потихоньку вернулся он и к лекарскому пользованию, осматривал детишек в том самом воспитательном доме, в

котором сам вырос; его назначили старшим врачом, и звание это он за собой сохранил до смерти). Кроме поездки на Алтай, где им очень цепко схвачены были главные черты строения края, он в дальний путь никогда не пускался; зато неторопливо, долго и обстоятельно изучал Московскую губернию. Двухтомник, посвященный геологии Московского бассейна, до наших дней не утратил привлекательности. Все же ценность научного наследства Григория Ефимовича не в перечисленных трудах; он оставил нечто иное — неосязаемое; дарование его проявилось не в самобытных исследованиях, глубоких анализах, а в блестящих толкованиях накопленных предшественниками знаний и в популяризации их. Согласитесь, в этом есть предопределенность. На лекции Шуровского собиралась «вся Москва», шли люди и слыхом не слыхавшие о земной коре, но вдосталь наслышанные об ораторском даре профессора с такой необычной судьбой. Сорок пять лет заведовал Шуровский кафедрой геологии в Московском университете, приведя ее многотонные и хаотические коллекции в образцовый порядок; он передал кафедру любимому ученику А.П. Павлову, предварившему своими маршрутами открытие Второго Баку; Алексею Петровичу довелось властвовать на ставшей знаменитой кафедре даже чуть дольше учителя.

Воистину, думается иногда, что искус страданиями придает таланту, как микродоза редкоземельных элементов, добавляемая в сталь, внутреннюю кристаллическую структуру прочности. Иван Дементьевич Черский, сын курляндских аристократов, семнадцати лет от роду был взят жандармами под стражу в аудитории Вильнюсского дворянского института, где воспитывался. Ему предъявили тягчайшее обвинение: участие в мятеже, развязанном польскими повстанцами. Так ли было дело, соответствовал ли истине обвинительный акт — сказать наверняка нельзя, но обвинительный вердикт был ужасен. Сибирь — солдатом в стрелковый батальон. И нервный, болезненный и до смерти перепуганный мальчишка бредет по этапу в Омск, где дислоцируется его часть. Утонченная натура, он не выдерживает грубых шуток казармы, заболевает нервными припадками, которым — о ужас! — унтер-офицер не верит! «Знаем! Притворяется!»

Через пять лет Ивану Дементьевичу удается освободиться от солдатчины. В Омске образовалась небольшая колония ссыльных поляков, в которой выделялся остроумием и образованностью В.И. Квятковский. Проездом останавливался известный путешественник Г.Н. Потанин. Общение с ними вызывает у болезненного юноши интерес к природе, к спокойным,

вековечным, несуетливым сменам времен года и ритмам тверди и хляби. Вдруг наука становится смыслом, единственной страстью, оправданием исковерканных лет, вбирает в себя все честолюбивые надежды и все жизненные устремления; он с жадностью, с чахоточным исступлением читает книги, собирает минералы, совершает палеонтологические экскурсии по Иркутскому краю, куда переезжает на жительство. Выбирает маршруты самые недоступные, страшно опасные; пускается вплавь по бурному Байкалу на утлом карбасике — один — для изучения западного берега; лето 1881 года проводит в забайкальских хребтах. Ему доставляет наслаждение служить науке с болью, подвергая себя смертельному риску, невзирая на нездоровье, на отчаяние близких. Его статьи начинают появляться в петербургских научных журналах, но нищета не оставляет его. Он устраивается приказчиком в мелочную лавку. В 1885 году приходит разрешение на въезд в столицу.

Последняя экспедиция его на Колыму — одна из самых! героических страниц в истории науки. С ним отправляются жена и сын. Они не чают вернуться с ним обратно. Он слишком тяжело болен. Отговаривать его бесполезно — уйдет один… Записи в дневнике отрывисты, беспокойны; наблюдения и замеры чередуются с жалобами на головокружение и боли. Иван Дементьевич не в силах сжать карандаш. «Боюсь, что муж сегодня умрет», — выведено крупными дрожащими буквами. Черский берет с жены клятву, что, похоронив его, они с сыном доплывут до конечного пункта похода.

На берегу Колымы, под кустом бузины, в неглубокой яме вырытой слабыми руками несчастной женщины и мальчика, нашел успокоение этот человек, сумевший вымолить у судьбы нечто большее, чем талант.

«Способности — это определенная структура достаточно стойких, хотя, конечно, и изменяющихся под влиянием воспитания, обучения и тренировки свойств (черт) личности, определяющая успешность освоения определенной деятельности и совершенствования в ней», — пишет профессор К. Платонов, заключая цепь своих рассуждений о природе способностей.

Вдумываясь в это определение, мы, пожалуй, откажем в способностях и нашему Губкину, и Шуровскому, и Черскому. Были ли у них свойства (черты), определяющие успешность освоения определенной деятельности? Попробуем, чтобы поближе подобраться к узловой точке данной 24-й главы нашего повествования, взять пример из области, из которой охотно черпают свои примеры специалисты-психологи и которой мы до сих пор не касались, предпочитая опираться в своих построениях

на «действительно бывших» героев. Художественная литература! Но разве выписанные герои, как давно замечено, вторгаясь в умы, не плодят примеры подражания или осмеяния, не становятся явлениями жизни?

Так вставим же в нашу главу напоминание о юном выходце из маленького городка Веррьера, одного из самых живописных во всем Франш-Конте. «Белые домики с островерхими крышами красной черепицы раскинулись по склону холма, где купы мощных каштанов поднимаются из каждой лощинки. Ду бежит в нескольких сотнях шагов пониже городских укреплений; их когда-то построили испанцы…»

Напоминание о стройном юноше, сыне плотника; подобно нашему герою, он начинал учителем, и дети были привязаны к нему. «Красное и черное». Книга, сочиненная за полгода стареющим малоизвестным литератором, переехавшим из Марселя в Париж. Скажите, Жюльен Сорель был талантлив?

Тысячу раз — да! Но кто возьмется определить — в чем? Не может ведь быть таланта «вообще»? Жюльен превосходит всех, с кем сводит его судьба, даже маркиза де ла Моля. Но в чем? Конечно, иные его свойства сами по себе относятся к числу выдающихся: необъятная и безотказная память, мучительная тщательность самоанализа, но они сопутчики таланту или его предтечи. Сорель обожал Наполеона, чей портрет приходилось прятать; он считал, что в его время, когда храбрость проверялась в бою, он быстро смог бы стать генералом. Может быть, настоящее его призвание было в другом, он бы стал выдающимся дипломатом, оратором, проповедником, министром? Кто знает, он отказался бежать из безансонской тюрьмы…

Перед нами талант (тысячу раз — да!), описанный, схваченный в той своеобразной фазе, которой не минуют, может быть, даже вундеркинды: в стадии неопределенности. Общественная функция таланта ярче (иногда трагичнее всего) проявляется в пору его зрелости, наивысшей активности — ив стадии неопределенности. Перечтите «Исповедь» Руссо; неопределенная талантливость автора, увлекавшегося до одури то музыкой, то шахматами, выворочена наружу (в книгах 2–6) и служит причиной многих фантастических поступков.

«Этапность» в развитии дарования не отрицают и авторы «Психических особенностей человека»: «Очевидно, следует признать, что актуализирующиеся способности вначале проходят «инкубаторный», скрытый от наблюдателей период развития. Необходима внутренняя работа по переструктуированию психических свойств, их приспособлению к деятельности, чтобы способность проявлялась во всей своей полноте». Иван Губкин

тяжелее и дольше многих других перенес инкубаторный период вызревания таланта; об общественных причинах этого говорено немало. Талант в стадии неопределенности еще не дорос до осознания себя; он мечется, кружится, застывает; так водный поток, неожиданно низвергнувшийся из бокового языка снежника в слишком жаркий июльский день, долго бьется с недоуменным бешенством о выступы крепких пород, пока прорвет или отыщет себе русло.

Богатый «фонд» психической энергии, познавательская жилка, честолюбие, наблюдательность, умение приспосабливаться к среде и, возвышаясь над ней, подчинять ее себе (не в банальном «иерархическом» смысле, а в том, который вкладывает в это понятие профессор Лазурский) — все это с несомненностью свидетельствует об одаренности Губкина. Добавить сюда нужно его трудолюбие. В.Е. Сыркина в интересной работе «Развитие способностей и характер» проследила влияние труда на развитие способностей. Она считает, что, открывая новые стороны в труде, человек «открывает и новые возможности в самом себе». (Поиски новых сторон в трудовом процессе, по-видимому, тоже показатель одаренности. У некоторых гениев эта черта перерождается в странность. Они испытывают отвращение к самому ходу работы по-старому. Леонардо составлял рецептуру красок, он не мог писать красками такими же, какими пишут все художники. К великому для потомков сожалению, он переоценил свои химические познания. Большинство его картин разрушило время.)

Конечно, судить об одаренности Губкина можно было бы, исходя по меньшей мере из конечного результата. Лучшее доказательство его одаренности! Но одно оно не может удовлетворить биографа, задача которого раскрыть, как герой шел к своему призванию. В главе 14 мы сетовали на скудость биографических материалов «догеологического» периода жизни Ивана Михайловича. Однако, как показано там же, скудость эта не случайна; Тейяр де Шарден обосновал теорию «исчезновения черешка».

Оказывается, можно примерно вычислить скорость протекания психических процессов и передать особенности восприятия природных явлений у личностей, склонных к геологическому мышлению. В главах 16 и 21 мы пытались реконструировать душевную жизнь героя, зарождение интереса к скрытым движениям земной коры. Снегопад в главе 21 по-разному, естественно, виделся бы художнику, композитору или крестьянину. Для геолога падение снежинок суть живой процесс пластообразования. Но так воспринимает снег лишь юный геолог

(воображение которого к тому же подогрето чтением Спенсера!). Мы и пытались это показать. Старый геолог, навидавшийся на своем веку пластов, склонен видеть, точнее, ищет видеть игру снежинок и мелодию теней.

Мы реконструировали душевную жизнь, накладывая на представления о психотипе реальные факты биографии и подлинные пейзажи. (Настал момент отчитаться перед читателем в выбранной «методике разведки». «Методика» — обязательная глава геологического отчета. Труд геолога оценивается не количеством пройденных километров или осмотренных точек, а обобщениями, изложенными в отчете. Как правило, это пухлый том, который нужно защитить на особом совете. Больше всего вопросов и споров вызывает глава «Методика разведочных работ». От выбранной методики зависит точность реконструкции формы рудного тела и его размеров, без чего нельзя подсчитать запасы.)

Сделав это откровенное признание, мы теперь можем с облегченной душой высказать несколько психологических гипотез, касающихся причин, повлиявших на формирование характера нашего героя. Кажется, это нужно, чтобы правильно понять последующие его успехи.

Праздный ли вопрос, почему именно нефть стала источником самой сильной его страсти. Не будем, правда, забывать, что ему принадлежит честь открытия курской руды, что на посту начальника Главного геологического управления СССР, который он много лет занимал, он заботился об обнаружении всех полезных ископаемых; все же в пантеоне советской науки на его памятнике выбито: «Основоположник нефтяной геологии».

Вглядимся в почерк его — несуетливый, прямой, скорый; ясная ровная посадка букв, спокойно и с суховатой плавностью перетекающих одна в другую. Они округлы, невысоки и похожи. Вчитаемся в любую его статью. Мысль разгоняется неторопливо и плавно и последовательно забирает все вширь и вширь. Отклонений, резких поворотов почти нет.

Губкин — житель равнины; серебристое дребезжание маленькой Теши и грустный простор Оки; ленивые изгибы зеленых холмов, манящая темь лесов, ядовитая сочность болотных трав — вот его детский мир. Настал момент отчитаться перед читателем и в наших злоупотреблениях пейзажными зарисовками; сейчас без них невозможно было бы обосновать гипотезу; подчеркнем еще раз жирной чертой это слово: не более как рабочая «психогипотеза», с помощью которой попытаемся вторгнуться в загадочное сплетение причин, приведших Губкина к осознанию своего таланта. Защищаем методику разведки!

Нефть — тоже «житель» равнины; как ни причудливы ее

залежи, но — жидкость! — она сохраняет плавность контуров, пропитывая осадочные отложения. Геометрия одного нефтяного тела всегда проста: приближение к сфере. Конфигурация же рудного тела всегда вычурна. Кроме того, обитают металлы в горах, красота которых тоже не для всякого глаза.

Далее. Нефтяные залежи, связанные между собой общностью зарождения, возрастом или химическим, составом, захватывают колоссальные территории и мощные пачки пород; учение о нефтегазоносных бассейнах, выдвинутое И.М. Губкиным, объясняет это. Подобной «масштабностью» не может похвастать ни одно полезное ископаемое; это качество присуще только нефти и, думается, должно увлекать умы, склонные к широким обобщениям.

Иван Михайлович слишком долго шел к своему таланту, мучительно его выращивал, и надо ли удивляться энергий, страстности и гневливости, с которыми вставал он на защиту его плодов — от нападок. Первые открытия Губкина поражают тонкостью сопоставлений, увязок и тою дальнозоркой наблюдательностью и скрупулезностью, с которыми сопоставления сделаны. Однако по-настоящему крупных событий в нефтяной геологии он поначалу произвести не мог. Для этого нужны тысячи помощников, тысячи буровых станков, машин и, наконец, громадные неисследованные земли, предоставить которые не может ни одна нефтяная фирма. И ни один зарубежный геолог и ни один наш дореволюционный геолог не могут даже и близко сравниться с Губкиным по «крупности» открытий. Он открывал не месторождения (самое большее, на что могут рассчитывать геологи, работающие в фирме), он открывал и прогнозировал открытия громадных регионов с десятками месторождений; он, если угодно, бессознательно стремился к тому, чтобы другим поисковикам ничего не оставить. Выявление сибирской нефти, полярного газа и бухарского газа (крупнейшие открытия современности) были уже запрограммированы в его трудах.

Незаметно подобрались мы к тому надличному, что связано с именем Губкина. Широчайшая научная осведомленность, широчайшее геологическое мировоззрение, самодисциплина, воспитанное годами искусство работать, полемический дар — вот качества, предопределившие успехи Губкина. Но одних этих качеств могло оказаться недостаточно или они могли бы даже втуне пропасть, если бы революция не положила доверчиво к ногам его миллионы гектаров неисследованных земель, не предоставила технику, лаборатории, помощников. Счастливое сочетание обстоятельств дало жизнь явлению — Губкин.

Значит, не праздный вопрос, почему именно нефть полюбилась нашему герою. Только она (поиски ее, наука о ней) могла помочь проявиться некоторым сторонам его натуры. Путь к своему таланту определяет и отношение к нему; мы привели краткие жизнеописания Шуровского и Черского. Мучительный путь Губкина в конце концов тоже вошел в счастливое сочетание обстоятельств, давших жизнь явлению — Губкин. Оппонентами Ивана Михайловича выступили академики «классического» толка; по правде говоря, сейчас можно утверждать, что ни один из них не справился бы с необычными и громадными задачами, поставленными революцией. Они не обладали той дерзостью, которая необходима была для выдвижения новых поисковых идей, захватывающих колоссальные пространства; они были слишком медлительны, привыкли ходить в маршруты с одним коллектором, а требовалось отправлять в маршруты тысячи людей и обобщать материалы, собранные тысячами людей.

Мы видим, что научные и научно-прикладные открытия, сделанные Губкиным, обязаны диалектическому сочетанию экономических, политических и «личных» обстоятельств, в котором даже своеобразие прихода Губкина в науку сыграло свою определенную роль. Талант как бы отчуждается от владельца своего — даже тогда, когда он не признан обществом, — становясь достоянием общественным, и это трудное, гордое и светозарное свойство таланта переворачивает иногда и жизнь владельца и душу его.

Глава 25

Хроника петербургской жизни. Прибытие поезда. Васильевский остров. Карточки департамента земледелия по копейке за штуку. Скитания по гимназиям. Революционное образование. Женитьба. Первое упоминание о Сереже.

Три главы «тому назад» отправился в Петербург поезд с небезынтересным для нас пассажиром — медленно вертелись колеса по страницам нашего повествования, долго томился в душном вагоне третьего класса обессиленный нетерпением молодой учитель, но, как это было и в жизни, в назначенный час (ну, может быть, с опозданием, тогда составы часто задерживались в пути) поезд приблизился к перрону Московского вокзала в Петербурге, и дежурный охрипшим голосом возгласил: «Отойдить!.. Всем встречающим отойдить!..»

Туфф… ффыт! — сипнул пар; харкнули поршни, обрадованно

звякнули буфера — и провинциальный учитель спрыгнул на перрон. Что это? «Первое, что поразило меня по приезде в Петербург, — запах гари, который долго меня преследовал».

Он был селянин, до самой глубокой клеточки пропитанный кислородом, хмельным воздухом пашен, росным озоном лугов. За пустынной Лиговской площадью, обрамленной двухэтажными домами, за мостом, на котором черно-бело-полосатая будка с красной каемкой, начинается Невский… но Ивана мучает гарь, он плохо осознает происходящее, в нёбе и в глотке свербит…

Он добирается до Васильевского острова, находит Учительский институт. Невыспавшийся секретарь в пенсне с равнодушной и оттого пугающей пытливостью рассматривает его документы, задает вопросы; наконец формальности закончены, он допущен к приемным экзаменам — с оговоркой, что в случае успешной сдачи может быть зачислен лишь «своекоштным» слушателем. «Каким?» — переспрашивает он. «Своекоштным… ну, без стипендии… на свой кошт…»

Да… Неожиданный оборот.

«С первых же шагов моего пребывания в Петербурге, пришлось думать о заработке. На мое счастье, я довольно скоро получил работу в одном из архивов департамента земледелия по составлению архивных карточек. Платили мне по копейке за штуку. …Чтобы заработать двадцать рублей в месяц — необходимый прожиточный минимум для студента того времени, мне нужно было писать ежедневно около пятидесяти-семидесяти карточек, на что я тратил от трех до четырех часов времени».

Началась новая жизнь…

Совсем новая жизнь.

Однако нужно ли описывать ее подробно?

Внутренняя, душевная работа, которой отягчен был Иван Михайлович в «догеологический» период жизни, достаточно разобрана в главе 24. Поиски таланта, поиски настоящего «я», сопровождаемые нервозностью, метаниями, разочарованиями; постепенное охлаждение, дошедшее впоследствии до отвращения к своей специальности; беспорядочное и жадное чтение — вероятно, он интуитивно искал в книгах ответа на важнейший для себя вопрос, как дальше жить. Прибавить сюда нужно и массу новых впечатлений: он приобщался к городской культуре.

Читателю достаточно наложить на известную ему картину внутренней душевной жизни факты «внешнего» бытия; мы теперь вправе, кажется, ограничить себя рамками хроники. Любопытно проследить несоответствие внутренней жизни и внешних событий: последние не всегда вытекают из первой, и, наоборот, внешние события не всегда отражаются на психике.

Итак, осенью 1895 года Губкин приступил к занятиям в Учительском институте. Режим в заведении (оно было закрытое) отличался строгостью, но Иван, лишенный стипендии (по административному делению ему надлежало учиться в Московском учительском институте), получил право снимать комнату где угодно и после лекций уходить куда угодно. Воспользовавшись этим, он много бродил по городу, посещал музеи, театры.

«Вскоре после моего приезда в Петербург мне пришлось участвовать в панихиде по Добролюбове. В годовщину его смерти студенты высших учебных заведений обыкновенно собирались на Волновом кладбище на панихиду. Это были своего рода демонстрации, которые обыкновенно разгонялись полицией. И на этот раз наше собрание на Волковом кладбище было разогнано»

По-видимому, в эту первую в своей жизни демонстрацию Губкин был втянут случайно, но, возвращаясь домой на империале, слушал споры студентов; мелькали фамилии — Бакунин, Сен-Симон, Бельтов, Маркс… Зимой Иван переехал на 10-ю линию в знаменитые Львовские дома, где селились студенты и курсистки, и вошел в одно из многочисленных землячеств, своеобразную коммуну «от каждого по возможностям». Вторая половина формулы («каждому… и т. д.») соблюдалась, должно быть, не так строго. «Все мы были бедны. Из нашей комнаты, пожалуй, я устроился наилучшим образом. Тогда я уже оставил писание карточек. Мне удалось найти довольно хороший по тому времени урок — готовил сына одного генерала для поступления в кадетский корпус, за что получал двадцать пять рублей в месяц. Но зато приходилось с 10-й линии Васильевского острова ежедневно «стрелять» в Инженерный замок — это около Летнего сада. Удовольствие было, как говорят, ниже среднего. Даже в зимнее время мне приходилось совершать эти путешествия в осеннем пальто.

Все же среди своих товарищей я был «капиталистом и буржуем». Мои компаньоны по коммуне и по комнате съедали без всякого зазрения совести мою булку, совершенно не заботясь о состоянии моего аппетита. Частными уроками я кормился вплоть до окончания курса в Учительском институте. Жизнь была полуголодная, но веселая».

Некогда Иван состоял членом Комитета грамотности. Теперь он возобновил участие в его работе. «Я возглавлял группу студентов и студенток Высших женских курсов, которые занимались разработкой анкет, собранных Комитетом грамотности, о положении народной школы и народного учителя в то время.

Это дало мне возможность расширить круг моих знакомств и быть более или менее в курсе всех общественных и политических течений того времени. Не ограничивая свою деятельность учебой и работой по анкетам, я охотно принял предложение заняться преподаванием в рабочих школах на Шлиссельбургском тракте. Район Шлиссельбургского тракта был тогда одним из наиболее мощных пролетарских центров.

Здесь я преподавал русский язык, а кроме того, часто выступал в рабочих театрах с чтением стихов Никитина, Омулевского и других поэтов. Эти стихи встречали большое сочувствие среди рабочих».

Губкин подружился с Анатолием Рябининым, студентом Горного института, революционером. (Осенью 1896 года Рябинина арестовали и сослали. Впоследствии известный палеонтолог, профессор.) «В декабре 1896 года через А.Н. Рябинина мне удалось познакомиться с Аполлинарией Александровной Якубовой, которая была членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». По ее поручению мною совместно с Н.А. Куликовским и еще одним товарищем, фамилию которого я теперь забыл, была организована конспиративная квартира на углу Малого проспекта и 6-й линии Васильевского острова. Здесь нами в конце 1896 года и в течение почти всего 1897 года производилось печатание на мимеографе прокламаций.

…А.А. Якубова… передавала мне уже готовые восковки с набитым на них текстом прокламаций, которые мы и размножали. Делалось это обычно так. Мы с Куликовским учились вместе в Учительском институте. Встретившись с ним, я говорил: «Приду вечером чай пить», или: «Приду готовиться по алгебре». — «Ну, хорошо», — отвечал Куликовский, зная, в чем дело. Наступал вечер. В десять или одиннадцать часов я являлся к нему с восковками. Комнату мы снимали в квартире, окна которой выходили на крышу соседнего небольшого завода. Прислуга была латышка, малоразвитая и плохо говорившая по-русски. Она не понимала, что мы делаем. Звали мы ее «хлебус-коросинус»… Прокламации, которые печатали мы, относились чаще всего к рабочим определенных предприятий и касались конкретных злободневных вопросов: снижения заработной платы, увольнения рабочих и т. д. …

Хорошо ли мы сами разбирались во всех политических вопросах? Пожалуй, нет.

В рабочем движении тогда шла борьба между революционной линией Владимира Ильича и так называемыми экономистами. Как известно, представители экономического направления группировались вокруг газеты «Рабочая мысль».

Так вот, первый номер «Рабочей мысли» мы напечатали на нашем мимеографе и понимали это как наш революционный долг».

Как видим, Губкин весьма эффективно использовал возможность уходить после лекций куда угодно; однако это не мешало ему прекрасно учиться. Кончил он институт с круглыми пятерками в мае 1898 года; тогда же прекратилась и революционная деятельность его (несмотря на то, что «приобрел особую квалификацию — техника по мимеографу. Ночью меня часто будили и вели куда-нибудь на Петербургскую сторону налаживать и пускать в ход машину»). Долгое время он вообще не может найти работу. Наконец удается получить место в приюте имени принца Ольденбургского. (Об этом уже поминалось. «Я проработал поистине кошмарный год».) Годы до поступления в Горный институт — самые тяжелые. Уйдя из приюта, опять слоняется без работы. Получает место в Сампсоньевском городском училище. Ведет здесь ботанику, зоологию, минералогию и начатки физики.

Ученики Сампсоньевского, как и везде, где Иван Михайлович преподавал, полюбили его. Когда он увольнялся, они преподнесли ему дорогой чернильный прибор с дарственной надписью (сохранился в семейном архиве). По-видимому, неплохо относились к нему и коллеги. Но мрачное настроение не оставляло Ивана Михайловича. Мысли его были далеко…

«Помнишь нашу весну, — спрашивал он жену свою Нину Павловну в письме от 8 июля 1913 года, посланном из экспедиции. — Мы шли по 10-й линии от Курсов к Большому проспекту, чтобы по нему взять курс к Горному институту, который провиденциально сделался нашей путеводной звездой… Наша весна вела нас на ступеньки Горного института, к стройным дорическим колоннам… Горный институт… сделался моей alma mater. Семь лет сроднили меня с ним. Он свидетель и моей борьбы с наукой и нуждой».

«Наша весна» — весна 1897 года (через несколько месяцев влюбленные обвенчались. Нина Павловна, уроженка Кубани, считала себя первой женщиной-казачкой, получившей высшее образование. Должно быть, так оно и есть. Она закончила Высшие Бестужевские курсы. Потом поступила в медицинский институт, но оставила его, проучившись два года: приспела наша весна). Вот, значит, когда еще — весной 1897-го — мечтал Иван Михайлович о поступлении в Горный, считал его своей «путеводной звездой», вот, значит, когда совершал прогулки близ стройных дорических колонн, шутливо утверждая, что ведут его к ним «высшие силы» (провиденциально — как он выразился).

Однако пройти через вход, обрамленный колоннами, ему удалось лишь спустя шесть лет. Шесть долгих и трудных лет…

В 1898 году появился в семье первенец — сын Сережа.

Странное дело, ему пришлось в чем-то повторить путь отца, немало пострадать и побродить по свету; высшее образование Сергей получил после многих злоключений, но, как и отец кончил жизнь академиком.

Но об этом в своем месте.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Первое открытие, первая любовь…

Глава 26

Составлена по письмам Ивана Михайловича к первой его жене Нине Павловне. Письма эти собрала, любовно сберегла и помогла расшифровать дочь Ивана Михайловича и Нины Павловны авиационный инженер Галина Ивановна Губкина.

«25.10.1910. …Среди полного физического и морального неустройства потерял всякую энергию и предприимчивость. Сейчас мне… нужно какую-нибудь квартиру и купить лошадей. Я ничего не сделал… Квартиры порядочной в Нефтянке нет. А за лошадьми нужно ехать в Майкоп по дороге, хуже которой ничего нельзя представить. С другой стороны, работа по сбору материала подвигается медленно. Ездить аккуратно в район не могу. … Утром подают лошадь чуть не к 12 часам. Пока доедешь до вышек, день и прошел. Назад приходится возвращаться ночью по грязной до безобразия дороге среди постоянной опасности выколоть себе глаза или наскочить на голодную стаю волков».

«2.11.1910. Мой милый, ненаглядный, мой славный и верный друг и горячо любимая ласточка! Только что получил твое письмо. Все в нем есть: и горе, и радость, и горький осадок наших былых размолвок, о которых ты никак забыть не можешь. Твое равнодушие к жизни и смерти угнетает меня. Оно никак не вяжется с твоей любовью ко мне. Ведь я сама жизнь со всей ее глубокой тоской и великой радостью. Ты знаешь, что моя душа соткана из солнечных лучей, тихих веяний ветра над родными полями и задумчивых грез о красивой жизни… Да разве можно так жестоко писать человеку, который полон тобою, гордится тобою… Несмотря на мой возраст (о твоем я и говорить не хочу), я чувствую, что только начинает всходить заря вашей жизни. Наше счастье в нас. Мы не жили, так как полагали счастье во внешних условиях жизни. Я же теперь понимаю, что можно всю жизнь бороться за кусок хлеба и быть счастливым, носить всю красоту божьего мира, красоту поэзии и искусства в своей душе… Мы будем снова вместе читать, вместе думать, вместе наслаждаться солнечным светом, красотой небесной лазури, звездным пологом, тихим безмолвным сиянием вечера и грустной задумчивостью полей и лугов, когда «солнышка нет, ни темно, ни

светло». Ведь до сих пор на мне проклятием божьим лежал институт, а теперь все это за нами. Мы победили, не я, а мы вместе с тобой… Да зачем отступать, когда победа за нами?! Вперед! Мужайся. Наберись сил, перенеси ожидающую тебя Голгофу, не падай духом. Подари мне новую жизнь…[1] За 12 лет супружеской жизни ты вполне не узнала, что за человек возле тебя живет. Да я и сам себя не знал. «Доконала меня бедность грозная», а теперь — я, пойми, свободный, неугнетенный, непришибленный человек. Теперь свою судьбу я вызываю «на бой кровавый, святой и правый»… Помнишь, когда было утро нашей любви, весною 1897 года, когда, упоенные нашими встречами, мы приближались к моменту объяснения, я тебе сказал: Нина Павловна, пойдемте со мной, а не за мной (подчеркнуто Губкиным. — Я.К.). Вот и теперь, когда 10 ноября исполняется 13 лет нашей супружеской жизни, я говорю тебе: «Нинурка, голубка моя, ласточка, пойдем дальше вместе с тобою, оба впереди, не отставая и поддерживая друг друга».

«11.01.1911. В Нефтянке потеплело. Идет снег, а морозы прекратились. Снега навалило видимо-невидимо. Лошади с трудом пробираются по дорогам. И у меня в «конторе» потеплело. Стало возможным хоть спать… Начал поездки по району. Особых существенных новостей в районе нет. В нефть не верят… К разборке пород еще не приступал. Прямо не знаю, как подступиться к той массе образцов, которую нужно во что бы то ни стало пересмотреть… Вечера свои отдаю науке. Читаю сейчас Калицкого «Об условиях залегания нефти на острове Челекен», а также книгу профессора Содди о радии. По дороге купил письма Л.Н. Толстого. Каждый вечер на сон грядущий прочитываю по 2–3 письма. Тоскливо мне одному среди чужих людей, в «конторе», заброшенной в лесу на край станицы. Я храбрюсь, не даю тоске заползти и овладеть моим сердцем. А все же порой прозеваешь, упустишь момент и вдруг почувствуешь, что кто-то словно ножом полоснет тебя по сердцу. Сейчас же насторожишься и гонишь долой мрачные думы, тяжелые и грустные воспоминания. Все как-нибудь стараешься успокоить себя. Все — преходяще, ничего нет вечного, кончатся когда-нибудь и наши злоключения. Думаешь, неужели на нашу долю не уделено судьбой счастливых дней, солнечных настроений. Ведь будет же когда-нибудь и на нашей улице праздник. А лучше всего не думать ни о чем и искать спасения в геологии…»

«13 января вечером, совсем вечером. …Все свободное время занимаюсь геологией. Читаю комитетские издания, повторяю старое, а в антрактах тоскую и скучаю, но не отчаянно. Я даже полюбил эту тихую тоску, которая не мешает мне заниматься

делом, только временами она беспокоит меня.

Зато горы в своем зимнем уборе, залитые ярким сиянием солнца, приводят меня прямо в восторг. Я подолгу любуюсь с одного излюбленного местечка дивной панорамой Кавказа.

Возле меня ни души. Кругом, насколько хватает глаз, все покрыто мягким пушистым девственно-чистым снегом. Деревья в каком-то фантастическом уборе. Вдали сверкает и искрится гребень горы, залитый солнцем. Внизу его синеют горы, покрытые лесом. Тишина. Беззвучно падает снег с отяжелевших веток. Солнце слегка пригревает лицо. Хочется раствориться в этой тишине, растаять в ярких, режущих глаза лучах солнца…

Я так люблю горы, что иногда еду в район, хотя бы можно было посидеть и дома. Еду, чтобы снова еще и еще смотреть туда, где к небу тянутся снежные вершины Кавказа. Туда к небу рвется и душа и просит ответа о цели и смысле всего сущего, настроившаяся на возвышенный лад. В голову приходят накануне прочитанные письма Л.Н. Толстого о смысле жизни, ее понимании. И далекий от суеты земной, тихим шагом едешь примиренный в свою Нефтянку, к своим книгам…»

«21.01.1911. …Сейчас в районе сильное оживление. На 489-м участке у Гаврилова бьет с глубины 80-саж. фонтан легкой нефти, по силе немного уступающий знаменитому фонтану Бакино-Черноморского общества… Фонтан забил во вторник 18 января в 5 часов вечера. Нефть выбрасывало на высоту 10–11 саженей. Сейчас опущена фонтанная плита, которая, однако, фонтана не закрывает: он продолжает довольно энергично функционировать. Говорят, что в первый день фонтан выбросил до 400 000 пуд. легкой нефти.

…Послали в местность, где все в три раза дороже, чем в Питере. Дали 300 рб. в месяц, а воображают, что облагодетельствовали. …Своих кровных денег, ассигнованных на разъезды, никак не вернешь. Предлагают составить подложные расписки, воображая, что у людей совесть настолько подвижна, что ничего не стоит представить на 225 рб. подложных документов.

Даже досада берет, как подумаешь.

Особенно злюсь по утрам. Встаешь, а термометр тебе показывает 2, а то и меньше. И при такой температуре приходится жить не день, не два, а вот уже ровно две недели. А дальше что будет? Снег валит каждый день. Навалило его целые сугробы. Едешь по дороге. Навстречу сани. Боязно свернуть. Лошадь вязнет по брюхо. Поехали на новый фонтан. Метель. Дует холодный ветер; валит снег, заносит дорогу. Пурга такая, что в 10 саж. не видно леса. В лицо летят острые снежинки, режут щеки,

слепят глаза. Ушам холодно. Руки окоченели. В них поводья — сунуть в карманы согреть нельзя. Лошадь идет неверно, спотыкается, вязнет. Удовольствие небольшое, Особенно когда приходится ехать по высокому открытому месту».

«31.01.1911. Сегодня зима окончательно рассердилась на Нефтянку и послала на нее мороз в целых 25° Р. Можешь себе вообразить, какая температура была в моей злополучной «конторе» с одинарными рамами и «продувательством» в полу и стенах. Термометр, помещенный у изголовья моей кровати, в расстоянии не больше аршина от печки, показывал в 8 часов утра (во время вставания) — 4° Р, а другой, расположенный ниже, на полу у окна, — 7°. Не мудрено поэтому, что хлеб в буфете замерз, молоко замерзло. На окне стояла вода, оставленная с вечера для полоскания зубов — и она замерзла. Это — в столовой — самой теплой комнате, так как в нее выходят обе печи. Нечего было и думать в такой холодине о поездке на промысла. Я остался дома и занялся… измерением температуры в моей комнате. Больше нечего было делать. Оказалось, что на высоте около одной сажени над полом температура + 8°, а около пола в момент измерения была — 7°. Таким образом, разница в температурах была целых 15°. Это в жилом помещении. Вследствие этого голова находится возле экватора, а ноги на полюсе по ту сторону добра и зла».

«Конец сентября 1911. …Далеко в майкопских лесах вместе с тобой живет другой человек, для которого ты бесконечно дорога.

…Хоть ты меня и зовешь Рудиным, но сознание мне говорит, что в данном случае ты ошибаешься, не потому что это мне неприятно, а потому что я не только умею говорить, но я умею и работать. Это все знают. Никто не скажет, что я плохой работник. Но я не только умею работать, но я умею и чувствовать глубоко».

Да, чувствовать глубоко он умел! Даже из приведенных писем это явствует наглядно. У писем вообще — не только у губкинских! — незавидная доля: всего чаще их пишут, рассеивая жгучую необходимость, выраженную в библейской строчке: «кому повем печаль свою…» Печали многолики. Иван Михайлович одинок: ему почти не с кем перемолвиться словом в станице Нефтяной (Нефтянке, как он ее называет). Его терзают страх за близких своих, безденежье, тоска, которой он не позволяет одолеть себя. Он снял на самом краю станицы избушку, которую не протопить, в ней лютый холод. Днем разъезжает по району, собирая геологический материал по выбранной им методике, описанной несколькими месяцами позднее в специальной статье. Образцы пород привозит к себе в избу, которую шутя называет «конторой», и складывает в ящики. Вечерами читает. Прочел, между прочим, работу профессора Калицкого «Об условиях

залегания нефти на острове Челекен». Мог ли он тогда подумать, что именно с Калицким, в то время уже именитым ученым, вспыхнет у него через пятнадцать лет жестокий спор об условиях образования нефтяных месторождений, спор, разделивший всех нефтяников страны на два лагеря?

Ящиков с образцами в избе все прибавляется. «Прямо не знаю, как подступиться к той массе образцов, которую нужно во что бы то ни стало пересмотреть», — жалуется он. Все же он «подступился», и на долю начинающего инженера, едва оторвавшегося от студенческой скамьи, выпало счастье совершить открытие — по тонкости, виртуозности, остроте глаза (и по краткости инженерного стажа автора!) уникальное в геологической науке.

Глава 27

Майкоп в 1909–1912 годах. Структурная карта. Рукавообразная залежь, о которой читатель кое-что уже знает из главы 5. О том, как отнесся к своему открытию Губкин и как отнеслись нефтепромышленники. Смерть Юсуфа.

Майкопский край в те годы жил весьма странной пульсирующей жизнью. Нефтяные выходы — ручейки, натеки — казакам были известны издавна; иногда они рыли колодцы и, начерпав ведрами бурую жидкость, везли в бурдюках на продажу в город. В начале нашего века какой-то предприимчивый промышленник из Баку догадался привезти сюда буровой станок и на опушке леса сколотил из досок вышку. Лесная опушка выбрана была совершенно случайно, но не зря золотоискатели в старину говорили: крушец (металл) мыть что карту крыть, бей втемную. На авось, мол, скорее повезет. Брызнула нефть!

Тотчас вокруг удачливой скважины раскуплены были участки. Началось лихорадочное бурение. По замыслу разбогатеть вперед других должны были те, кто ближе подобрался к фонтанирующей скважине: так по крайней мере оборачивалось дело в Баку. Тщетно. Ничего не вышло. Все соседние скважины до единой вышли сухими. Край опустел, треск моторов затих, но участки за хозяевами остались, и время от времени кто-нибудь из них возобновлял отчаянную разведку. Вдруг — снова нефть! И большая! Снова хлынули дельцы, мастеровые и коновладельцы. Приехали два английских инженера — молчаливые, высокие, крупнозубые; целыми днями выхаживали по району в кожаных кепках и крагах.

И опять нефть поманила и обманула. Так повторялось несколько раз. Майкоп то наводнялся всяким людом, охочим до скорой наживы, то пустел. Наибольшая удача улыбнулась так называемому Бакино-Черноморскому обществу: из скважины, ему принадлежавшей, хлынула нефть необузданным потоком, затопила все ближние овражки и балки. К несчастью, ее не уберегли от огня. Пожар гудел две недели, и все это время далеко окрест по ночам было светло, жутко и смрадно. Радужная пленка побежала по горной речке Чекох — следом за ней пламя билось о скалы, перехлестывало пороги, стремглав слетало по водопадам.

Необъяснимая конфигурация майкопских залежей (в том, что они существуют, никто не сомневался) сильно раздражала промышленников и вконец озадачила ученые умы. Теория академика Абиха, согласно которой нефть тяготеет к особым пиалообразным выгибам пластов — антиклиналям, где снизу подпирается водой, а венчается газовой «шапкой», господствовала тогда безраздельно и подтверждалась промысловой практикой. Майкопские месторождения, по-видимому, не подчинялись этому закону, иначе они давно бы оказались истыканы скважинами. (На узкой полоске земли близ станиц Ходыженской и Ширванской летом 1910 года их стояло более семидесяти.)

Познанием недр России ведал тогда Геологический комитет, в штате которого значилось всего семь (!) специалистов по нефти. (Теперь один Московский институт имени Губкина выпускает их в год около трех тысяч.) Комитет решился командировать в Майкоп одного из своих сотрудников; выбор пал на адъюнкт-геолога Губкина. Честь ли особая ему тем самым оказывалась, или скорее всего испытанию его подвергали, трудно утверждать. Впрочем, ему, конечно, не ставили задачей — «решить загадку»; как это утверждают некоторые его биографы; требовалось провести обычные геологические изыскания, составить карту обнажений и разрезы. Никто не ожидал, что новичок сделает нечто большее.

Иван Михайлович приехал в станицу Нефтяную в момент очередного «пика». «Предлагали петуха и запросили за него 1 р. 20 к. Понятно, я не приказал брать такого дорогого шантеклера и ограничился постным борщом. Подобная расценка не случайность. Здесь все вздуто до невероятия, начиная с веревок и гвоздей до хлеба и соли включительно», — сообщал он жене 31 января 1912 года. В том же письме: «Если бы теперь пришлось искать квартиру, то, пожалуй, можно было бы нанять не дом, а только конюшню, потому что теперь и подавно все занято». Осенью 1912 года он застает ту же картину (кстати, цифра добычи майкопской нефти достигла тогда максимальной величины за весь дореволюционный период): «Я положительно не

могу сейчас взять отдельной квартиры, так как в Нефтяной стоят на все прямо-таки безумные цены. Я думал, осень внесет известное спокойствие. Оказалось, что горячка и жадность нефтянцев к наживе растет не по дням, а по часам».

Примерно через полтора-два месяца после отправления этого письма Иван Михайлович вернулся в Петербург, представил куратору своему профессору Карлу Ивановичу Богдановичу отчет о проделанных исследованиях и вскоре принес в типографию Стасюлевича рукопись брошюры «Майкопский нефтеносный район. Нефтяно-Ширванская нефтеносная площадь». Летом она появилась в продаже.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, как сложилась или мелькнула в сознании Губкина мысль отказаться от антиклинальной теории, — во всяком случае, до тех пор, пока наука не познает извилистые ходы интуиции. (Отказаться не вообще от антиклинальной теории, а понять ее неприложимость к своему предмету исследования, что показывает гораздо большую зрелость мышления. Отказываться вообще от достижений прошлого — прерогатива и грех юности.) Когда сейчас листаешь первую брошюру Ивана Михайловича, поражаешься двум обстоятельствам. Поражает прежде всего громадный объем работы, выполненный одним человеком (без помощников! Сейчас это невозможно представить) примерно за восемь-девять месяцев работы (два полевых сезона). Во-вторых, поражает быстрота, с которой обработан был собранный — громадный — материал, обобщен, оформлен, описан и представлен к печати (мимоходом скажем: и каким ясным слогом описан!).

Брошюра Губкина начинается подробным обозрением пород, слагающих изученный им край. Иван Михайлович выделяет шесть горизонтов: горизонт листовых глин, горизонт тяжелой нефти, мощных песков, Ширванских колодцев, легкой нефти и, наконец, фораминиферовых слоев. В последнем горизонте и обнаружил он своеобычное природное явление. «По-видимому, — пишет он, — мы имеем дело с залежью рукавообразнои формы, с общим направлением с ЮВ на СЗ. На ЮВ рукав суживается и дальше Ушаковой балки в этом направлении пока не прослежен. На СЗ он расширяется. Как далеко распространяется он в этом направлении — за отсутствием данных говорить пока не приходится. Общая форма рукава невольно вызывает представление об узком заливе, глубоко вдававшемся в сушу, или же об устье реки, приобретшем при последовавшем затем захвате морем суши характер лимана, очевидно, со всеми особенностями фауны этого типа».

Губкин вовсе не склонен считать дело разобранным до конца.

«В действительности форма рукавообразной залежи более сложна, чем изображено у меня. Возможно, например, существование ответвлений, уклонений в ту или другую сторону и т. п. Изображенную мною рукавообразную залежь я считаю возможным рассматривать пока как схему, дающую лишь основное осевое направление».

В главе 5 нашей книги уже отмечалось, что Губкин поначалу не оценил по-настоящему свое открытие. Что ж, такое нередко случается с истинно творческими натурами; к тому же это первая удача, и ее еще не с чем было сравнить из личного опыта.

Не сомневается Губкин лишь в том, что «этот факт (то есть установление новой формы залежи. — Я.К.) имеет большое значение при решении вопроса о вторичном или первичном залегании пласта в этом месторождении». Условиям появления нефти в майкопских недрах посвящена в брошюре отдельная глава, чрезвычайно любопытная неуловимо ироническим отношением к признанным авторитетам в этой области и скрытой полемикой с профессором Калицким, книгу которого Губкин недавно прочел: «…по отношению к Нефтяно-Ширванскому месторождению не может быть применена ни аргументация защитников вторичного залегания нефти, ни остроумная аргументация геолога Калицкого, столь последовательно проведенная им для Челекенского месторождения». Задиристое замечание молодого инженера не прошло мимо маститого ученого — это можно отметить как своего рода знаменательный факт, — и через тридцать лет в своей последней книге, «Научные основы поисков нефти», Калицкий несколько раз критически касается той самой главы, отрывок из которой мы только что процитировали.

Первое открытие — как первое стихотворение, первая картина, первая любовь… Они незабываемы. С годами воспоминания о них все ярче, грустней и пленительней. Иван Михайлович любил рассказывать о своей майкопской удаче в кругу друзей, на совещаниях — иногда вроде бы и не совсем к месту, — на лекциях студентам. Но всего популярней, кажется, раскрыл он научную суть славного своего деяния в речи перед избирателями в Баку в 1937 году:

«Сравнительно скоро после окончания Горного института я установил в Майкопском районе чрезвычайно оригинальные по своему строению нефтяные месторождения, так называемые рукавообразные залежи (нигде в мире не было аналогичных, только в Америке после меня нашли похожие).

Рукавообразные залежи ничем не напоминают обычные месторождения, подчиненные геологическим структурам.

Миллионы лет назад в нынешнем Майкопском нефтяном районе была вымыта балка. Наступающее море залило длиннющий овраг. В течение тысячелетий овраг постепенно заполнялся песчаными отложениями. Нефть стала собираться из материнских пород и глубоко внизу заполнять песчаные отложения. Плотные массы глин закупорили пески и в течение миллионов лет сохранили в неприкосновенности нефть, не давая ей выхода на поверхность.

Старая балка давным-давно сровнялась с окружающей местностью, ничто не напоминало о ней и нефти.

Внешние показатели нефти видны были лишь в том месте, где когда-то начиналась балка, в том месте, где рукав вышел на поверхность и где она оказалась наиболее размытой.

Нефть в Майкопе есть, но где и как ее искать? Газы и нефтяные пески повели геологов, воспитанных старой наукой, в сторону от нефти. Бурили, искали не там, где нужно, и выходило, что нефти в Майкопе мало или даже совсем нет.

Так продолжалось до того, как я в 1911–1912 годах установил теорию рукавообразных залежей и определил направление самого рукава размыва».

Однако он не только — или, скажем, не просто — «установил и определил»: прежде чем установить и определить, он изобрел новый, исключительно тонкий и простой способ изображения подземного рельефа, благодаря чему и стало возможным совершить открытие. Он даже не удосужился описать его в своей брошюре, вероятно считая подсобным средством, недостойным того, чтобы особо на нем останавливаться. Лишь в следующем, 1913 году по настоянию, надо полагать, друзей или куратора он предал гласности придуманный им способ составления структурных карт, и обратите внимание, с какими скромными выражениями он к этому подступился (статья «К вопросу о геологическом строении средней части Нефтяно-Ширванского месторождения»):

«Предварительно я считаю не лишним сделать несколько замечаний относительно некоторых приемов, примененных при составлении упомянутых разрезов».

И далее с помощью геометрических выкладок и рисунков демонстрирует свою идею, которую профессор М.М. Чарыгин позже назовет гениальной (высокая оценка эта приведена в главе 5 нашей книги). Послушаем Чарыгина:

> «Это открытие Губкину удалось сделать благодаря особому методу, примененному им в составлении структурных карт. Для Майкопского месторождения он составил структурную карту подошвы нефтеносной

> залежи, приняв исходной плоскостью для отсчета абсолютных отметок не горизонтальную плоскость (уровень моря или параллельный ему уровень), а плоскость наклонного пласта, расположенного выше нефтеносной залежи, залегающую согласно с покрывающими отложениями. Таким образом, составленная структурная карта отобразила рельеф, на котором отложилась нефтеносная толща без… искажений…»

То есть (нелишне, наверное, повторить то, что мы уже сказали в главе 5) Губкин принял за исходную плоскость не воображаемую горизонтальную (поверхность моря или параллельную ей плоскость), а вполне реальный пласт и, «отталкиваясь» от него, с наибольшей точностью представил подземный рельеф. Профессор Чарыгин утверждает категорично: «Если бы он (т. е. Губкин. — Я.К.) использовал обычно применяемый метод составления структурных карт, ему не удалось бы сделать тех оригинальных выводов, важных в научном и практическом отношении, к каким он подошел в своих исследованиях». Чарыгин ратует за повсеместное применение губкинского метода составления структурных карт, однако, насколько нам известно, широкого распространения в геологической практике метод все-таки не получил. Необходимо раскрыть причину этого; по нашему мнению, она симптоматична. Способ Губкина, несмотря на действительную простоту, обязывает к некоему творческому усилию в выборе системы отсчета, в выборе исходного пласта. Между тем в повседневной работе удобней и правомерней механически составлять структурные карты.

Осенью 1912 года Иван Михайлович получил деловое приглашение, о котором с некоторой оторопью поспешил сообщить жене: «Мне пришлось задержаться на Майкопских промыслах до 14 октября. Дело в том, что из Лондона в контору промыслов князя Салтыкова (бывш. Бакино-Черноморское о-во) пришло предписание обратиться ко мне с просьбой дать им геологические сведения и советы относительно благонадежности их участков и установить очередь в развитии буровых работ на этих участках, а также сообщить им о благонадежности Таманских месторождений нефти. Запрос от конторы я получил только 10 октября. Отказывать в просьбе такой крупной фирме мне не хотелось. Кроме того, пришлось с управляющим промыслами поехать и лично ему указать некоторые интересные места на их участках. Потом, как только узнали в районе, что я

приехал, меня буквально завалили просьбами дать те или иные указания. Все это отвлекало меня от моей прямой работы, для которой, собственно, я и приехал в район. Пока я возился с грунтами и ездил по участкам, в районе назрели крупные события. Майкопская долина, одно из крупных обществ, входящих в состав фирмы «Андрейс», прикончила свое существование. Весь служебный персонал от управляющего промыслами включительно рассчитан. Иосиф Томасович Хандомиров, у которого я поселился, оказался, таким образом, свободным. Он предложил мне вместе с ним поехать осмотреть Баку, обещая в то же время познакомить меня там со всеми заправилами и королями нефтяного дела, в том числе и с председателем совета съезда бакинских нефтепромышленников — Гукасовым, который приходится ему роднёю. Случай открылся, можно сказать, единственный. …Я увижу бакинские месторождения. У меня будет крупный геологический опыт. Уже и теперь в Майкопском районе начинают прислушиваться к тому, что я говорю; и не я, а со мной ищут знакомства. После поездки в Баку я буду лично и непосредственно знаком почти со всеми главными месторождениями нефти на Кавказе».

Деловое предложение — из Лондона. Всего месяца два-три назад вышла в свет первая серьезная научная работа молодого инженера, а уж имя его произнесено в Лондоне, как говорится, «в заинтересованных кругах». Он не хочет «отказывать в просьбе такой крупной фирме», но в тоне письма совсем нет безумной радости и мальчишеского восторга; тон письма деловой. Правда, еще весной (полевой сезон 1912 рода сложился так для Ивана Михайловича: март и апрель он работал в Майкопе, затем до октября на Тамани, а перед возвращением в Петербург снова посетил Майкоп и провел там конец октября — начало ноября) он не без гордости заметил:

«В районе начинают ценить мои указания. Ко мне приезжают в Нефтяную управляющие промыслами за всякого рода советами, приглашают на заседания и т. д. 21 марта, напр., меня позвал управляющий фирмой «Андрейса» Раппопорт дать заключение о скважине № 2 на участке. …Мои разговоры, что в мае мне придется оставить Майкопский район, печалят публику. Всем хочется, чтобы я остался здесь и дольше» (письмо от 22.3.1912).

(В этом же письме есть заметка об одном молодом геологе, характеризующая и самого Ивана Михайловича: «…привычка зарываться в мелочи и неуменье отличать существенное от случайного являются его органическими недостатками». Слова эти принадлежат инженеру, стаж работы которого три года! В самом начале нашего повествования, в главе 1, мы приводили его

не лишенное хвастливости восклицание: «В науку я вошел хозяином». Теперь мы имеем возможность убедиться, насколько психологически точно выразил он свое состояние. Он действительно сразу почувствовал себя не гостем в науке, не просителем каким, не домогателем и соискателем, а хозяином.)

Итак, нашему герою сделано лестное предложение, и он его принял. Сам он не в состоянии еще в полной мере понять значение своего открытия, Геологический комитет еще только начинает ценить его талант и привыкать к нему, потому что ко всякому новому дарованию нужно привыкнуть, но капиталисты, быстро учуяв в нем талант нефтепыта и смекнув, что на нем можно недурно заработать, буквально разрывают его на части. Советы его начинают оплачиваться все дороже, ведь каждый фонтан — это много нефти, много денег, а фонтаны бьют из скважин, заложенных по рекомендации Губкина. Он поначалу отзывается, кажется, на. все приглашения, осматривает самые труднодоступные площади, полупрезрительно называя свои поездки по частным просьбам «гастролями».

«7.8.1913. Не сердись на меня за мои короткие письма. Пишу урывками. Теперь у меня и по вечерам большие дела. Пишу разные отчеты по гастролям. Это, между прочим, самая неприятная вещь. Условия не позволяют сосредоточиться и мыслить последовательно — и в одном направлении. Поэтому всякий раз с большим трудом и с громадным нежеланием садишься за эти писания. Приискиваю тот или иной благовидный предлог, чтобы отложить работу на вечер, следующий вечер. А это портит несколько вообще мое бодрое настроение. Становится неприятно, когда вспомнишь, что за мною есть ряд неисполненных работ. …Я считаю месяцы и дни до моего отъезда в Петербург, куда я думаю попасть в половине октября, если подвернется гастроль, а то и к первому октября, если гастроли не будет».

«14.9.1913. Прости, что я так долго не писал. Все последнее время я был занят буквально день и ночь — до 2-х, даже до 3-х часов. Днем я экскурсировал, а вечерами писал отчет Гукасову.

В настоящее время я взял одно поручение — обследовать участок возле грязевого вулкана Таурогай, в 25 верстах к западу от разъезда Дуванного. Эту гастроль я получил от о-ва «Волга». Она продолжится, вероятно, дней 5–6, числа до 13 сентября. Взял я с этих господ по 100 рублей в день. …Мне хочется во что бы то ни стало обеспечить вас всех, чтобы вы жили, не боясь будущего даже в случае какого-нибудь несчастья со мной. Это побуждает меня и теперь брать работы. Я буду спокойнее себя чувствовать, когда буду знать, что вы сразу не очутитесь на панели, если я

даже умру».

Подчеркнуто мной. Мне захотелось, чтобы читатель призадумался над этой фразой. Она может вырваться только у человека, познавшего в своей жизни все унижения бедности и страх перед будущим. Ее может произнести человек, работающий на опасной работе, где всякое может случиться в любой момент.

Наконец он избавился от многолетней вязкой нужды, особенно изводившей в годы учения. Никогда у него не было столько денег! Он с удовольствием пересчитывает:

«Всего мною заработано за это время больше 3000 рублей.

У меня сейчас на руках 400 руб.

Тебе выслал 600 руб.

Кянджунцев должен прислать 1746 руб.

Гукасов заплатит около 320 руб.

Итого 3066 руб.

…Если надежды мои оправдаются и буду здоров, еще заработаю тысячи три. Тогда мы с тобой паны. Год или два можешь жить и не рассчитывать каждую копейку. Да и для деток можно что-нибудь отложить» (письмо от 24.7.1913). Теперь он может позволить себе такого рода советы: «Относительно денег прошу тебя не стесняться и вообще выбрось из головы всякие счеты и расчеты. Я даю тебе честное слово, что больше не упрекну тебя, в каком бы состоянии я ни был, в каком бы состоянии ни находились наши дела. Мы оба живем для детей. Нечего поэтому нам считаться. Если у меня будет спокойное настроение, бодрое состояние, я буду интенсивно работать… Если я буду знать, что вам скверно живется, я буду в вечной тревоге за тебя, за твое здоровье, за здоровье милого моего птенчика — Галусеньки, а это будет действовать угнетающим образом и понизится моя работоспособность» (письмо от 4.6.1913).

Он горд своим успехом, его переполняет чувство глубокого удовлетворения от сознания того, что каждый рубль он зарабатывает своими руками и своим трудом добивается материального благополучия для семьи. «Прошло с тех пор 3½ года (то есть с тех пор, как он стал работать инженером. — Я.К.) — и мы сумели завоевать себе независимое свободное и уважаемое положение» (8.7.1913).

Нефтепромышленники не теряют надежды заполучить его к себе на службу.

«С Гукасовым у меня был длинный разговор. Он усиленно уговаривал меня, чтобы я перешел к ним на службу геологом, точнее заведующим геологическим бюро у целого нефтяного синдиката «Новь». …Я заговорил… о своей независимости в Геологическом комитете. На это он ответил, что я буду более

независим у них». Это написано 24.7.1913, а через два месяца еще более выгодное предложение сделал другой бакинский миллионер, Кянджунцев.

«30.9.1913. …Он мне сделал следующее предложение. Поступить к ним на службу, не оставляя службы в Геологическом комитете. Два месяца перед началом и по окончании полевых работ я отдаю фирме; кроме того, в Петербурге я уделяю им ежедневно или через день (подчеркнуто Губкиным. — Я.К.) от 1 до 2 часов. Должность моя быть заведующим геологическим бюро для целого нефтяного синдиката. Себе я подыскиваю в помощники молодого инженера и руковожу его работами. Вопрос о размере жалованья и заключении условия откладывается до Петербурга».

«Подыскиваю молодого инженера»! Никому не приходит в голову, что Губкин сам-то так недавно надел инженерскую форму! Сделки, однако, не состоялись: Иван Михайлович слишком дорожил самостоятельностью. В старом Геолкоме царил дух академизма, нужды российского народного хозяйства не слишком волновали руководителей, но научные устремления сотрудников поощрялись. Губкин этим дорожил.

Он предпочитает совмещать научные маршруты с «гастролями». Двойная нагрузка! Тяжело. Губкин работает одержимо.

«7.7.1913. …работа измучила меня основательно. Пута отстоит от Баку в 20 верстах. Поездом туда вовремя не попасть. Пришлось ездить на фаэтоне. Вставать нужно было рано и прямо даже не попивши чаю, на голодный желудок ехать на работу. Путь наш лежал через так называемые Волчьи ворота, от которых начинался на протяжении почти 2–2,5 версты крутой спуск в Ясамальскую долину. Этот спуск, а при обратном пути подъем совершался пешком, что ужасно меня утомляло. Кроме того, неблагоприятствовала работе и погода: первый день была адская жара, убившая положительно всякую энергию, а остальные дни дул свирепый норд, поднимающий по Ясамальской и Путинской долинам такую пыль, что буквально не видно было света божьего. О силе ветра можешь судить по тому, что он поднимал довольно крупный гравий и бросал его в лицо, причинял боль точно от укола иголкой. На ногах стоять было трудно, а двигаться против ветра почти невозможно. В таких условиях приходилось работать по 12 часов в сутки».

«18.5.1914. С утра до позднего вечера лажу по горам идолам и замечаю, что мне в этом году почему-то стало тяжело подниматься на горы. Раньше я без всякого затруднения поднимался на очень высокие горы — и не чувствовал ни

усталости, ни одышки, а теперь пройду несколько сажен и чувствую, что дышать нечем. Очевидно, начинаю стареть, а может быть, я еще не оправился от зимней болезни, после которой я стал чувствовать, что мне стало трудно подниматься».

«3.6.1914. Мечусь, словно бес перед тучей. Поездка сменяет поездку то в Черные горы, то в Чит-юрт, то в Сангачалы, то в Сальяны, а скоро полечу в Нафталан… За день устаю до последней степени. Приезжаю домой, т. е. на временную квартиру, совершенно усталый, неспособный ни к чему, кроме сна. Встаю рано, в 5–6 часов утра, и снова за работу, и так изо дня в день без перерыва, без оглядки, с нарастающей смутной тревогой. Отдыхаю, и то условно, только в поезде — в пыли и духоте.

Сейчас я в Сальянах. Ко всем… невзгодам… прибавились комары, искусавшие меня всего: ноги зудят, руки зудят. Повскакали волдыри на руках, на ногах, на ушах и на лице. Ничего подобного я в своей жизни не испытывал, даже в нашем Позднякове, изобилующем комарами. Не знаю, как от зуда отделаться. Вылил целый флакон одеколона — не помогает».

В 1913 году пришлось ему стать свидетелем трагических случаев, на которые болезненно-сочувственной нотой отозвалось его сердце.

«С таким инженером мой пойдет куда хочешь. Якши инженер. Мой не видал такой инженер. Другой инженер кричит. Что такое? Ругается: туда не так, сюда не так. Что такое? С тобой моя поедет Сумгаит», — так описывает Иван Михайлович свою первую встречу с Кули Ирза-оглы, которого нанял в помощники (письмо от 8.7.1913). «Славный молодой татарин, послушный, деликатный. С собой он привез своего племянника Таги — 15-летнего мальчика. Этот у меня исполняет обязанности коллектора… Я выучил его завертывать (образцы пород. — Я. К.) и писать (да, писать!) цифры. Учу его теперь читать. Способный, каналья. Он мне завертывает и записывает образцы. Я об этом даже и не думаю. …С этими чуждыми мне по вере и языку людьми я разъезжаю по степи и чувствую себя в полной безопасности. Они подмечают мои малейшие желания и стараются мне угодить. Днем у меня теперь всегда горячий чай. Кули купил большой глиняный кувшин. Наливает его каждое утро водою. Возит с собою чайник и посреди степи на кизяках кипятит мне чай. Этого для меня никто не делал. Кроме того, я вожу с собою бутылку или две нарзана и вино. Так что питьевое продовольствие в этом году у меня поставлено образцово. … Ходим под палящим солнцем по степи и распеваем: и я и Таги. Он что-то непередаваемое поет, с какими-то руладами и

завываньями. А я мурлычу что-нибудь свое родное поздняковское. Часто своими концертами пугаем население степи: лисиц и зайцев. Услышат они наше пение — и удирают».

«19.9.1913. 18 сентября утром я возвратился в Баку. Здесь меня ждало очень печальное известие. В мое отсутствие мои рабочие татары — братья Таги и Юсуф, временно заменявший Кули, который уезжал в Аджикабул для покупки корма лошадям, воспользовавшись свободою, затеяли игру вместе с живущими на водопроводе служителями. Эта игра состояла в прыганье через стол. В игре принимал участие даже конторщик, служащий в городском водопроводе. Юсуф, брат Таги, захотел по примеру конторщика перепрыгнуть стол, но это ему не удалось. Он задел ногами за стол и упал на руки. Сгоряча он ничего не почувствовал, даже продолжал курить. Но через несколько минут он уже закричал «умираю!». К нему подбежали Кули, дня за два перед этим вернувшийся из Аджикабула, и Таги. Поднялся переполох. Юсуф в ужасных муках корчился на земле. Производитель работ Сикорский, видя, что дело плохо, отправил Кули с Юсуфом в Баку в Михайловскую больницу. 16 сентября вечером Юсуфа отвезли, а сегодня в 4 часа утра он помер, почти в полном сознании и в страшных муках.

Когда я с поезда приехал к Цатурову, меня ждало письмо конторщика о происшедшем несчастье. Я тотчас же поехал в лечебницу и стал просить докторов побольше уделить внимания на Юсуфа. Заведующий хирургическим отделением сразу мне сказал, что он помрет. Оказалось, что во время прыжка Юсуф порвал тонкую кишку. Не помогла ему и произведенная операция, тем более что со стороны докторов он встретил самое холодное и безучастное отношение, как будто умирал не человек, а собака.

Юсуфу было 27 лет. После него осталась жена с 4 детьми, из которых старшему 7 лет, а младшая девочка — грудная. От Таги пока скрываем, что Юсуф помер, но он, очевидно, угадывает и плачет по целым ночам. Он не ревет, а скулит, хнычет и, видимо, тоскует, тоскует и страдает глубоко.

На меня эта нелепая смерть произвела удручающее впечатление. Юсуф был такой же славный и милый человек, как и Таги. Тихий и скромный, услужливый и деликатный. Он мне нравился даже больше Кули. Любопытно, что он на предложение Кули возвратиться в Аджикабул ответил, что он подождет меня, чтобы лично проститься со мною. Бессмысленнее этой смерти от неосторожного прыжка я представить себе не могу. Мне думается, если бы ему сразу сделали операцию, он остался бы жив. А теперь злая и слепая судьба у четырех малюток отняла отца-кормильца».

«Между 19 и 28.9 1913. 28 сентября я переезжаю в Баку. Буду

ездить на работы оттуда. Со мной едут неизменные мои Кули и Таги. Таги горюет и тоскует… Тело Юсуфа я отправил на его родину в селение Наваги, где его и похоронили. Сиротам послал с Таги 25 рублей».

Глава 28

Тамань. Остатки слона и эласмотерия. Стратиграфическая увязка. Апшеронские маршруты. Сумгаит. Кабристанские пастбища.

Вернувшись глубокой осенью 1912 года в Петербург, Иван Михайлович сдал в печать две работы: уже упомянутую «К вопросу о геологическом строении средней части Нефтяно-Ширванского месторождения», в которой обнародовал свой способ составления структурных карт и детализировал залегание рукавообразной залежи, и «Обзор геологических образований Таманского полуострова». Начало второй работы столь отлично по стилю от большинства научных статей, что стоит его выписать:

«На мою долю выпал счастливый случай работать в районе, геологический интерес к которому проявлялся неоднократно со стороны ряда выдающихся как европейских, так и русских ученых и исследователей.

В разное время в нем побывали Паллас (1773), Воскобойников и Гурьев (1832), Вернейль (1838), Леплей (1842), Хюо (1842), Дюбуа де Монпере (1843), Анисимов (1845), Абих (1865), Кошкуль (1865), Байар (1899), Андрусов (1903) и многие другие. Мне пришлось наблюдать факты и явления, останавливавшие внимание перечисленных исследователей, и у них учиться правильному восприятию, оценке и обобщению всех этих фактов и явлений, дающих отчетливую картину геологического строения полуострова».

Среди перечисленных имен два-три принадлежат случайным путешественникам; Губкин, как видно, изучил и их очерки, готовясь к полевому сезону. Почтительный полупоклон в сторону славных предшественников не свидетельствовал никак о робости новичка: он тут же пускается уточнять, дополнять или ниспровергать мнения «как европейских, так и русских» исследователей. (Впрочем, делая это деликатно: «По-видимому, неполнота наблюдений явилась причиной того, что некоторые из исследователей…» и т. д.) Глубинное строение Тамани предстало в обновленном виде. «По характеру и составу фауны наши пресноводные отложения можно поставить в параллель с рядом

после-третичных отложений, развитых вне Таманского п-ова». Губкин ищет связующие нити, казалось бы, никак между собой не связанных областей. Майкопская свита, впервые описанная им в прошлом году, найдена и здесь. «Выходы ее встречены: на горе Нефтяной (северной), на Дубовом Рынке, на уроч. Стрелка, на возвышенности близ г. Темрюка, на горе с курганом Близнецы, на южном склоне горы Цымбалы и в некоторых других местах. Везде с выходами этих глин связано проявление нефтеносности».

В двух километрах от станицы Ахтанизовской на южном берегу Азовского моря (берег обрывистый высотою в сорок метров, и, вероятно, по опасным скалам никто из ученых мужей не решался карабкаться) Иван Михайлович сделал палеонтологическую находку, настолько заинтересовавшую специалистов, что его попросили доложить о ней на заседании (раньше говорили: «в заседании») Академии наук, что он охотно и сделал 2 апреля 1914 года. По нашим сведениям, это было его первое выступление в высоком научном собрании, членом которого он тогда и не мечтал стать. (На минуточку перенесемся на полтора десятилетия вперед. Летом 1929 года Иван Михайлович экскурсировал по Северному Кавказу и однажды вспомнил тот самый труд, о котором мы сейчас рассказываем. Вот какое признание вырвалось на страницу полевого дневника, заполненного, как и все другие, описаниями керна, разреза скважин, зарисовками геологических обнажений: «На досуге прочел свой старый «Обзор геологических образований Таманского полуострова». Посмотрел фауну (название фауны неразборчиво. — Я.К.). Перелистал старого H. Abich'a «Geologie der Hulbinseler Kertsch und Taman». Старое, забытое после 17 лет перерыва снова воскресло передо мною. Первые шаги моей научной работы и через 17 л. увенчание моей научной карьеры. Тамань (подчеркнуто везде Губкиным. — Я.К.) и три академика: H. Abich, Н.И. Андрусов, которого тоже уже нет в живых, и их преемник в области изучения третичных отложений (тут зачеркнуто два слова. — Я.К.), который никогда даже не мечтал о столь высокой ученой степени». Если внимательно приглядеться, то зачеркнутые слова можно прочитать: «Академик Губкин». Запись датирована 28 июня; «столь высокая ученая степень», о которой Губкин никогда даже и не мечтал, присвоена ему была 5 декабря 1928 года; за шесть с половиною месяцев Иван Михайлович не успел еще к ней привыкнуть и, выставив фамилию свою в ряду любимых и чтимых учителей, сробел перед ней поставить титул «академик»).

Палеонтологическую находку на высоком берегу Азовского моря Иван Михайлович исследовал сам, не прибегая к помощи

палеонтологов. По его определению, вскоре подтвержденному лабораторным анализом, он нашел кости крупных млекопитающих. «Среди конгломерата в верхней части обнажения было замечено скопление больших костей, между которыми уже издали можно было признать кости конечностей. Предварительная раскопка доставила несколько зубов, указавших на принадлежность остатков слону и эласмотерию. …Возраст их может быть определен более или менее точно вследствие их идентичности с песчаными образованиями, найденными в других частях полуострова и палеонтологически вполне охарактеризованными».

Эласмотерий — вымерший представитель носорогов. Шил в субтропиках. Существование в древности животных, приспособленных к жаре, меняло представление о палеоклимате и границах суши и моря. Соответствующие научные выводы Губкин глубоко обосновал. Однако для нас сейчас важнее, пожалуй, его стремление к «межрайонным», или, как выражаются геологи, региональным, обобщениям, сопоставлению пород в разных географических областях.

В 1913 году Иван Михайлович впервые вступил на Апшерон, как говорится, с геологическим молотком в руках. Районом исследований он избрал северо-западную окраину полуострова, тогда почти неизученную. Весь разрез Апшерона (ниже определенных слоев) не был «привязан» к разрезу остальной Кавказской провинции. Геологи хорошо изучили отдельные ее части, но как они стыкуются между собой — не знали. Даже знаменитая продуктивная толща, этот громадный резервуар нефти, которому один из патриотов-бакинцев предлагает поставить памятник (см. главу 8), не имела точных стратиграфических границ.

Как известно, Губкин выделил в разрезе Северного Кавказа майкопскую свиту. Очень скоро он доказал, что на Апшероне есть глины, возраст которых такой же, как и у майкопской свиты. Это позволило ему «рассортировать» соседние с глинами пласты: какие из них «моложе», какие «старше». В окрестностях села Джорат им были открыты отложения, ранее никем на Кавказе не найденные (так называемый понтический ярус). Иван Михайлович определил его точный возраст. Так, постепенно начала проясняться древняя геологическая история полуострова.

В 1915 году Иван Михайлович пересек Кабристанские пастбища. Он составил превосходный геологический очерк этой диковатой равнины, прилегающей к Каспийскому морю.

«На всем обширном пространстве Кабристанских пастбищ почти нет ни одного деревца. Безводные и безлесные, они имеют

характер настоящей пустыни. Безлюдные большую часть года, с конца апреля по начало октября, они оживляются только в зимнее время, когда сюда с горных пастбищ спускаются кочевники татары со своими стадами. В летнее время здесь царит шара, лишь изредка умеряемая северным ветром нордом, достигающим значительной силы и играющим существенную роль в моделировке поверхности путем развевания. В это время года некоторое оживление можно наблюдать на торных путях, проложенных между гг. Баку и Шемахою, по которым тянутся караваны верблюдов или же ползут молоканские фуры. Вне этих путей часто на десятки верст не найти ни одной живой души. Натуралисту, привлеченному сюда крайне интересными соотношениями слагающих эту местность геологических комплексов, приходится встречать вместо людей стада в 10–15 быстроногих и пугливых джейранов, вспугивать зайцев и лисиц и изредка наталкиваться на волка, излюбленными местами которого являются глубокие крутостенные овраги, промытые на склонах гор».

В 1916 году Иван Михайлович перебрался с нехитрым своим геологическим скарбом в Бакинский район, который и до этого неоднократно посещал на «гастролях». Весь северо-запад полуострова (четыре планшета) был им закартирован и подробно описан. Он открыл немало антиклинальных складок с расположенными на них своеобразными вздутиями (он очень удачно назвал их четковидными, и образное словцо это с легкой руки его вошло в обиходный профессиональный язык). Сделано было небывало много!

Отныне все мемуаристы и писатели, освещающие историю познания кавказской нефти, будут делить на эпохи: до Губкина и после Губкина. В сущности, он подбирался кружным путем к жемчужине мировых нефтяных кладов — Баку. Сначала исходил север Кавказа, потом запад, всего каких-нибудь два-три полевых сезона довелось ему отдать спокойному и рассудительному проникновению в порядок разноликих пластов, слагающих бакинский разрез. А с какой зоркостью успел он его охватить! Многие углы Кавказа были и до Ивана Михайловича тщательно изучены, однако никто из исследователей не осмеливался посягнуть на создание общей картины. Губкин принялся писать ее сразу, хотя по малости опыта, кажется, и не имел на то морального права. Мысль его забирала вширь — и это без видимого над собой усилия.

Разумеется, мы можем только догадки строить, как успевал Губкин перерабатывать массу геологических впечатлений; он ни разу не позволил себе отложить публикацию даже на несколько

месяцев. Все лето на адрес его петербургской квартиры и в Геолком поступали посылки с каменным материалом. Вероятно, садясь в поезд Баку — Петербург Губкин уже держал в голове основную концепцию будущей научной статьи. Он принимался за нее, не дав себе и недельной передышки. В феврале он уже правил гранки, в марте начинал с тоской поглядывать на чемоданы, в апреле — снова в поле!

Он умел не падать духом, не отчаиваться, даже попадая в неприятные передряги. Лучше всего об этом расскажет он сам. 1 июля 1914 года с ним приключилась история, о которой он долго не решался поведать жене, чтобы не беспокоить ее:

«Начало сентября 1914. Дорогая Нура. Я долго не решался, чтобы не беспокоить тебя, написать тебе об истинной причине моего замедления. Теперь, когда 9/10 постигшей меня беды исправлены, я хочу поделиться с тобой неудачей, постигшей меня еще 1-го июля, во время моей поездки в Нафталан.

30 июня в 11 часов ночи я сел в поезд на ст. Геран Закавказской ж. д., чтобы ехать в Баку. Занял купе 1 кл. Попросил у кондуктора свечу и запер купе на ключ и предохранитель. На одну лавочку положил портплед и ручной саквояж, который ты хорошо знаешь, а на другую лег и начал читать. Слышал, как подъехали к станции Евлах и остановились, а потом мне сильно захотелось спать. Через какую-нибудь минуту я спал, как убитый. В этот день я сделал около 40 верст верхом по горной речке, русло которой усеяно валунами и галькою. Потом от Нафталана до Герана ехал в бричке по ужасной дороге. Так что устал за этот день как никогда. И поэтому спал непробудно. Перед сном я забыл закрыть окно в купе, задернутое занавеской. Было очень жарко и душно — по обыкновению. Проснулся я возле станции Алят (на следующей станции Сангачалы мне нужно было слезать — там меня ждал фаэтон) и первым делом схватился за саквояж. Туда-сюда — нет его. Портплед цел, а саквояжика нет. Я остолбенел от ужаса. В нем были мои полевые дневники за 1913 и 1914 гг., т. е. по Сумгаиту и по планшету этого года и, как мне вначале показалось, карты за те же годы. Впоследствии выяснилось, что карта Сумгаитского планшета была в Гюздеяе и осталась цела. В саквояже был револьвер, несессер, воротнички, знак, орден и вся прочая мелочь.

Сейчас же позвал кондуктора. Обошли весь поезд — безрезультатно. На ст. Сангачалы потребовал жандарма. Он сел со мною в поезд и поехал в Баку. Здесь у жандармского полковника был составлен протокол и прочее. Были посланы телеграммы по всем станциям. В газетах напечатал объявление, что дам награду в 100 рублей лицу, которое доставит карты и

дневники.

Осмотр вагона показал, что мазурик похитил саквояж через окно, причем влез настолько осторожно, что даже не задел очков и свечи, находившихся на столике.

Все мои розыски оказались тщетны. И до настоящего дня о саквояже ни слуху ни духу. По возвращении в Гюздек я постарался выяснить, что пропало безвозвратно и что, следовательно, придется снова восстановлять. Оказалось, что по Сумгаитскому планшету, начиная с 115 до конца (445 обнажений) имеется копия, следовательно, придется восстановить 114 обнажений (подчеркнуто Губкиным. — Я. К.). За текущий 1914 год было похищено все: и оригинал, и копия дневников, и карта. Значит, нужно было еще раз снять то, что было снято до 1-го июля.

К этому я приступил. Весь июль и август я работал лихорадочно, не зная устали. И вот результат. Я успел кончить целый Коунский планшет и 2/3 Учьтапинского. Сделал больше, чем нужно по программе, и восстановил все похищенное за 1914 год. Остается мне теперь только 114 обнажений Сумгаитского планшета, расположенные сравнительно близко. Я это сделаю до 10 сентября…»

Листы Коунский и Учьтапинский сняты полуверстной съемкой. Прибавим сто четырнадцать обнажений Сумгаита… Ого! Точка от точки отстоит на пятьдесят метров примерно; передвигался Губкин верхом; значит, в день приходилось ему делать верст по пятьдесят — это по прямой. И через каждые минут десять езды останавливать лошадь, привязывать, доставать из планшетки горный компас… От зари до зари. Так умел работать Губкин. У него в работе была та спорость (спорынья), о которой в народе говорят, что она дороже богатства.

Глава 29

Еще несколько отрывков из писем. Мировой пожар. Ответ Нины Павловны.

«20.8.1913. На днях я прочел одну повесть Г. Мало — «В семье», где описана жизнь одной маленькой девочки, родители которой рано померли и оставили ее одну на белом свете. Ты не поверишь: я плакал, как маленький. И до сих пор не могу отделаться от впечатлений этой книги. Я поставил себе за правило не обременять себя ни работою, ни излишними заботами, чтобы сохранить бодрость и здоровье для своего

ангела, чтобы она выросла на моих глазах. Я умру спокойно, когда буду видеть своих детей выращенными здоровыми не только телом, но и духом, чтобы жизнь была для них радостью, а не мучением… Живу… я теперь в самых отчаянных условиях — и не падаю духом. Наоборот, я очень бодр и трудоспособен. Моя работа идет колесом без сучка и задоринки. Днем езжу по планшету. Палит меня солнце, палит жаркий полуденный ветер, а мне и горя мало. Ищу себе своих ракушек и мурлычу свои песенки и мечтаю о вас, а особенно о своей золотокудрой дочке. Решаю проблемы не только об образовании нефтяных месторождений, но и великие проблемы жизни. Думаю об ее смысле и цели, разумности бытия. И прихожу к мысли, что великий смысл жизни в том, чтобы пользоваться и наслаждаться красотою окружающего божьего мира: солнцем, звездами, широтою моря, шумом зеленого леса, безбрежностью степи и даже миражами окружающей меня выжженной пустыни, в жарком дыхании которой есть своя прелесть и своя чарующая красота. А это общение с миром, с мировою душой возможно, когда твоя душа чиста и от грязных дел и от грязных помыслов, когда ты, сознавая, что счастье в нас и вокруг нас, стремишься к своей радости приобщить, кто тебе…» (конец письма утерян).

Академик Узбекской академии наук Владимир Иванович Попов ввел в геологию понятие о «прерывистой непрерывности» тектонических движений. Кажется, когда читаешь чужие дневники и письма, это понятие становится приложимым к повседневному бытию: сев за стол и подвинув к себе тетрадь или лист бумаги, человек на мгновенье прерывает непрерывное течение своей жизни и этот перерыв фиксирует. Но мы, читатели его письма, знаем истоки и устье, пороги и заводи и разливы великой реки его жизни, знаем прошлое до письма и что было после. «Я поставил себе за правило не обременять себя ни работою, ни излишними заботами, чтобы сохранить бодрость и здоровье…» — увещевает себя Губкин. Извечная мечта неугомонных людей! Тщетно. До самого конца не сможет он остановиться и будет все наращивать и наращивать темп, «… великий смысл жизни в том, чтобы пользоваться и наслаждаться красотою…» Всегда ли сам Губкин помнил о золотом завете, данном себе 20 августа 1913 года?

Обычно к этому времени его тоска по дому, покинутому пять месяцев назад (он уезжал в конце марта — начале апреля, возвращался в ноябре), становилась непереносимой. Губкин никогда не был настолько одержим абстрактной идеей, чтобы хоть ненадолго забыть боль, беспокойство, тоску. Он слишком настрадался в молодости, и страх перед будущим — даже тогда,

когда материальное положение семьи упрочилось, — долго его не покидал. Он тяготился одиночеством и писал письма жене.

«Апрель 1914. Занятый в Петербурге всевозможными писаниями, я как-то не чувствую всей остроты боли за вас: то ли потому, что моя голова и сердце заполнены различного рода геологическими соображениями и эмоциями, то ли потому, что я рядом с вами».

В приведенном отрывке одна фраза показалась мне чудесной. Губкин пишет «геологические соображения и эмоции». Эмоции! Наука не бездушна, самые отдаленные истины полны мелодией, очарованием и светом, которые, правда, опознать, разглядеть и расслышать могут лишь к тому подготовленные и творческие натуры.

«7.7.1913. Передай моей родной дочурке, что я каждый день здесь встречаю лису-плутовку, маленькую, с длинным хвостом. Она неизменно утекает от меня. Я за ней вдогонку, кричу: постой, постой, дай я тебя поймаю и пошлю Галеньке. А она остановится, поглядит, вильнет хвостом и снова поскачет.

А раз иду я, а она лежит на солнце и смотрит на меня. Я остановился и тоже смотрю, что будет дальше. Она хоть бы что — ни с места. Тогда я на нее молотком делаю вид, что стреляю. Она мигом соскочила и в нору, которая была тут по соседству — только ее и видел.

Передай моей ласточке, что каждый день я вижу и серого зайчика. Этот бедняжка боится меня. Хоть я ему и кричу: куда бежишь, мы тебя не тронем — мы народ смирный. Не верит — и уходит наутек. Трусит, сердечный… Других зверьков не приходилось видеть, а этих почти каждый день. Их много на Сумгаите».

«Май 1914. Как бы я был счастлив, если бы ты успокоилась от треволнений жизни и почувствовала, что ты не одна на свете, что там в далеком Аджикабуле — за горами, за морями — бьется верное тебе сердце, которое вот уже 16 лет любит только тебя одну и твоих деток, несмотря ни на какие «поерохи и дерябочки», возникавшие как результат переутомления, неудач, вообще тяжелой борьбы с жизнью».

Говорят, семейный очаг юмором жарок, и счастливы супруги, не забывшие юношескую легкость посмеиваться друг над другом. Губкины любили шутить и петь и даже ссоры свои назвали, право же, чудными словечками русскими: выдумали мимолетную ссору называть поерохой — так, дескать, поерошить волосы, а уж коли дело посерьезней, когда ноготочки вылезают — это дерябочка!

Когда в 1910 году Иван Михайлович в первый раз уезжал надолго в экспедицию, вероятно, произошел обычный в таких

случаях разговор о верности. Нина Павловна, надо полагать, сказала, что на верность способны далеко не все мужчины, а только «исключительные». И первые свои письма издалека Иван Михайлович подписывает «твое исключение». Однако недолго фигурирует шутливая подпись; вскоре подтверждать свою исключительность отпала всякая надобность. Частенько Иван Михайлович жалуется на неаккуратность Нины Павловны в ответах («3.6.1914. …Томлюсь в неизвестности… Забыла ты меня совсем. Неужели нельзя написать письма… Ведь это ухудшает мое психическое состояние. К непосильной физической работе прибавляется постоянная тревога за тебя и детей».) Проскальзывают нотки недовольства, которые сам же Иван Михайлович хорошо объяснил «как результат переутомления, неудач, вообще тяжелой борьбы с жизнью». Но ни малейшей искорки недоверия между супругами не промелькнуло за все долгие годы совместной их жизни.

«6.6.1914. Мечтаю, что зимой отдохну под вашим крылышком на славу. Буду писать потихоньку, не торопясь. Даю себе слово — горячки не пороть. Все равно толк один, а мучения напрасны».

Ничего не вышло, не удалось ему зимой понежиться в уюте и «писать потихонечку»: спустя двадцать четыре дня, как отправил он это письмо, началась война…

«17.8.1914. …Сообщи, пожалуйста, какое настроение в обществе. Как смотрят на будущее? Нет ли тревожных настроений, вызываемых ходом войны? Оторванный ото всего внешнего мира в такое тревожное время, когда весь мир охвачен пожаром, я положительно теряюсь в различного рода сообщениях, которые мне удается почерпнуть из бакинских газет. Тревога за вас не покидает меня. С чувством страха я всякий раз подъезжаю вечером к Гюздеку, боясь, что вот-вот на мою голову падет какое-нибудь страшное известие. А ты так скудна на письма. Многого мне от тебя не надо. Извещай только, что вы благополучны — и только. Написание открытки в два-три слова отнимет всего две-три минуты, а это принесет мне успокоение И бодрость духа, что только и поддерживает меня, затерявшегося среди пустыни, где, кроме свирепого ветра и палящего солнца, ничего нет».

В одной лишь работе еще находит он упоительные минуты: кажется, чем мудренее загадка, преподносимая ему природой, тем яростнее он за решение ее берется и тем более сильное удовлетворение испытывает от победы…

«30.8.1914. Спасибо, что не забываешь меня, затерянного среди дикой пустыни, летом палимого зноем, а теперь пронизываемого свирепым нордом до мозга костей. Эта прелесть дует уже третью неделю с постоянством и упорством, достойными

лучшей цели, чем морозить несчастных чабанов и бедных геологов. Никакая одежда не способна защитить от него, особенно на горах, куда приходится карабкаться каждый день. Там буквально сбивает с ног. Идти против ветра невозможно: нельзя сделать двух шагов — относит назад. О записи и говорить нечего: книжку и карту вырывает из рук и несет за тридевять земель.

Руки коченеют от холода, и кто поверит, что я на Апшероне, расположенном на широте южной Италии. 30 августа надевал башлык, чтобы защитить уши от холода и ветра, и вел дневник, записывая в перчатках, одетый в меховой полушубок. Этот собачий холод сменил невыносимую жару. Я не отметил за все лето ни одного дня, про который можно бы сказать: какая нынче хорошая погода.

Несмотря на это, мы не унываем и работаем энергично. Берем приступом одну гору за другой, атаковывая их вершины с молотком в руках и компасом в кармане. Особенно досталась нам гора Касмали, куда мы ездили целых 9 дней, разбираясь в ее строении, представляющем настоящую тектоническую вакханалию. Но хоть и крепок был сей орешек, но мы его разгрызли с божьей помощью. Коунский лист кончен. Осталось работы на четыре-пять дней — и дело в шляпе. Уже и теперь на душе спокойно. «Исполнен долг…»

Письмо дышит здоровым и усталым возбуждением на славу поработавшего человека. Губкин любил в геологической работе сочетание физических и умственных усилий: нужно много ходить, ездить верхом, наблюдать, сравнивать. Его крепкие мышцы — а он был сильным мужчиной — нуждались в труде. Крестьянин, сын крестьянина! В письме, датируемом концом сентября 1913 года, есть характерная оговорка: «Я только вами и живу… Даже любимая мною геология постольку меня интересует, поскольку она доставляет возможность жить здоровою, крепкою и честною жизнью и зарабатывать кусок хлеба для своих дорогих, близких и любимых — «потрудиться для семьи своей с охотой». Поверишь ли, я даже устали не знаю, когда думаю, что работаю не только для себя, но и для вас». Некий этический идеал Губкина выражен тут явственно, и Губкин верен оставался ему до кончины. Однако поверим ли мы доверчиво во все сказанное в этом отрывке? Садясь писать письмо в конце сентября 1913 года, Губкин на мгновение прервал непрерывное течение своей жизни, мы же знаем все пороги, повороты, извилины и дельту…

Письмо подписано: «Навеки твой Ваня». Я берусь с цитатами и выкладками в руках доказать, что обращение это поставлено было не механически, что Губкин такое именно и испытывал

чувство: «навеки твой». Кто бы мог подумать, что, расставшись волею судеб на четыре года, Нина Павловна и Иван Михайлович встретятся потом как чужие люди?! В последний свой полевой сезон перед отъездом за границу Иван Михайлович, словно предчувствуя что-то недоброе, тосковал по семье особенно сильно. «Начало мая 1916. …Скучаю по вас до физической боли. Никогда еще разлука не была для меня так тяжела». «24 мая 1916. В этом году я особенно сильно чувствую свое одиночество».

Весной 1917 года Иван Михайлович был командирован в Соединенные Штаты Америки для изучения тамошних нефтяных месторождений. Нина Павловна сочла за благо переждать голодное время у родственников на Кубани. Иван Михайлович вернулся весной 1918-го. Он бросился разыскивать знакомых: никто не знал, где Нина Павловна, где дети, живы ли они. Только осенью 1920 года смогли Нина Павловна с Галочкой, хлебнувшие много горя и мытарств, добраться до Москвы.

Прежней близости уже не было. Нина Павловна и Иван Михайлович все более отдалялись друг от друга.

В заключение данной главы хочется привести письмо Нины Павловны к Ивану Михайловичу; до сих пор читатель знакомился только с его письмами. Характер отношений между супругами станет читателю еще яснее.

«14.6.1914. Дорогой и милый Ванюша, мой Ванюша) Не знаю, что мне и делать с письмами — я тебе пишу по адресу: Баку, Биржевая улица, дом Бунятова, Московско-Кавказское Т-во и все-таки из твоих писем вижу, что ты не получаешь моих известий. Я послала тебе три телеграммы и два письма: одно — открытку, а другое заказное большое письмо.

О нас ты, милый, не тревожься — выбрось все из головы, а все свои заботы сосредоточь на себе. Подумай сам: дети ведь у тебя не брошены, а оставлены на родную их мать, которая, ты ведь хорошо знаешь, не сделает и шагу от них. Поэтому о нас тебе совсем нет причины беспокоиться. Я бы желала, чтобы ты все силы свои и думы направил к сохранению самого себя. Я в ужас пришла, когда узнала, как ты плохо себя бережешь, не принимаешь никаких мер против укусов комаров. Немедленно купи в аптеке гвоздичного или же, еще лучше, камфарного масла и натри им все обнаженные части тела, и ни один комар не подлетит к тебе. Как можно так беззаботно относиться к себе — у тебя ведь есть маленькое существо, совсем беззащитное, которое прямо-таки безумно тебя любит и тоскует по тебе страшно. Она часто сама по собственному почину начинает спрашивать у меня: «Да когда же приедет папочка? Я хочу его видеть» и т. д. А когда я спрашиваю ее, а вдруг папочка не купит тебе куклу, ты его опять

тогда пошлешь в Баку? «Что ты, что ты, — отвечает она, — у меня и так много кукол, нинок всяких, а папочки нет» и т. д. И это все говорит совершенно самостоятельно. Своей бескорыстностью и добротой она трогает меня до глубины души. И крепко, крепко любит своего папу. Даже только ради ее, как самого маленького и беззащитного существа, которому ты и дорог и страшно нужен, необходимо беречь себя, взять себя в руки и не тосковать и не горевать. Время в работах пройдет незаметно — бог даст увидимся скоро. Не тоскуй, мой милый, и не горюй. Так можно и заболеть.

И еще одна просьба: не надрывай себя чересчур сильно работою — уделяй достаточное количество сну, нужное для твоего организма, иначе, систематически недосыпая, ты сильно ослабнешь.

Ты вспомни, ведь ты и зиму недосыпал. А какой толк будет, если ты от переутомления захвораешь. Ты лишишь нас своей поддержки, и мы останемся одни, сирые и бесприютные. Мой совет: вставай ты попозднее, часов в 7 и 8 и возвращайся домой пораньше, чтобы раньше лечь спать. Сон — это главное. Имей также запас нарзану и не пей местной некипяченой воды.

Исполнять эти мои советы дай мне слово, самое честное и крепкое, а то я тебя накажу и ты за целое лето не получишь от нас ни одной строчки. Помни, как ужасно будет, если ты захватишь лихорадку, и как легко ее схватить. Избегай поэтому всего того, что может ей благоприятствовать. Отправляясь на работы, прежде всего натри лицо, руки и уши камфарным маслом, а также надуши им и твой костюм и все твое платье, дальше — пей только один нарзан, которого запаси как можно больше, и ни в коем случае не употребляй сырой воды и, наконец, не переутомляй себя работою, позже вставай и пораньше ложись. Кроме того, не думай о нас совершенно. Поверь, мы благодушествуем и целый день пьем лимонад.

В следующем письме поподробнее напишу про нас, а пока до свиданья. Сообщай телеграммами свои адреса, чтобы я могла туда писать тебе открытки.

Любящая тебя твоя Н.

Детки также целуют и обнимают своего папу. А «большой» Галусь все ждет самостоятельного письмеца от тебя на свое имя. Все мои письма вырывает у меня из рук и говорит, что это ей прислал папа, потому что он ее любит.

Ты ей обязательно пришли самостоятельное письмо, а то она не дает читать мне твоих писем и горько сетует на то, что папа пишет «маме да маме, а своей дочке все нет и нет».

В Азербайджане в те годы свирепствовала малярия,

погубившая много жизней. Действенного лечения против нее не было. Опасения Нины Павловны вполне обоснованны, а советуемые ею предостережительные меры соответствуют уровню тогдашних медицинских знаний.

Глава 30

Журнал «Поверхность и недра». К вопросу о периодизации. Отчет за семилетку. Губкин у брадобрея. Квартира на Васильевском острове. Походка. «В Баку мое имя гремит». Российская нефть с точки зрения юридической, политической и научной. Чаша жизни.

Любопытно было бы установить — мне пока этого не удалось, — сам ли Иван Михайлович предложил журналу «Поверхность и недра» свои услуги в составлении сводного труда по российской нефти, в котором все аспекты пользования месторождений, перевозок, торговли и переработки жидкого минерала были бы освещены с подробностью, доступной в рамках журнальной статьи, или же сама редакция обратилась к Губкину с просьбой такую статью написать. В первом случае это лишний раз доказывало бы наклонность Губкина к широким обобщающим рассуждениям, касающимся нефтяных скоплений во всей стране, не только на Кавказе; во втором — подтверждало бы, что уже к 1916 году Иван Михайлович был признан крупнейшим специалистом по нефти. Малоизвестному или второразрядному исследователю редакция столь ответственную статью не заказала бы (она появилась с таблицами и картой в № 9, 1916, под энциклопедически кратким и обязывающим названием «Нефть»).

Ее полноправно можно принять за некую веху, положить межевым камнем на рубеже двух периодов биографии нашего героя. Самая искусно аргументированная периодизация суть тоже некий перерыв непрерывности, насильственный, точнее, воображаемый разрыв времени, которое ведь неломко, не колется и не бьется. Но что поделать, если судьба героя так извилиста, исполнена напряжения и решительных перемен? Поневоле в погоне за ним где-то и остановишься, чтобы перевести дух. Третья часть нашего повествования охватывает шесть с половиною лет. Она начинается с приезда в Нефтяную. Она могла бы быть кончена статьей «Нефть», если бы сама жизнь не положила рубежа более заметного и прямого. Весной 1917 года Губкин отбыл за океан, а когда через год он вернулся, то вернулся в другую страну. Не в ту, которую оставил. И он тоже сразу стал

другим человеком.

Значит, остановимся перевести дух.

Нет, остановимся полюбоваться чудом внезапного расцвета, преображения и спелости.

В самом деле, что произошло? Как это все случилось? Кто он был, скажем, лет семь еще тому назад? Студент-переросток, «пришибленный и угнетенный», как он сам о себе говорил, задерганный невзгодами жизни и губительно долгим ожиданием встречи со своим талантом. А сейчас? Накануне отъезда в США? Ему сорок пять лет — о, это маститый ученый, первый авторитет Геолкома, автор открытия, которого одного достаточно, чтобы имя его утвердилось в истории отечественной науки. Сколько ни перебирай в памяти события этих шести с половиной лет, невозможно уловить момента, с которого началось чудесное перерождение героя.

1910 год. Облик Губкина самый что ни есть «народнический». Сапоги, толстовка, борода… Толстовка, панамка, сапоги останутся на всю жизнь экспедиционной его одеждой, «народническая» же борода в тринадцатом или четырнадцатом году исчезла. Событие это, видно, не взволновало ни его, ни окружающих. В народе говорят: «борода глазам замена», то есть она как бы тоже отражает душу; у Губкина же душевный настрой переменился. Раньше на лице его непокидаемо лежал отпечаток затаенной боли, особенно явственно заметный на фотографии 1903 года. Теперь источник страдания исчез. И на лице остались одни усы, придавшие выражение лукавства и сосредоточенности. Потом, лет этак через десять, исчезли и усы, и лицо неожиданно приобрело крестьянскую грузность и властность. (Кое-кто, вероятно, сочтет такое толкование перемен в губкинской наружности поверхностным, но разве не подгоняем невольно лицо наше к душевному нашему состоянию и к той роли, которую собираемся играть среди себе подобных? Актеры это хорошо знают, и выбор парика и накладных бровей для них чрезвычайно важен.)

Открытие невиданной дотоле рукавообразной формы залежи сразу выдвинуло его в число крупнейших инженеров и привлекло к нему внимание нефтепромышленников. Посыпались заказы. Губкин охотно их исполняет. Во-первых, он страшно нуждается в деньгах, а за «гастроли» много платят; во-вторых, он получает возможность осмотреть разбросанные участки. Мозг его с жадностью впитывает геологические впечатления, сортирует, сравнивает и связывает. Губкин проявляет чудовищную наблюдательность и отыскивает новые горизонты, новые виды фауны даже там, где до него их тщательно искали другие.

Почти каждая экспедиция венчается пусть небольшим, но поражающим изощренной наблюдательностью открытием. Губкин показывает превосходное владение методами палеонтологии и стратиграфии. Он как бы пишет небольшие новеллы, но мысль его стремится соединить их в роман с общими героями. Проникая в тайны строения небольших участков («распутывая тектонические вакханалии» — как чудесно выразился он сам!), Губкин неуклонно и несбиваемо рисует общую картину сложнейшего в мире региона — Кавказа. Мало того, ход «от общего к частному» он вводит как важнейший методологический принцип исследования в нефтяной геологии. В том же 1916 году в том же журнале «Поверхность и недра» опубликовал Иван Михайлович свои размышления о методах исследования нефтяных месторождений («К вопросу о задачах и методах исследования нефтяных месторождений»). Нам уже доводилось цитировать оттуда: несколько строчек из упомянутой статьи приводились как образчик стиля. Сейчас мы повторим их, но уже с другой целью — с намерением проиллюстрировать губкинское нововведение.

«По отношению к месторождениям Апшеронского п-ова была допущена та ошибка, что разрешения вопроса о их геологическом строении искали возле этих месторождений на ограниченной площади, когда его следовало искать на территории не только Апшеронского п-ова, но и всей юго-восточной части Кавказа. Выражаясь метафорически, он яснее и ближе виден со снеговых высот Шах-Дага, чем с горы Бог-Бога или со стороны Беюк-Шора. На фоне геологического построения всей данной области и должны изучаться отдельные нефтяные месторождения, входящие в ее состав.

При этом исследование не должно ограничиваться изучением только того, что находится на дневной поверхности, оно должно вслед за буром спуститься в недра земли и там искать освещения и ответов на свои вопросы о деталях строения месторождения. Вместе с этим должен попутно изучаться вопрос о распределении нефти в месторождении и о водоносных горизонтах».

Такова методологическая установка Губкина, в наше время прочно вошедшая в практику. Нужно познать региональный характер отложений, чтобы не ошибиться при оценке локальных залежей. Есть в статье прелюбопытное наставление: «Геолог Должен присутствовать при начале промышленного бытия месторождения и при его жизни — в процессе эксплуатации. Только тогда он получит возможность изучить и понять это месторождение и давать полезные советы промышленным деятелям». Для современного геолога слова эти звучат дико

банально! Неужели когда-нибудь кому-нибудь приходилось доказывать самоочевиднейшие истины? Однако приходилось, и потомки должны быть благодарны Губкину еще и за то, что он первый верно угадал великое значение геолога-практика (в начале века геолога рассматривали почти исключительно как представителя чистой науки) и первый страстно боролся за утверждение его в правах.

Последняя выписка из этой статьи: «…если мы стремимся постичь природу нефтяных месторождений, необходимо, чтобы по пути этого стремления геолог, химик и физик шли рука об руку, взаимно учась друг у друга.

Словом «физик» я не случайно обмолвился. Этим я хотел показать, что и для физика в нефтяных месторождениях есть вопросы, подлежащие изучению».

Не забудем: это 1916 год! Еще и слов тогда таких не существовало — «геохимия», «геофизика», — а Губкин приветственно распахивал объятия коллегам из смежных наук, предваряя содружество, которому суждено будет сбыться не меньше чем через четверть века.

Рассказывая о дореволюционных экспедициях Ивана Михайловича, мы старались (насколько позволял объем книги) предоставлять слово ему самому, используя для этого неопубликованную переписку. Сейчас, раскладывая по датам пожухшие странички почтовой старинной бумаги, кой-где подклеенные, кой-где подглаженные заботливой рукой Галины Ивановны, с острым и чуточку застенчивым интересом, каким всегда отзывается в сердце чужая жизнь, живая жизнь, запечатленная в посланиях к любимой женщине, может быть, даже запретных для постороннего (а некоторые губкинские письма прямо-таки ранят своей сокровенностью, интимностью), — со жгучим, повторяем, и стыдливым интересом следишь за извивами мыслей, забот, просьб. Вот самые ранние отправления. Сколько в них еще неизжитой тревоги, незабытых тяжелых переживаний запоздалой студенческой поры. Даже любование видом горных хребтов передано нервной рукой человека, жаждущего успокоения.

Досточтимые письма мужские!
Нет меж вами такого письма,
Где свидетельства мысли сухие
Не выказывали бы ума.
Пастернак

Бегут недели, месяцы… Зиму Губкин проводит в Петербурге, и не сразу вновь привыкает ходить по улицам. Шаг его слишком широк, Нина Павловна еле поспевает. Весной он опять уезжает и возобновляется временно прерванный поток этих восхитительных писем… Тон их становится все добродушней, меньше резкостей, колких замечаний о людях, с которыми приходится сталкиваться. Между тем в семью приходит достаток. В тринадцатом году, 14 сентября, Иван Михайлович решается попросить жену, правда, с некоторой робостью: «Абазов говорил мне, что наверху освобождается квартира типа квартиры Чарноцких. Если не доставит тебе затруднения — перемени нашу квартиру. Не жалей 50 рублей на проводку электричества, буду тебе бесконечно благодарен. Если же это для тебя будет сопряжено с большими затруднениями, оставь мою просьбу без последствий. Как-нибудь проживем и в этой квартире. В тесноте, да не в обиде. Я ни при каких обстоятельствах не выкажу своего неудовольствия. Я буду тогда уходить в Комитет, тем более, что он недалеко».

Квартиру сняли на Васильевском острове. Теперь у Ивана Михайловича появился свой кабинет. Когда хозяин уезжал, кабинет запирали, чтобы дети чего-нибудь не попортили и чтобы квартира не казалась слишком пустой и большой. В мае — июне запирали всю квартиру — Нина Павловна с детьми уезжала на дачу. Зимними вечерами Иван Михайлович писал в кабинете свои статьи и отчеты. Заходили его товарищи геологи из комитета и Горного института. Бывали и нефтепромышленники, искавшие совета или консультации. Их отношение к Губкину по мере роста его славы становилось все предупредительнее.

Письмо, отправленное в июне 1914 года (или 1915. Год не проставлен и предположительно установлен по названию географических пунктов. Не 1912–1913 и не 1916):

«При поездке в Сальяны виделся с Кули и Таги и нанял их снова на все лето. Так что ты успокойся, я буду окружен преданными мне людьми. Утром сегодня я был еще в Сангачалах. Таги как раз в это время приезжал в Баку. Завтра он будет у меня, а 11 июня мы с ним поедем искать пристанища на Гюзде-ке или на Арбате. Начну работы, вероятно, 15 июня, а числа 24–25 поеду в Нафталан по просьбе Бердского. Я очень доволен, что окончилось мое мыканье по степи. По крайней мере буду работать на одном месте — спокойнее и правильнее. А это благотворно будет влиять на мою психику. Окончательно счастливым я буду считать себя, когда напишу и сдам отчеты Кянджунцеву. Кстати, в начале мая он был здесь. Наши отношения с ним прекрасны. Он предупредителен и корректен.

Особенно ласков со мной А.О. Гукасов. Так что мои служебные отношения меня совершенно не тяготят. В Баку мое имя гремит, и это, конечно, льстит Кянджунцеву, заполучившему популярного геолога. Для меня он заказывает автомобиль, в котором я буду ездить из Баку в степь, что дает возможность не мыкаться по Сангачалам и Дуванным, а всякий раз возвращаться в Баку ночевать и жить, следовательно, в культурной обстановке».

Гукасов и Кянджунцев — известнейшие и богатейшие топливные дельцы. «В Баку мое имя гремит», — не без гордости, конечно, сообщает жене Иван Михайлович, но вместе с тем, не правда ли, и как нечто уже привычное, уже, во всяком случае, переговоренное между супругами? Кянджунцев не поскупился нанять автомобиль, чтобы облегчить Губкину дорогу к участкам и буровым и обратно. Автомобиль! Да по тем временам одни, может, государственные деятели позволяли себе роскошь пользоваться автомобилем!

А в эти самые дни, как легко устанавливается по архивным данным, в Баку работали такие превосходные мастера разведывательного дела, как, скажем, Апресов и Ушейкин. И стаж инженерный у них к тому времени был не каких-нибудь жалких четыре года, как у Губкина, а добрых десятка два лет. Как же это случилось, что Губкин сумел так запросто их обскакать? Известен каждый его шаг, каждое написанное им слово, нет, кажется, ни одного существенного момента в его биографии, который оставался бы неизвестным, а чудо внезапного расцвета его душевных сил все остается как бы необъяснимым, сказочным и небывалым, как и то спокойствие, с которым он воспринял свое внезапное возвышение.

Таково самое сильное чувство, которое охватывает, когда единым взглядом озираешь жизнь Губкина за шесть с половиной лет, прошедших со дня получения диплома до отъезда за границу. Когда озираешь с высоты, так сказать, птичьего полета. Когда же спускаешься на землю и начинаешь по отдельности разбирать губкинские труды этого периода и видишь, как много и многообразно умудрился он сделать, тогда чувство это исчезает и не удивляешься, что именно ему, а не тем же Ушейкину, Апресову, или Чарноцкому, или профессору Богдановичу, учителю Губкина, пришла в голову смелая мысль собрать воедино все сведения о российской нефти, все соображения научные и практические о ее происхождении, добыче и применении и, обобщив, выпустить в одной статье.

Вернемся теперь в Петербург, на Васильевский остров в кабинет Ивана Михайловича, где была написана статья «Нефть».

Из всего его дореволюционного наследства это, пожалуй,

самая богато иллюстрированная цифровым материалом, таблицами, историческими справками, самая смелая и, наверное, трагическая статья. В наше время она представляет лишь биографический интерес, весь ее справочный фонд устарел. Трудно определить ее жанр. Скорее всего — научная публицистика. Редкий, согласитесь, жанр.

Начинается «Нефть» следующим тревожным и крутым размышлением:

«Развитие производительных сил страны — это не только лозунг переживаемого момента, объединивший всех сознательных граждан нашей родины, — это гораздо больше временного лозунга — это альфа и омега нашего независимого государственного бытия. Если мы сумеем действительно развить наши производительные силы и реализовать наши скрытые великие возможности, вера в которые жива у каждого из нас, нашу родину ожидает великое будущее. Если же мы дальше провозглашения лозунгов, как бы ярки они ни были, не пойдем и не сумеем их содержание воплотить в живую кипучую работу, направленную на развитие и укрепление всех созидательных и творческих сил страны и использование ее богатых естественных ресурсов, мы будем обречены идти в хвосте цивилизованного мира, в вековом экономическом рабстве у наиболее культурных и дееспособных народов. Ходом истории мы будем отброшены и увеличим число отсталых и некультурных народностей, которым нет счастья под солнцем, где переживает и развивается наиболее приспособленный и вооруженный для борьбы».

Подробно рассмотрев прошлое нефтяного дела, Иван Михайлович переходит к характеристике всех районов, в которых к тому времени развивалась добывающая промышленность. Снова возвращается он к вопросам правово-юридического толка, уже раз поднятым им в статье о методах исследования нефтяных месторождений: «В правовое сознание промышленных сфер должна быть внушена и законодательно оформлена в качестве незыблемой нормы мысль, что всякое месторождение полезного ископаемого, независимо от формы владения той частью поверхности, откуда ведется разработка и выемка, представляет не только арендную или частную собственность данного лица или фирмы, но и национальное достояние, подлежащее не только охране и надзору со стороны государства в отношении правильности и безопасности его разработок, но и попечению о его научной обследованности».

«Горный устав в целом, — писал Губкин, — далеко отстал от жизни и нуждается в коренном пересмотре на основах реальной охраны месторождений полезных ископаемых, на которые должен

быть установлен твердый взгляд, как на национальное достояние, подлежащее контролю и охране государства, в чьих бы руках они ни находились». Статья содержит длинный ряд тщательно продуманных мероприятий, касающихся расширения процесса нефтедобывания, изучения недр, правового положения геолога, рационального использования нефти и ее продуктов.

Но кому предназначались тщательно обдуманные рекомендации? Кто их мог осуществить? В условиях капиталистической раздробленности индустрии и безответственности царского правительства — никто. Губкин выступает не просто кал ученый, но как ученый с государственным мышлением. И вот эта-то государственность его мышления никому не была нужна и пропадала втуне. И Губкин это сознавал и мучился этим.

Он перерос то дело, которым занимался. Ему уж порой становилось душно в стенах консервативного Геологического комитета. Он задумывался о возрасте. «Я стар», — нередко жаловался он жене. Для настоящей работы ему нужны были тысячи людей, лаборатории, экспедиции. Он хотел разведать все недра Руси! Но это, казалось ему, совершенно неосуществимая, беспочвенная мечта…

8 июля 1913 года в длинном письме, отрывки из которого мы уже приводили, он о себе заметил:

«В глубине души я чувствую еще, что энергии у меня непочатый край. Чашу жизни я еще не выпил до дна».

О, как он был прав!

Сколько еще впереди предстояло открытий, сколько споров и путешествий, много дум, много свершений и долго еще предстояло ему пить из чаши жизни…

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Наука в рабочей блузе

Глава 31

Выписка из статьи. Номер в «Метрополе». Отчет о командировке с этической точки зрения. Настоящая должность Губкина.

Начинается последнее двадцатилетие, последняя треть этой удивительной жизни.

Начинается двадцатилетие, совокупностью дел, решений, посягательств и давшее явление — Губкин.

Иногда задаешься нелепым и, может быть, кощунственным вопросом, а что было бы, что в памяти бы людской осталось, оборвись эта жизнь в пятнадцатом или шестнадцатом, скажем, году? С детскую ладошку величиною камешек, летящий со скалы, способен просто перечеркнуть все надежды и планы, это каждый геолог знает… А сколько опасностей подстерегало пароход, на котором возвращался Иван Михайлович в Европу из Штатов? Мины, немецкие подлодки…

(Лишь одно предположение кажется почти абсурдным: то, что он мог остаться за границей. Между тем он выслушал немало лестных предложений от нефтяных заправил американского Запада и немало угроз от русских политэмигрантов в Стокгольме. Некто Фосс, средней руки инженер-металлург, сопровождавший вместе с угольщиком Снятновым Ивана Михайловича в его поездке за океан, поддался уговорам и запросил у американцев политического убежища. Губкин и Снятков немало помыкались в шведской столице, прежде чем удалось сговориться с капитаном небольшого траулера, направлявшегося в Мурманск. Сами перетащили на судно ящики с книгами и образцами горных пород, закупленными в США. Каково же было удивление путешественников, убежденных, что на Родине про них в этакое-то время, кроме родных и друзей, все забыли, когда они, стоя на борту, увидели, что на пристани их встречают! Оказалось, что из Стокгольма кто-то передал об отъезде ученых, и юная Советская власть позаботилась о встрече, «…у представителей Мурманского Совета нашлось время встретить приехавших ученых, помочь им достать теплушку для привезенной из Америки геологической библиотеки и архива, а самих ученых усадить в купе

международного вагона. Я никогда не забуду волнения, которое я испытал, ступив на родную землю, волнения, возросшего при виде ласкового и заботливого приема, оказанного нам».)

Если бы не было последнего двадцатилетия, Губкин, несомненно, все равно остался бы в истории отечественной науки, но что писали бы о нем? Самородок, наблюдательный натуралист, психологический феномен. Так, по-видимому. В сорокалетнем возрасте получил диплом инженера и в каких-нибудь пять-шесть лет с необъяснимой легкостью выдвинулся в первые величины по нефтяному делу в России. Важничать от этого не стал. Наоборот, выказывал недовольство собой и стремление к чему-то большему, нежели высматривание стратиграфических горизонтов.

Мне всегда казалось, что для «полного счастья» Губкину не хватало этакого русского размаха в работе, удали, что ли, посвиста молодецкого, самозабвения, самоопьянения, и чтобы не он один разгулялся в работе до самого потного лиха, но все кругом чтоб ходуном ходило, чтоб все под дружным напором трещало! Иначе труд был ему на пробу, как бы это выразиться, пресноватым! «Чистой» науки как таковой он даже и не понимал и не признавал (а познание Земли считалось тогда в общем-то «чистой» наукой, и многие геологи отказывались сводить свою деятельность к выискиванию в литосфере скоплений отдельных элементов потому только, видите ли, что эти элементы нужны промышленности! Универсальных нравственных критериев в науке нет, они изменчивы. Объективную оценку такому взгляду можно дать только с учетом конкретных исторических условий, однако лично для Губкина «чистая» наука была скучна.)

Едва приехав, едва осмотревшись, набрасывает Иван Михайлович статью «Роль геологии в нефтяной промышленности». (Появилась в «Известиях Главнефтекома», 1918, № 2.) Роль геологии! Она давно волнует его. Он уж касался ее в своих дореволюционных выступлениях, теперь он чувствует, что вопрос может быть решен, как никогда и нигде он не мог быть решен. Позволю себе довольно большую выписку из статьи. В ней содержится первая, насколько мне известно, в советской литературе публицистическая атака на ревнителей «чистой» науки.

«Среди современного нам так называемого образованного общества, — такими словами приступает Губкин к развитию своей мысли, — найдется очень немного людей, которые вполне оценивали бы то значение, какое имеет геология в деле развития производительных сил страны, особенно в той области, которая касается извлечения из недр земных полезных ископаемых.

Обычно думают, что задачей геологии является изучение строения земной коры и раскрытие истории нашей планеты, начиная от ее звездного состояния, через ряд геологических периодов, пред которыми тысячелетия «яко день един», — вплоть до современного лика Земли. Это так. Но это задача не единственная. Наука о Земле преследует и другие, может быть менее возвышенные, но зато бесконечно важные задачи, имеющие большое практическое значение в повседневной жизни человека. Изучая историю Земли и ее строение и разбивая, таким образом, великие предрассудки человечества — эти путы, связывающие свободную человеческую мысль, — она вместе с тем изучает условия залегания полезных ископаемых в недрах земных, пробует объяснить условия их возникновения там и дает указание, где и как их можно добыть и извлечь на дневную поверхность. Вот эту вторую задачу геологии обычно и не учитывают просто образованные люди, а некоторые профессиональные геологи — жрецы геологической науки — отмахиваются от нее, боясь, что она нарушит, по их мнению, великий принцип «наука для науки», низведет геологию на роль прикладной науки и затемнит ее сущность, позволит в святилище ворваться шумной, суетливой улице с ее вседневными мелкими запросами. Не будем спорить с этими охранителями священной неприкосновенности «чистой науки», тем более что великой роли ее в истории человечества и культуры мы и не думаем отрицать. Напомним только, что существует другой, не менее великий и священный принцип — «наука для жизни». Особенно полезно напомнить это теперь, когда наука, оставив вершины ученого Олимпа, должна широко разлиться в народных массах, и не в тоге мудреца и мантии «доктора», а в простой рабочей блузе подойти поближе к жизни, к ее вседневным злобам и заботам. И жизнь возьмет свои права: при свете науки будет строиться новое общество, когда «владыкой мира станет труд».

С течением времени в промышленном развитии страны роль прикладной геологии, наряду с другими прикладными науками, будет расти и ценность ее для жизни будет увеличиваться».

Проблема и прежде, до революции, занимавшая Губкина, здесь поставлена с определенностью и простотой, свойственной смелым мыслителям. Наука и общество, наука и народное хозяйство, взаимоотношения между обществом и творцом, взаимоответственность, их друг перед другом. Губкин не принижает роли «чистой» науки. «Великой роли ее в истории человечества и культуры мы и не думаем отрицать». Но изменилось время! В лаборатории ворвался шум улиц.

Науке надо облачиться в рабочую блузу.

С этого момента (мы имеем в виду — с момента появления в «Известиях Главнефтекома» губкинской статьи) начинается советская эра в истории отечественной геологии.

Невиданный доселе и при капитализме невозможный разворот разведочных изысканий, сотни экспедиций, тысячи отрядов, подчиненных строгому плану, многообразие методов исследования, согласование поисковых планов с будущими народнохозяйственными потребностями (ведь геология должна обгонять поступь промышленности; прежде чем развивать какую-нибудь отрасль, например химическую, надо знать, подготовлены ли под нее, как выражаются экономисты, запасы) — вот некоторые черты, присущие советской геологической науке. И они впервые были разработаны и сформулированы в небольшой статье, написанной Губкиным через несколько недель после возвращения на родину.

Может быть, это самое важное, бесценное наследство, оставленное Губкиным? Что ж, право, нефть в Поволжье была бы и без него когда-нибудь открыта, и курская руда, и институты, которые он создал, были бы и без него созданы, и теории, им выдвинутые, возможно, были бы сформулированы когда-нибудь другими. Все перечисленное по отдельности само по себе грандиозно, но Губкину принадлежит и еще нечто большее. Он создатель направления в науке, практическим воплощением которого и явились открытия, учения и институты.

Разумеется, такая наука могла возникнуть только после обобществления средств производства, национализации земли и недр, национализации нефтяной промышленности. Короче, после революции. Губкин внутренне созрел для восприятия революции и внутренне жаждал ее прихода, как всякий художник жаждет обновления своего творчества. Его революционность не в том только выражалась, как это невольно получается у некоторых биографов, что он печатал листовки на мимеографе и выступал в рабочих аудиториях. Этого мало. Революционность заложена была в его исканиях своего пути в науке!

Но разве он жаждал революции, так сказать, без взаимности? Разве революция не нуждалась в таких людях, как он?

Ни одна официальная должность, которую занимал он в последнее свое двадцатилетие, не отражала истинного места его в науке, в управлении геологической разведкой. Сохранился «личный листок по учету кадров», заполненный им 14 декабря 1937 года. (В тот год многих академиков и их жен попросили заполнить подробные анкеты. Хранится в Архиве АН СССР.)

Если оглянем анкетку беглым взглядом, то увидим, что заполнитель ее всегда исполнял несколько должностей сразу; к

примеру, в двадцатом году за ним числилось пять постов (среди них и весьма неопределенно сформулированный «Ответственный работник коллегии Главнефтекома». Объясняется туманная формулировка просто: ввели Губкина в коллегию, когда субординация, расчленение и штатное расписание разработаны еще не были, и какой там чин или жалованье положили ему, едва ли интересовало тогда Ивана Михайловича).

Служебные перемещения за все двадцать лет происходили в одной примерно плоскости, на одном примерно «уровне» (вершина признания научных заслуг — 5 декабря 1928 года, когда избран был действительным членом Академии наук, а производственных талантов — 1931, когда назначен был начальником Главного геолуправления). Спадов (или, как стали выражаться в те же 20-е годы, — «понижений») почти нет; в собственном смысле, нет карьеры. Кривая, вычерченная, если бы можно было перевести анкетный язык на язык геометрии, по пунктам, бежала бы наискось чуть вверх от оси абсцисс.

Губкин сразу предстал в невиданном дотоле раскрытии, сразу занял какое-то свое место в государственной, политической и научной жизни юной Советской республики, не уступал этого места до конца дней своих, и это, пожалуй, еще более удивительно, чем мгновенное преображение бойкого сельского учителя в нефтяного светилу.

Итак, «личный листок по учету кадров», поперек которого, кстати, оттиснуто мелким и внушительным шрифтом указание: «ответы должны быть исчерпывающие», не отражает ни деятельности настоящей, чего требовать, впрочем, и нельзя, ни настоящей должности Губкина. Кем же был Губкин все эти двадцать лет? И кем остался в памяти потомков? Припоминаю я беседы с бывшими его учениками; всерьез, а иногда в шутку называли они его, как привыкли называть в те далекие годы, когда он еще был жив (и как, по их словам, называли его зарубежные газеты, присовокупляя то брань, то восхищение), — называли его нефтяным комиссаром. Такой должности нет в номенклатуре Совета Народных Комиссаров, но мне кажется, именно ее — страстно, радостно, честолюбиво — и исполнял он последние двадцать лет своей жизни. Нефтяной комиссар!

Это новый Губкин! Сама стремительность, неукротимость и неутомимость; он работает по пятнадцать часов в сутки и пятнадцать лет подряд не берет отпуска. Оратор (и откуда только берется, раньше он ни разу перед многолюдной и неспецифической аудиторией не выступал!), темпераментный и остроумный полемист, тонкий и доброжелательный редактор, а главное, руководитель громадных людских коллективов (прежде

он, кажется, кроме Кули и Таги, своих помощников в экскурсиях, никем не руководил)! Во всю мощь горят мартены творческих сил; он мечтал об этом всегда, он счастлив!

Надо представить приезд его в Петроград весною 1918 года. Надо представить пролетку, медленно цокавшую по Невскому проспекту, и ее пассажира в толстом пальто и несносимых американских крагах, в которых ходил он еще по промыслам Солт-Лейк-Сити, где по давнему российскому, петровскому еще обычаю работал простым мастером, чтобы своими руками изведать иноземные премудрости в технике и организации дела. Краги эти будут еще долго служить ему, он будет обувать их, отправляясь на буровые Биби-Эйбата, Сабунчи, Нефте-Дага… Голова пассажира непокрыта, и свежий, тугой, щемящий ветерок теребит и приглаживает густую шевелюру круто поседевших волос. Глаза за круглыми очками в тонкой металлической оправе смотрят пытливо, тревожно. Пролетка переезжает Аничков мост…

Не известно даже, смог ли пассажир попасть к себе в квартиру? — она была заперта. Брал ли с собою в путешествие ключ? Дверь взломать, понятно, не решился. Возможно, переночевал где-нибудь в гостинице. Спозаранок пошел побродить по городу, неузнаваемо изменившемуся всего за один год.

Надо представить, как ехал потом — уже в поезде — этот пассажир в Москву, в которой редко и только проездом бывал с тех незабвенных времен, когда гостил здесь у Вахтерова и Тулупова, катался с ними в санках и искал дом графини Уваровой…

«В Петрограде меня ожидало распоряжение Высшего совета народного хозяйства выехать в Москву. В комнате № 434 II Дома Советов («Метрополь»), куда меня поселили, впоследствии образовался Советский геологический комитет в противовес старому Геолкому, не признававшему Советской власти (не забудьте, то было время саботажа старой интеллигенции).

Я с большой горячностью стал работать в новом Геолкоме. Сделал доклад в ВСНХ об американских нефтяных промыслах. Меня пригласили помочь организовать нефтяной главк. Я охотно согласился. Главконефть был организован декретом за подписью Владимира Ильича Ленина, я вошел в коллегию главка. Немного позже я стал работать и по сланцевой промышленности».

В последние свои двадцать лет жизни познал Иван Михайлович и вражду, перетолки, клевету; правда, должно быть, что «больше друзей, больше и врагов». Подумать только, злоязычники попрекали (за спиной чаще) тем, что поздно, дескать, он вступил в партию, через целых три года после

возвращения! И сам он называл дату вступления (март 1921 года) с ноткой оправдания: «Я поздно вступил в партию. Это большая (хотя и объяснимая) ошибка, которую я стараюсь исправить усиленной работой». Жаль, что не пришло ему в голову напомнить недругам о самом первом документе, оформленном им при Советской власти. То был отчет о командировке в США (обнародован в бюллетене ВСНХ, 1918, № 2). Я считаю его своеобразным актом безусловного признания новой власти, не говоря уж о свидетельстве глубочайшей порядочности «подотчетного лица». Дело-то все в том, что отчета этого никто не требовал и требовать не был бы и вправе, и Губкин мог совершенно не тратить на него время! Ведь он был командирован другим правительством, которое уже не существовало, когда он вернулся, оно было свергнуто, и Губкин отчитался перед другим правительством!

Глава 32,

содержащая два документа, подписанных Владимиром Ильичей Лениным.

17 мая 1918 года.

ДЕКРЕТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ГЛАВНОГО НЕФТЯНОГО КОМИТЕТА

«1. Для разработки и практического осуществления мероприятий по развитию и усовершенствованию нефтяного дела в пределах Российской Федеративной Советской Республики при Отделе топлива Высшего совета народного хозяйства Учреждается Главный нефтяной комитет.

2. Главный нефтяной комитет является единственным органом, ведающим всеми вопросами, связанными с добычей, переработкой, распределением и потреблением нефти и ее продуктов.

3. Главному нефтяному комитету подлежат:

а) контроль и регулирование всей нефтяной промышленности и торговли нефтяными продуктами;

б) разработка и практическое осуществление мероприятий, связанных с переходом частной нефтяной промышленности и торговли в собственность государства;

в) организация государственного нефтяного хозяйства…

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»[2].

20 июня 1918 года.

ИЗ ДЕКРЕТА О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

«1. Объявляются государственной собственностью предприятия нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие, нефтеторговые, подсобные по бурению и транспортные (цистерны, нефтепроводы, нефтяные склады, доки, пристанские сооружения и проч.) со всем их движимым и недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось.

…3. Объявляется государственной монополией торговля нефтью и ее продуктами.

…8. Главный нефтяной комитет имеет право, не ожидая представления и до полной передачи национализированных предприятий в управление органов Советской власти, посылать своих комиссаров во все правления нефтяных предприятий, а также во все центры добычи, производства, транспорта и торговли нефтью, причем Главный нефтяной комитет может передавать свои полномочия своим комиссарам.

9. Все права и обязанности советов съездов нефтепромышленников передаются соответствующим местным органам по управлению национализированной нефтяной промышленностью.

…12. Настоящий декрет вступает в силу немедленно по опубликовании.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»[3]

Глава 33

Имя, осветившее жизнь. Пометки на письме Соловьева. Ухта. Экспедиция Калицкого. Нефтяной голод. Кабинет в Кремле. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине».

Было имя, огромное, как Земля, и пронесенное через всю

жизнь. Было имя, без которого не понять неожиданный и ярчайший расцвет губкинского дарования, размах губкинских начинаний и упорство в минуты отчаяния. Имя было — Ленин.

Убежден, что Губкин думал о Ленине в Соединенных Штатах, узнав из газет о революции в России. В конце семнадцатого попал Иван Михайлович в Биллингс на Всеамериканский геологический съезд; здесь коллеги засыпали его вопросами: что-де, мол, у вас на родине творится? Правда ли, что власть узурпировали «экстремисты»? Губкин попросил слова; начал на английском, потом от волнения перескочил на русский; подключился к речи переводчик, которого тоже заразил жар выступающего. То была первая, может быть, публичная защита русской революции за рубежом. «Съезд устроил колоссальную овацию». Она запомнилась Губкину.

Убежден, что о нем думал он, бродя на исходе апреля восемнадцатого года по Петрограду, по знакомым и неузнаваемым его проспектам, по опустевшим кабинетам Геолкома, по неприбранным аудиториям университета и Горного института, в которых тщетно искал знакомых. «Э, батюшка, — говорили ему уборщицы и гардеробщики. — Такой-то помер… Такой-то в тифу… А такой-то заперся в своей квартире и никого не принимает и сам не выходит…»

Убежден, что о нем думал он и множество раз имя это слышал во время долгого пути в Москву — мимо знакомых по прежним поездкам и теперь неузнаваемых станций, полустанков… Мимо ельников, зазеленевших полян, над которыми по утрам висел туман. Тащился поезд угнетающе медленно, и путники невольно все время прислушивались к ритму колес под полом; на иных перегонах — но редко! — ритм учащался, и, легко поддаваясь его завораживающей и убаюкивающей игре, путники улыбались, смолкали и переставали ссориться Друг с другом. По запаху копоти, влетавшей в вагон, Губкин легко узнавал, что горит в паровозной топке: уголь или дрова. И какой уголь, бурый или донецкий. От Бологого шли на одних дровах.

Грузили их в Спирове, Калашникове, Лихославле, на каждой остановке, однако с большим трудом докатывал паровоз до ближайшего погрузочного места. Стоянки тянулись долго; публика разбредалась. Губкин искал рынок; стучался в хаты, прося продать съестное. Продуктов он в дорогу никаких не взял, и его неотступно мучил голод. Изредка угощался у соседей. Странно, никого не удивлял его наряд: краги, заграничное пальто. Одеты были все так пестро! Кашемировая шаль могла прикрывать рваную телогрейку, а под шинелью скрывалась

тонкая пиджачная пара.

Ночью, если поезд останавливался, все просыпались и не могли заснуть, пока он снова не трогался. Фонари в вагонах не горели, не было керосина. Мужчины, кто похрабрей, спрыгивали на шпалы, бежали узнавать, что произошло. Плакали дети. Детский плач Губкин спокойно слышать никогда не мог. Старушки и старички начинали причитать. «Куда ж нас несет нелегкая? Питер совсем опустел».

«Вскоре после моего приезда ко мне поступила от Г. И. Ломова длинная докладная записка, подписанная гражданином Соловьевым, служившим, если не ошибаюсь, бухгалтером в одном из учреждений Моссовета. — С этого эпизода начинаются губкинские «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». — Записка касалась ухтинской нефти. Судя по оригиналу этой записки, которая мною была передана после смерти Ленина в Институт Маркса — Энгельса — Ленина, она подверглась тщательному изучению со стороны Владимира Ильича. Вся она испещрена пометками Ленина и снабжена надписью на имя т. Ломова с предложением дать посмотреть ее специалисту и получить его заключение. В записке об Ухте сообщался действительно ряд чрезвычайно ценных данных, которые заслуживали полного внимания. В дореволюционное время Ухтой интересовались и царское правительство и капиталисты-нефтяники вроде Нобеля. В дореволюционное время велись там геологические изыскания и разведка бурением. Тем не менее оставалось еще много невыясненных вопросов. Поэтому я предложил коллегии Главконефти, членом которой я тогда состоял, направить на Ухту экспедицию. Экспедиция была организована и послана на Ухту. Там она проделала большую интересную работу и вернулась с ценными результатами».

Речь идет о поступке, совершенно невозможном до революции, и Иван Михайлович, несомненно, это обстоятельство оценил. Кому-то удалось набрести на местонахождение нефти. И он не скрывает это место, не стремится продать секрет или, раздобыв деньги, поставить бурение, чтобы выколотить барыш. Нет! Он спешит сообщить правительству и просит воспользоваться его находкой. Впоследствии Иван Михайлович получал много подобных писем и должен был к ним привыкнуть, но письмо А. С. Соловьева было первое! (Во всяком случае, первое, попавшее в руки Губкина.) Точнее, это было не письмо, а докладная записка под названием «Ухтинская нефть». (Первые сведения о ней читатель уже получил. Помните купца Сидорова и его скважину-первооткрывательницу?)

А.С. Соловьев писал о залежах нефти на границе Усть-

Сысольского уезда Вологодской губернии и Мезенского уезда Архангельской губернии. «Непрекращающаяся интенсивность выделения нефти, — отмечал Соловьев, — …заставляет думать, что те запасы, которые хранятся в недрах земли, должны быть очень грандиозны». Нефть из этого района, писал далее Соловьев, может переправляться водным путем. Кроме того, с возникновением нефтяного промысла необходимо будет провести железную дорогу или нефтепровод.

Записка была отправлена Владимиру Ильичу 23 сентября 1919 года. 30 сентября Владимир Ильич переслал ее заместителю председателя ВСНХ А. Ломову (Оппокову Г.И.), занимавшемуся тогда вопросами топливного снабжения.

> «Т. Ломов! Прошу направить в соответствующий отдел
>
> 1) прилагаемую бумагу с поручением мне ответить, что именно сделано в этой области;
>
> 2) запрос: что сделано для утилизации нефти, имеющейся (по словам Калинина) в 70 верстах от Оренбурга.
>
> *С тов. приветом В. Ульянов (Ленин)».*

В левом углу ленинской записки рукою Ломова — обращение: «Тов. Иван Михайлович, нужно срочное Ваше заключение за Вашей подписью без всякого промедления. Ваш А. Ломов».

Как известно, результатом обращения явилась экспедиция на Ухту.

Выла ли это первая советская экспедиция в те места?

К величайшему сожалению, мы еще мало знаем о первых советских геологических экспедициях, героизм которых ослепительно выступает из того факта, что они были! Они были в страшном восемнадцатом! Они были в боевом девятнадцатом! Они были в голодном двадцатом!

Профессор С.М. Лисичкин в «Очерках развития нефтедобывающей промышленности СССР» указывает, что первая экспедиция на Ухту отправилась летом 1918 года. В нее входили К.П. Калицкий, А.А. Стоянов и др.

«В июле 1918 г. в ВСНХ обратился с письмом инж. Стукачев, который в 1910–1913 гг. вел на Ухте разведочные работы на средства казны. Он предлагал организовать добычу нефти… В апреле 1918 г. комиссар Нижегородской казенной палаты Иванов писал В.И. Ленину:

«На севере нашего социалистического отечества есть

богатейший край, так называемый «Ухтинский район», который по многочисленным исследованиям, помимо залежей разных металлов, главным образом интересен и в высшей степени ценен своими нефтеносными богатствами» (С.М. Лисичкин ссылается на материалы Центрального гос. архива Октябрьской революции, ф. 6880, оп. 1, д. 5, л. 348, 1918 г.). В 1919 г. Главный нефтяной комитет послал на Ухту большую геологическую экспедицию, но гражданская война помешала работе этой экспедиции» (С.М. Лисичкин, стр. 380).

Значит, письмо А.С. Соловьева, рассмотренное Иваном Михайловичем по просьбе Ломова, было не первое письмо, поступившее в правительство; и экспедиция, организованная Иваном Михайловичем, была не первой, а второй (или даже третьей) экспедицией в Ухту. Не о ней ли говорится в заметке, обнаруженной автором этих строк в газете «Экономическая жизнь» в номере от 26 октября 1919 года?

«Выехавшая в конце июня на Ухту экспедиция по военным условиям не пропущена. Но она открыла сланцы в районе Усть-Выма. Везет в Москву 400 пудов».

Если речь идет о снаряженной Губкиным экспедиции, то, выходит, газета что-то напутала с датой: в конце июня экспедиция выехать не могла. Ведь записка Владимира Ильича к Ломову датирована 30 сентября. Может быть, сообщение касается какой-либо другой экспедиции? Во всяком случае, геологи на Ухту отправлялись.

Найти сланцы, наколоть их четыреста пудов, достать вагон и везти в Москву — это по тем условиям было большой удачей, и Иван Михайлович вправе был считать результаты экспедиции ценными.

Горючий сланец приобрел в ту пору значение небывалое; никогда прежде и никогда после с ним не связывалось столько надежд; в страшные месяцы зимы 1918/19 года многие усматривали в нем спасение новорожденного государства. Жизнь минерала полна перипетий — в начале второй части нашего повествования мы уже обращали внимание читателя на это; минуты славы сменяются веками забвения. Темно-серая (иногда коричневая, синеватая, бурая) порода, издающая при разломе терпкий дегочный дух, не соблазняла русских промышленников, избалованных цистернами с превосходным бакинским горючим. Попытки утилизации сланца за рубежом производились, но без громкого успеха.

Нельзя не восхищаться проницательностью Ильича, энергично поддержавшего ученых, занявшихся изучением сланца. Был создан Главсланец (Главный сланцевый комитет) во главе с

Губкиным.

Воспоминания Ивана Михайловича о Ленине построены не по хронологической, а по «производственной» канве. «Все мои воспоминания об этой исключительной личности, положившей начало новой исторической эпохе, группируются преимущественно по чисто деловым линиям: а) по линии нефтяной промышленности, б) по сланцево-сапропелевому делу и в) по исследованию Курской магнитной аномалии». Для того чтобы восстановить временную последовательность, нужно сравнивать разные источники; и они позволяют считать, что первые личные контакты Владимира Ильича с Губкиным были по «сланцево-сапропелевому делу».

Топливный голод, выражение сейчас знакомое каждому школьнику по учебнику истории, а тогда испестрившее газетные полосы, — одна из самых губительных общественных бед, поражающая все жизнетворные органы и кровеносную систему государственного организма. Между прочим, признаки надвигающегося нефтяного голода Иван Михайлович обрисовал еще в статье «Нефть», хотя в шестнадцатом году снаряды не свистели над промыслами, фронт от них был далеко.

2 октября 1919 года газета «Экономическая жизнь» подытожила дискуссию «Об использовании шишек хвойных деревьев». Резюме: «Хотя теплотворная способность довольно высокая, но для фактического использования шишек приходится преодолеть то же основное неудобство, которое касается и всякого другого топлива, — это транспорт шишек»,

Транспорт стоял.

7 октября в той же газете заметка «В Туркестане»:

«…сильный недостаток топлива, вследствие чего для транспорта как топливный материал используются имеющиеся в изобилии растительное масло и сушеная рыба».

(Ой ли в изобилии? Наверное, корреспондент «подмаслил». Но в топках жгли воблу — это факт.)

12 октября передовая «Топливо и оборона страны»:

«Топливный кризис, все более обостряющийся по мере истощения запасов и приближения холодов, затмил на время все другие кризисы… Конвульсии нашей замирающей и буквально замерзающей промышленности…»

Заливать в баки автомобилей бензин запрещено.

Пользоваться исключительно смесью керосина со спиртом.

(Однако скоро убедились, что для этого требуется техническая переделка в конструкции двигателя, невыполнимая в тех условиях. Приказано было подмешивать скипидар, но и его запасы скоро исчерпались. Керосин и бензин отпускались только

особо важным предприятиям.)

В сентябре восемнадцатого прервалась связь с Баку; там произошел переворот, власть захватили мусаватисты.

«Настала зима 1918/19 года, — в воспоминаниях Ивана Михайловича звучат трагические нотки. — Голод и холод сковали красную столицу. Улицы ее были завалены сугробами снега. Обычное трамвайное движение приостановилось. Электричество по вечерам потухало иногда на целые часы. Большинство домов не отапливалось; в них полопалось отопление и засорилась канализация. Не было ни дров, ни угля, ни нефти».

Когда потеплело, Иван Михайлович поехал разведывать поволжские сланцы.

Ближе к осени наведать его приезжали Ф.Д. Сыромолотов, председатель Высшего горного совета ВСНХ, и В.П. Ногин.

Возвратясь в Москву, они рассказали Ленину об успехах губкинекой экспедиции.

Владимир Ильич пригласил Губкина к себе для беседы.

«Я и до этого много раз видел Владимира Ильича во время его выступлений, но все это было издали. Меня увлекали его огненные слова, скованные стальной логикой».

Вот и приближается момент, впоследствии множество раз изображенный художниками, описанный биографами и журналистами, момент, без которого невозможно понять расцвет губкинского дарования в последнее двадцатилетие, Губкинское упорство и размах губкинских начинаний.

Еще несколько шагов, и он войдет в кабинет, увидит кожаные кресла, небольшой письменный стол, шведские шкафы, набитые книгами, громадную карту России, висевшую на стене…

Увидит Ленина.

«Идя в Кремль к Владимиру Ильичу, мы захватили с собой продукты, которые были получены из сланцев и сапропелей в наших тогда малюсеньких лабораториях.

Тов. Фотиева — секретарь В.И. Ленина — просила нас не задерживать слишком долго своими разговорами Владимира Ильича.

Владимир Ильич принял нас в своем кабинете, расположенном за залом заседаний СНК. Я внутренно побаивался этой встречи, боялся за себя, как бы в чем-нибудь не осрамиться. Я никогда не забывал о той разнице, которая существовала между мной, рядовым работником, и великим человеком громадного ума и железной воли, руководившим невиданной в истории человечества революцией, рвущей оковы старого буржуазного мира и закладывающей основы нового человеческого общества, освобожденного от ига капитала и всяких видов угнетения одного

человека другим.

Но подобное состояние продолжалось недолго. Перед собою я увидел милого, простого товарища, как-то сразу сумевшего так подойти ко мне, что все страхи прошли. Я увлекся беседой, чувствовал, что Ильич слушал меня с большим интересом. Сначала мы разговаривали сидя, а потом все встали и продолжали горячий разговор.

Тов. Фотиева несколько раз входила, давая понять, что пора нашу беседу кончать, ибо Ильича в приемной ждало еще много народу. А мы в это время демонстрировали перед Ильичей бензин, керосин, полученные из сланцевой смолы, парафин, полученный из сапропеля. Владимир Ильич сразу оценил своим прозорливым умом, какое значение могут получить горючие сланцы и болотный ил гниения (сапропель) в экономике нашей страны, и обещал полную поддержку новому делу. При прощании со мной он дал мне право обращаться прямо к нему в случае возникновения важных, безотлагательных дел. Об этом он всегда помнил. Я этим правом не злоупотреблял и беспокоил Владимира Ильича только в исключительных случаях, когда без его помощи нельзя было обойтись. Развитию сланцевого дела в Советской стране он помогал вплоть до своей смерти и защищал его всею силою своего авторитета».

Было имя огромное, как мир.

Ленин…

Глава 34

Еще несколько ленинских документов, показывающих остроту топливного голода в стране, значение Главнефти и заботу вождя революции о развитии нефтяной промышленности.

ТЕЛЕГРАММА К.А. МЕХОНОШИНУ

24 апреля 1919 года

«Крайне странно, что Вы посылаете только хвастливые телеграммы о будущих победах. Обсудите немедленно:

первое — нельзя ли ускорить взятие Петровска для вывоза нефти из Грозного;

второе — нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная.

Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти и телеграфируйте подробно.

Ленин[4].

ТЕЛЕГРАММА В РЕВВОЕНСОВЕТЫ ПОВОЛЖЬЯ

26 апреля 1919 года

«Ввиду критического положения с жидким топливом запрещается под страхом строжайшей ответственности кому бы то ни было расходовать и отпускать жидкое топливо без разрешения Главнефти. Виновных в самовольном захвате и расходовании жидкого топлива предписывается немедленно предавать революционному суду.

Предсовобороны Ленин»[5].

О СРОЧНОЙ ПЕРЕВОЗКЕ НЕФТЕПРОДУКТОВ ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА ОБОРОНЫ

29 апреля 1919 года

«Угроза Колчака Волге обязывает принять срочные меры к выводу нефтяных продуктов с угрожаемого плеса и своевременного провода через угрожаемый плес нефтепродуктов, предназначаемых для верхних пристаней.

Для успешного выполнения указанных задач предписывается:

1) Главному нефтяному комитету немедленно послать своих представителей на пристани Волги для слива нефтепродуктов в баржи и проводки судов с нефтепродуктами;

2) Главводу дать необходимые наливные суда и буксиры по соглашению с Главконефтью;

3) Всем военным и гражданским властям оказывать полное содействие представителям Главконефти и отнюдь не препятствовать их распоряжениям по наливу и движению судов.

Неисполняющие настоящее постановление подлежат суду военно-революционных трибуналов по законам военного времени.

Председатель Совета Обороны

В. Ульянов (Ленин)»[6]

ТЕЛЕГРАММА ЦАРИЦЫНСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ О ВЫВОЗЕ НЕФТИ

25 июня 1919 года

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны предписывает немедленно принять самые энергичные меры к вывозу из Царицына в Саратов всех запасов нефтяных продуктов, согласно распоряжений Главконефти. О принятых мерах, а также о каждой отправке сообщать по телеграфу по прямому проводу вне очереди в Высовнархоз и Главконефть. Никакое расходование нефтепродуктов, без разрешения Главконефти недопустимо. Виновные в неисполнении будут предаваться суду.

Предсовобороны Ленин»[7].

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ «О ПРИЧИСЛЕНИИ ВСЕХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ГЛАВНОМ ЛЕСНОМ, ГЛАВНОМ УГОЛЬНОМ, ГЛАВНОМ НЕФТЯНОМ, ГЛАВНОМ ТОРФЯНОМ И ГЛАВНОМ ТОПЛИВНОМ КОМИТЕТАХ К РАЗРЯДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, С ОСТАВЛЕНИЕМ НА МЕСТАХ ПРЕЖНЕЙ СЛУЖБЫ»

27 июня 1919 года

«Вследствие исключительной важности беспрерывной работы всех учреждений и предприятий по добыче и распределению топлива Совет Рабочей и Крестьянской Обороны постановил:

1. Все рабочие и служащие… Главного Нефтяного Комитета… независимо от их возраста, по наличию § день издания сего постановления считаются призванными на действительную военную службу…

Председатель Совета Рабочей
и Крестьянской обороны
В. Ульянов (Ленин)»[8].

Глава 35

Телеграмма Ломову. Первые экспедиции. Бутов. Лето на Волге. Рассказ в газете. Сызрань, Ундоры, Кашпир. Деятельность Главсланца. Мнение Красина. Отзыв Владимира Ильича.

Историческая наука перед геологией в долгу; мы знаем, к великому сожалению, мало о первых походах, героических, как уже говорилось, в силу простой очевидности того, что она были. Несомненно, они совершались за топливом, а снаряжал и благословлял их Губкин. То есть доставал, мечась по учреждениям, для участников сапоги, горные компасы, деньги, билеты, мензульные трубки, геологические молотки, карты, оружие, одеяла, расписывал задания и составлял маршруты. Потом подсаживал в теплушки, подавал мешки, жал сухие ускользающие ладони — и оставался в глухом волнении ждать писем и депеш…

Несомненно, с напряженным вниманием следил за движением экспедиций Владимир Ильич Ленин.

Вот какую телеграмму послал он вдогонку Ломову, уехавшему в конце зимы 1920 года в Архангельск (незадолго до этого север был очищен от интервентов):

«Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты в музее

общества изучения Северного края и в управлении государственными имуществами. Ленин»[9]

Летом восемнадцатого года, через пять-шесть месяцев после захвата власти большевиками, из Москвы ушло три отряда геологов.

Первый — на север, к Печоре; его возглавил К.П. Калицкий.

Второй повел Н.Н. Тихонович — к Тетюшам на Средней Волге, где у села Сюкеево обнажался природный асфальт.

Третий — В.П. Бутов; его путь лежал к Симбирску; неподалеку от него известно было сланцевое месторождение (так называемые ундорские сланцы).

Ундорским сланцам Губкин (конечно, инициатор похода) придавал большое значение; не исключено, что планировал присоединиться к Бутову чуточку позже.

Но тот как в воду канул.

В Москве боялись, что он погиб.

Неожиданно осенью он объявился, да еще пригнал вагон, набитый плитками сланца; оказалось, что перевалил фронт и там, за фронтом, притаился и работал. С собой у Бутова были советские деньги, но крестьяне им верили и принимали за плату. С крестьянской помощью вел раскопки и промеры.

Каждому школьнику знакома теперь (наравне с выражением «топливный голод») боевая схема, на которой жгучие толстые стрелы плотоядно устремлены на Москву. Колчак, Деникин…

Границы бывшей империи округлились, сморщились и ссохлись.

Кому нужно было, добирались до них пешком.

Все районы нефтедобывания — Баку, Грозный, Эмба, Фергана — оказались отсечены.

Тогда специалисты вспомнили о внутренних, российских, равнинных горючих материалах, спор о которых насчитывал десятилетия. Мы поведаем читателю об этом споре в главе 41.

Губкин отвез бутовские плитки в Осташково — там он всякими правдами и неправдами сколотил лабораторию, довольно большую, наладил в ней возгонку и химанализ.

Ундорские сланцы показали выход смолы — двадцать процентов. Блестящий результат! Иван Михайлович допускал, что на круг выйдет меньше — пусть десять процентов.

Бутов разведал площадь в сто шестьдесят квадратных километров; ему удалось произвести расчистки (то есть выкопать канавы) до коренных сланцевых залежей на берегах Свияги и Волги и нивелирной съемкой расчистки связать. На первый случай вполне достаточно для примерного подсчета запасов.

И все это сделано в тылу врага!

Подсчет запасов дал внушительную цифру — чуть не двадцать пять миллиардов пудов.

Опять же Иван Михайлович допустил, что, может быть, завысил. Что ж, пусть меньше. Бутов представил карты — по ним выходило, что эксплуатировать месторождение удобно. Подъезды несложные, а самоё породу подводами можно доставлять к железной дороге.

И Губкин предложил ВСНХ на следующий год не просто закончить разведку, а сразу же приступить и к разработке месторождения. Его поддержали.

Весной он начал нанимать и отправлять небольшими партиями рабочих, разделив их на десятки, назначив десятских и толково объяснив, что делать по приезде. А немножко освободившись от хлопотных и непроворотных занятий в Главнефти, выписал и себе командировку.

Собираться ему тогда было легко. Жил по-прежнему в № 434 в «Метрополе». Комната завалена была образцами сланца. Он их приносил в портфеле, в карманах брюк и пальто.

В номере пахло дегтем, сыростью, подошвы сапог прилипали к полу.

Губкин запер дверь, сбежал по лестнице и пешком по Охотному ряду и Садовому кольцу пошел к Нижегородскому вокзалу. Сюда он впервые когда-то приехал в Москву. Как бесконечно давно это было! В жизни он много раз менялся, как бы вовсе отбрасывая изжитую сущность, и что общего между юным сельским учителем в дубленом полушубке и густо поседевшим, худым, скуластым и стремительно шагающим мужчиной, в нагрудном кармане гимнастерки которого лежит удостоверение с правом на особые полномочия? А в кармане брюк-галифе тяжело болтается револьвер, а в командирской сумке толстые пачки денег для расчета с рабочими на месте…

Вокзалы всегда живут особой жизнью, не связанной с жизнью города, и, сохраняя в архитектуре облик городских домов, они принадлежат стране и пространству, а не городу. В годины бед вокзалы вбирают в себя всю боль, несчастья, потерянность и отчаяния, отпущенные народу: здесь плачут, провожая, и сжимают зубы, вынося носилки с искалеченными телами, здесь ловят бесприютных детей, воров и шпионов, дерутся, прячутся, играют в карты, в годины бед здесь ждут, ждут, ждут…

Губкину, который сутками напролет только тем и занимался в Главконефти, что «ловил» каждый подходящий к столице эшелон с горючим и по специальным бумажкам распределял каждый килограмм угля, дров, бензина, в глубине души должно было казаться, что поезда уже не идут, нечем, совершенно нечем

нагревать паровозные котлы… Но поезда все-таки шли, и в одном из них обладателю полномочного удостоверения, конечно, нашлось место.

По приезде Губкин начал с того, над чем, вероятно, даже не задумывались его предшественники, довольно многочисленные, изучавшие русские сланцы. Он стал ходить по избам, ездить по деревням и расспрашивать стариков, баб, не знают ли они, не слыхали ли, чтобы кто-нибудь топил печку сланцами, а может, сами пробовали? Оказалось, топят, многие топят, издавна в этих краях знают про горючие сланцы и пользуются ими. Губкин записал: «…очень сильно нагревают подовую часть печи, которая требует предварительной поливки водой, прежде чем на ней можно печь хлебы».

Иван Михайлович сомневался, где оставить штаб-квартиру экспедиции? В Сюкееве, близ Сызрани, в прошлом году еще занятой чехословацким мятежным корпусом, или в Ундорах под Симбирском? Решать надо было быстро. Села-то были одинаково бедные, черные и малолюдные, почти без мужиков. Стояли под невысокими холмами, склоны которых выгорали на глазах в то жаркое лето. Губкин выбрал Ундоры, хотя к Сюкееву испытывал особенный интерес, пока еще ничем достаточно не обоснованный; тут дала себя знать безошибочная губкинская интуиция.

Но выбрал все-таки Ундоры и принялся опять ходить по избам, разъезжать по соседним селам, покупать лопаты, тачки, кирки, топоры, нанимать землекопов и возчиков. В сюкеевских сланцах выход жидких фракций был очень мал, не превышал семи-десяти процентов, в ундорских гораздо больше, да, кроме того, их проще было добывать, а Губкин стремился сразу, в одно лето, поставить дело разработки, сразу наладить добычу и тем хоть немного уменьшить этот проклятый топливный голод.

Позже наведать экспедицию приехали Ф.Д. Сыромолотов и В.П. Ногин. Губкин отмечал, что они очень помогли, «особенно тем, что они сумели в это дело втянуть местные партийные и советские организации. Дело пришлось начинать в полном смысле слова на зеленом лугу: не было ни топоров, ни пил, ни кирок, ни тачек. Пришлось ездить по Волге и собирать все это «оборудование», хотя и примитивное, но столь необходимое для работы. Все мы, и сотрудники Главсланца и наши руководители тт. Ногин и Сыромолотов, при переговорах с местными работниками ссылались на авторитет Ильича, который придавал большое значение сланцевому делу. Эти ссылки на Ленина помогали нам лучше всяких широковещательных мандатов, и нам удалось положить начало Ундорскому сланцевому руднику и начать разработку горючих сланцев также и возле Сызрани (у

селения Кашпира)».

Губкин разыскал на обрывистом волжском берегу бутовские канавы. Всего их насчитал около двадцати на расстоянии в девять примерно верст. Тщательно обследовал их: действительно битум обнажался во всех расчистках; замерить падение и простирание пласта не составляло труда. Некоторые слои были совершенно белого цвета, что для битума нехарактерно. Но при ударе молотком распространялся тяжелый дегочный запах.

Метрах в трехстах от берега был овраг. Губкин привел рабочих и распорядился копать по линии, которую он колышками наметил. Через несколько дней работы, когда сняли слой почвы, показался пласт сланца в коренном залегании. Иван Михайлович зарисовал его и нанес на карту. Теперь можно было судить о распространении его на площади, а следовательно, и о запасах горючего материала.

Ясно также стало, что штольня, которую Бутов начал пробивать невдалеке от своих канав — на волжском обрыве, — задана правильно, и при углублении она вонзится в самую толщу сланцев. За зиму вход в штольню осыпался, крепи растащили. Ставить их никто не умел. Экспедиция хоть и называлась горнотехнической, но ни маркшейдеров, ни шахтеров в ней не было — так, случайный люд, а больше всего баб из окрестных деревень, которых Губкин же сам и нанимал.

Иван Михайлович показывал, как прилаживать стойки и крыть в штольне потолок; учил орудовать киркой в узком коридоре. Разворачиваться с полной тачкой.

Намаявшись за день, нашагавшись и накричавшись, вечером подолгу купался в Волге вместе с ундорскими мальчишками, плавал наперегонки с ними, плескался и возвращался домой босиком.

Однако сроки подгоняли. Убедившись, что в Ундорах дело налажено, постоянно работает шестьдесят-семьдесят человек, Иван Михайлович уехал в Сызрань, оттуда в Кашпир, перебрался в Самарскую Луку, побывал в Чистополе.

В Кашпире (в шестнадцати верстах от Сызрани) он, вероятно, встретился с профессором К.П. Калицким: тот, судя по документам, приехал сюда по командировке Главсланца (то есть по административной линии подчинялся Губкину). Будущие научные противники, уже и до этой встречи успевшие печатно обменяться уколами, теперь действовали рука об руку; было не до дискуссий.

В Кашпире Губкин опять расспрашивал крестьян; они показали ему два маленьких карьера. Один будто бы выкопал местный помещик лет пять назад; сланец из карьера он увозил

куда-то далеко на продажу. Другой принадлежал мятежному чехословацкому корпусу — чехи каким-то образом использовали горючую породу.

Оба карьера помогли Губкину уточнить геологическую карту.

В конце сентября зарядили дожди. Волга вспухла и помутнела, противоположный берег ее часто закрывался туманом. Дороги развезло.

Председатель Главсланца ходил в набухшей от воды шинели.

В начале октября он возвратился в Москву.

Губкин не любил затягивать написание отчета об экспедиции и опубликование его; мы помним, с какой быстротой появлялись его статьи о майкопских и бакинских исследованиях. На сей раз он избрал газету; в номерах от 12 и 16 октября 1919 года «Экономической жизни» появились его очерки «Горючие сланцы и нефть в Поволжье». С тех пор они не переиздавались и остались не замеченными биографами Губкина. Стоит разобрать их хотя бы поэтому.

Впервые, по-видимому, в мировой практике газета послужила трибуной для отчета геологу; до революции, понятно, сие было и невозможно, и ненужно, и выглядело бы попросту смешно. Прекрасный обычай этот ввел Губкин и придерживался его до конца жизни. Как бы ни был он занят, как бы ни подгоняли его дела, он спешил первым делом, возвратись из дальних странствий, рассказать о виденном, сделанном и передуманном массовому читателю.

Вторая половина очерка — вся целиком — посвящена Сюкееву, хотя Иван Михайлович пробыл там значительно меньше времени, чем в Ундорах, и эксплуатационные возможности оценивал ниже. Она не о сланцах, она о нефти! Нефти в Поволжье, во Втором, значит, Баку! В девятнадцатом году, задолго до того, как начались первые изыскания, задолго до того, как начало вообще более или менее проясняться глубинное строение Русской платформы, Губкин проницательно замечает:

«При благоприятных условиях разведки к жизни может быть вызван новый громадный нефтяной район, который будет иметь мировое значение».

Поразительно читать эти слова в старой, пожелтевшей и рассыпающейся газетной подшивке; они звучат пророчески.

Губкин припоминает виденные им в районе признаки нефтеносности: в пещере у деревни Долгая Поляна по стенкам стекает густая нефть; «Другим местом… является Сюкеевский взвоз, где на значительном протяжении пласт окрашен черной нефтью».

«Однако где же нефть следует искать? Я остановлюсь на

геологической стороне вопроса». Следует описание пластов. Предположительное нахождение залежи — на глубине сто пятьдесят — двести саженей (здесь автор ошибся). Вопрос вопросов — первичная ли в Сюкееве нефть (то есть родившаяся там, в том пласте, где и сейчас находится) или пришлая? Губкин еще не знает, что это станет предметом яростного спора с Калицким, что от ответа на вопрос «первичное ли залегание» или «вторичное» будет зависеть судьба Второго Баку. Вполне допустимо, что во время личной встречи Губкина с Калицким в Сюкееве они на эту тему говорили. В статье признается, что, если нефть находится в первичном залегании, «тогда на всем деле нужно поставить крест». (Почему — подробно будет объяснено ниже, в главе 41.)

«Предстоящей осенью и зимой мы должны будем заняться подготовкой к буровым работам, чтобы следующей весной приступить к ним. Если подготовительные работы будут окончены раньше, можно и зимой приступить к бурению. Вот какой план намечается по отношению к Сюкееву», — этими словами кончается очерк.

Подготовительные работы действительно были проделаны, и бурение начато зимой 1920 года. Долото проникло в землю метров на 200 — и остановилось. Не хватило труб. Не хватило смазки. Обнаружение волжской нефти отодвинулось на десять лет.

Губкин, — что называется, почувствовал вкус к газетным выступлениям. Он прибегает к ним не только, чтобы поведать о путешествиях или разведочных задачах; его перо частенько приобретает публицистическую, остроту; он яростно защищает свое дело от нападок; он гневно атакует чинуш.

В 1921 году, не спросясь председателя, Главсланец лишили самостоятельности и передали в Главуголь. Почему? Губкин разразился злой статьей в «Экономической жизни» (11 сентября 1921 года. С тех пор не перепечатывалась):

> «РЕФОРМАТОРСКИЙ ПЫЛ ИЛИ УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ.
>
> Мы страдаем одним большим недугом — реформаторским и реорганизационным зудом. Это не широкое революционное творчество, созидающее новые формы жизни, а потуги бюрократической худосочной мысли, сводящей порою наше организационное строительство к почти непрерывной переорганизации, непрерывной перестановке учреждений с одного места на другое, перемене различного рода подчинений и

соподчинений».

Негодовать у председателя были причины веские: под его энергичным руководством Главсланец отлично потрудился! К 1921 году в его списках насчитывалось больше двух тысяч рабочих — они рубили сланец на Ундорских, Сызранских и Веймарнских копях (близ Петрограда). На Московском газовом заводе ставились опыты по газификации сланца; внедрялось сланцевое топливо в цементной промышленности. Кроме Осташковской лаборатории, неугомонный председатель создал испытательную станцию при Московском университете, руководимую знаменитым химиком профессором Зелинским.

Эпизод с «покушением» на Главсланец дал Ивану Михайловичу повод обратиться к Ленину. Он написал ему письмо. Ответом явилось следующее распоряжение Владимира Ильича:

«13 VII 1921 г.

Фотиевой (или Гляссер)

Пошлите Богданову, Смилге (если он не уехал еще) и Кржижановскому и Рыкову (Копия Смольянинову) следующее (письмо телефонограмму) лучше письмо с копией письма Губкина:

При свидании с Губкиным я просил его обращаться прямо ко мне, когда есть что важное.

Письмом от 13.VII. он просит поставить в СТО вопрос об отмене решения Главтопа и Президиума ВСНХ насчет включения Главсланца в Главуголь. Просит сохранить самостоятельность Главсланца.

Прилагаю копию его письма.

Прошу дать мне поскорее краткий отзыв, в несколько строк.

Мне кажутся доводы Губкина вескими.

Предсто Ленин».

Вопрос был пересмотрен, и Главсланец сохранен в качестве самостоятельного управления.

Деятельность Главсланца высоко оценивали ближайшие сотрудники Ильича Л.Б. Красин и Г.М. Кржижановский. Через год после вышеописанного случая Красин, специально изучив работу Главсланца, написал Владимиру Ильичу письмо, в котором указал на то значение, которое сланцы могут получить в экономике страны.

16 октября 1922 года Ленин направил в высшие органы

республики следующую бумагу:

«В Президиум ВСНХ — тов. Богданову
Копии:
В Госплан — тов. Кржижановскому
и Пятакову
В НКФИН — Владимирову
В Президиум ВЦИК
Зампредсовнаркома тов. Каменеву
и тов. Красину Л. Б.

Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с т. Губкиным, которая с упорством, приближающимся к героическому, и при ничтожной поддержке со стороны государственных органов, из ничего развила не только обстоятельное научное обследование горючих сланцев и сапропеля, но и научилась практически приготовлять из этих ископаемых различные Полезные продукты, как то: ихтиол, черный лак, различные мыла, парафины, сернокислый аммоний и т. д.

Ввиду того, что эти работы, по свидетельству т. Красина, являются прочной основой промышленности, которая через, десяток, другой лет будет давать России сотни миллионов, я предлагаю:

1. Немедленно обеспечить в финансовом отношении дальнейшее развитие этих работ.

2. Устранить и впредь устранять всяческие препятствия, тормозящие их, и

3. Наградить указанную группу инженеров трудовым орденом Красного Знамени и крупной денежной суммой.

О последующем прошу мне письменно сообщить через управделами СНК т. Горбунова. В случае каких-либо препятствий немедленно сообщите мне через него же.

Председатель СНК и СТО В. Ульянов (Ленин)»[10].

«Все мы, — пишет Губкин, — работники тогдашнего Главсланца, были несказанно обрадованы оценкой нашей работы Владимиром Ильичей, и его внимание к нам. останется самым дорогим, самым священным воспоминанием в нашей жизни».

Глава 36,

содержащая отрывки из воспоминаний Губкина о В.И. Ленине.

«Как-то среди зимы звонят из Кремля и требуют кого-либо из членов коллегии Главконефти к телефону. Главконефть тогда почему-то перекочевала в Петербург в б. Нобелевский дом на Екатерининском канале, оставив в Москве небольшое представительство, в том числе и меня. Подхожу к телефону. Сообщают, что будет говорить Ленин. Владимир Ильич, осведомившись, кто у телефона, передает неизвестный мне факт о том, что нижегородские власти задержали маршрутный поезд с нефтью для Москвы, и приказывает немедленно проверить это, составить срочно строгую телеграмму и привезти ему на подпись. Далее последовал строгий приказ следить за продвижением маршрута и ему докладывать. В то тяжелое время Ленин искал выхода из тисков топливного голода и хватался буквально за всякую возможность, сулившую принести облегчение. Так, пользуясь тем, что Астрахань оставалась в наших руках, он пробует через нее установить связь с Грозненским районом, который в конце 1918 года тоже оставался еще во власти Советов. Прямой железнодорожный путь через Ростов был уже отрезан. Там хозяйничали белые. Оставалась возможность проникнуть только из Астрахани степями вдоль побережья Каспийского моря. С этой целью зимой в начале 1919 года была организована экспедиция под руководством тогдашнего члена коллегии Главконефти С.М. Тер-Габриеляна. Задачей экспедиции было — попасть в Грозный и свезти туда денежное подкрепление промыслам. К сожалению, дальше Астрахани экспедиция не попала, ибо путь на Грозный и в этом направлении был отрезан. В эту злополучную зиму там, в прикаспийских степях, страдала от холода, голода и тифа очистившая Северный Кавказ и отступавшая на север XI Красная Армия.

Завезенные в центр страны запасы нефти быстро истощались. Случаи самовольного захвата жидкого топлива местными властями повторялись.

…В течение двух лет страна пролетарской диктатуры не получала подкрепления своих нефтяных запасов…

…К началу 1920 года все нефтяные запасы в РСФСР окончательно иссякли…

Зимою 1919/20 года был освобожден Донбасс, а в середине января 1920 года пришла весть об освобождении Урало-Эмбинского нефтяного района. В этом районе на нефтеперегонном заводе в Ракуше, расположенном на северном побережье Каспийского моря, скопилось около 14 миллионов пудов (230 тысяч тонн) невывезенной нефти. М.В. Фрунзе,

командующий Туркестанским фронтом, срочно сообщил об этом Совету обороны, Реввоенсовету и Чусоснабарму. У Владимира Ильича возникла мысль вывезти эту нефть в центр Советской страны; он передал этот вопрос на срочную проработку в Главнефть. Надлежало организовать этот вывоз еще в зимнее время, до открытия навигации, и хоть немного помочь красной столице, задыхающейся в тисках нефтяного голода. Возникал вопрос, каким путем организовать этот вывоз зимою из пустынного края, где гуляли снежные бураны. В обычное время сообщение с Эмбинским районом осуществлялось по Волге через Астрахань и вдоль северного берега Каспийского моря до Гурьева (в устьях реки Урала) и до Ракуши, через которую шел нефтепровод с нефтяных промыслов Досора и Маната к Каспийскому морю. Этим путем вывозили нефть и шло снабжение района продовольствием, оборудованием и материалами. После закрытия навигации район оказывался оторванным от всего остального мира на 5–6 месяцев в году. О невозможности вывоза говорить было нельзя. Нужно было что-то придумать. Вспомнили, что единственным транспортным средством в степях, засыпанных снегом, — в снежной Сахаре — может быть только верблюд, что единственной посудой, в которую могла быть налита нефть, являлись 8 — 10-пудовые бочонки, которые хранились на нефтеперегонных заводах в так называемых байдарках, где готовилась посуда для сухопутных перевозок. На каждого верблюда можно было погрузить не более 2 наполненных нефтью бочонков, т. е. около 16–20 пудов. Следовательно, караван в 100 верблюдов мог захватить приблизительно 1500–2000 пудов (около 25–30 тонн) и при расстоянии от Ракуши до Уральска (первого железнодорожного пункта) около 450–500 километров сделать два оборота в месяц. Если бы удалось снарядить несколько караванов, то можно было бы вывезти в Уральск несколько сот тонн нефти и направить ее оттуда на помощь Москве. Эти соображения были доложены В.И. Ленину, и он одобрил их ввиду безвыходности положения. Началась повсеместная мобилизация бочек. Со всех заводов было собрано около двух тысяч бочек, в которых можно было вывезти около 15–20 тысяч пудов нефти. Вся эта тара в архисрочном порядке, при исключительном нажиме Владимира Ильича, была направлена по железной дороге в Уральск. Оперативное руководство всем делом было возложено на вновь назначенного начальника треста «Эмбанефть» т. Фридмана, который следом за бочками направился в Уральск. При проектировании завоза эмбинской нефти никому в голову не приходило, что в Эмбинских степях нельзя будет достать верблюдов. Однако оказалось, что на всем

пространстве между Уральском и Каспием вдоль по реке Уралу и на многие десятки километров в сторону от реки верблюдов нельзя будет найти. Часть их погибла во время гражданской войны, а остальные были угнаны в глубь степей, за пределы досягаемости. Форсируя «верблюжью историю», как было окрещено все предприятие по вывозу нефти из Ракуши на верблюдах, учитывая в то же время всю ее рискованность и ненадежность, Владимир Ильич стремился обеспечить вывоз этой нефти обычным путем, через Волгу. Задолго до открытия навигации, еще 27 февраля 1920 года, он посылает телеграмму в Астрахань комфлоту Раскольникову с копией члену Реввоенсовета XI армии С. М. Кирову:

«Надо напрячь все силы, чтобы, не теряя ни часа, с максимальными предосторожностями перевезти всю нефть из Гурьева тотчас по открытии навигации. Отвечайте немедленно, все ли меры приняты, какова подготовленность, какие виды, назначены ли лучшие люди, кто отвечает за осуществление безопасного подвоза по морю. Ленин».

В разгаре наших хлопот по вывозу нефти из Ракуши, приблизительно в конце марта (точно не помню), пришла вторая радостная весть о занятии доблестными войсками Красной Армии Грозненского нефтеносного района. Открылась возможность везти в Москву грозненскую нефть не на верблюдах, а маршрутными поездами. Нефтяной голод начал мало-помалу изживаться, а «верблюжья история» с вывозом нефти с Эмбы потеряла свою остроту и стала понемногу забываться».

Глава 37

Занятия Губкина весною 1921 года. Мезон Дей, концессионер. Первые лекции. Пять экранов.

Надеемся, читатель из того уже, что прочел он в четвертой части нашего повествования, вынес впечатление, сколь многолика, напряженна, нервна, горяча, насыщенна была деятельность Губкина; такой характер ее сохранится до конца его жизни. Обстоятельство это имеет важность исключительную для познания биографии Губкина в советский период, и, чтобы проиллюстрировать его ярче, соберем в одном месте некоторые дела, которыми занимался, он, скажем, весною 1021 года (можно взять любой другой отрезок последнего его двадцатилетия). Итак…

Весна 1921 года.

Все вопросы нефтяного обеспечения обрели для республики смертельную важность.

Каждое слово ученого, а в особенности советы правительству глубоко значимы; в них не должно быть ни грамма абстракции и пустомельства; они носят политический характер и политическую ответственность.

Горячо дебатируются возможность и условия предоставления иностранцам нефтяных концессий.

В начале февраля Губкин представил докладную записку «О положении дел в нефтеносных районах республики»; ее внимательнейшим образом изучил Ленин (в следующей главе приводим отрывок из нее с пометками Ильича). 23 февраля Ленин обращается в Главнефть (в частности, лично к Губкину) с просьбой доставить ему литературу «о заграничных законах или местных положениях, карающих нефтепромышленника за оставление скважин незакрытыми, за отсутствие тампонажа, за его нерациональность и тому подобное» (Ленинский сборник, т. XX, стр. 144). Литература Ленину была послана. Между 22 и 28 марта Губкин выработал «Основные принципы концессионных договоров», которые легли в основу постановления СНК от 29 марта 1921 года. В это время Л.Б. Красин находился в Лондоне. Губкину поручили составить проект телеграммы ему о нефтяных концессиях. 2 апреля Владимир Ильич послал письмо в Баку начальнику Азнефти А.П. Серебровскому; в нем подстрочное примечание: «От Красина вчера имел тел{е}г{рам}му в ответ на посланные ему проекты концессионных условий «в основном приемлемо». А Красин знает это дело не из коммунистических брошюрок!» (Ленинский сборник, т. XX, стр. 158).

Иван Михайлович вспоминал:

«Поздно вечером я вернулся на Б. Калужскую улицу в Горную Академию, где я тогда проживал. Усталый, я мечтал отдохнуть от дневных работ и хлопот. Вдруг звонок из секретариата В.И. Ленина, зовут немедленно приехать в Кремль — требует Владимир Ильич по срочному делу. Было около полуночи. Около половины первого ночи я входил в зал заседаний СНК, где встретил В.И. Ленина. Владимир Ильич сидел на своем обычном месте, а Рыков, в пиджачке, в рубашке без галстука, стоял возле печки. Владимир Ильич встретил меня словами, что он просмотрел выработанные Главконефтью «исходные положения нефтяных концессий», внес в них поправки, и спросил, нет ли у меня против них возражений. Я ответил согласием на внесенные исправления, и документ был утвержден и по радио передан в Лондон т. Красину. Этот документ опубликован в том же XX

Ленинском сборнике, на стр. 151–152, где мы находим в конце пометку: «Выработаны Губкиным одобрены Рыковым и Лениным», которая на подлиннике была сделана В.И. Лениным. Из этого документа видно, что в Бакинском и Грозненском районах намечался к сдаче в концессию ряд промысловых площадей».

Как известно, концессионное предприятие успеха не имело; капиталисты не соглашались на условия, выдвигаемые советской стороной, или, наоборот, их условия были для нас неприемлемы. Губкин вел весною 1921 года переговоры с неким мистером Кольдером, представителем английской фирмы, до революции владевшей участком в Майкопе, а также с Брансдальской нефтяной корпорацией, дочерней организацией крупной американской фирмы «Синклер К0» — ее представлял Мезон Дей.

В это же время, весной двадцать первого, Особая Комиссия по изучению Курской магнитной аномалии (ОККМА), председателем которой был Иван Михайлович, переживала суровый кризис. Кипели страсти; некоторые члены комиссии бурно протестовали против методики разведки, выбора измерительных приборов и места заложения первой скважины. Несколько месяцев назад Губкин, бесконечно уставший и доведенный до отчаяния бесплодными спорами, подавал в отставку; разумеется, она была отклонена. 21 и 30 марта 1921 года в Реввоенсовете и в Совете Труда и Обороны, где председательствовал Владимир Ильич, обсуждались сроки милитаризации работ по разведыванию глубокого бурения района Курских аномалий и были приняты важные решения. 30 апреля из Грозного в Щигры (под Курском) было отправлено буровое оборудование в двадцати трех вагонах. Оборудование сопровождали сотрудники ОККМА и рабочие промыслов. В мае состав миновал Ростов-на-Дону, за его движением напряженно следили в Москве. То было долгожданное оборудование! На одном из перегонов под Ростовом поезд обстреляли: напала банда. Их тогда немало рыскало по степи. Завязалась перестрелка. Три сотрудника ОККМА были убиты.

В это же время, весной 192.1 года, председатель Главной сланцевой комиссии продолжал развертывать добычу на трех месторождениях и поиски сланца на обширной территории; ожившая промышленность подавала на него спрос; особый отдел в главке рассматривал поступающие проекты (был объявлен конкурс с солидным вознаграждением) на различные типы сланцевых топок: промышленных и транспортных, топок «домашнего обихода» и газогенераторов. Лаборатории Главсланца продолжали исследование процессов сухой перегонки с целью получения жидких нефтеподобных продуктов и полезных химических веществ, закладывая основы будущей синтетической

промышленности…

В это же время, весной 1921 года, профессор Московской горной академии Губкин заканчивал чтение первого в своей жизни курса лекций, к которым, надо сказать, готовился с волнением и усердием, умилявшим его коллег. Он просиживал над каждым конспектом по два-три часа. Но как, черт подери, выкраивал он эти часы? Загадка для биографа! Поистине — умел работать! В аудиториях его ждали худые юноши в шинелях — большинство их вернулось с фронтов, и разрывы снарядов, ночи в седле и в окопах, госпитали, митинги, эшелоны заглушили неокрепшие знания, когда-то почерпнутые в гимназических и школьных классах — да и многие ли успели их кончить? Приходилось начинать с азов. Профессор вспомнил свою молодость, сельскую школу, просветительские лекции…

Он привязался к ним, к этим упрямым парням, желавшим постичь науку. Когда-то в Петербурге знамениты были лекции профессора И.В. Мущкетова: они собирали «весь Петербург», хотя рассказывалось в них о составе магмы, росте гор, океанических осадках и прочих специфических предметах. Теперь по Москве пошел слух о губкинских лекциях. Все это было весной 1921 года.

Но все это была, так сказать, «видимая» деятельность Ивана Михайловича. Вправе ли мы считать, что ею и исчерпывается работа Губкина? Мы знаем, что еще в девятнадцатом году мысль Губкина, натолкнутая народной нуждой, обратилась к великой загадке недр Поволжья.

Кто осмелится сказать, что мысль эта оборвалась в девятнадцатом и возобновила (если только можно так выразиться) свои искания в двадцать шестом — двадцать седьмом годах, когда вспыхнула ожесточенная полемика о нефтеносности пространства между Волгой и Уралом? Наоборот, по заметкам, по оброненным в научных отчетах фразам можно утверждать, что никогда Иван Михайлович не расставался с думами о Втором Баку (хотя название это возникло несколько позже), что он постоянно накапливал сведения и свои обобщения этих сведений; в этом смысле громадное значение надо придать изучению мировых нефтяных месторождений, которое начал Губкин в Горной академии. До него подобная работа в России не проводилась. Иван Михайлович первый попытался найти глобальные законы накопления жидких углеводородов. Он первый начал сопоставлять скопления, территориально очень отдаленные друг от друга; в частности, американские месторождения, досконально им осмотренные во время командировки, помогли ему вернее вывести суждение о недрах Поволжья. Ценнейшая сопоставительская работа была

продолжена учениками Губкина, и здесь нельзя не назвать лауреата Ленинской премии профессора А. А. Бакирова.

Но полно, вспыхнула ли дискуссия в 1926 году? Зарождение ее гораздо раньше — в том же девятнадцатом, в том же двадцатом. В журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» № 1–3 и № 4–8, 1920, появились статьи К.П. Калицкого и Н.Н. Тихоновича с самыми безотрадными оценками перспектив нефтегазоносности Сюкеева, Казанской, Симбирской и Самарской губерний. Калицкий повторил свои воззрения, высказанные еще раньше (и от которых не отпирался до смерти, несмотря на то, что за это ему периодически крепко попадало). Любопытно, что в скрытом виде Губкин спорит с ними (применительно к Поволжью) уже в своем очерке, появившемся в «Экономической жизни» — в очерке, вышедшем раньше, нежели работа Калицкого. Не свидетельствует ли это о том, что они виделись в Сюкееве и там прощупали научные позиции друг друга, скажем, в частной беседе? А может, это произошло чуть позже, в Москве, — не суть важно…

Важно для нас то, что над проблемой нефтеносности Второго Баку Губкин продолжал размышлять и работать весной 1921 года.

Теперь попробуем представить, как поступили бы мы, если бы получили предложение экранизировать жизнь Губкина в эти три весенних месяца, перевести, как выражаются в газетных рецензиях, на язык кино.

Какой прежде всего из современных форм экрана избрать? Обыкновенный «нормальный» экран показался бы, наверное, мал. Широкоформатный? Эллипсовидный? Какой еще формы экраны изобретены? Пожалуй, привлекательнее всего для нас последняя техническая новинка, когда снимается сразу несколько лент, и изображение проецируется сразу на несколько экранов. Выйдя из зала, зритель невольно довершает в сознании своем синтез впечатлений.

Только такой способ может передать многоликость, разноплановость, разнообразие и синхронность трудов Губкина.

Итак, представим, что мы сидим в кинозале, погас свет — вспыхнули сразу пять экранов.

На одном демонстрируется все, что «по Баку», на другом — «по Второму Баку», на третьем — «по педагогической и академической линиям», на четвертом — «по Курской аномалии», пятом — «организационной и общегосударственной линиям».

Отныне не забывайте, что, когда рассказ ведется о разведке, к примеру, под Курском, в это же время поиски не прекращаются под Грозным, под Кузбассом — перёд нами пять экранов!

Да, но на каком экране передать мысль ученого, вызревание идей в глубинах сознания?

Глава 38,

содержащая отрывок из докладной записки Губкина с пометками Владимира Ильича и постановление СТО РСФСР от 24 августа 1920 года.

«Не закрывая глаз на создавшееся положение, пришлось совершенно определенно установить, что нефтяной промышленности грозит смертельная опасность, замалчивать которую является преступлением…

В самом деле, в Бакинском районе в настоящее время в эксплуатации находится около 960 скважин вместо 3500, эксплуатировавшихся в нормальное время, например, в 1913 г., в Грозненском районе эксплуатируется только 100 скважин против 350–360 скважин, эксплуатировавшихся в 1913 году.

В Урал-Эмбенском районе эксплуатировалось летом истекшего года всего 10–11 скважин, остальные бездействовали… Основа вопроса в том, что громадное количество бездействующих скважин грозит районам обводнением…

Если скважины бездействуют, из них не только не получается нефти, но и все громадное количество воды остается в них…

Эта вода, как более тяжелая по сравнению с нефтью, оттесняет последнюю от забоя скважин и входит в нефтяные пласты, удаляя из них нефть…

…Значит первая основная задача боевого характера… довести в Баку эту цифру до 3500 скважин, в Грозном до 350 и на Эмбе до 90…

Если не будет поднята буровая деятельность в нефтедобывающих районах, добыча в самое ближайшее время падет до небывалых размеров, и после того, как будут исчерпаны накопленные запасы нефти, что случится в ближайшие два года, республика очутится без жидкого топлива, даже при условии полного владения нефтедобывающими районами…

…Основная задача этой борьбы должна состоять в постепенном увеличении числа эксплуатирующихся скважин и в доведении бездействующих скважин до возможного минимума»[11].

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СТО РСФСР О РАЗВЕРТЫВАНИИ БУРОВЫХ РАБОТ В РАЙОНЕ КУРСКОЙ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ

24 августа 1920 г.

«В целях скорейшего начала работ по разведыванию глубоким бурением района Курских магнитных аномалий и безостановочного производства таковых. Совет Труда и Обороны постановил:

1. Признать все работы, связанные с разведкой Курских магнитных аномалий, имеющими особо важное государственное значение.

2. …распространить… на управление и его органы, занятые глубоким бурением Курских аномалий… общее положение о милитаризации…

…4. Все рабочие и служащие, как на местах работ, так и в Управлении по глубокому бурению, получают усиленное пищевое довольствие по нормам горнорабочих, занятых на особо тяжелых работах, и снабжаются производственной одеждой.

…8. Ввиду исключительного значения для Республики скорого окончания работ по разведке района Курских магнитных аномалий все Советские, гражданские и военные власти обязуются оказывать означенным работам полное содействие, отнюдь не допуская междуведомственных трений и волокиты.

Председатель Совета Труда и Обороны

В. Ульянов (Ленин)»[12]

Глава 39

Экран «Баку». Город у моря. Душа истомилась в разлуке. Редактор Чагин. Неразлучные враги — нефть и вода. Архив Ушейкина. Серебровский в Константинополе. Автор турбобура. Тнф. Голубятников и Апресов. Цифровые данные.

У людей деятельных, познавших славу и властную притягательность скитаний, часто бывают две родины: одна, где рожден, и другая — поле первого сражения, поле первой победы. К Петербургу Губкин относился почтительно, но он там много страдал и целых десять лет учился. В Москву переселился в

возрасте близком к пятидесяти, когда свежие привязанности редки; в Москве он работал и царил. Всю жизнь Иван Михайлович любил Поздняково, вспоминал Тешу-реку, тропинку в Муром, бабку Федосью, сердитых поздняковских комаров…

Но городом, куда постоянно стремилось его сердце, где жили друзья и где когда-то вкусил он сладость признания и головокружительную успокоительно-тягостную радость слияния с безмолвной природой (особый вид творческого возбуждения, ведомый одним, может быть, геологам), — этим городом

Баку! Сейчас инженерам, живущим «после Губкина», знающим множество месторождений, практиковавшимся во время учебы на многих промыслах, трудно представить, что значила в дореволюционные годы для нефтяников нефтяная столица. Здесь нефтью был насыщен самый воздух (к сожалению, в буквальном смысле), нефтью дышали черные холмы (весною все же покрывавшиеся густой травой, в которой ярко-красными слезками блестели маки), здесь кипели страсти, проигрывались миллионы, устраивались самые грандиозные в России рабочие демонстрации и стачки… Побывать здесь считал долгом каждый геолог.

Отсюда Губкин однажды написал: «В Баку мое имя гремит…»

В нетопленных комнатах Главконефти, в которых сидели, не снимая пальто и перчаток, стрекотал телеграф, булькал низкой угрюмой трелью телефон, негнущиеся пальцы наносили в графы недлинные столбцы цифр, обозначавших продвижение цистерн, наличие наливных барж, комплектов бурильных труб, канатов, компрессоров и прозодежды, — в глухих комнатах и извилистых коридорах Главконефти, освещенных плошками, говорили только о Баку. Ах, Каспий! О жаркое солнце! Все бывали в Баку много раз, а кто хоть раз побывал в Баку, тот никогда не отделается от местного акцента, быстрого говорка с переливами в гласных и сочным выпячиванием шипящих: Са-бун-чи… Сура-ханы… Бала-ханы…

То были названия промыслов Азербайджана; и оттуда приходили плохие вести. В сентябре восемнадцатого связь с Баку прервалась; вскоре, однако, проникли сведения о трагических событиях, развернувшихся там: захвате власти контрреволюционерами, затем интервенции англичан… Город воистину обречен был быть знаменитым своей нефтью и страдать из-за нее. Добыча резко падала, и это сильно беспокоило Губкина. Казалось, наоборот должно быть: меньше достается врагу, но ведь никто не сомневался в освобождении, а остановка эксплуатации грозила катастрофой.

Подводя итоги летней навигации 1920 года (статья «Боевые задачи на нефтяном фронте», в ней говорится о рейсах

нефтеналивной Волго-Каспийской флотилии), Губкин припомнил случай из недавней практики: в 1905 году в результате стачек и пожаров на промыслах приостановилась добыча; потом до прежнего уровня ее так и не удалось поднять. Многие скважины погибли, их залила вода.

Вечные сопутчики и соседи по подземным пластам — нефть и вода — в естественных условиях залегают в тонко скоординированных соотношениях, нарушаемых самым фактом вторжения бурового долота; важной заботой для буровика всегда является ограждение водоносных горизонтов от нефтеносных, дабы случайно не смешать в глубине «добро и зло». Бакинские миллионеры не слишком тяготились сией заботой — они гнались за фонтаном, сулившим мгновенный барыш. При непрерывной добыче (тартании) процент выкачиваемой вместе с нефтью воды небольшой; если скважина оказывается заброшенной, то процент резко возрастает. Например, в июне 1920 года в Бала-ханском районе он составлял 81,9, в Сабунчинском 83,3, в Романинском 79,2 процента.

Это уже добыча не нефти, а воды. «Не должно быть сюрпризом, что значительную часть скважин не удастся вернуть к эксплуатации, — писал хорошо знавший бакинские промыслы Н. Смирнов, — так что материалы и труд, затраченные на проведение этих скважин, окажутся погибшими». Такое же «угрюмство в видах» сквозит во многих статьях; проблема больно задевала всех специалистов и живо обсуждалась в печати и на собраниях. Речь-то шла о том, быть или не быть Баку! Баку, черт подери, жемчужине России! Жемчужина могла быть непоправимо испорчена, исцарапана…

В крайнем пессимизме крылась политическая подоплека. Англичане оправдывали интервенцию неспособностью Советов отвратить водяную беду. Они торопливо ремонтировали трубопровод, ведущий в Батум, откуда можно было транспортировать превосходную нефть и лучшее в мире русское смазочное масло морским путем через Босфор, Дарданеллы и Гибралтар. «Вопрос об обводнении промысловых площадей, — говорил проницательный и осведомленный Губкин на первом съезде нефтеработников 10 января 1922 года, — есть вопрос не только узкоспециальный, вопрос практического характера, но он имеет и некоторую политическую окраску. Вокруг этого вопроса скрестили шпаги представители двух или, может быть, нескольких противоположных мнений».

В апреле 1920 года Азербайджан был возвращен в строй советских республик. 30 апреля в Баку прибыл с чрезвычайными полномочиями старый большевик, знакомый Владимиру Ильичу

еще по эмиграции, А.П. Серебровский (и, между прочим, обязанный Ленину высшим техническим образованием. В 1908 году, бежав с каторги, Александр Павлович очутился в Бельгии; здесь по настоянию Ильича поступил в высшее техническое училище и через четыре года получил диплом инженера-механика). Военному командованию вменялось в обязанность оказывать ему широкое содействие, наркому продовольствия передавать с ссыпных пунктов продовольствие на сто пятьдесят тысяч едоков. Мандат предоставлял Серебровскому право предавать суду Ревтрибунала виновных в невыполнении его распоряжений.

Прежде всего надо было организовать поставку нефти в Москву, задыхающуюся от топливного голода. В Баку ее хранилось несколько сот тысяч пудов — в так называемых промысловых амбарах — прямо под открытым небом. Приемкой и распределением ее в столице ведал Губкин. Кроме того, как обычно, он занимался и тысячью других дел, в частности составлением научного проекта восстановления бакинской промышленности. Серебровский в своих воспоминаниях так оценил его уже упомянутую докладную записку Владимиру Ильичу:

«Документом, которым Владимир Ильич особенно заинтересовался, была записка тов. Губкина, относившегося к развитию нефтяной промышленности гораздо более трезво, чем Л.Б. Красин (Красин в общем настроен был пессимистически и выход усматривал в предоставлении концессий. — Я. К.). Он доказывал, что катастрофы сейчас нет, но положение дел таково, что действительно нефтяной промышленности грозит неминуемая гибель, если не будут в срочном порядке приняты меры, предупреждающие надвигающуюся катастрофу. Губкин указывал на огромное количество бездействующих скважин, которые грозят месторождениям нефти обводнением. Он объяснял, почему это происходит, и говорил, что нужно сейчас же увеличить количество эксплуатируемых скважин, чтобы таким путем бороться с угрозой обводнения… Таким образом, тов. Губкин намечал два пути улучшения работы Бакинских промыслов: во-первых, увеличение числа эксплуатируемых скважин и доведение до возможного минимума бездействующих и, во-вторых, расширение бурения, умелое использование всех сил для этого».

Первый Всероссийский съезд нефтеработников (январь 1922 года) принял губкинский план восстановления; он был признан наиболее практичным и научно обоснованным. В постановлении осталась губкинская формулировка: «Съезд считает необходимым

принятие самых энергичных мер по возможному ограничению числа бездействующих скважин; кроме того, признает, что в первую очередь меры борьбы должны быть приняты в отношении к частям месторождений наиболее богатым, но уже обладающим признаками обводнения» (Центр, гос. архив Октябрьской революции, ф. 6880, оп. 1, д. 178, лл. 1 — 10, 1922 г.).

В июле 1921 года Совет Труда и Обороны направляет в Баку и Грозный комиссию; в нее входит, конечно, и Губкин. Наконец он едет в Баку, по которому соскучился! Он взволнован и робеет; так страшит встреча с давним другом, который за годы разлуки перенес много несчастий, тягот, вероятно изменивших его, состаривших…

То, что увидел Губкин воочию, было хуже всяких недобрых предположений.

«…до какой степени разрушения дошли Бакинский и Грозненский нефтяные районы. Старые знаменитые промысловые площади — Балаханы, Сабунчи, Раманы и Биби-Эйбат представляли кладбище, на них еле теплилась нефтяная жизнь. Добыча остановилась…»

В Новогрозненске, куда поехал он после Баку, довелось ему видеть последствия поистине чудовищного пожара, длившегося два года. В ноябре 1917 года подожжены были бандитами нефтяные хранилища. Пламя захватило вышки, самое землю, ее недра, взвилось в стратосферу; то был протуберанец! Доведись сфотографировать его космонавту из ракеты, на его карте наверняка появилось бы обозначение «вулкан». В гарь обратилось два с половиною миллиона тонн нефти! Пожар сам собою затих весной 1919 года.

Бакинские промыслы такого пожара не пережили, но словно невидимым огнем выжжена была там жизнь. Конусовидные обшитые досками мачты стояли по-прежнему густо, но то была мертвая густота погибшего леса. Не скрипели блоки, не кричали верховые рабочие, безмолвствовала узкоколейка. Между вышками по песку катались неспешными зигзагами крупные крысы. Лужи нефти давно затвердели и растрескались.

Губкину нашли лошадь, он верхом объезжал поселки. Бараки, когда-то кишевшие народом, смрадные, шумные, горланившие песни, изрыгавшие кашель, теперь пустовали; обитатели удрали в среднерусские губернии. Нары были непривычно голы, пыльны; немало их растащили зимой на растопку. Кой-где в глиняных хижинах жили азербайджанские семьи. Иван Михайлович подъезжал, слезал с лошади, расспрашивал, давно ли бросили работу.

Воду на промыслы не привозили. Не хватало ее и в городе;

возле цирка, единственного зрелищного дома, мальчишки продавали ее в кувшинах по двадцать рублей стакан. Серебровский предупредил: не пить! Черпают в канавах, а там черт знает что… В городе холера. «Бакинский рабочий» время от времени сообщал: «Зарегистрировано 8 больных. Всего с начала эпидемии 887 (на 24 мая 1921 г.). Из них умерло 380».

От огня бакинские промыслы, к счастью, уберегли; но пожар случился в здании геологического бюро; сгорел архив.

Еще один удар! Пропали карты, стратиграфические колонки, профили, отчеты… Геологические изыскания, ведшиеся до революции бессистемно, насчитывали все же многолетнюю историю, и, приведя в порядок документы, можно было составить номенклатуру пластов, без чего немыслима правильная эксплуатация. Прежнюю геологию покойный инженер Ушейкин в насмешку называл «горизонтальной» (то есть крайне невежественной: человек, хоть немного знакомый с законами тектоники, понимает, что горизонтальной геологии быть не может. Ушейкин смеялся: нефтепромышленник вел бурение на ту же глубину, что и его конкурент на соседнем участке, но скважина или не доходила до искомого пласта, если была заложена по его падению или протыкала пласт). Выражение это очень нравилось Губкину, он его частенько повторял.

Ушейкин умер от тифа. Друзья, разбирая его письменный стол, нашли груду тетрадей, блокнотов, незаконченных рукописей, содержащих ценные сведения. Все это перенесли в здание бюро, и ушейкинский архив дал начало громадному архиву Азнефти, ныне одному из самых образцовых в стране.

(В это же время Губкин узнал о смерти — тоже от тифа — Сняткова, милого скромного человека, специалиста по углю, с которым вместе ездил в Америку. И вместе трудной дорогой, мучительно пытаясь угадать, что ожидает их там, пересаживаясь с парохода на пароход, возвращались на родину… Тиф унес С.А. Бубнова, опытного горняка, много сделавшего для разведки Курской магнитной аномалии, и В.С. Морозова, сопровождавшего Ивана Михайловича в кавказских маршрутах еще до революции. Иван Михайлович возлагал на него большие надежды, верил в его талант.)

Серебровский еще об одном предупредил: зря по городу не шатайся, постреливают… Как можно было удержаться? Губкин поднимался к армянскому кладбищу, оттуда открывался вид на бухту, на море; солнечные лучи посверкивали на волнах, и глаза Ивана Михайловича под очками слезились. Он выходил за ограду, присаживался на минутку в тени каштана. С разных точек вода в бухте кажется то более синей, то менее; зеленые гряды

водорослей то пропадают, то появляются.

Летят к берегу белые буруны — неистощимо и невесомо.

Остановился Губкин в гостинице «Новая Европа» — неподалеку от редакции газеты «Бакинский рабочий» на улице Милютина. Вставал рано, облачался в толстовку, обувал американские краги, голову покрывал белой панамкой. У крыльца уже ждали его товарищи. И на целый день уезжали на промыслы, ходили по холмам, останавливались у буровых, спорили, какую закрывать напрочь, из какой выкачать воду… Чертили наскоро на миллиметровке разрезы — короткими черточками обозначая водоносные горизонты, густыми точками — нефтеносные песчаники.

Вечером Губкин забегал в редакцию — сюда стекались дневные сведения: сколько добыто, сколько отправлено на заводы и сколько тарталыциков вышло на работу. Тартание нефти самая тяжелая и грязная работа на вышке; найти охотников на нее было трудно. Даже за большие деньги трудно было купить продукты. Фунт чурека стоил два миллиона. По детской карточке выдавали полфунта хлеба в день, а в месяц полкило рису и полкило сахару.

Газета ежедневно на первой полосе давала сведения о добыче и о количестве вышедших на работу тарталыциков.

Редактировал ее Петр Иванович Чагин.

Недавно он скончался.

(Мне доводилось с ним беседовать. Выписываю из своего блокнота; вот каким запомнился Губкин Петру Ивановичу: «Красивый старик. Простое откровенное лицо. Благородная седина. Крепкий, кряжистый. Однажды сидели на даче у Серебровского в Бузовнах. Поселок под Баку. Губкин сказал: «Дачкам придется потесниться. Чувствую, что под ними нефть». Действительно, пришлось потесниться, и очень скоро. Губкин поддержал Капелюшникова и одобрил засыпку Биби-Эйбатской бухты».)

Чагину не было тогда и двадцати пяти, а выглядел совсем мальчишкой; наверное, поэтому Губкин ему показался «стариком». Чагин умел привечать людей; у него долго жил Есенин.

В «Стансах» поэт писал:

Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, — он говорит, —
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.

Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей.

К 1925 году, когда Сергей Есенин поселился в Баку, вышки черных нефть-фонтанов уже ожили; в двадцать первом они почти бездействовали.

Губкин был молчалив, собран, резок. Когда он приехал, на набережной было много кафе; вдруг вышел приказ: все закрыть. Город быстро менялся, искал себя.

Многое умиляло; раньше, например, можно ли было прочесть в газете, сколько тарталыщиков вышло на работу? Никогда. Или такое на заборе объявление: «Во вторник, в 6 вечера, в большом зале Дворца труда культотдел АСПС устраивает лекцию инженера Апресова на тему «Геология нефти». Вход для членов профсоюза бесплатный».

Апресова Иван Михайлович знал еще до революции.

В геологическом отделе Азнефти постепенно складывалось содружество сильных специалистов — молодых и не очень молодых, но никому пока не известных: Креме, Абрамович, Капелюшников… Матвей Капелюшников носился с казавшейся невыполнимой идеей перенесения двигателя на дно (забой) скважины. До сих пор двигатель, осуществлявший бурение, находился на поверхности, долото, вгрызавшееся в грунт, крепилось к колонне труб — и вся махина тяжело вращалась. Капелюшников хотел придумать такую схему, чтобы во время работы верхняя ее часть оставалась неподвижной, а нижняя, углубляющая дно — вращалась.

Приезжали специалисты, покинувшие Баку в смутную годину. Приехал Дмитрий Васильевич Голубятников, низкорослый, коренастый, ворчливый, с толстыми губами и профессорской бородкой. И его Иван Михайлович знал давно; в шутку называл Николаем-угодником и бабаем. Был он старше Ивана Михайловича на пять лет, а институт закончил (тоже Горный в Петербурге) на два года позже. Много лет отдал партии «Народная воля», агитировал на Дону, сидел в тюрьме. В 1886 году вошел в группу Александра Ульянова. Был сослан.

Бакинскими месторождениями начал интересоваться с 1903 года — еще студентом. Через пять лет виртуозно доказал наличие нефти в Сураханах, до этого считавшихся лишь газовым месторождением. В следующем году представил пластовую карту Биби-Эйбата, изумившую всех своей скрупулезной расчлененностью.

Губкин любил сложных людей, одолевших не одну преграду на жизненном пути своем к науке; к Дмитрию Васильевичу он неизменно чувствовал симпатию, хотя отношения их далеко не всегда были гладкими. Не раз в период с 1923 по 1930 год совершали они совместные походы по Кавказу, и в письмах Ивана Михайловича к Варваре Ивановне после слова «Голубятников» иногда следуют раздраженные тирады. Покладистостью характера Дмитрий Васильевич не отличался. В конце 20-х годов он занял решительно антигубкинскую позицию в вопросе о поисках нефти между Волгой и Уралом; он был убежден, что это бесполезная трата денег, так нужных для развития старых «классических» мест нефтедобывания. В обстановке обостренной дискуссии, отнюдь не схоластической, голос Голубятникова прозвучал весомо.

Умер он в 1933 году; журнал «Нефтяное хозяйство», редактируемый Губкиным, теплой и почтительной статьей проводил его в последний путь.

Бакинцы вообще спорили бойко, с авторитетами не очень-то считаясь; решительный Серебровский спорил даже с Внешторгом, осуждавшим его политику «прямых выходов за границу». Заручившись поддержкой Ленина, он вел непосредственную торговлю с Турцией (точнее, с французскими и итальянскими конторами, находившимися в Турции). Первое судно — танкер «Джорджиа» — снаряжал сам и сам на нем приплыл в Константинополь. Здесь ему показали лагерь бывших врангелевских солдат; и в хозяйственном уме Серебровского зародилась еретическая идея. На промыслах страшная нехватка рабочих рук, что, если… Кроме того, это ослабит вражий стан: белые генералы Кутепов и Покровский собираются использовать запертых в лагере солдат по-своему… Александр Павлович начал агитацию и отбор. Со вторым рейсом он привез пять тысяч репатриантов; они обязались два года работать на промыслах; после этого им разрешалось уезжать куда угодно. «Мало кто из них захотел потом уехать из Баку, — отмечал в своих воспоминаниях Серебровский, — большинство осталось работать на промыслах, многие стали членами партии…»

Встречать бывших врангелевцев высыпал весь город; бакинцы всегда славились любопытством. Газета прислала репортера. Его

отчет полон удивления: «Тут и типичные поволжские крестьяне, и стройные донские казаки, и калмыки в ухарских с красным околышком казачьих шапках и с красными лампасами на брюках, и смуглые молодцеватые кубанцы».

Поселили их в свободных бараках. Иван Михайлович заходил в них, пытливо и с надеждой всматривался в лица парней, слабо и нетерпеливо ожидая узнать вдруг знакомые черты родного лица… Кто знает… Ведь может быть… Расспрашивал. Описывал приметы. Видел кто-нибудь человека с такими приметами? Нет, никто не встречал такого никогда… Попросил список всех прибывших. Внимательно его прочитал.

Список этот он взял с собой в Москву. Много раз его просмотрел. Все казалось, а вдруг пропустил? Нет. Фамилии, которую он искал, в списке не было. Возвращался он через Ростов, неподалеку от которого несколько месяцев назад погибли в стычке три сотрудника КМА…

С собою вез он письмо Смилги Ленину. «По приезде в Москву я поспешил передать это письмо Владимиру Ильичу. Вскоре после этого он вызвал меня к телефону, и я подробно поделился с ним своими впечатлениями, вынесенными из поездки в Баку и Грозный».

Началась зима. Наступил новый год — 1922-й. В полутемных коридорах Главконефти разговаривали о Баку, а в кабинетах негнущиеся пальцы вписывали в графы цифры, поступающие оттуда, о добыче на промыслах. Из месяца в месяц цифры росли. «Соколиный взлет кривой добычи», — радовался Губкин.

Глава 40

Экран «КМА». «Догубкинский» период разведки. Пробирер Дунилов. Профессор Лейст и его рукопись. Героическая экспедиция Юркевича.

Уже из описания первой поездки Ивана Михайловича в Баку должно быть заметно, с какой охотой отдавал он свой труд, себя коллективному, артельному, общинному делу, каковым, в сущности, и было восстановление азербайджанской промышленности, выволакивание ее из тенет разрухи. Все бы должно в таком деле делиться поровну — и тычки и пряники, но — такова благодарная человеческая память! — в воспоминаниях того же Абрамовича, того же Кремса или академика Якубова (все они тогда только начинали свою карьеру!) имя Ивана Михайловича повторяется через строчку, так что поверхностному

взгляду вполне может привидеться, что он-то один на себе и выволок! Правда, могут возразить, дескать, большая часть таких воспоминаний заранее затевалась для специальных сборников, посвященных памяти Губкина, и тут уж неприлично бы даже обойтись без фимиама. Но вот лежит передо мной юбилейный номер журнала «Геология нефти и газа» с оттиснутой на обложке цифрой «100» (сто лет нефтяной и газовой промышленности). Сколько-то имен за сто лет в русском нефтяном деле сверкало, ан и здесь фамилия нашего героя мелькает чуть не в каждом абзаце.

В последние месяцы своей жизни Иван Михайлович торопливо создавал сводную работу «Урало-Волжская, или Восточная, нефтеносная область», обещавшую стать лучшим его произведением. Рукопись осталась незаконченной; половина ее отдана историческому очерку — разбору исследований и теорий предшественников. Кто знает, сократи Губкин историческую часть (по традиции считающуюся малозначащей в научном сочинении) — у него, возможно, высвободилось бы время для одной-двух глав, уже созревших в уме его, но так и не успевших лечь на бумагу.

Негоже и нам выставлять Губкина на пустом месте, как невольно получается у иных биографов. Еще при жизни имя Губкина стало легендарным; после смерти оно стало легендой, а подретушированная фотография скуластого человека в очках приобрела иконописные черты и, вставленная в рамочку, торжественно и сурово покачивалась впереди молебных шествий. Надо осторожно ваточной, смоченной в спирте, смывать ретушь.

Губкин не в одиночестве раскрыл тайну Курской магнитной аномалии; он даже не первый возглавил комиссию по изучению аномалии — он подхватил ее в какой-то критический момент ее существования и со свойственными ему размахом и энергией вдохнул жизнь и веру в ее работу и защищал ее в боях с власть имущими скептиками.

«Доносят Бела города купцы Иван Авдеев сын Гинкин, Дндрей Данилов сын Попов, Андрей Степанов сын Юдин, да Федор Меркулов сын Болотов, а о чем тому следуют пункты…» — так начиналась бумага, поданная в Петербургскую берг-коллегию 9 сентября 1742 года. Пунктов следовало всего два, зато к ним купцы приложили «руду, которой взяли фунтов с пять, и вышеописанные нами руды объявляем при сем доношении».

Пробирер Александр Дунилов «оные руды пробовал» и рапортовал, что «явилось свинцу ис центнеру пятнадцать фунтов». Свинцу! Невежественные куряне полагали, что обысканная ими руда железная? Обознались! Самый ранний из найденных архивных документов повествует о том, как

отвергнута была попытка явить свету курское железо. И с этого, пристегиваясь звено к звену, пошла виться цепочка злоключений: стычек, злобных или беззубых меж верующими и неверующими в курский клад. Дееписание любого открытия полно драматизма, который складывается из человеческих судеб и, из надорванных человеческих сил. Разве все это охватить? Если нужно изложить поелику возможно короче «предгубкинскую» историю КМА, то это должен быть рассказ о голубоглазом профессоре с окладистой бородой, про которую говорили — «как у Стасова».

Рассказ о том, как магистр физической географии, знаток земного магнетизма фанатически увлекся тайной верчения компасной стрелки близ сел Кочетковка, Непхаево, Щигры, Новый Оскол. «На всем белом свете нет ничего подобного; ученые приезжали сюда, как в Кунсткамеру: здесь магнитная стрелка не показывает на север и юг, как бы следовало, а на восток и запад». Как поверил (не имея никаких данных!) в железорудную природу необъяснимого явления, зажег речами своими тугодумную Курскую управу, добился бурения. Потерпел крах (скважина не дошла каких-нибудь ста метров до рудного тела, но кто ж тогда мог об этом знать!), наслушался истерических попреков от помещиков (а некоторые из них начали уже спекулировать своими землями) и высокомерных — от Геологического комитета. Геолком прежде всего блюл принципы чистой науки (против которых, как мы уже знаем, ополчился потом Губкин — сначала довольно мягко, позже яростно и, увы, не всегда справедливо). Популярнейший профессор И.В. Мушкетов предупреждал, чтобы чисто научную проблему не связывали с надеждой «на открытие несметных богатств». Заниматься изучением Курской аномалии, бесспорно, надо, но как чисто научной проблемой! Известные сотрудники Геолкома С.Н. Никитин и Ф.Н. Чернышев в печатных отзывах пытались обосновать гипотезы нерудного происхождения аномалии. В запальчивую минуту магистр произнес фразу о «казенной науке», противостоящей «университетской», — этого ему простить не могли…

Рассказ о профессоре Э.Е. Лейсте. Он не сдался. Он не поколебался в вере. В России занятие наукой, равно как и литературой, требовало мужества, душевной чистоты, смелости. Каждое лето Эрнест Егорович, отладив старенький магнитометр, уезжал в Курскую губернию. Он не просил вознаграждения, «… работал от восхода до захода солнца, имея для отдыха несколько часов короткой летней ночи. О правильном питании нечего было и думать… приходилось питаться сухарями, бисквитами и консервами, взятыми из Москвы. После усиленной работы на солнце в течение дней десяти чувствовалась уже некоторая

усталость, в особенности от высокой-температуры и пыли, которая проникала в одежду и садилась на инструментах; являлись недостатки и от неправильного питания и плохой воды. Невольно вспоминалось, что дальневосточные экспедиции оборудованы, несомненно, лучше и терпят, пожалуй, меньше неудобств, чем я при своих поездках по одной из центральных губерний Европейской России; невольно являлась мысль, что многие из моих товарищей профессоров отдыхают не в таких условиях, а где-нибудь в европейском курорте, и, вероятно, тратят меньше средств, чем я на научную, но утомительную работу».

Неоднократно Лейста арестовывали сотские прямо в поле, как подозрительную личность «до выяснения рода занятий». Он устал; ему невмочь было таскать на себе тяжелые инструменты. С 1909 года его в курских уездах уже не видели.

Однако накопился громадный материал (200 тысяч показателей, для чего пришлось выполнить 4121 наблюдение). Над его анализом Лейст работал несколько лет; он привлек все известные сведения о магнитных аномалиях других стран. Наконец, создана рукопись «Курская магнитная аномалия». Возиться с изданием ее у Эрнеста Егоровича уже нет сил; он передает ее академику П.П. Лазареву. Летом 1918 года больной уехал лечиться в Германию на курорт Наугейм-Бад. Он всегда так мечтал провести летние месяцы на курорте… Проклятое правило! У подлинного труженика на лечения и развлечения, которые он заслужил больше, чем кто-нибудь другой, время выпадает тогда, когда уж этого времени остается в самый обрез. В августе профессор умер.

Однако год-то шел — восемнадцатый. Лазарев, знавший Л.Б. Красина (он тогда был председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии), при встрече поведал ему о рукописи, о старике Лейсте и о курской загадке. Красин, имевший инженерное образование, тотчас смекнул, какое значение приобрело бы железорудное месторождение в центре молодой республики для налаживания и развития ее тяжелой промышленности. Последовала серия совещаний с учеными. Профессор А.Д. Архангельский подчеркнул, что гарантировать открытие нельзя, но Красина не смутил.

Делу был сразу придан государственный размах; Лейст не мог этого добиться в течение двадцати лет. Красин спросил, можно ли восстановить утраченные лейстовские материалы и сколько на это нужно денег (к несчастью, Эрнест Егорович, оставив рукопись, так сказать, квинтэссенцию своих наблюдений, захватил с собой все карты и вычисления. После его смерти они

попали в руки И. Штейна, кажется, родственника профессора; «некоего Штейна» — иначе его Губкин не называл; в 1920 году «некий Штейн» был командирован германским правительством в Советскую Россию, чтобы добиться концессии на разведку КМА. На руках его были характеристики, данные крупнейшими германскими специалистами лейстовским материалам. «Не хотите ли выкупить их у меня?» — спросил Штейн. И предложил цену: пять миллионов. Он приходил к Губкину на прием чуть не каждый день).

Лазарев подсчитал: для того чтобы снарядить и отправить на разведку отряд, нужно иметь триста тысяч рублей. За одно лето отряд, конечно, всю лейстовскую работу не воспроизведет, но все же появится возможность наметить места дли разбуривания. Только скважина в состоянии дать ответ на великую загадку. Красин деньги достал. Была создана специальная комиссия, а академику Лазареву поручено составить план полевых работ на лето 1919 года.

10 февраля 1919 года на заседании Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, проходившем под председательством В.И. Ленина, Красин доложил о создании комиссии, о существе проблемы и о предполагаемых запасах, оцениваемых приблизительно в миллиард пудов руды. С этого времени проблема КМА находится под неусыпным вниманием правительства.

Через шестнадцать дней в Курск выехал горный инженер Н.П. Блюменталь, провел в губсовнархозе совещание, в котором «нацелил» местные власти «на поставленную задачу». Гидрограф Е.Л. Бялокоз председательствовал на совещании 15 мая 1919 года: был рассмотрен порядок проведения измерений на местности. Академик А.Н. Крылов предложил пользоваться дефлекторами де Колонга, они дадут необходимую точность измерений. Наконец наступили теплые дни…

17 июня 1919 года отряд из девяти человек под предводительством К.С. Юркевича выехал из Москвы в товарном вагоне, выделенном по распоряжению Красина.

Еще одна ненаписанная страница истории первых советских геологических походов!

Отряд выехал 17 июня, а 3 июля генерал Деникин отдал приказ о массированном наступлении на Москву; кавказская, донская и «добровольческая» армии опрокинули позиции красных полков. В начале августа в Тимском уезде, где проводил наблюдения Юркевич, становится слышна канонада — отряд продолжает работать. В середине августа район остался без власти, он накануне оккупации. Отряд не прерывает работу… 5

сентября белые у стен Курска…

Выписка из дневника Юркевича (Иван Михайлович, несомненно, читал его в подлиннике, когда знакомился с материалами по КМА) покажет читателю, с каким спокойным и, хочется сказать, неосознаваемым мужеством велись работы.

«20 июня. В час ночи мы прибыли в гор. Орел, там я узнал от дежурного по станции, что, вагон дальше не может быть отправлен ввиду того, что Харьков занят, станция Курск забита вагонами и не принимает из Орла даже воинских эшелонов… Тогда я отправился к ж.-д. комиссару и после в Коллегию, где мне было предложено переговорить по Юзу с Московским Ком. путей сообщения, откуда я получил разрешение следовать дальше.

21 июня. В 7 ч. утра отправились в Курск, а 22-го в 4 час. утра прибыли в Щигры. С 22 по 25 оставались в вагоне…

28 июня. Руководитель работ Заборовский приступил к серии наблюдений с компасом и магнит, теодолитом. Наблюдатели сличали котелки[13]. Я с топографом поехал в поле выбирать направление магистрали, поставили веху № 1, приступили к разбивке створов. Топографы вычислили рамки планшета, нанесли тригонометрические пункты.

29 июня. В воскресенье я просил председателя деревенского Исполкома собрать сход, для того чтобы на общем собрании мне можно было лично информировать всех граждан дер. Овсянниково о цели прибытия нашего отряда и тем самым положить конец всем вздорным и ложным слухам, которые начали распространяться малосознательными элементами о нашем отряде. Между прочим, из многих источников мне начали передавать о том, что якобы наш отряд прибыл в Овсянниково для восстановления власти помещиков, что у нас имеется очень много тяжелых ящиков и в них спрятаны пулеметы, что в поле мы ставили вехи, а после туда прилетят германские шары и откроют стрельбу по деревне. На состоявшемся вечером собрании всем этим слухам был положен конец…

30 июня. Астроном Беляев и Жонглович определили астр. пункт… Не имея надежды нанять рабочих… мы на первое время решили обойтись двумя рабочими, приехавшими с нами из Петрограда, но при этом нам самим приходилось переносить мензулы и котелки с точки на точку. Таким образом, мы проработали до 5-го июля.

6 июля. Результаты рекогносцировки дали вполне ясную и определенную картину крупной аномалии в районе расположения деревень Лозовки — Соколья Плота…

12 июля. Я уехал в Москву и возвратился в Овсянниково… по приезде мне доложил мой заместитель, что им не удалось

определить ни одной точки, так как шли ежедневно дожди с очень сильными грозами. Также мне было доложено, что наблюдатель Мусятович 13 июля заболел тифом и что всем были сделаны прививки.

26 июля. Я поехал в Тимский военком хлопотать об освобождении мобилизованных граждан дер. Овсянниково В количестве 15 человек от призыва.

12 августа. Дождь, ветер, магнитная буря.

16, 17, 18, 19 августа. Приготовление к эвакуации. Вся местность была без власти, все учреждения Тима были эвакуированы в Корандаково, Белое и Мармыжи.

20 августа. Послал на рекогносцировку к Тиму Крушинина и Жонгловича. Остальные работали на галсы…

30 августа. Подошли с работой к Лоз. Хуторам. Начал копать яму по указаниям крестьян.

31 августа. Выкопали яму в 5 аршин, достали руду. Вечером приехал отряд забирать лошадей.

1 сентября. Поехал хлопотать об освобождении лошадей. Построил сигнал в 5 саж. Начали копать — пробивать пробником дыру.

2-го. Работали. Пробили 1 арш.

3-го. Дождь. Пробили 16 арш.

5, 6 и 7. Подготовка к отъезду и эвакуации».

Иван Михайлович в это время был в своей поволжской экспедиции; в конце сентября он в Москве, и 29 сентября его фамилия впервые появляется в протоколах «заседания по исследованию Курской магнитной аномалии». Как видно из этого документа, он не сидел безучастно на заседании (официально он представлял Горный совет ВСНХ): «И.М. Губкин. В Горный совет явился представитель инженера Штейна, просил выдать концессию на разведки в Курской губернии. Горный совет, не имея ничего против, хотел дать условия, выгодные для государства; что касается изучения области аномалии, то желательно, независимо от практических результатов, продолжать работу по съемке». В Губкине говорит геолог, съемщик, знающий цену настоящей карте. В 1934 году он произнес прекрасные слова; кажется, никто возвышенней не выражался о геологической карте: «Только данные детальной геологической съемки, подкрепленные геофизическими методами съемки, дадут нам руководящие нити, дадут тот клубок Ариадны, который выведет из геологического лабиринта, только при таких условиях мы будем не авгурами, не прорицателями, а настоящими геологами».

Слова эти были сказаны по другому поводу и относительно

другого объекта, на который мы сейчас и переключим наше внимание.

Глава 41

Экран «Второе Баку». «Предгубкинский» период разведки. «Первичники» и «вторичники». Еремеев, Замятин, Павлов. Накануне решающих схваток.

«Пример открытия Урало-Волжской нефтеносной области является настолько поучительным, особенно для нашей советской молодежи, что я считаю необходимым, хотя бы кратко, остановиться на ее истории», — фраза эта переписана из губкинской статьи «Второе Баку», предназначенной для молодого читателя журнала «Техника — молодежи». В архиве Ивана Михайловича статья помечена 19 февраля 1939, увидеть ее в печати автору уже не привелось, она набрана была в июньском номере. Губкин умер в апреле. В ней история открытия волжской нефти изложена кратко, в незаконченной же рукописи, помянутой в предыдущей главе, — дотошно и объективно.

Недаром, объезжая на тряской телеге приволжские села летом 1919 года, Иван Михайлович расспрашивал крестьян, используют ли они для топки горючие сланцы и горное масло из нефтяных ключиков; старые бабки доверительно шептали ему, что хлебы печь нужно с опаской на сланцах; сильно под накаляется. Народные приметы остры, метки и подчас безошибочно ухватисты. Вспомните, как исследователь Средней Азии В.Н. Наследов поражен был прицельной точностью подземных выработок, шедших к невидимой с поверхности свинцовой залежи; и такие штольни пробивали неграмотные народные мастера!

В третьей главе нашей книги изложена судьба англичанина Мурчисона, много путешествовавшего по Русской равнине. Так вот, Мурчисон поволжские сланцы и нефтяные вытеки наблюдал и суждение свое о них оставил. Разумеется, оно попало в незаконченную монографию Ивана Михайловича (и квалифицировано там как «плод фантазии и игра воображения»). Аира Дэвид Мурчисон объяснил появление горючих источников на берегах великой реки давней вулканической деятельностью в районе Урала; никакого фактического подкрепления своего взгляда он, понятно, представить не мог. Впрочем, замечает Губкин, «в вопросе о происхождении нефти гипотетические, фактами не обоснованные построения свойственны и более поздним крупным ученым (я имею в виду некоторые гипотезы о неорганическом происхождении нефти)».

Губкин разбирает работы почти тридцати своих предшественников, особенно отмечая заслуги Романовского,

Штукенберга, Павлова, Еремеева. Полковник Еремеев в 1867 году представил, «пожалуй, лучшее из всех в геологической литературе описание гудронных песчаников, нефтяных «ключиков» и разведочных работ на нефть». Высоко оценил Губкин усилия Романовского, указавшего возможные пути подземных переливов жидких углеводородов.

Выясняется, что счет времени «волжской загадке», как и «курской», забирает с лишком сто лет. Однако на этом сходство между загадками кончается. Курская в принципе для разрешения нуждается только в разведочном искусстве; то, что причиной аномалии является магнитная руда, — это первое, что приходит на ум, это классическое, так сказать, толкование. Правда, слышались недоверчивые голоса, что стрелку компаса под Курском волнует разлом в земной коре (это возможно теоретически) или скопление изверженных пород. В любом случае достаточно в местах аномалии произвести основательные разведочные работы — и все станет ясно.

Другое дело — нефтяные «ключики» Поволжья. Они есть — это и крестьянам известно. Битум, сланцы — пожалуйста, ими топят печи в избах. Но что из себя их залежи представляют? Самостоятельные тела? Первородный битум? Или когда-то было нефтяное озеро, потом высохло, и битум — продукт осушки? Или где-то на глубине существует и посейчас нефтяное озеро и ручейки его, высачиваясь вверх, образуют нефтяные натеки? Тогда по каким трещинам происходит высачивание, каковы длина их и направление?

«Волжская» загадка тотчас повергает нас в пучины неизвестности. Прежде всего происхождение нефти? До сих пор неизвестно. Второе. Как образуются скопления нефти? Могут ли они перемещаться? Перемещаться большими массами или микрокапельками? По капиллярам или этаким подземным ущельям? И т. д., и т. п., и пр.

Алексей Петрович Павлов, помогавший Губкину в организации сланцевой промышленности, в свое время (а время это было задолго до революции: 1885 год) по просьбе Геолкома обследовал Самарскую Луку и Жигули и, к удивлению многих, обнаружил в спокойно и почти ровно залегавших слоях крупное и далеко протягивающееся нарушение, разлом, названный им жигулевской дислокацией.

Прочертив линию дислокации на карте, Павлов заметил, что она совпадает с точками известных выходов нефти на дневную поверхность. «Весьма вероятно, — написал он, — что детальные геологические изыскания вдоль намеченного мною пути дислокационной трещины приведут к открытию еще большего

количества месторождений нефти и асфальта и связь их е дислокационной трещиной будет подтверждена фактически». Нечего и говорить, Губкин с радостью принял суждение Алексея Петровича. «Эти взгляды академика Павлова нашли горячих сторонников среди советских геологов, которые поиски и разведку на нефть повели именно вдоль жигулевской дислокации».

Маститому ученому посчастливилось дожить до фактического подтверждения предположенной им связи. Он скончался в 1929 году, в этом же году скважина в Чусовских Городках выбросила фонтан; это было — пусть пока еще косвенное — подтверждение правоты Алексея Петровича. К этому времени он уже сорок пять лет преподавал в Московском университете, вырастил бессчетное количество учеников. Несколько десятков лет руководил кафедрой геологии, приняв ее от учителя своего Григория Ефимовича Шуровского. Как многие старые русские геологи, Павлов был широкообразованным и тонкой культуры человеком, превосходно рисовал, пел… Наконец, был просто красив — благородное, умное лицо!

Немало месторождений лежат вблизи разломов, то есть пространственно с ними связаны. Пространственно — да, но связаны ли генетически? Сторонники неорганического происхождения говорят, что пространственная связь в данном случае лишнее доказательство генетической. Вспомним, что Менделееву, этому гениальному «неорганику», для установления полной истинности его гипотезы не хватало «всего лишь» доказательства, что нефть, образованная при реакции карбидов железа с водой, способна подниматься по трещинам в земной коре из глубины на поверхность. Органики утверждают, что никакой генетической связи тут и в помине нет, а есть связь «структурная». То есть в зоне разлома образуются условия, которые благоприятны для накопления нефти.

Если при данном состоянии науки какой-либо вопрос может быть раскрыт с кажущейся в одинаковой степени достоверностью двумя взаимоисключающими способами, то, по-видимому, этим вопросом можно пренебречь при практическом промышленном его приложении. Предположим, что это так. Исследователи недр Волго-Уральской провинции могли позволить себе не влезать в дебри ученых споров между органиками и неорганиками. Они могли сказать себе: «Никто еще не решил, откуда взялась нефть. Мы ставим себе более узкую задачу. Нас интересует, есть ли она в промышленных масштабах на пространстве между великой рекой и древним полуразрушенным хребтом. Признаки-то ее есть, но указывают ли они на то, что в глубине скрывается настоящее

месторождение?»

Тут сразу же вставал другой, тоже чрезвычайно сложный теоретический вопрос. Вопрос этот заключался в том, «первична» или «вторична» нефть Поволжья? Породы, в которых она залегает, — образовались ли они с ней одновременно и одноместно или нефть в содержащих ее породах пришлая?

Полковник Еремеев (1867) отказывается конкретно высказывать свою точку зрения. Но «он полагал, что если дальнейшими изысканиями будет установлен первичный характер этих месторождений, то в практическом отношении эти месторождения не получат большого значения». Почему? Очень просто. «Живой» нефти на поверхности нет (или почти нет). Есть продукты разрушения нефтяных месторождений: асфальт, битум, гудрон. Если продукты разрушения когда-то были «живыми», цельными, первичными нефтяными месторождениями, значит эти месторождения погибли. Мы видим разлагающиеся трупы. Но, может быть, ныне погибшие нефтяные месторождения — уроженцы не здешних мест, пришельцы, они оторвались от нефтематеринских пород, попали в другие пласты и в них нашли свою гибель? Тогда где-то должна сохраниться «живая» нефть…

Романовский (1868) высказывается определенно: вторичная! Приводит в доказательство некоторые аргументы, которые Губкин в своей незаконченной монографии признает вескими и сетует на то, что современники не обратили на них серьезного внимания. Казанский профессор А. Штукенберг (1873): да, вторична! Факты? Извольте. На Бахиловой Поляне он зарисовал песчаник, который насыщался нефтью, выступавшей из известняка. С.Н. Никитин (1886; эта фамилия, если читатель не забыл, упоминалась в связи с КМА): промышленной нефти в районе нет. Гудрона — сколько угодно. А.В. Нечаев (1913): «Я считаю доказанным, что пермские отложения области Шешмы и Черемшана жидкой нефти не содержат» (подчеркнуто им. — Я.К.). А.Н. Замятин (1913). Приведу высказывание о нем самого Губкина: «Замятин свое заключение о нефтеносности исследованного им района начинает с признания, что вопрос «о первичном или вторичном залегании нефти, помимо своего теоретического интереса, имеет и большое практическое значение». И дальше развивает чрезвычайно пространную аргументацию против вторичного залегания нефти в Сокско-Шешминском районе. Я не буду здесь останавливаться на существе этой аргументации. Уж очень она шатка, схематична и казуистична. Главной ошибкой Замятина в этом вопросе является то, что он все рассматривает с точки зрения сегодняшних, как бы стабильных соотношений в условиях залегания нефти. Он забывает, что прошла не одна сотня миллионов лет со времени

образования нефтяных месторождений рассматриваемой нами области и в течение этой многовековой истории условия неоднократно менялись. Менялось, например, положение нефтяных залежей по отношению к земной поверхности. Они то поднимались, то опускались, следовательно, менялись их физико-химические условия, менялись физические и механические свойства перекрывающих и подстилающих их пород и т. д. Он говорит, например, что в районе р. Сока нет сейчас выделений газа с глубины, а это обстоятельство устраняет якобы всякое основание для допущения, что жидкий гудрон поднимался с глубины.

Но ведь если этот газ не выделяется сейчас, то это еще не значит, что он не выделялся в другое время, например в предшествующие геологические эпохи, и содействовал тогда подъему и миграции жидкой нефти с глубины. Если он в данном месте не выделяется на поверхности, то это еще не значит, что его залежей нет на глубине и т. д. Ведь нам хорошо известно, что в нефтяных месторождениях Бугуруслана, Туймазы и в других на поверхности не наблюдалось никаких признаков нефтеносности: ни выходов нефти, ни газа, а между тем здесь вскрыты на глубине нефтяные горизонты, насыщенные нефтью и газом».

В приведенном отрывке все так просто, что, надеемся, ясно и неподготовленному читателю; во всяком случае, из всех приведенных мнений и высказываний вкупе должна быть ясна противоположность позиций «первичников» и «вторичников». Два лагеря, два стана. Две разные оценки самой возможности сделать открытие. История всякого геологического открытия, если оно не сделано было случайно (бывало и такое), делится на два периода (мы, разумеется, сильно упрощаем, огрубляем представление о таком живом, исполненном страсти и сложнейшем явлении, как геологическое открытие). Первый период: интеллектуальная история открытия. Время споров, размышлений, выкладок. Подновление теоретических позиций. Второй период: практическая история открытия. Разведка. Поиски. Конечно, в жизни эти два периода непрерывно перемешиваются. Разведка требует умственного напряжения и знаний теории, а философствование в геологии должно иметь отправным пунктом хотя бы самый «близлежащий» геологический факт.

Все же условимся принять как удобное для развития нашего повествования такое разделение. Отыскание нефти между Волгой и Уралом тем в особенности и отличается от других геологических открытий, коими так богаты вен нынешний и век минувший, что «интеллектуальная» сторона в нем чрезвычайно насыщена. С самого начала проблема взволновала умы ученых

именно зависимостью практического разрешения от правильного подхода к теоретической постановке вопроса. Не будет лишним, подчеркнуть, что «взволнованность» ученых умов не переходила рамок «умствования», дискуссия то разгоралась, то тлела десятки лет. Пока… пока сама жизнь, крайняя нужда новорожденного государственного организма не вызвали острой потребности теоретические разглагольствования поставить на рельсы практического поиска.

Советская республика, оказавшись отрезанной от мест нефтедобывания, вынуждена была попросить своих ученых найти топливо в центре России. Спору нет, горячее всех откликнулся на эту просьбу Губкин. После 1920 года, когда горючее потекло из, освобожденного Баку, нужда несколько поубавилась, но в конце 20-х годов вновь чрезвычайно обострилась, теперь уже по причине стратегического характера. Ни для кого секретом не было, что надвигается война. В газете за 1930 год можно прочесть интервью с некоторыми зарубежными писателями; им был задан один вопрос: «Ваши планы на период, когда начнется война?» Будто не начаться она не может, это предопределено. Да так оно и было…

Сложилось исторически так, что нефтяные промыслы России располагались на ее окраинах. Центр оставался гол. Между тем там росла промышленность, для которой топливо приходилось доставлять издалека. Опыт гражданской войны показал, что окраинные месторождения могут быть захвачены врагом. Нужно было, очень нужно было решить наконец, есть нефть между Волгой и Уралом или нет, и тогда обратиться к более отдаленным районам.

Вновь вспыхнула ожесточенная полемика.

Два лагеря, два стана. «Вторичников» возглавляет Губкин.

Идеологическим наставником противоположного лагеря становится холодный и изощренный наблюдатель, искуснейший полемист, непримиримый и воинственный доктор Калицкий.

Глава 42

Экран «КМА». Ответ Крылова. Возмутители спокойствия. Губкин пишет жалобу. Воспоминания рабочего Ширинского. Доклад Лазарева Владимиру Ильичу. Долото намагничивается! Вариометр Этвеша. Высокая оценка.

Когда П.П. Лазарев спросил академика А.Н. Крылова, директора Главной физической обсерватории, крупнейшего кораблестроителя, каким прибором лучше всего измерять

магнитное поле, тот ответил: «Исключительно дефлектором де Колонга!» Сохранилось его письмо: «…Прибор этот весьма портативен…», он будет определять «горизонтальную и вертикальную слагающую поля с точностью… более чем достаточной в этом деле». Лазарев достал дефлекторы в Гидрографическом управлении и снабдил ими отряд Юркевича. Вернувшись из-под Курска — несколько преждевременно, как мы помним, в связи с наступлением генерала Деникина, — Юркевич с похвалою отозвался о приборах и в следующем году, 1920-м, снова взял их с собой, собираясь в поле для продолжения измерений.

Иван Михайлович Губкин вступил в председательствование Особой комиссией по изучению Курских магнитных аномалий 14 июля 1920 года. Заместителем его и заведующим магнитным отделом был назначен академик Лазарев, заведующим геологическим отделом — профессор А.Д. Архангельский, отделом глубокого бурения — инженер А.Я. Гиммельфарб. Иван Михайлович и его заместитель склонны были считать, что можно приступать к бурению; назначен был даже точный срок, согласованный с правительством, — 1 октября 1920 года. Но не тут-то было. Комиссию давно уже раздирали склоки. Два ее члена — профессор Ортенберг и инженер Кисельников ожесточенно выступали против принятой большинством, методики измерений магнитного поля и против аппаратов, которыми методика эта на практике осуществлялась.

Первый из них много лет проработал на Урале и привык там пользоваться магнитометрами шведского производства (так называемой системы Тиберг-Талена) и особыми «шведскими» формулами исчисления; может быть, поэтому ему казалось, что только ими позволительно пользоваться в Курске. Ортенберга деятельно поддерживал Кисельников. Надо сказать, что обсуждение всех вопросов в ОККМА велось демократично; никакими особыми правами председатель не обладал. Решения принимались большинством голосов. Принцип единоначалия на производстве, а тем более в научных учреждениях нигде в стране еще не был введен. ОККМА представляла собой необычное — характерное для революционной поры учреждение, опыт работы которого, любопытнейший и, возможно, единственный в своем роде, еще предстоит изучать нашим историкам и экономистам; задача облегчается тем, что полностью сохранился архив, ни одна строка которого, кстати говоря, никогда не бывала засекречена. Регулярно публиковались протоколы заседаний комиссии, выходили специальные «Труды ОККМА».

По нынешнему нашему «курсу» комиссия должна быть

приравнена к разведочному тресту. Ей приданы были технические средства и финансы; она обладала правом приглашать рабочих и техников и даже — что по тем временам было правом чрезвычайным! — освобождать их от воинской службы. Но возглавлял комиссию президиум, состоящий целиком из виднейших ученых, никак материально, выражаясь современным языком, не заинтересованных в деле разведки; однако легко заметить, это нисколько не мешало им проявлять самую горячую «духовную» заинтересованность. Профессор Екатеринославского высшего горного училища П.М. Леонтовский такой, например, фразой поспешил отозваться на призыв помочь разведке Курской аномалии: «Проектируемое глубокое бурение полно захватывающего научного интереса, и уже по одному этому я готов оказать Вам посильное содействие».

Несомненно, все сотрудники ОККМА испытывали «захватывающий научный интерес». Научные споры в таком состоянии — явление естественное, однако они зачастую велись с излишней горячностью. Трудно сейчас объяснить, чем вызывалось ожесточенное упорство Ортенберга и Кисельникова, нежелание идти ни на какой компромисс с крупнейшими авторитетами в магнитометрии. Кисельников входил в Горный совет ВСНХ и через его председателя Сыромолотова пытался воздействовать на комиссию. Оба — и Кисельников и Ортенберг — трагически погибли в 1937 году…

15 июля 1920 года Губкин вынужден прервать заседание и перенести его на 19 июля: сговориться с Кисельниковым относительно сроков бурения нет возможности. «В.В. Кисельников считает необходимым признать, что имеющихся в распоряжении комиссии данных недостаточно для выбора точек для бурения и что следует довести до сведения высших инстанций, что бурить пока преждевременно и что было бы более правильным и разумным повременить с окончательным решением вопроса о бурении» (из протокола). 9 августа Кисельников вносит «особое мнение» по поводу рассмотрения сметы бурения — он против бурения. В последующем по каждому пункту программы заседания голосуются две резолюции: одна — предложенная Лазаревым или Губкиным, другая — Кисельниковым или Ортенбергом. Налицо две враждебные группировки.

В начале октября Иван Михайлович запирается в своем кабинете в Горной академии и пишет пространную записку заместителю председателя ВСНХ Ломову: это изложение всех бед комиссии, содержащее просьбу об отставке. В последние двадцать лет своей жизни Ивану Михайловичу приходилось много сочинять, и в разных, так сказать, жанрах (газетная статья,

учебник, монография, письма и т. д.). Мы приводили образцы «жанров» и будем приводить еще; записка Ломову, кажется, первая в жизни Ивана Михайловича официальная бумага с выражением недовольства поступками кого бы то ни было. Посмотрите, с каким спокойствием, достоинством и объективностью излагается суть конфликта:

«…работа комиссии со времени ее возникновения до самого последнего времени совершается весьма неудовлетворительно в тяжелых условиях внутренних трений, мешающих правильному и планомерному выполнению заданий комиссии. На этом обстоятельстве позвольте остановиться несколько подробнее.

В качестве представителя от Горного совета в состав комиссии… был включен член коллегии Горного совета инж. В.В. Кисельников.

С самого начала он занял резко отрицательное отношение к методу работ по магнитометрическим исследованиям, проводившимся в Курской губернии под общим руководством известного ученого академика проф. П.П. Лазарева… он полагал, что исследования ведутся не теми приборами, которые применяются для исследования магнитных аномалий, вызываемых магнитными рудами…

Несмотря на то, что в ряде заседаний Особой комиссии было вполне установлено, что прибор де Колонга, рекомендованный, между прочим, академиком А.Н. Крыловым, является гораздо более точным, чем шведский прибор Тиберг-Талена, и что им можно манипулировать с не меньшей скоростью, чем прибором Тиберг-Талена, инж. Кисельников упорно настаивает на применении этого последнего прибора. Все доводы в пользу того, что применение прибора де Колонга является наиболее целесообразным именно для изучения Курской магнитной аномалии, причина которой является совершенно неизвестной и которая по своей величине и проявлению превосходит все известные аномалии мира и представляется поэтому явлением чрезвычайно сложным, к изучению которого нужно подойти с наиболее совершенными методами исследования и с наиболее точными приборами, оставались для инж. Кисельникова неубедительными, и он упорно настаивал на своем. Не проходило ни одного заседания, чтобы под тем или иным предлогом не всплывал вопрос о приборе Тиберг-Талена, причем дебаты по этому вопросу носили исключительно страстный характер, отвлекая на себя внимание и поглощая у комиссии все ее время. Вопрос этот настолько обострился, что был вынесен за пределы комиссии. По докладу доцента Уральского Горного института Ортенберга… он дебатировался в Научно-техническом обществе

и, наконец, был вынесен на I съезд Российской Ассоциации физиков. В этот, казалось бы, чисто научный спор, подлежащий разрешению только научных высококвалифицированных специалистов, был отчасти вовлечен и Президиум ВСНХ, когда при отчете акад. Лазарева в заседании Президиума тем же Кисельниковым был поднят вопрос о том же Тиберг-Талене. Президиум тогда решил придать вопросу широкую общественную огласку путем устройства публичного диспута, организация которого была поручена Вам, тов. Богданову и тов. Сыромолотову. До сих пор предполагавшегося диспута не состоялось.

Между тем отношение ученых специалистов к этому вопросу вполне определилось…

Несмотря на подобное отрицательное отношение к методу Тиберг-Талена ряда выдающихся специалистов-магнитологов, Особая комиссия тем не менее, желая сгладить остроту спора и сберечь время на более продуктивную работу, устранивши внутренние трения, пошла на серьезную уступку и приняла решение произвести рекогносцировочные исследования приборами Тиберг-Талена наряду с котелками де Колонга упрощенного типа. Весь наличный запас в Москве этих приборов, в количестве двух штук, отослан в Курскую губернию, и партии, работающие там на магнитометрической съемке, предписано произвести рекогносцировочные исследования этими приборами.

Казалось бы, подобное решение должно было внести успокоение в умы и прекратить бесполезные споры. Но дело вышло иное».

И далее в таком же спокойном тоне, в котором ни разу не мелькнула злобная или лично-враждебная нотка, излагаются прегрешения Кисельникова и самоуправство председателя Горного совета (и, между прочим, прямого начальника Губкина, который был его заместителем) Сыромолотова. «…тов. Сыромолотов совершенно не считается с комиссией и ее решение готов менять по своему произволу». В заключение Губкин ходатайствует о снятии с него обязанностей председателя ОККМА, но «это вовсе не означает, что я просто отказываюсь от работы. Если мои знания и мой опыт нужны будут для дальнейших работ по организации глубокого бурения и по другим сторонам всего дела исследования, не в качестве члена комиссии, а в качестве геолога и горного инженера по своей специальности, тогда я согласен».

Нужны ли его знания и его опыт для дальнейшего ведения работ? Кто в этом сомневался? Конечно, нужны! В отставке ему было отказано. А. может быть, пуще опыта и знаний (вообще

говоря, опыта непосредственного участия в железорудной разведке у него не было, он только сейчас его набирался; он жадно читал необходимую литературу), пуще знаний и опыта нужны были его прирожденное умение выделить и цепко ухватиться за главную суть проблемы, умение сбить вкруг себя людей, его научный оптимизм, трезвый, но соединенный с храбростью, а если нужно, и с риском, подход к решению любого вопроса… Нет, заменить Губкина на посту председателя ОККМА было некем! Кисельников и Ортенберг были из комиссии выведены, и уже 20 декабря на заседании магнитного отдела было заключено: «Наиболее благоприятным для заложения буровой скважины местом представляется район…» (следуют точные его географические координаты). Под протоколом подписи: П.П. Лазарев, А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов, А.Н. Ляпунов.

Подумать только, 20 декабря 1920 года в одной комнате собралось столько замечательных, выдающихся ученых, целое созвездие! Каждое имя — гордость русской науки. В этом тоже чрезвычайная заслуга Губкина и Лазарева, они сумели привлечь к работе ОККМА самых выдающихся ученых; просматривая сейчас архивные материалы, невольно останавливаешься на фамилиях: Ферсман, Шокальский, Шмидт, Стеклов…

Итак, место для буровой было выбрано без лишних проволочек.

Внутренние трения прекратились; отныне и до самого закрытия своего комиссия работала дружно и с ровным энтузиазмом. Но оставались недоброжелатели «внешние»; перечислить, сколько ударов снес Иван Михайлович, невозможно, сколько раз стучался в разные двери с просьбой помочь то оборудованием, то специалистами, то лошадьми, сколько раз писал в своем спокойно-убедительном тоне, образчик которого мы привели, прошения и жалобы… «Продвинуть это дело, у которого с самого начала оказалось врагов гораздо больше, чем друзей, протащить его через все препятствия молено было только при постоянной помощи Владимира Ильича. А препятствий было огромное количество, ибо работать приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях. То одного, то другого не хватало. Частенько приходилось беспокоить своими просьбами Ильича» (из воспоминаний Губкина о Ленине).

Зима прошла в волнениях, хлопотах и поисках. (Однако не будем забывать, что в это же время, кроме КМА, Губкин занимался и множеством других дел; вспомним, что мы сидим в кинозале, а перед нами пять экранов.) Весной 1921 года Иван Михайлович часто приезжает в городок Щигры Курской губернии; в четырех километрах к юго-западу от него началось

строительство вышки. Буровое оборудование везли из Грозного; мы уже знаем, что эшелону пришлось прорывать бандитскую засаду и были жертвы… Чуду подобно, как удалось раздобыть все необходимое. Паровой котел Губкин выпросил у директора винокуренного завода в шестидесяти верстах от Щигров; на телегу водрузить эту тяжесть было невозможно: пристроили полозья, в которые впрягли лошадей; тащили котел волоком несколько суток. Разжиться донецким углем, необходимым для электростанции, не удалось; вся его добыча была забронирована за железными дорогами; подмосковный уголь — штыб — оказался настолько скверного качества, что от него пришлось отказаться. Нашли в шестнадцати верстах болото, а в двадцати лесосеку; сговорились с крестьянами сушить торф и рубить дрова.

Возле вышки начали строить кочегарку, механическую мастерскую, электростанцию, склады и даже дома для рабочих. Вырыли колодец; потом оказалось, что воды в нем не хватает; стали углублять его до второго водного горизонта. Щигровские мещане приходили, удивлялись; воды-то как много… откуда ученые знали, что под первой водой — вторая… (когда-то давным-давно некий сельский учитель в деревне Жайской тоже удивлялся, почему это в разных колодцах вода на разном уровне…)

На Первом Всероссийском съезде по горной промышленности (8 — 15 ноября 1922 года) ответственный за глубокое бурение в районе Курской магнитной аномалии А.Я. Гиммельфарб сделал доклад, во время которого роздал сидящим в зале фотографии с надписанными на них датами. Вот фотография беспорядочной кучи досок и бревен… На другой — плотники разбирают бревна, на третьей — монтаж станка… В отчете записано: «Прилагаемые фотографии разных работ с указанием дат съемки дают ясное представление, с какой интенсивностью эти работы велись».

Действительно, в середине июня все было готово к бурению. Сейчас нелегко даже вообразить, с каким нетерпением оно ожидалось — друзьями и недругами, учеными и газетчиками, комсомольцами, учителями… «Щигры… Лозовка…» — было у всех на устах. (Лозовка — деревня, близ которой вытянулась буровая.) Многие приезжали туда, умоляли взять их на работу. Сравнительно недавно (12 апреля 1960 года) в газете «Белгородская правда» были опубликованы воспоминания старого рабочего Д. Ширинского:

«Весной 1921 года в ответ на призыв Владимира Ильича Ленина — «Интеллигенция — на производство» — я со своим товарищем, тоже учителем, Н.Н. Луневым направился в Щигры, где в это время развертывались работы по разведке Курской

магнитной аномалии. Возглавлял эту работу по поручению В.И. Ленина Иван Михайлович Губкин. Прибыв в деревню Лозовку, на окраине которой началось бурение первой скважины, мы обратились к И.М. Губкину с просьбой принять нас на работу в партию буровиков. Иван Михайлович тепло поговорил с нами, рассказал нам о важности разведывательных работ для народного хозяйства страны, подчеркнул, что они ведутся по личному указанию Владимира Ильича Ленина. Вначале по совету И.М. Губкина я был зачислен младшим рабочим по бурению. Уже через месяц меня перевели на должность старшего рабочего. А через два года мне было присвоено звание сменного мастера».

Бурение началось 22 июля. Через месяц (то есть тогда, когда Д. Ширинского повысили в должности) скважина углубилась в грунт всего на двадцать саженей. Торф из местного болота горел чадно и робко; электростанцию никак не удавалось запустить на полную мощность. Двигатель часто глох. Все сотрудники ОККМА нетерпеливо ждали возвращения Ивана Михайловича из Баку. Он вернулся поздней осенью… и опять отправился стучаться в двери, бродить по длинным коридорам ВСНХ, писать прошения и жалобы. Помогло. Добился. КМА отпустили уголь и нефть.

Это было чрезвычайно кстати, потому что с 20 по 22 ноября бушевал, по выражению Гиммельфарба, употребленному им в докладе, «ледяной шторм». Он разнес штабеля дров и торфа. Нечего было и думать собрать их до весны. Бурение не останавливалось, хотя и шло чрезвычайно медленно. Как-то в январе приехал Иван Михайлович в Лозовку — в шубе, в валенках; ввалился в контору, сдернул запотевшие очки… Не успел их протереть, вошел раздосадованный токарь. «Вот!» — протянул бригадиру напильник; на нем лохмотьями висела железная стружка. «Невозможно работать». Оказалось, с некоторых пор металлическая пыль и стружка прилипают к тискам, к напильникам. Мастерская отстояла от вышки метрах в двенадцати…

Иван Михайлович велел принести стертые долота. Их долго искали под снегом. «Теперь гвоздь, пожалуйста, — прошептал он нетерпеливо, почти грубо. — Быстрее!» Он заметно побледнел. Гвоздя под рукой не оказалось, ему подали гаечный ключ. Иван Михайлович медленно поднес его к долоту. Когда до него оставалось чуть больше сантиметра, ключ плавно скользнул и — припал к долоту.

«Долото намагнитилось!» Через неделю об этом говорила вся Москва. Писали в газетах. Губкин доложил Владимиру Ильичу. Чем глубже проникала в пласты скважина, тем сильнее намагничивалось долото. Весною оно притягивало железные

болванки весом до двух килограммов. На семьдесят второй сажени глубины бур уперся в необычайно твердую породу. Руда? Наэлектризованность в обществе достигла предела; недоброжелатели смолкли. Углубление скважины стало продвигаться еще медленнее; резцы тупились после часу работы. За сутки удавалось пробурить не более двух дюймов. Известно, как трудно творить художнику, когда вокруг толпятся зрители и бурно и самоуверенно судачат об эскизах, мазках и штрихах. Мне думается, что Губкин страдал от такого же примерно неудобства. Надо ли менять станок? Переходить с ударного вида бурения на вращательный? Об этом устно и даже печатно высказывались люди совершенно некомпетентные — все, кому, как говорится, не лень; тема вдруг стала модной. Губкин через Ломова добился присылки с Урала алмазобурового станка. 20 октября он был погружен в Екатеринбурге и 10 ноября прибыл в Щигры.

Достали пробу твердой породы. Это были кварциты, сильно пропитанные рудными пропластками пирита и магнитного железняка. Мощность кварцитов была небольшой; долото пробило их и вклинилось в пласт глины. Какое разочарование! Торжество недоброжелателей! Образцы глины отправили на анализ: в ней нашли палеофаунистические остатки рыб. Это породило массу шуток в Москве — чаще всего недобрых. К этому несчастному периоду относится анекдотический случай, рассказанный Губкиным в воспоминаниях: «…После этого в скважине снова появились мягкие породы: глины с рыбьими остатками, что повергло нас в большое уныние, а врагам нашим дало повод злорадствовать. Поколебался даже такой верный друг Курской аномалии, каким был и остается Г.М. Кржижановский. Встречает однажды он меня в Госплане и спрашивает: «Правда ли, что ты в КМА рыбу ловишь?» Я отвечаю: «Да, рыбу ловлю, а потом будем уху расхлебывать вместе».

Прямо скажем, если бы Губкин проиграл, уху ему пришлось бы хлебать весьма круто посоленную. Противники-то размахивали доводом извечно неотразимым: денег-то и так не хватает, и они нужны на дела реальные… Множество раз в своих воспоминаниях Губкин повторяет, что, если бы не поддержка Ленина, ему и всему ходу разведки пришлось бы худо. «Ильич был в курсе всех перипетий нашей работы, в курсе всех колебаний в нашем деле. Чтобы проверить сообщаемые нами факты, он поручил это дело расследовать т. Л.К. Мартенсу, который дал ему свое заключение. Вот что по этому поводу писал В.И. Ленин Г.М, Кржижановскому 6 апреля 1922 года:

«Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств в Курской губернии.

Если так, не надо ли весной уже — 1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?..

Дело это надо вести сугубо энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет…»

Сугубо энергично… Слова эти всегда потом вдохновляли Губкина и помогали не сдаваться в самые тяжелые минуты сражения.

Весной 1922 года Владимир Ильич посетил Физический институт, в котором директорствовал Лазарев. Повод к посещению был грустный: врачи настаивали на операции по извлечению пули, застрявшей в шее; она оставалась, не выйдя наружу, над ключицей в двух миллиметрах от жизненно важных сосудов и нервов — после покушения, совершенного на Ильича 30 августа 1918 года. Врачам нужен был рентгеновский снимок, а единственный приличный рентгеновский аппарат в Москве был у Лазарева. Владимир Ильич настоял, чтобы во время визита Петр Петрович непременно обстоятельно рассказал. ему о разведке аномалии.

«Выло условлено, — вспоминал нарком здравоохранения Н.А. Семашко, — что Лазарев сделает доклад не больше как на 20 минут, чтобы не утомлять Владимира Ильича, который уже тогда недомогал. Перед развешанной на стене картой с опознавательными значками мест бурения академик Лазарев начал доклад Владимиру Ильичу, но, увлекшись, говорил дольше 20 минут, и неизвестно было, когда он кончит. Я делаю ему устрашающие жесты и упрекающие гримасы, но он не останавливается.

Тогда я пытаюсь прервать доклад, но Владимир Ильич продолжает слушать с разгоревшимися глазами и после доклада засыпает академика Лазарева массой вопросов. Он просил тогда его сообщать ему ежедневно краткой рапортичкой о ходе работ и о нуждах, и с тех пор работы быстро двинулись вперед…»

Работы двинулись, но не так уж быстро, как хотелось бы…

Снова всплыло заглохшее было сомнение, справятся ли своими силами отечественные геологи, не лучше ли, не выгоднее ли сдать всю Курскую магнитную аномалию в концессию? Снова «некий Штейн» стал навещать Ивана Михайловича и развертывать перед ним соблазнительные сметы. В архиве ОККМА есть докладная записка «концессионера» (под названием этим скрывались германские промышленные круги, командировавшие в Москву Штейна) в Комитет по внешней торговле. В ней утверждается, что причина аномалии «по сие время неизвестна,

ибо те, которые говорят о близости магнита, в Курской губернии его не видали, а те, которые говорят о других причинах аномалии, причин этих ничем не доказали». Но, продолжает «концессионер», «нашлись известные заграничные предпринимательские круги, которые предлагают произвести глубокое бурение за свой собственный счет и риск». В конце документа находим характерное предостережение: «В заключение необходимо указать, что научные материалы проф. Лейста, которыми обладает концессионер, несомненно, сильнее вооружают его против всякого другого наблюдателя или разведчика, и с этой точки зрения владельцы этих материалов имеют больше всех шансов на удовлетворение своих домогательств».

Многие руководители советской промышленности (в их числе, например, Красин, так плодотворно помогавший на первых порах Лазареву) склонны были «удовлетворить домогательства». Губкин в своих воспоминаниях о Ленине уверяет: «Я отлично помню, что был уже выработан соответствующий проект договора. Помню, как я совместно с П.А, Красиковым просматривал этот договор один параграф за другим. Совет Труда и Обороны выделил особую комиссию под председательством Ленина, в составе Рыкова, Красикова и меня. В этой комиссии я, между прочим, указал, что мы, советские ученые, за полтора-два года далеко продвинули дело изучения Курской магнитной аномалии и что будет неправильным лишать нас возможности довести разведку до конца как раз в то время, когда мы недалеко от определения истинной причины аномалии. Если эта причина будет твердо установлена и будет доказано, что ею являются магнитные железные руды, можно снова поставить вопрос о сдаче разработок руд КМ А в концессию, тогда мы по крайней мере будем знать, что мы отдаем и какую нам следует просить за это компенсацию. А сдавать, не установив причины явления, — дело темное, все равно что продавать, как я выразился, кота в мешке. Эта точка зрения нашла у Владимира Ильича полную поддержку: он решил, что следует действительно со сдачей в концессию повременить и предоставить советским ученым довести дело разведки до конца, а потом в зависимости от результатов разведки вернуться снова к обсуждению вопроса о концессии. Переговоры о сдаче Курской аномалии в концессию были прекращены».

Любопытно, что аргумент «концессионера» и Губкина совпадает: оба свои желания, совершенно противоположные, мотивируют незнанием истинных причин аномалии. И оба, я думаю, прибегают к дипломатической уловке: оба не

сомневаются, что аномалия порождена железорудным месторождением. Штейн как бы говорит: «Смотрите, на какой риск идут известные промышленные круги, никто не знает, отчего аномалия, но мы готовы вам помочь». Губкин в этом неслышном диалоге отвечает: «Пусть не знаем, но именно поэтому невыгодно государству впускать вас». У Губкина тут задета оказалась научная гордость, чувство в высшей степени у него развитое. Он и помыслить не мог, что разведку, начатую им, закончит кто-то другой, тем более иностранец! Из протоколов заседаний ОККМА отлично явствует, что он нисколько не сомневался в настоящей причине аномалии.

Однако чтобы составить более полную ее картину, они с Лазаревым решили, что не худо бы провести наряду с измерениями величины магнитного поля измерения силы тяжести в районе; составить карту гравиметрического поля. Из этого простого желания вытекли важные последствия — и не только для курской разведки. Геофизические исследования, определения конфигурации подземных пластов, рудных тел по изменениям электрического, магнитного, сейсмического полей и поля силы тяжести тогда только еще начинали входить в мировую практику; геофизика еще не признавалась самостоятельной научной дисциплиной; в России же геофизические исследования почти не проводились. Губкин и Лазарев сильно поспособствовали развитию гравиметрии.

Как обычно, решено было пригласить самого выдающегося в этой области ученого; правило это строго соблюдалось в ОККМА, и, пожалуй, оно-то и привело к блестящему итогу при столь в общем скромных затратах и множестве противников. Владимир Андреевич Стеклов, вице-президент академии с 1919 по 1926 год — вот кто тогда, бесспорно, был величайшим знатоком методов математической физики. Удивления достойно, с какой охотой и бескорыстием откликались крупнейшие ученые на просьбы ОККМА. Стеклов немедленно телеграфировал о согласии; Губкин добился выдачи ему особого мандата за подписью Куйбышева: «Тов. Стеклову предоставляется право: а) бесплатной и внеочередной подачи телеграмм; б) внеочередного получения билетов и литер на всех станциях и пристанях и поездах в штабных, делегатских, отдельных и специального назначения вагонах и поездах всякого назначения».

Несмотря на предоставленные права, Владимира Андреевича именно на железной дороге ожидали огорчения (Губкину они были ох как знакомы, и; наверное, именно поэтому он и пошел за подписью к Куйбышеву):.

«Из общего доклада акад. Стеклова В.А. в Магнитную

комиссию о результатах работ гравитационного отряда Сев. района Курской магнитной аномалии. 30 сентября 1921 г.

Экспедиция, организованная в Петрограде при моем личном содействии, предполагала выехать к месту работ (в гор. Щигры Курской губ.) в половине июня 1921 г., рассчитывая производить работы в течение 3,5 месяца. Предполагалось исследовать в отношении силы тяжести часть сев. района Курск, маг. аном… с прибором Этвеша… Однако всевозможные задержки с выдачей необходимых кредитов, снаряжения и продовольствия задержали отправление экспедиции до 29-го июля. Дополнительные хлопоты в Москве, задержка с ремонтом классного вагона, который оказался в неисправности по прибытии в Москву; выполнение всевозможных формальностей по прицепке классного и товарного вагонов отчасти в Москве и в Курске позволили прибыть в Щигры только к 12 авг. с. г.».

Возглавлял гравиметрическую экспедицию профессор П.М. Никифоров; Стеклов сам тоже приехал в Щигры. Было сделано необходимое количество наблюдений вариометром Этвеша по параллели, пересекавшей скважину, и по меридиану, проходящему около деревни Бурамы. В следующем году Никифоров с отрядом опять приехал в Щигры и заснял более семи тысяч точек. Когда он вычертил контуры гравитационной аномалии, то стало видно, что она совпадает с магнитной; это было еще одно подтверждение того, что на севере Курской губернии лежит — и сравнительно неглубоко — громадное железорудное тело.

И скважина, наконец, воткнулась в него!

7 апреля 1923 года буровой инструмент скважины № 1 высверлил и поднял на поверхность образец железорудного кварцита; анализ показал, что в нем шестьдесят процентов магнетита (магнитный минерал железа). Неодолимая задача описать ликование, охватившее страну. Своего апогея оно достигло 9 июля, когда было обнародовано за подписью Калинина постановление ВЦИК:

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов награждает Особую комиссию по изысканию Курской магнитной аномалии орденом ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ — высшим знаком отличия, установленным для выдающихся работников на фронте труда… Трудовой подвиг ОККМА выразился в том, что ОККМА определила Курскую магнитную аномалию, добыв образцы пород.

Награждая в лице ОККМА настойчивость, энергию и

ревностное исполнение долга, Рабоче-Крестьянское правительство ставит деятельность эту в пример другим работникам на обширном поприще народного хозяйства Республики, дабы ряды сознательных самоотверженных борцов за великое дело укрепления и развития коммунистического строя ширились и множив лись с каждым днем».

Отозвался на курскую победу В.В. Маяковский. В «ЛЕФе», 1923, № 4 (с посвящением Л. Ю. Б. — Лиле Юрьевне Брик) он напечатал стихотворение — гимн «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского». Губкин упоминает о стихотворении несколько раз в своих трудах. В особенности нравился ему конец; да и мог ли не нравиться?

Двери в славу —
двери узкие,
но как бы ни были они узки,
навсегда войдете
вы,
кто в Курске
добывал
железные куски.

Поэт внимательно следил за вестями из Курска; даже такие сугубо, кажется, технические детали, как искрошение долот и переход с ударного бурения на вращательное с алмазными коронками нашли своеобразное отражение в его гимне; впрочем, это показатель жадного интереса, который проявляла к курской разведке советская общественность.

Стальной бурав
о землю ломался.
Сиди,
оттачивай,
правь —
и снова
земли атакуется масса,
и снова
иззубрен бурав.
И снова —
ухнем!

И снова —
ура! —
в расселинах каменных масс.
Стальной
сменял
алмазный бурав,
и снова
ломался алмаз.
И когда
казалось —
правь надеждам тризну,
из-под Курска
прямо в нас
настоящею
земной любовью брызнул
будущего приоткрытый
глаз.
Пусть
разводят
скептики
унынье сычье:
нынче, мол, не взять
и далеко лежит.
Если б
коммунизму
жить
осталось
только нынче,
мы
вообще бы
перестали жить.

В последних строчках поэт своеобразно откликнулся на экономическую дискуссию, бушевавшую вокруг КМА и наибольшей остроты достигшую несколько позже, в двадцать пятом — двадцать шестом годах.

Но о ней в главе 50.

Глава 43

Экран «Баку». Как вырабатывают в себе качества борца. Анализ почерка и фотографий. Судьба поселков. Письма к В.И.

Губкиной. Слепой инженер Потоцкий. Долота, насосы, авиасъемка и рациональная система.

Благословенна сладость научной победы! Втройне благословенна, если одержана не над одной бездушной природой, кол, по меткому замечанию Эйнштейна, хитра, но не злонамеренна, а и над косностью людской, завистью, которая не всегда бывает хитра; но почти всегда злонамеренна. Губкин имел полнейшее право торжествовать: вопреки хуле, упрекам, неверию и обидным насмешкам (одно время между злопыхателями прошмыгнула следующая «острота», попавшая каким-то образом в документы ОККМА: «Знаете, Губкин-то с Лазаревым обнаружили под Курском залежь двутавровых балок!..»), вопреки ажиотажу, не способствовавшему нормальной работе, тайна аномалии была раскрыта и было доказано, что причина ее та самая, ради которой и стоило биться над раскрытием тайны: железная руда!

Должно быть, читатель уже приметил, что Губкин как бы втянут в войну, он постоянно наносит удары, парирует их, атакует, защищается: да, характернейшая черта последнего двадцатилетия его жизни — это борьба. Борьба с маловерами и иноверцами, тихоходами, сонями — схватки, стычки, дискуссии…

Губкин получал чувствительные удары — и бил наотмашь, обману не было, после драки бока ныли, и ярость клокотала неподдельная; если и сваливались противники замертво и уносили их навсегда с арены борьбы, он все равно вспоминал о них с возмущением (таковы печатные его отзывы о Кисельникове, об Ортенберге, о Стришове…).

Лексика некоторых его статей насыщена военными терминами. А его фотографии последних лет! На иных лицо его дышит упоением битвы. Ни одного выпада противника, который он оставил бы без ответа! Очень точно он о себе сказал, что чувствовал себя «хозяином в науке»; вглядитесь в его фото: это лицо ученого и хозяина — волевого, властного и распорядительного. Лишь когда он снимал очки, глаза смотрели устало и растерянно…

(Небезынтересно, наверное, изучить в связи с этим почерк Губкина: он менялся на протяжении жизни. Письма к Нине Павловне исполнены красивой старательной и косой скорописью. Рукописи 30-х годов написаны прямым почерком, чаще — мелким; листки в бесчисленных блокнотах набиты буквами до отказа; буквы роятся, как трудолюбивые пчелы в улье; вместе с тем в плотных и прямых строчках есть что-то самоутвердившееся.)

В тягость ли была ему борьба? Или в радость? О, Губкин был

не из робкого десятка, даже ранние статьи его, посвященные проблемам образования, дерзки, запальчивы. Ведомы и ему были минуты слабости (в одну из них написана вышеприведенная просьба об отставке, оставленная без внимания). И все-таки, думаю, — в радость. Он вел самые ответственные, жизненно важные для страны изыскания — какой уж тут покой… Каждый рубль был на пристальном счету, и в критической рецензии на изыскания можно было напороться на фразу, что, дескать, расточительно тратить народные деньги на проблематичные поиски… Кроме того, тяжеленную работу приходилось (на первых в особенности порах) делать с людьми, зачастую чуждыми ему. Свои-то ученики, губкинцы, только еще подрастали — в Московской горной академии, ректором которой он стал в 1922 году.

В конце концов это даже трудно объяснить: что-то было в Губкине такое, что в него поверили, к нему потянулись сотни и тысячи рядовых геологов: авторитет его утвердился сразу и высоко. К нему приезжали и писали отовсюду; буквально ни одно в нефтяном деле предприятие не затевалось без горячего его участия. В особенности это касается Баку. «Баку давно стал моим родным городом», — признавался он.

У Варвары Ивановны Губкиной хранится письмо его, опущенное в Баку 1 мая 1927 года. (Всего у Варвары Ивановны более 90 писем Ивана Михайловича. Спешу воспользоваться возможностью поблагодарить Варвару Ивановну за предоставленный доступ к ним. Даже находясь на вершине славы, Губкин никогда не писал письма с оглядкой на возможное обнародование их в будущем… Письма по-настоящему интимны, и еще не приспело время появиться им в печати.)

В послании от 1 мая каждая строчка дышит благоговейным восхищением Баку. Утро. «Все ушли на демонстрацию… Ласковое весеннее солнце заливает южным светом… Склоны гор зеленеют, пестреют маки. Потом все будет выжжено неумолимым бакинским солнцем… Так открылся мой летний сезон…»

Вечером вместе с Бариновым (управляющим Азнефти, сменившим на этом посту Серебровского) Иван Михайлович гулял по городу, любовался иллюминацией. «Изумительное волшебное зрелище! Миллионы разноцветных огней». Поднялись на гору «возле армянского кладбища» (излюбленное место Ивана Михайловича). Отсюда город «как подкова. Темное бархатное море. Масло в плошечках: огни». Прошлись по бульвару вдоль моря. «Теперь его расширили раза в три против прежнего».

Письмо, как и большинство адресованных Варваре Ивановне, очень подробное и длинное. В дороге скучал. «Я в дороге, как

тебе известно, знакомиться не люблю». В Баку попал 24 апреля. На вокзале встречал Константин Иванович Рябинин (это известный геолог. Надо сказать, что после революции Иван Михайлович подружился — опять же «сразу» — со всеми светилами геологической науки). Остановился в гостинице «Европа». Читал «Лебединую песню». Голсуорси на английском языке. Съездил в Кара-Чохур (поселок южнее Сураханов). 26 апреля в Черном городе приключился пожар: загорелась нефть в канаве…

Иван Михайлович навещал Азербайджан ежегодно — обычно весной, начиная «свой полевой сезон». Месяца два ездил по промыслам, где знакома ему была каждая скважина, по холмам, уходил на катере в море исследовать острова Бакинского архипелага… Как же было не полюбить ему этот край, не считать его родным, когда даже облик его менялся под непосредственным его, Губкина, воздействием. В апреле 1930 года Иван Михайлович составлял долгосрочный научный план развития азербайджанской нефтяной промышленности, и с этой целью вновь объездил все месторождения и разведанные площади. «Вместе со мною в работе принимал деятельное участие известный знаток Бакинского района проф. Д.В. Голубятников».

«Основным методом нашей работы являлось непосредственное ознакомление с разведочными работами на местах и обсуждение наиболее злободневных вопросов в промысловых геологоразведочных бюро совместно с их представителями и руководителями». Несомненно, частые (и всегда довольно бурные) обсуждения «на местах» затягивали составление научного плана; все же Губкин представил его в том же году для анализа совещанию инженерно-технических работников Азнефти. План давным-давно осуществлен, и сейчас интересно читать, как решались судьбы старых поселений и планировался нынешний облик республики. «Голубятников и я присоединились к тому мнению, что сел. Балаханы в настоящее время подлежит сносу, так как под ними имеется площадь с совершенно доказанной нефтеносностью… Балаханы окружены со всех сторон площадями с доказанной нефтеносностью… Что касается Романов, мы считали возможным снести только крайнюю юго-западную часть селения, которая уже в настоящее время представляется вполне благонадежной площадью».

«Вопрос о засыпке бухты решен в положительном смысле: к засыпке надо приступать немедленно». Тут речь идет об осушении части моря, начатом еще зимой 1921 года под руководством слепого инженера Павла Николаевича Потоцкого: трудовой эпизод редкого величия, «…мне рассказывают нечто

легендарное об инженере Потоцком, — восторгался Горький, — который совершенно ослеп, но так хорошо знает Биби-Эйбат, что безошибочно указывает на карте места работ и точки, откуда следует начать новые работы». (Потомок древнего дворянского рода, прославленного при Петре и Мазепе, сын профессора Михайловской академии Павел Николаевич остался после прихода красных в Баку и под воздействием Кирова и Серебровского взялся распоряжаться технически очень сложной засыпкой залива Биби-Эйбат, на дне которого геологи обнаружили нефть. Тогда морское бурение на сваях было еще не освоено, приходилось в прямом смысле слова отвоевывать у моря нефтеносные участки. Одним из первых в нашей стране Потоцкий был награжден орденом Ленина.)

Нисколько не скрывает Иван Михайлович своих разногласий с Голубятниковым, возникавших по ходу совместной поездки и составления плана. Он посвящает в них участников совещания, частенько даже приглашая их взять на себя роль третейских судей. «Здесь мы с Голубятниковым скрестили шпаги. В протоколе имеется особое мнение Губкина и особое мнение Голубятникова, и Азнефти приходится решать самой, к какому мнению ей присоединиться…» «По поводу разведки этих куполов у нас с проф. Голубятниковым опять вышел большой спор…» Демократичность подобного рода обсуждений ясна, и, может быть, она-то больше чего другого способствовала поддержанию авторитета «нефтяного комиссара» среди рядовых техников.

В архиве Азнефти немало материалов, свидетельствующих, что связь Губкина с Баку не прерывалась ни на день даже тогда, когда он уезжал в Москву или в нефтеносные районы страны. Еще до революции выдвинул Иван Михайлович необходимость создания в Азербайджане научного центра по изучению нефти; теперь такой центр возник — Азербайджанский филиал Академии наук; во главе его стал Губкин. В архиве есть любопытный документ: договор Азнефти с Московской горной академией (в лице Ивана Михайловича) о Производстве геологоразведочных и топографических работ на юго-западе Апшеронского полуострова и составлении пятилетнего плана (от 1 октября 1925 г.). Тем этот документ любопытен, что фиксирует появление избыточной, не предусмотренной сметой и штатами производственной единицы: обычная уловка Ивана Михайловича, когда под рукой не хватало организационных форм для того, чтобы по локоть влезть в захватившую его проблему. Так, несколько позже создал он при Московском отделении Геолкома, которым заведовал, комиссию по поискам уральской нефти: она должна была собрать и обобщить все сведения 6 жидких углеводородах Заволжья. «Какое

отношение уральская нефть имеет к Московскому отделению?» — возмутился Геолком. Комиссию прикрыли, однако в кабинете Ивана Михайловича скопилось несколько десятков толстых папок, перевязанных тесемочками…

В письме от 4 июня 1923 года на имя Серебровского Губкин настоятельно советует продолжать опыты по установке глубинного насоса. Это приспособление позволяет эффективно извлекать на поверхность нефть. При Губкине Азербайджан превратился в своеобразный испытательный полигон новейшей техники. Иван Михайлович активно и радостно поддерживал Матвея Капелюшникова, изобретавшего турбобур. В 1923 году Капелюшников предложил первый его вариант, испытанный через два года в Хоросанах; еще через два года испытания были перенесены в Сураханы и прошли успешно. В 1928 году на промыслах работало уже восемнадцать станков турбинного бурения, в 1930-м — тридцать. Забойный двигатель для вращательного бурения — первый в мире — был создан в Баку.

На примере разведки КМА Губкин убедился, как много могут помочь геофизические методы «просвечивания» земных недр (сейчас это аксиома, тогда приходилось доказывать и «пробивать»).

Поэтому и в АзССР он всячески поощрял каротаж скважин, гравиметрию и аэрогеофизику. (В 1923 году инженер С.Р. Зубер — тоже один из первых в мире — произвел с аэроплана фотосъемку. Он летал над островами Бакинского архипелага.)

Изучив старые месторождения Азербайджана, Губкин доказал, что они далеко еще не раскрыты до конца (он выражался так: «Мы до самого дна их еще не докопались»). Им составлены были проекты глубокого бурения — до 1,5–2 тысяч метров. Проекты, обдуманные всесторонне и расчетливо: как всегда, у Губкина ни одна из скважин, заложенных по его расчетам, не промахнулась. В Ленинском районе была установлена нефтеносность кирмакинской и подкирмакинской свит, в Сураханах — горизонты V-в и V-1, на Биби-Эйбате XVI пласт и свита XVI пласта и т. д. Профессор Лисичкин отмечает как образец дальновидности и рачительности то, что «Губкин предлагал вовлекать в эксплуатацию малодебитные скважины, которые из-за недостатка оборудования были заброшены (а таких скважин было много). Эти скважины могли давать от 1,5 до 5 тонн в сутки нефти. Он считал также необходимым имевшиеся семьсот скважин в Азнефти, заброшенные по тем или иным причинам, тоже вовлечь в работу. По его расчетам, они могли давать в год до 1,8 миллиона тонн нефти. Кроме того, он предлагал добурить незаконченные скважины, что проще и дешевле, чем бурение

новых скважин».

Приезд Губкина всегда был для бакинцев большим событием; его ждали. К нему приурочивали совещания, разбор новых карт, утверждение отчетов и другие важные дела. «Вот уж Губкин приедет, тогда…» Останавливался Иван Михайлович в гостинице «Новая Европа», извлекал из чемодана толстовку, панамку и краги… По вечерам в номере собирались инженеры. А целыми днями он пропадал в поле. Почти каждый год вступало в эксплуатацию новое месторождение… Кара-Чухур, Зых, Лок-Батан…

Губкин приезжал каждый год, последний раз в конце 1937-го. И каждый год находил что-нибудь такое, что радовало его. А гостеприимные бакинцы, жадно вглядываясь в лицо его, всякий раз находили повод для огорчения, которое, конечно, вовсе не собирались скрывать: «Дорогой, что такое?.. Иван Михайлович!.. Почему седина? Почему мешки под глазами? Ай!.. Слушай, совсем переезжай Баку, мы тебе дворец поставим!»

Когда он уезжал, всем становилось грустно.
Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы…

Глава 44

Экран «Баку» (продолжение). О том, что и во взаимоотношениях с бакинцами не все всегда было гладко…

Однако не со всеми бакинскими нефтяниками складывались такие идиллические отношения, какие описаны в предыдущей главе. В 1933 году инженер Мирчинк, впоследствии выросший в крупного специалиста, опубликовал «свою» геологическую карту Апшерона. Трактовка им глубинного строения полуострова во многом расходилась с трактовкой Губкина. Некоторые слои, наличие которых установил Иван Михайлович, были на карте вообще «пропущены», отчего геологическая картина получилась искаженной. Веских доказательств, могущих подтвердить его

правоту, Мирчинк не представил. Оказалось нарушенным «авторское право» Губкина: никто не вправе «зачеркивать» на карте пласт или даже давать ему другое название (так же, как никто не имеет права менять название звезды или минерала).

Иван Михайлович писал своему другу:

«15. V — 1933 г. Не согласен… с Вашим восхищением пятиверстной геологической картой. Вся моя научная компетенция и моя научная совесть горячо протестуют против нее в той части, где Вы принимаете номенклатуру и определение возрастов Мирчинка. Меня удивляет поголовный психоз, который охватил все, даже наиболее светлые головы, бакинских геологов. Как это поддались научному влиянию столь легкомысленного и неряшливого научного исследователя… Если бы Вы и Ваши товарищи внимательнее проштудировали мои работы и их выводы сравнили с тем, что пишет Мирчинк и К°, то Вам стала бы ясна вся нечистоплотность, с которою они оперируют в деле научного исследования. Прочитайте мои работы и посмотрите на Вашу карту… Куда же вы девали мои орбитоидовые слои[14], куда вы девали мою юнусдагскую свиту… А вот те, которые систематически и упорно борются против моих взглядов, борются не во имя истины, а по причинам иного порядка, а Вас делают невольным участником в этой борьбе, — эти лица отлично знают, что они творят и для кого они творят… Выходит, что нашлись счастливчики, которые, что называется, с одного удара молотка нашли и иноцерамов и орбитоид[15], определяющих меловой возраст ильхи-дага… Приехал на два часа — и сразу нашел такое количество данных, что можно топить материки или воздымать горы, устанавливать фазы тектонических движений, менять историю Земли в пределах миллионов лет».

В конце письма (мы приводим из него лишь выдержки) содержится энергичный, даже гневный отказ от какого бы то ни было публичного обсуждения. Иван Михайлович считал действия Мирчинка настолько недопустимыми с точки зрения научной этики, что полемикою с ним он бы себя только унизил.

Как видим, не со всеми бакинскими геологами складывались дружеские отношения. Даже с Серебровским случалось Губкину крепко схватываться. В письме к Варваре Ивановне (в августе 1927 года) Губкин сетует на размолвку и на тон, которым Александр Павлович изъяснялся: «Откуда такая злоба против меня? Я к нему всегда относился удивительно хорошо».

Глава 45

Экран «Педагогическая деятельность». Московская горная

академия.

Ее распустили в 1930 году: давно уж под одной крышей самостоятельно и мало между собой связанно обитало несколько институтов; они теперь обрели формальную самостоятельность. Одним из выделившихся институтов был нефтяной. Специальным указом ему присвоили имя его директора; в те времена такое было не редкость. Без всякого преувеличения: директор создал его сам, «своими руками»; да и один ли только этот? А Грозненский нефтяной? А Азербайджанский? Оба они тоже носят имя Губкина.

Многих удивляла страстная привязанность его к «своей» Горной академии; он ведь и жил в ней, а обязанности ректора почитал за наиответственнейшие. Многих удивила слава Губкина-лектора; кое-кто считал, что она раздута искусственно, и, чтобы убедиться в сем, тайком пробирался в аудиторию. Покидали они ее, как правило, потрясенные. Губкин читал неповторимо; по-видимому, это наиболее подходящий эпитет. Он читал ни на кого не похоже и не повторяясь. Искали объяснения этому. Как и во всех других случаях, легче всего (и ведь вполне правдоподобно!) успех приписывать трудолюбию. Говорили: «Иван Михайлович перед каждой лекцией по три часа над конспектом просиживает, обложившись книгами на трех языках и ни с кем словом не перемолвившись».

Все так и было…

Он выходил к доске быстрым шагом, но говорить начинал неторопливо, со старательной внятностью и строго. Дело в том, что он знал: стоит ему увлечься — начнет сильно окать, грузно жестикулировать, а он этого стеснялся. Он стеснялся некоторых своих простонародных привычек, от которых не мог отделаться, например, в смущении быстро-быстро и лукаво тер указательным пальцем нос. Через минуту забывал все на свете: и окал, и размахивал руками, и нос теребил! Он шагал между доской и партой, неожиданно умолкал: «Понятно? Нет, ответьте мне, не задумываясь, интересно?» — спрашивал в тревоге.

Он импровизировал; неожиданные для него самого сопоставления и ассоциации возникали в мозгу его; он кидался к доске, спешил начертить разрезы; мелок шумно крошился. Новости, узнанные накануне в главке, статья в свежем номере научного журнала — все вплеталось в лекцию и обогащало ее. Он творил на лету; это становилось слушателям все яснее и захватывало их; кто знает, может быть, немало идей родилось У него именно во время чтения лекций. Таково было своеобразное свойство его мышления, и оно делало лекции необычайно

интересными.

Общеизвестен следующий эпизод (должно быть, уникальный в мировой науке, даже курьезный по-своему). Профессор А.Д. Архангельский работал с Иваном Михайловичем в ОККМА. Губкин склонил его заняться проблемами нефти. Тот согласился и, чтобы поближе познакомиться с предметом, посетил аудиторию Горной академии, когда в ней царил Губкин. Он был так захвачен рассказом, что на следующую лекцию привел всех своих ассистентов, аспирантов и лаборантов. И вся эта шумная компания появлялась на каждой лекции, почтительно конспектировала и прослушала весь годичный курс!

(Разумеется, тут сказалась и неподдельная скромность Андрея Дмитриевича: вскорости он был выбран академиком! По нефти он потом действительно представил несколько оригинальных монографий; дружба Губкина и Архангельского никогда ничем не омрачалась. В далекой молодости Андрей Дмитриевич был отлучен за вольнодумие от университета, и случись же так: попал гувернером в Ясную Поляну, в семью Льва Николаевича Толстого. В дневнике Софьи Андреевны упоминается Архангельский. Год в Ясной Поляне наложил отпечаток на всю жизнь его. Он был интеллигент до мозга костей, незлобив, несуетлив. Иногда Губкин и Архангельский совершали совместные геологические поездки.)

Губкин занимался подолгу, готовясь к лекции: это удостоверено многими. Если бы он просто подновлял свои записи или — того хуже — затверживал бы их, едва ли бы он чем особенным отличался от многих прочих толковых и красноречивых преподавателей. В том-то дело и заключалось, что тема предстоящего выступления перед студентами была для него только поводом углубленно поразмыслить над новым материалом, над евежими, еще не объясненными фактами мировой разведки и мировой научной мысли; год от году тема каждой лекции обрастала новейшими данными, так что в конце концов в уме и в бумагах Ивана Михайловича накопился громадный материал, и, обработав его, он издал на сорока печатных листах книгу «Учение о нефти». Она была признана классической сразу по выходе из типографии.

Это свод знаний, накопленных по нефти к тому времени (1932 год; второе издание вышло в 1937 году). Читатель помнит, что еще в 1916 году Губкин попытался впервые свести воедино знания о жидких углеводородах (статья «Нефть»), Теперь Давний замысел осуществлен капитально. Все теории, все, что уже истолковано научной мыслью, и то, что еще остается для нее загадкой, — все нашло место в этой книге. Язык ее прост,

изложение подкупает объективностью, глубиной и основательностью. Тираж разошелся быстро. «Учение о нефти» стало настольной книгой нефтяников.

На первый взгляд: разбрасывался человек! Он и лекции читает, и железо ищет, и нефть ищет, и книжки пишет, и руководит Геолуправлением, а это, известно, административная работа: приказы, поручения, летучки, совещания… Но жадно мозг его отовсюду черпает знания и впечатления, ничто не может приостановить его работу — ни усталость, ни обидная реплика, ни разговоры о постороннем. Кропотливая подготовка к лекциям лишь способствовала этой работе.

Кроме того, он еще и потому так привязался к «своей» Горной, что просто-напросто, как всякий большой ученый, нуждался в учениках! Ему нужны были ученики, которые понимали бы его, понимали его замыслы и пособляли в их осуществлении! И ученики подрастали. Разъезжались во все стороны Союза и отовсюду слали письма, образцы пород, и у Губкина устанавливалась самая непосредственная и живая связь с отдаленными уголками страны.

Горная академия размещалась в здании бывшей мещанской гимназии на Калужской площади.

Губкин добывал пробирки, шкафы, столы, глобусы, микроскопы.

«В годы гражданской войны у нас… порвалась преемственность в подготовке научных кадров», — сетовал он.

Его занимали и вопросы педагогического воспитания в высшей школе, он посвятил им статью «Подготовка научных кадров», вошедшую в посмертный двухтомник «Избранное».

Подрастали его ученики! М.М. Чарыгин вскоре стал помогать ему в исследованиях, проводимых на Кавказе (впоследствии директор института имени Губкина, ныне профессор этого института). М.И. Варенцов и С.Ф. Федоров теперь члены-корреспонденты Академии наук. А.А. Блохин, обессмертивший свое имя открытием Ишимбаевского месторождения и похороненный там…

Когда Горной исполнилось пять лет, редакция «Правды» попросила ректора написать о ней. Заметка появилась 12 февраля 1924 года.

В ней Губкин писал, что его многое радует в академии. Радует, что учатся в ней крестьянские и рабочие парни. Что удалось сколотить довольно крепкий профессорский состав. Что с оборудованием все легче.

И одно только печалит его: что не может рассказать обо всем этом Ленину.

Владимира Ильича уже не было в живых…

Глава 46

Экран «Педагогическая деятельность» (продолжение). Губкин навещает своих питомцев в поле. А заодно и о том, как и куда он ездил в последние двадцать лет.

Покидая с дипломами в руках Горную академию, питомцы Губкина получали от него специальные задания.

Теперь во всех концах страны работали «свои».

В связи с этим другими по характеру стали ежегодные экспедиционные поездки Ивана Михайловича.

Теперь чуть не вся громадная страна стала единым громадным геологическим хозяйством — его хозяйством, которое он досконально знал.

Рассказывают (в это трудно поверить), что покажут ему, бывало, в шутку обломок керна; повертев в пальцах, безошибочно угадывал, откуда, с какого месторождения, какой скважины. Скорее всего это легенда.

Но характерная. Неоднократно в нашем повествовании упомянутая способность его мозга жадно и безгранично впитывать геологические впечатления особенно обострялась во время поездок. Он исписывал блокноты подробнейшими описаниями разрезов скважин, обнажений, канав, хотя мог бы попросить копии коллекторских документов; вероятно, это как-то влияло на процесс творчества. (Блокнотные записи сделаны так добросовестно и полно, что, если бы их можно было опубликовать, они послужили бы неплохим учебным материалом для студентов и начинающих геологов.)

Вот он сидит у окошка — в поезде ли, в машине. Наблюдает. Движение помогает ему соединить в картину разрозненные впечатления. В блокноте появляются записи. Складка… Известковый пласт… Подъезжая к станции такой-то, видел песчаные наносы…

Таких записей много.

Во время поездок он проверяет, как бывшие ученики выполняют его задания.

«31.7 — 1928. Поездка к М.М. Чарыгину… Заезжал на место расположения Жедихской скважины… Встреча с Чарыгиным. Ознакомился с тем, что он сделал. Поездка на буровую скважину… Встреча с Баренцевым…» (Из дневника, хранящегося в Архиве АН СССР.)

Иногда он прихватывает учеников с собой, везет на дальний участок, заставляет работать, придирчиво смотрит,

«Миша Варенцов — мой зам и пом, уже почти настоящий геолог. Великолепный наблюдатель. Фауну отроет и там, где ее десять человек не сыщут…» (Из письма Варваре Ивановне от 25.7 — 1929.)

Экспедиции с бытовой стороны мало чем отличались от дореволюционных. Ночи в палатках и под открытым небом, мучительные переходы верхом или пешком… Зной и дожди, переправы вброд, лазание по кручам…

«Июль 1927. Просыпаюсь около 6 утра. …К буровым отправляюсь или на машине, или на извозчике… Возвращаюсь домой поздно вечером усталый, запыленный и голодный… Я измучен этим образом жизни, постоянной работой без отдыха… Душно и жарко до кошмара…» (Из Керчи — В.И. Губкиной.)

«22 августа 1928 г. Исследовал Терский хребет… Ехали верхом… Раз тридцать переезжали вброд речку… Спускались на крупах, как на салазках. Я боялся, что ветка заденет за очки, и тогда пропадай моя головушка». (Из письма В.И. Губкиной.)

Эти головоломные кульбиты совершает пятидесятишестилетний ученый с мировым именем!

«25 июня 1928 года. Ночевка без воды и хлеба в пустынной местности. Вода из радиатора».

Ни именем своим, ни возрастом, ни ученым званием Иван Михайлович не пытался огородиться от невзгод, выпадавших в те годы на долю «командированного». О том, что подчас это могло приводить к ситуациям трагикомического характера, свидетельствует запись в дневнике.

«1929. 27/VI — четверг.

…В Славянске с нами произошел неприятный инцидент. Мы остановились около столовой на набережной. Шофер, желая избавиться от мальчишек, поставил машину на панель поближе к дверям столовой, чтобы можно было лучше за нею смотреть во время обеда.

Пришел милицейский чин, потребовал увода машины в другое место, что шофер беспрекословно сделал. Однако это не удовлетворило грозного чина. Он потребовал, чтобы мы пошли в милицию. Так как я стремился защитить и хоть немного оправдать шофера, то из свидетеля попал в обвиняемые. Милиция составила на меня, несмотря на все мои протесты, протокол. Не на шофера, который поставил машину, а на меня, на пассажира. Никакие резоны не были приняты во внимание. Милицейские были пьяны. Продержали в милиции нас около часу. Благодаря чему мы на Тамань не доехали, а принуждены были остановиться

на ночлег в… (название пункта неразборчиво. — Я. К.)».

Академик в милиции! Зная аккуратность Ивана Михайловича в обращении с документами, можно не сомневаться, что синяя книжица действительного члена АН СССР, выданная 5 декабря 1928 года, была при нем. Стоило показать ее, и не в меру ретивые «чины» мигом бы угомонились! Но по рассеянности или из принципа Иван Михайлович не сделал этого.

Злоключения в день 27 июня 1929 года на этом не кончились! Добравшись до пункта с неразобранным названием, усталые и огорченные путники пожелали, естественно, получить в гостинице номер. Свободные есть номера, ответила им регистраторша, однако выписать талон нельзя без разрешения заведующего. Так уж у них принято. Таково распоряжение начальства. И еще больше огорченные и вконец уже измотанные путники сели в машину и отправились по неосвещенным улицам искать заведующего гостиницей! И нашли-таки. Посадили в машину, привезли в гостиницу и, наконец, получили талоны.

После этого они вспомнили, что в Славянске из-за ретивых «чинов» им гак и не удалось пообедать. Хорошо бы хоть поужинать! Пошли в столовую. Губкин записывает: «В кооперативной столовой зеленый ужас… Бегает одна барышня. Посетителей уйма. Все стучат, кричат… Барышня злится».

И в заключение — в номере, куда добрался уже полуживой, к тому же страдая изжогой и жаждой от столовских макарон, едва улегся — на него набросились клопы!

Так путешествовал всемирно знаменитый ученый!

И ничто — ни усталость, ни дорожные невзгоды, ни болезни не мешали ему наблюдать, сопоставлять, производить свою громадную внутреннюю работу — и не одну внутреннюю: а частые совещания с местными буровиками и геологами? А составление заданий и планов целым экспедициям?

Он любил, когда в маршрутах его сопровождали местные ученые. Иногда сопровождали и ученые из столицы. Так, в изучении Ярыма помогал Архангельский, и Иван Михайлович не без юмора сообщал Варваре Ивановне, что тот «моря боится и не переносит». Геологам понятно, в чем тут соль, а негеологам открою: Андрей Дмитриевич — автор блестящей монографии о Черном море, переведенной на европейские языки.

Программа летнего полевого сезона всегда бывала очень напряженной. Попав в район, Иван Михайлович стремился посмотреть все скважины и все разведочные площади.

На летний сезон 1934 года, к примеру, Иван Михайлович запланировал маршруты по трем крупнейшим регионам. Начал сезон поэтому необычно рано: 15 марта уже был на Апшероне. В

апреле пересек на небольшой шхуне Каспийское море и высадился в Красноводске. Челекен. Небит-Даг. Ашхабад. Поездки в нефтеперспективные участки пустыни Каракумы. Оттуда перебрался в Ферганскую долину.

(Несколько раз Иван Михайлович посещал среднеазиатские разведки. Маршруты в 1934 году были самыми плодотворными. Среди узбекских нефтяников царил тогда сильный разнобой во взглядах. Сторонники Калицкого уверяли, что проходка по вертикали не имеет смысла, что перспективна лишь горизонтальная разведка. Губкин наметил несколько объектов обследования. Везде были получены фонтаны нефти. Невероятно, как говорится, но факт; он обосновал и предсказал богатство территории, куда входит крупнейшее газовое месторождение Газли. О.А. Рыжков и Ю.Н. Зуев посвятили специальную статью роли Губкина в развитии нефтяной геологии Узбекистана. Они пишут: «Давая высокую оценку перспективам нефтеносности и рекомендуя под разведку территорию, куда входят Газлинское месторождение, месторождения Каганской группы и другие, И.М. Губкин проявил гениальные способности в раскрытии тайников земной коры. Он высоко оценивал перспективы нефтеносности Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской впадин, юго-западного погружения Гиссара». Указанные последние три района начали толком разведываться лишь недавно; и разведка опять же подтвердила губкинские высокие оценки.)

Судя по письмам, адресованным Варваре Ивановне, Иван Михайлович вскоре после возвращения из Средней Азии уехал в Курск.

Оттуда путь его лежал в Стерлитамак.

Вместе с Блохиным он объездил разведки Второго Баку.

Итак, три крупнейших и чрезвычайно в геологическом отношении запутанных региона успел за один полевой сезон осмотреть Иван Михайлович. И программа 1934 года не исключение: также насыщены и напряжены все путешествия. Тысячи километров, изучение сотен геологических пунктов и скважин, встречи с десятками людей, производственные совещания в трестах и экспедициях, рекомендации, споры, просьбы… «Ускорить: столбы, арматура. По линии геологической — поляризационные микроскопы, лупы — нехватка этих предметов. Строительство пристани против Пирсагата…» — запись 23 марта 1934 года; сделана во время совещания в Азнефти. Подобных — бесчисленное множество в его путевых дневниках.

Нужно сказать в этой главе о заграничных поездках.

О первой читатель не забыл: Америка, 1917.

Вторая: 1928 год, Лондон, Международная топливная конференция.

Третья: 1933, Вашингтон, XVI геологический конгресс.

Четвертая: 1936, Женева, Конгресс защитников мира.

Губкин первый советский ученый, которому советская наука предоставила право произнести слово в защиту мира.

На геологическом же конгрессе Губкин возглавлял советскую делегацию. Он представил доклад «Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью».

«Доклад произвел сильное впечатление. Меня проводили шумными аплодисментами. После доклада на другой день меня многие поздравляли», — гордо сообщает он жене.

Он вез с собою приглашение от Советского правительства: следующий Международный геологический конгресс, намеченный быть в 1937 году, провести в Москве.

«В этот день от имени Советского правительства огласил приглашение следующий конгресс организовать у нас. Мое заявление принято многими членами аплодисментами, но мы встретили неожиданную оппозицию со стороны английской делегации. За кулисами конгресса ведется какая-то интрига против нас».

Доклад Ивана Михайловича был издан в Москве отдельной книгой и сразу переведен на английский язык.

Глава 47

XVII Международный геологический конгресс. Редактор журнала. Академия наук и производительные силы страны. Подземная газификация. Изучение четвертичных отложений и другие вопросы на околице губкинской неуемной деятельности.

Решение ученых-геологов следующий высший свой форум провести в столице социалистического государства не без оснований рассматривалось за рубежом как большая политическая победа Советов: признание заслуг советской науки, самостоятельности и оригинальности советской научной школы. Международные геологические конгрессы проводятся раз в четыре года. На них собираются крупнейшие ученые мира, исследователи земной коры. Выбор страны-организатора очередного форума всегда проходит в обстановке несколько нервозной: ею может стать лишь та держава, где научные изыскания протекают свободно и в демократической атмосфере.

Немалую долю заслуг в этой победе советские деятели науки законно приписывали руководителю их делегации. Действительно, авторитет Губкина среди зарубежных ученых был к тому времени необычайно высок. С ним переписывались виднейшие геологи Англии, Франции, Германии и Америки; они внимательно и заинтересованно следили за его полемикой с Калицким, в ходе которой ревизии подверглись многие гипотезы нефтяной геологии; и, уж само собой разумеется, с восхищением следили они за открытиями месторождений полезных ископаемых в СССР; открытиями, которые или прямо принадлежали Губкину, или были как-то связаны с его именем.

И поэтому, когда они, наконец, собрались в Колонном зале Дома союзов летом 1937 года, то единодушно избрали Ивана Михайловича Губкина президентом XVII Международного геологического конгресса.

«Я особенно высоко ценю выпавшую на мою долю честь, — ответил он во вступительном слове, — еще и потому, что настоящий конгресс, собравшись на свою XVII сессию в исключительно трудный и напряженный в международном отношении исторический момент, уже самым фактом своего созыва, свидетельствующим о международной солидарности представителей научной мысли, вносит свою лепту на ту чашу весов, над которой сверкает надпись «Мир»!»

Надо сказать, что Иван Михайлович был к тому же председателем оргкомитета конгресса, а должность эта крайне хлопотливая: не только надо было все предусмотреть и

подготовить, не только проследить за своевременным и точным переводом всех поступающих тезисов докладов и публикацией их (а потом и публикацией Трудов конгресса), но и организовать предконгрессные и послеконгрессные экскурсии по примечательным геологическим местам страны. Такова традиция. Губкин великолепно выполнил и эту задачу. Некоторые группы повел он сам. Кажется уж, дел по самую, как говорится, макушку, но Губкин успел подготовить и научный доклад, вскоре также изданный отдельной книгой и переведенный на европейские языки.

Между прочим, прочитал он свой доклад на русском языке, и тогда-то впервые русская речь зазвучала с трибуны конгресса. Дело в том, что Иван Михайлович добился признания родного ему языка официальным языком конгрессов; до этого же доклады должны были представляться либо на английском, либо на французском, испанском, немецком. С тех пор советские геологи делают свои доклады на русском языке.

Конгресс 1937 года, по общему признанию, прошел плодотворно, интересно и дружно. Советские геологи чрезвычайно гордились тем, что Иван Михайлович был избран президентом, что работы его столь высоко оценены за рубежом.

Между прочим, иностранные делегаты наперебой расхваливали редактируемый им журнал «Нефтяное хозяйство», рассказывали, как популярен он во всем мире. Статьи из журнала реферируются, переводятся и перепечатываются во многих странах.

Название журнала знакомо читателю: оно упоминалось в нашем повествовании. Посвятим «Нефтяному хозяйству» несколько абзацев. В самом начале своего существования журнал обратил на себя внимание Владимира Ильича; эпизод этот общеизвестен, давно уж «хрестоматийным глянцем» покрылся, но стоит полностью его привести, обратившись к воспоминаниям Ивана Михайловича.

«В то время, время начала наших работ по восстановлению нефтяной промышленности, большое внимание уделялось нами изданию специального нефтяного журнала, в котором попутно освещались вопросы и сланцево-салропелевого дела. Все выходившие номера нашего журнала, называвшегося тогда «Нефтяное и сланцевое хозяйство», я неизменно направлял Владимиру Ильичу. Посылал ему и все более или менее интересные новинки в нефтяном деле. Я должен покаяться перед светлою памятью дорогого учителя: у меня порою мелькала мысль, что вряд ли у него может найтись время для просмотра нашего чересчур специального журнала. Каково же было мое

изумление, когда я от него получил следующее письмо:

«Главнефть
тов. Губкину.
3. VI. 1921 г.

Просматривая журнал «Нефтяное и сланцевое хозяйство», я в № 1–4 (1921) наткнулся на заметку (с. 199) «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин».

Оказывается, что сие применимо при вращательном бурении. А у нас в Баку таковое есть, как я читал в отчете бакинцев.

От недостатка бурения мы гибнем и губим Баку.

Можно заменить железные трубы цементом и пр., что достать все же легче, чем железные трубы, и что стоит, по указанию вашего журнала, «совершенно ничтожную» сумму!

И такого рода известие вы хороните в мелкой заметке архиученого журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР.

Почему не били в большие колокола? Не вынесли в общую прессу? Не назначили комиссии практиков? Не провели поощрительных мер в СТО?

Пред. СТО В. Ульянов (Ленин)».

Меня это письмо изумило. Мелкая заметка действительно была похоронена где-то на задворках журнального номера и напечатана петитом, и тем не менее Владимир Ильич ее открыл и вытащил на солнышко. Письмо меня и обрадовало, ибо я им него увидел, что наш журнал Владимиром Ильичей просматривается, что мы имеем сугубо внимательного читателя и что, следовательно, надо держать ухо востро. Но среди сложного комплекса чувств, вызванных этим письмом, — преобладающим было сознание своей большой ошибки.

Поэтому я поспешил достать номер американского журнала «Engineering and Mining jornal» (№ 13 от 27 марта 1930 г.), из которого была взята заметка, и убедился, что заметка представляет собою мнение подписавшего ее корреспондента, не проверенное опытом и помещенное в отделе: «Мнения и предложения». Обо всем этом с облегченной душою я и написал 5 июня 1921 года Владимиру Ильичу, приложив выписку на английском языке самой заметки. Вскоре от него получил на

маленьком листочке следующее письмо:

«В Главнефть тов. Губкину
10. VI.1921.

Т. Губкин! Ваше письмо и выписка вполне разъясняют дело. Раз это только предложение — конечно, дело меняется. Насколько помню, эту, самую важную часть английского текста в русском журнале опустили.

Надо выработать точные меры помощи Баку и внести в СТО, следя за их выполнением.

С тов. прив. Ленин».

Это письмо принесло мне много радости, из него я увидел, что Владимир Ильич отнесся снисходительно к моей ошибке, а главное — я убедился, что он неустанно продолжает следить за тем, что делается в Баку и вообще в нефтепромышленности».

Читатель, должно быть, помнит, что точные меры помощи Баку были выработаны, Иван Михайлович составил научно обоснованный проект борьбы против обводнения скважин и следил за его выполнением непосредственно на промыслах Апшеронского полуострова.

А внимание Ильича к журналу он воспринял как завет, как благословение, как одобрение даже редакционной политики, им, Губкиным, проводимой.

Поясню, почему именно как одобрение.

Журнал «Нефтяное хозяйство» существовал и раньше — даже под тем же названием. Печатался на отличной бумаге и представлял собой этакий статистический ежемесячник: в нем публиковались данные о добыче нефти разными фирмами, цены на нефть и нефтепродукты и реклама оборудования. Геологические разрезы скважин, карты нефтеносных горизонтов, методы добычи — фирмы, естественно, держали в секрете.

Губкин поломал традицию. На страницы журнала хлынула живым потоком разнообразная информация, хлынула полемика… Печатный орган приобрел направленность, и сам Иван Михайлович не без хвастливости говаривал, что вся история советской нефти и советской нефтяной науки, борьба мнений в ней, возникновение гипотез — все запечатлено на страницах журнала и запечатано в подшивке. Можно изучать историю поэтапно.

«В первую очередь перед нефтяной промышленностью стояла

задача максимального использования последних достижений нефтяной техники. Этим объясняется спешная работа «Нефтяного хозяйства» (и возникшего при нем издательства) по переводу и изданию иностранной, главным образом американской, нефтяной литературы по тем вопросам, которые являлись в данный момент актуальными». Прежде журнал никого не задевал, не мог задеть ни отечественными, ни иностранными материалами; теперь же редакция стала получать множество откликов.

Вместе с ними вошел в редакцию новый автор — и это уж было совсем ни на что в технической литературе не похоже — рабочий! Он писал о неполадках и рацпредложениях, делился опытом.

Технический журнал, в открытую печатающий технические сведения; технический журнал, в котором сотрудничали бы ученые всемирной известности — и рабочие, буровые мастера, коллекторы; технический журнал, затевающий дискуссию по сложнейшим научным вопросам, — такого прежде не бывало. «Нефтяное хозяйство» стал очень популярным среди работников топливной промышленности нашей страны и за рубежом.

Губкин по самой своей натуре не мог не вносить во всякое дело, за которое брался, новизны. Поучительно с этой стороны хотя бы бегло обозреть деятельность его в Академии наук. Иван Михайлович никогда не был «формальным» академиком.

В конце 20-х годов академия пересматривала свои давние устои, свой устав и «поворачивалась лицом» к народному хозяйству. Впервые за двухсотлетнюю историю академия координирует планы разнообразных своих исследовательских групп; впервые вообще слово «план» проникает сквозь академическую ограду. Далеко не всем академикам это нравится; в кабинетах идут споры. Губкин на примере ОККМА убедился, сколь много способны сделать содружества ученых, увлеченных идеей и объединенных вот этим самым «планом».

«До самого последнего времени научная деятельность Академии наук представляла как бы одинокий тихий остров среди бушующих волн революционного творчества. Академия наук продолжала работать старыми методами, над старыми темами, тихими темпами, в привычных формах мышления, в святом почитании прочно укоренившихся старых двухсотлетних традиций. Волна революционного творчества докатилась, наконец, и до стен этой мирной и тихой обители и стала властно стучаться в ее двери. Жизнь потребовала, чтобы и Академия наук вышла на широкую дорогу служения всеми талантами ее научных сил делу пролетарской революции. Жизнь потребовала, чтобы академия оставила парнасские высоты и сошла вниз, в жизнь, к

массам, взяв на себя служебную роль — помочь социалистическому строительству научно-исследовательской работой по изучению производительных сил страны, практическое использование которых составляет основу нашего строительства».

В октябре 1930 года Губкина назначают председателем Совета по изучению производительных сил страны (СОПС). Как всегда, прежде чем приступить к исполнению новой должности, он четко перед самим собой, перед сотрудниками и перед общественностью формулирует задачи. Что такое производительные силы страны? «В это понятие мы вкладываем более широкое содержание, чем то, которое соответствует его словесной оболочке. Под ним мы подразумеваем (и не только подразумеваем, но и практически осуществляем): во-первых, изучение сил природы в тесном смысле этого слова, изучение природных богатств (веществ), представляющих собой или источники энергии (например, различные виды топлива), или же различные виды сырья (например, минеральное сырье, животное, растительное и т. д.); во-вторых, изучение человека как производительной силы».

Выразить просто и ясно научное определение очень трудно; перед нами превосходный пример именно такого определения. Круг вопросов, который Губкин очертил для изучения совету, как явствует из определения, широк; хотим обратить внимание читателя на то, что он первый из советских ученых включил в него изучение человека — с социологической точки зрения. «Совет включил в сферу своей работы изучение человека как производительной силы и тех естественноисторических общественных условий, под влиянием которых эффективность этой производительной силы возрастает». Губкин включил в изучение «человека» опять-таки широкий круг вопросов: проблемы миграции, профессионального обучения, рост народонаселения и т. д. Читателю, хоть сколько-нибудь знакомому с современным социологическим учением, нетрудно понять, что он и здесь опередил свое время.

СОПС отправил в разные районы страны комплексные экспедиции. В Башкирии, например, «велись исследования почв, исследования геоботанические, геологические, геохимические, а также исследования промыслового характера, в частности изучение рыбного хозяйства; были также исследования по пчеловодству и т. д. Получены солидные результаты, и эти работы имеют большое значение для хозяйственной жизни Башкирии» (из статьи «Академия наук и производительные силы страны»).

Вот какой круг вопросов охватила одна экспедиция. Иван Михайлович справедливо считал, что академические экспедиции и должны быть такими, потому что «изыскания такого характера… может организовать и поставить только Академия наук, обладающая специалистами высокой квалификации всех родов научного оружия».

Назовем еще несколько работ СОПС, опередивших свое время. Многоохватное изучение сибирских лесов. Оно, надо признаться, не закончено до сих пор. Проблема обеспечения народного хозяйства (и всего человечества в недалеком будущем) пресной водой (актуальнейшая в наше время! Губкин это предвидел. «Перед нами в настоящее время со всей остротой встал вопрос об обеспечении водой…»). В связи с этим — составление водного и подводного кадастра (дело это также до сих пор не закончено). Проект Урало-Кузнецкого комбината (вот что сюда включил Иван Михайлович: «Изучение Кулундинской степи, физико-химическое изучение соляных равновесий, изучение процессов испарения и выделения твердых фаз из рассолов с целью получения в конечном счете серы, соды, термофосфата и других полезных продуктов. Вторая важная задача — изучение сапропелитовых отложений Урало-Кузнецкого бассейна и сапропелитовых углей с целью получения из них жидкого топлива. Третья задача — организация работы по исследованию нефти»).

Вот всего несколько наименований работ СОПС, опередивших свое время.

Изучение производительных сил и тенденции их развития — это планировка и конструирование будущего; это футурология. Но, невольно «занимаясь» будущим, заглядывая в него, не мог Иван Михайлович не задуматься над будущим любимой им. науки — нефтяной геологии. Правда, сам он скромно ограничил свои прогностические взгляды: говорил, что рассматривает «ближайшее будущее» нефтяной геологии. Однако прогностика его шире.

Многое он верно угадал. «Аэрофотосъемка и геофизические методы разведки — вот важнейшие средства к ускорению поисков нефти… Аэроплан и специальный аппарат для воздушной съемки становятся, таким образом, необходимыми орудиями, для геолога…» (статья «Ближайшее будущее нефтяной промышленности»).

В статье всячески популяризируются геофизические методы разведки, среди них электрометрия. Совершенно безошибочно предсказывает он глубинное бурение («…бурение на 3–4 тыс. м станет необходимостью»). Отдает должное турбобуру

Капелюшникова, без которого глубокое и сверхглубокое бурение были бы невозможны.

«Достаточно известен факт, что современными способами добычи не удается извлечь из нефтяного пласта больше половины содержащейся в нем первоначально нефти. Это значит, что примерно 50 % нефти продолжает пребывать в недрах, когда современные нефтяники считают месторождение истощенным. Не хищническая ли это система эксплуатации? Смогут ли с этим мириться нефтяники ближайшего будущего? Конечно, нет». Тут Иван Михайлович затрагивает вопрос прямо-таки болезненный для нефтяной промышленности. И до сих пор он удовлетворительно не решен. Губкин оптимистически смотрит на так называемые вторичные методы добычи, когда в пласте искусственно повышается давление (путем накачивания, нагнетания воды, газа или воздуха). Верно, вторичные методы приносят теперь большую пользу, в особенности, между прочим, на месторождениях Второго Баку. Иван Михайлович это предугадал: «Искусственное восстановление давления будет широчайшим образом применяться в старых, уже истощенных пластах, — ив этом месте Иван Михайлович делает примечательную оговорку, — если только не окажется более экономичным предложенный впервые в СССР инж. А.Б. Шейнманом способ газификации нефтяных пластов».

Что это за способ инженера Шейнмана? Иван Михайлович очень понятно его объясняет: «Способ газификации заключается в нагнетании в пласт через скважину воздуха и горении зажженного пласта. Повышающаяся при горении температура понижает вязкость нефти, делая нефть подвижной, что способствует притеканию ее к забою скважины. Часть нефти под действием высокой температуры превращается в газообразное состояние. Газы уносятся на дневную поверхность и могут быть переработаны в жидкое топливо. Притекающая же к забою жидкая нефть откачивается насосами».

Мы потому выписали подробное разъяснение газификации, чтобы читателю выпуклее представить дерзость эксперимента, проведенного Иваном Михайловичем в Майкопском районе. Технически осуществить это: поджог подземного пласта, выкачивание подогретой нефти, сбор газа и так далее — исключительно трудно; забегая вперед, скажем, что специалисты до сих пор не осилили (в промышленном масштабе) труднейшую эту задачу, хоть решение ее и сулит золотые горы. Но когда это Губкин робел перед трудностями? Они его только распаляли. Прекрасно помнил он, с какою похвалою отзывался Владимир Ильич Ленин об идее подземной газификации углей; допустимо

предположить, что и в личной беседе между собой они об этом говаривали. А тут дело идет об еще более выгодном проекте: газификации нефти. Иван Михайлович, не колеблясь, отдает распоряжение начать лабораторные испытания в научно-исследовательском институте.

Лабораторные опыты, по его собственному выражению, «дали блестящие результаты. Этим делом горячо заинтересовался товарищ Серго Орджоникидзе, который отпустил на постановку этих опытов в большом масштабе на промыслах нужные средства. Положительные результаты этих опытов будут иметь революционное значение в области эксплуатации нефтяных месторождений и получат мировое значение. Мало этого, термический метод даст возможность с выгодой эксплуатировать так называемые истощенные нефтяные пласты и получать из них нефть, которую нельзя извлечь из них никакими другими способами».

«Революционное значение» — вот как старый нефтяник оценил подземную газификацию! В Майкопском районе под его руководством (в эксперименте участвовал ныне здравствующий М.М. Чарыгин) были пробурены скважины на заведомо — впервые в мировой нефтяной практике — бедные, истощенные горизонты. Удалось их воспламенить, удалось «выжать» из них и жидкие и газообразные, углеводороды. Опыт в целом удался. Правда, стоил он недешево. Вернуться к нему, повторить его непременно в промышленном масштабе все было Ивану Михайловичу недосуг, да и средств необходимых заполучить после смерти Серго не удавалось…

В последнее время исследовательская мысль все чаще возвращается к этому интересному губкинскому начинанию; возможно, что мы станем свидетелями его реализации.

Журнал «Нефтяное хозяйство», участие в геологических конгрессах, изучение производительных сил страны, составление научных прогнозов развития всего народного хозяйства и нефтяной промышленности в частности, опыты по газификации горючих пластов — все это лежит как бы на околице неуемной губкинской деятельности.

Глава 48

Экран «Второе Баку». Интеллектуальная история открытия. Нужно ли открывать все месторождения? Отчеты Калицкого Губкину. Вновь о «первичниках» и «вторичниках». Нефтепроизводящие свиты. Коллекторы. Антиклинальные структуры и прочие тонкости геологии, без которых в данной

главе никак не обойтись.

В 41-й главе мы установили, что необычность открытия Второго Баку, этой громадной нефтяной области, заключается в затяжном и бурно протекшем «интеллектуальном» периоде разведки. Губкину, прежде чем открыть, нужно было доказать, что открыть можно (опровергнуть учение, согласно которому открыть нельзя) и открыть нужно (опровергнуть экономические теории, согласно которым открывать бессмысленно — во всяком случае, в настоящее время).

Начнем со второго. Губкин сам экономистом не был, но оставил несколько блестящих экономических этюдов; кроме того, экономические вопросы разбираются им попутно в разных работах (Н.И. Мордвин посвятил им солидную статью «Геолого-экономические проблемы нефтяной промышленности в трудах академика И.М. Губкина». Отсылаем интересующихся к ней). Послушаем самого Губкина:

«Дело в том, что ввиду особых условий залегания нефти поиски ее, несмотря на быстрое развитие нефтеразведочного искусства, неизменно связаны с большим риском и вследствие этого отношение стоимости разведки месторождения к отношению стоимости разработки этого месторождения в нефтяной промышленности гораздо больше, чем в любой другой отрасли горной промышленности… Отсюда можно, пожалуй, даже вывести правило, что обеспеченность разведочными землями на много лет вперед является нерациональной, ибо такая обеспеченность требует вложения в разведку весьма крупных средств, которые могут быть извлечены обратно лишь после того, как разведанные земли будут разработаны. Предположим, в самом деле, что американские нефтепромышленники при нынешней стоимости поисковых работ развили нефтеразведки настолько, чтобы создать обеспеченность нефтяными ресурсами для страны, скажем, на 50 лет. В этом случае вложенные в разведку средства будут мертвым капиталом до тех пор, Пока разведанные земли не будут разработаны, и если учесть стоимость этого капитала, то окажется, что нефть, которая будет добываться через 50 лет из месторождений, разведанных в настоящее время и законсервированных, будет дороже, чем самый дорогой из всех видов искусственного жидкого топлива».

Право, всегда ли к добру открывать месторождение? Об этом-то и речь в приведенном отрывке. Иной клад дешевле до времени оставить в земле необнаруженным. Да еще ведь и риск какой! Вдруг никакого клада не найдешь. О риске Иван Михайлович предупреждал впрямую, обращаясь к самому высшему

государственному органу; не робел отстаивать право геолога на риск.

«Здесь возможен риск, и большой риск миллионами, но на этот риск нужно идти. Наше правительство должно учитывать то обстоятельство, что нефтяные разведки связаны с большим капиталовложением, с громадным риском (риском, повторяю, миллионами).

Может быть, в десяти местах мы будем бурить впустую, пускай пробуренные купола окажутся пустыми, но зато в одиннадцатом месте: мы, может быть, найдем большое месторождение, которое не только оправдает наши расходы по разведкам, но и даст нам большие выгоды, даст нефть, которая сторицей покроет все расходы и принесет еще большую прибыль, ибо богатое месторождение дает не миллионы, а сотни миллионов тонн нефти».

Это он пишет в статье «Главная задача нефтяной промышленности», а вот что он сказал во вступительном слове на конференции северокавказских геологов в 1931 году:

«Следует отметить также, что риск в нашем деле неизбежен. Риск должен быть совершенно сознательным, не слепой риск, не игра, а риск обдуманный, взвешенный, здоровый, основанный на детальных геологических исследованиях. Ведь, в сущности, всякая эксплуатационная скважина несет в себе известный риск, а разведочная скважина тем более».

Как близки эти слова любому разведчику и в наши дни!

Уместно, я думаю, поставить рядом высказывания на сей счет Калицкого, главного губкинского оппонента. И его проблема «здорового риска» задевала, и в этом опять же сказались «исторические обстоятельства».

Слова Калицкого умны, но отдают горечью:

«Искатели нефти по природе своей должны быть оптимистами. У них должна быть вера в возможность достижения поставленной перед ними задачи. Это необходимо для преодоления тех затруднений, с которыми искатели нефти часто сталкиваются, работая в пустынных, малонаселенных и вообще трудных для поисковых работ местностях… Искатель нефти может, конечно, легко согрешить и в другую сторону, в сторону излишнего пессимизма, что, разумеется, тоже нехорошо.

Геолог, занимающийся поисками нефти, находится, таким образом, между двух огней. С одной стороны, ему приходится считаться с широкими кругами советской общественности, интересующейся только оптимистическими отзывами, рисующими широкие перспективы. С другой стороны, он должен иметь в виду, что хозяйственные и контролирующие органы

заинтересованы более всего в конкретных результатах поисков, хотя тоже склонны подходить к ним с оптимистическими ожиданиями. Вот и приходится геологу балансировать на грани между сдержанным оптимизмом и допустимой степенью пессимизма, т. е. соблюдать при интерпретации собранного им фактического материала чувство меры, подсказываемое геологическим чутьем».

(Все цитаты, приводимые мной, взяты из книги Калицкого «Научные основы поисков нефти», давно ставшей библиографической редкостью. Молодые геологи знакомы с оригинальными взглядами Калицкого из третьих и десятых рук; нередко имеют о них искаженное представление. Тем интереснее им будет познакомиться с подлинными текстами забытого ученого.)

Страна только приступала тогда к массовым поискам полезных ископаемых (причем в масштабах невиданных доселе), и. проблемы целесообразности, оправданного риска, размеры капиталовложений и другие живо затрагивали научную общественность. Губкин далеко не однозначно решал вопрос об «обеспеченности разведанными фондами». Ему принадлежат глубокие раздумья о географическом размещении центров нефтедобывания. Как никто другой из ученых в то время, он понимал, что нефть — стратегическое сырье, что за обладание им могут разгореться бои не только научные, но самые что ни на есть настоящие, кровавые. «Еще много лет назад, в самые первые годы развития нефтяной промышленности после национализации, когда происходила ожесточенная борьба за нефтяные концессии в СССР и борьба вокруг нашего нефтеэкспорта, у нас было сделано наблюдение, что нефть является «самым политическим» из всех товаров… В настоящий момент мы вновь приходим к выводу — но уже в совершенно ином смысле — о том, что нефть является самым политическим продуктом. Дело в том, что нефтяной промышленности, как поставщику тракторного топлива и топлива для автомобилей, суждено сыграть совершенно исключительную, даже можно сказать, решающую роль в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства, следовательно, в борьбе за социалистическое хозяйство нефть приобретает особенное «политическое» значение». («Нефтяная промышленность и задачи народнохозяйственной реконструкции», 1930 г.).

Нефть сохраняет политическое значение равно и в мирное и в военное время. Конечно, будет большим преувеличением утверждать, что Губкин «провидел», как могут в будущем развернуться боевые действия, и что враг может подобраться к самому Кавказу, захватить краснодарские и грозненские

месторождения, блокировать Баку… Но Губкин умел мыслить по-государственному. Нужно было одолеть инерцию, которая заключалась в том, что в России прежде «широкие поисковые работы не были необходимостью и потому они не производились (подчеркнуто Губкиным. — Я.К.). Необходимостью же они не были вследствие исключительного богатства старых бакинских площадей. Сколько ни искали люди нефть на земном шаре и как ни высоко было их техническое вооружение при этих поисках, нигде не были найдены месторождения, которые оказались бы равными месторождениям Апшеронского п-ова по мощности нефтеносных свит, или по числу последовательно залегающих один над другим нефтеносных горизонтов, или по запасам нефти на единицу поверхности… По сравнению с американскими нефтепромышленниками, не останавливавшимися буквально ни перед чем в своих поисках нефти все в новых и новых районах, российские нефтепромышленники могли быть уподоблены итальянским «лаццарони», которым достаточно протянуть руку, чтобы найти пищу, которую для них выбрасывает море».

И дальше: «Своеобразная диалектика нефтеразведочного дела заключается в том, что богатство старых районов необходимо влечет за собой бедность новыми месторождениями, поскольку оно притупляет волю и ослабляет стимулы к поискам, между тем как бедность нефтью в определенных районах влечет за собой интенсивные поиски и нахождение крупных новых ресурсов. Эта диалектика не заключает в себе ничего парадоксального».

Не знаю, насколько Губкин прав в своем объяснении причин инертности русских нефтепромышленников, не поверхностно ли оно, но с «притуплением воли» у многих геологов ему, что и говорить, пришлось столкнуться. «Преждевременно! — кричали они на диспутах. — Даже если и есть там нефть, то окупятся ли расходы на разведку? И когда еще окупятся?» Тот же Голубятников ратовал за концентрацию капиталовложений исключительно в кавказских месторождениях, то есть предлагал все деньги, которые государство отпускает на развитие нефтедобывающей промышленности, переводить в Баку. Они сторицей окупятся — и скоро. Еще бы! Сам Губкин доказал, что нефть есть в таких-то и таких-то глубоких слоях (до них нужно добуриться, дайте денег на бурение!), такие-то и такие-то площади перспективны, надо это установить (дайте денег!). И планирующие органы очень даже склонны были прислушаться к словам Голубятникова.

Полноты ради нужно сказать, что были и у Губкина сторонники. И.Н. Стрижов (с которым в других вопросах Губкин жесточайше расходился и который тоже скоропостижно вынужден

был покинуть арену научной борьбы) 15 июля 1928 года выступил на страницах «Торгово-промышленной газеты» со статьей «Надо искать нефть в других местах»:

«Необходимо найти новые нефтяные месторождения — ближе к центру СССР… Открытие новых нефтяных месторождений в более удобных местах является вполне возможным. Я считаю возможным категорически заявить, что мы должны искать нефть в новых местах — в РСФСР и УССР».

Профессор А. Н. Розанов выступил в журнале «Нефтяное хозяйство» в № 11–12 за 1928 год с полемической статьей «Следует ли искать нефть в пределах Русской равнины и где именно?». Не только следует, утверждал профессор, но и указывал, где именно, подтверждая своими наблюдениями точный губкинский прогноз: в девонских и каменноугольных отложениях.

В 1926 году президиум ВСНХ, где авторитет Губкина был чрезвычайно высок и как бы овеян ленинским заветом, признал необходимым создать специальный трест для поисков нефти между Волгой и Уралом. Госплан отказался финансировать начинание. Он сослался на заключение Главного геологического комитета. Оно было категорически отрицательным. Председатель комитета высказался о губкинских планах в беспрецедентно оскорбительном тоне (в скобках нелишне будет для характеристики Ивана Михайловича сообщить, что в начале 20-х годов он хлопотал через правительство СССР о вызволении будущего председателя комитета из Крыма. Заброшенный туда лихолетьем, ученый голодал и чуть ли не нищенствовал).

Председатель произнес фразу, которую Иван Михайлович никогда не мог забыть и простить:

— Уральская нефть такая же авантюра Губкина, как и курское железо!..

Почему? Почему Геолком (и вообще большинство геологов старой школы) так категорично, с таким апломбом, без тени сомнения отрицали самую возможность нахождения нефти между Волгой и Уралом? Тихонович (уже упоминавшийся) через две недели после обнародования статьи Стрижова ответил в той же «Торгово-промышленной газете»: «Мало одного желания изменить географию нефтедобычи. Нужны еще месторождения. А если природа их не создала…» — тогда, дескать, чего же и шебуршиться? С природы взятки гладки.

Почему? Ответ набегает незамедлительно: потому что в своих самоуверенных прогнозах они основывались на всесторонне продуманной, несложной и увлекательно изложенной теории доктора Калицкого.

Что же она собой представляла?

В историю геологических знаний доктрина Калицкого вошла под названием «теории ин ситу», теории первичного залегания нефти, теории нахождения нефти в месте ее образования (генерации).

Иван Михайлович всю жизнь восторгался описаниями Калицкого: в полевой геологии под этим подразумевается живое и в то же время научное, объективное, всестороннее изложение результатов осмотра природного объекта. Калицкий был неподражаемый наблюдатель-натуралист, «каких сейчас уж нет» (нет, потому что развились количественные методы геологического анализа и отпала необходимость в изощренной наблюдательности). Отошлем читателя еще раз к пройденным главам нашего повествования.

Помните первую экспедицию нашего героя? Он приехал в станицу Нефтяную, снял на окраине ее хату, шутливо им названную конторкой, днем мотался в санях и верхом по району, а вечерами читал письма Толстого и… книгу Калицкого «Челекен». К тому времени Калицкий был уже известным геологом и прославился именно как прекрасный зоркий наблюдатель.

Так вот та самая поездка на остров Челекен (тогда он был еще островом, теперь Челекен — полуостров), описанием которой зачитывался наш герой, помогла Калицкому окончательно сложить и синтезировать свои воззрения, которые, судя по многочисленным оговоркам в его трудах, вызрели у него давно. На берегу Каспийского моря Калицкий набрел на своеобразные нефтяные скопления; он поторопился их сфотографировать — и умно поступил: через неделю шторм смыл любопытные образования. Пластинки с негативами Калицкий берег пуще глаза; вернувшись в Петербург, он проявил их — о радость! Снимки вышли отменной четкости — основное требование к научной фотографии. Калицкий заказал клише — и тиснул в научном журнале.

Кое-кто пытался оспорить толкование сфотографированных явлений, предложенное Калицким, но он убедительно и ловко отбил все выпады и впоследствии имел полное право утверждать: «Самым убедительным примером залегания нефти ин ситу являются линзы и гнезда нефтяного песка в отложениях нижнего отдела бакинского яруса о. Челекен. Фотографические снимки с этих образований были опубликованы нами в 1910 г. Эти любопытные объекты можно было наблюдать в прекрасных обнажениях берегового обрыва о. Челекен. В настоящее время ввиду быстрого разрушения прибоем западного берега острова,

эти поучительные обнажения исчезли и приходится отсылать читателя, желающего себе составить мнение о том, что представляют собой эти линзы и гнезда, к упомянутым выше фотографиям».

Значит, окончательная отделка теории самим Калицким отнесена к 1910 году.

Вкратце ее можно передать так: нефть где родилась, там и бытует до скончания веку, а если и перемещается в пространстве, то вместе с материнским пластом.

«Нефтяная геология, — дерзко заявил Калицкий, — в плену у предвзятых и недостаточно проверенных теоретических представлений о происхождении нефти и формировании нефтяных залежей. Нефтяные геологи до такой степени привыкли к известным теоретическим представлениям, насчитывающим более чем 80-летнюю давность (это писалось в самом начале 40-х годов. — Я.К.) и до такой степени уверены в их правильности, что даже не допускают мысли о необходимости пересмотра этих основных представлений, несмотря на непрерывно увеличивающееся число новых фактов, уже не укладывающихся без трения в рамки этих научных верований. К числу таких прочно укоренившихся в сознании людей идей относятся: вера в существование особых нефтепроизводящих пород, не совпадающих с нефтеносными породами в обычном понимании этого слова, вера в особые пласты-коллекторы нефти и вера в подземную миграцию нефтяных масс».

Нефть чаще всего находят в песчаных пластах, называемых коллекторами (собирателями). Название дано по той причине, что в силу целого ряда рассуждений нельзя допустить, что нефть образовалась в них, она в них пришлая, она в них только скопилась. Образовалась же она в других породах, получивших название нефтепроизводящих или нефтематеринских. Под воздействием давления и тектонических движений нефть из материнских пород (свит) была вытеснена или выжата и, проделав некоторый путь под землей, осела, наконец, в коллекторах. Таковы традиционные «верования», против которых ополчился Калицкий.

Безусловно, традиционная схема громоздка и не гарантирует от вольных допущений. Калицкий преостроумно выковыривает слабости в позициях своих оппонентов. Его удары метки.

Нефтепроизводящие породы? Они абсолютно гипотетичны. Никто не может толком даже объяснить, что они собой должны представлять. Поэтому даже сторонники существования этих пород путаются и противоречат друг другу. (Сталкивать лбами противоречия соперников — излюбленный прием Калицкого.)

«Так, например, по отношению к нефтяным залежам палеогена Ферганы были выдвинуты в качестве нефтепроизводящих свит, с одной стороны, юра (Порфирьев и Васильев), развитая в Фергане в виде континентальной фации… а с другой стороны, палеоген (Колодяжный). Противоречие заключается в данном случае в том, что, по Порфирьеву и Васильеву, нефтепроизводящая толща (юра) залегает значительно ниже нефтеносной толщи (палеоген) и нефть мигрировала, следовательно, снизу вверх, а, по Колодяжному, нефтепроизводящая свита залегает над нефтеносными пластами палеогена и нефть мигрировала сверху вниз.

Противоречие заключается также в том, — продолжает Калицкий, — что происхождение палеогеновой нефти в данном случае приписывается двум совершенно различным системам (палеогену и юре)». Калицкий берет людей одного лагеря: Порфирьев, Васильев, Колодяжный — убежденные сторонники существования в Фергане нефтепроизводящих свит. Но первые два находят ее в одном месте, третий исследователь — в совершенно противоположном. Следует невысказанный вывод: можно ли, мол, считать подобные воззрения серьезными и вполне научными, если они позволяют делать противоречащие ДРУГ другу выводы?

Далее. Миграция нефти. Передвижение ее по земным пластам. «Если гипотетичны нефтепроизводящие породы или свиты, то само собой понятно, что и миграция нефти из воображаемых свит в реальные нефтеносные породы представляет собой чисто гипотетический процесс». Калицкий разбирает предположения о газообразной миграции, боковой, вертикальной — и ни одно не находит удовлетворительным. В миграции действительно много неясного, и Калицкий блестяще пользуется этим. Он колет направо и налево…

Разобрав все учения, господствующие в нефтяной геологии, и умело и едко вскрыв их прорехи, Калицкий считает себя вправе утверждать: «Гипотеза первичного залегания нефти не наталкивается на те затруднения, которые были указаны при разборе гипотезы вторичного залегания нефти. Гипотеза первичного залегания нефти обходится без допущения миграции значительных масс нефти из одной свиты в другую или из одного пласта в другой. Гипотеза первичного залегания нефти считает такого рода миграцию нефти явлением чрезвычайно затрудненным в естественных условиях… Гипотеза первичного залегания отрицает существование особых нефтепроизводящих свит, обособленных от нефтеносных и отстоящих от них на более или менее значительном расстоянии по вертикали. Она не

нуждается в таком предположении… Гипотеза первичного залегания утверждает, что нефть образовалась в тех породах, в которых мы ее находим. Так как чаще всего такими нефтеносными породами являются пески и песчаники, то теоретические споры обострились на вопросе, могут ли песчанистые породы быть материнскими породами нефти».

Для Калицкого сомнений нет: могут.

Итак, гипотеза первичного залегания не нуждается, отрицает, утверждает…

По-видимому, каждая гипотеза должна смириться с некоторой долей допущений. Может быть, Калицкий и прав и его гипотеза нуждается в меньшем числе допущений, но вовсе без них она обойтись не может. Калицкий тут же замыкается в кругу своих допущений, вероятно даже не осознавая этого.

Всего прежде ему пришлось допустить всего один вариант нефтеобразования. Есть особый вид морской травы — зостера. Калицкий превосходно разбирался в ботанике и палеоботанике, и из бесчисленного количества растений, микробов и морских животных, теоретически способных при определенных условиях превращаться в жидкие углеводороды, выбрал один этот вид как наиболее подходящий для своей «первичности». Ибо только этот вид способен генерировать углеводороды, захороненные в песках. Заросли зостеры покрывают определенные участки морского дна. Здесь же и их, так сказать, кладбище и цех по превращению в нефть. Значит, искать нужно в подземных пластах такие места, которые в отдаленном прошлом были покрыты зостерой. В них должна быть нефть. Ясно и непосвященному, что это страшно сужает возможности разведки.

Затем. Есть немало закономерностей в нефтяной геологии, выявленных эмпирическим путем и толком, может быть, не объясненных до сих пор. Замечено было в некоторых районах сродство (парагенезис) нефти и серы: они вроде бы соседствуют под землей. Геологам это помогает при поисках. Но как объяснить соседство серы и морской травы? И Калицкий начисто отвергает подобный парагенезис. Случайность, говорит он. Так же поступает он с приуроченностью нефтяных залежей к соляным столбам (штокам), грязевым вулканам и даже антиклиналям. Связь нефтяных залежей и антиклиналей, замеченная еще великим «старым Абихом», как называл его Губкин, наблюдается почти повсеместно, что весьма облегчает поиски. Допустить эту связь — значит допустить миграцию (а это допущение Калицкий ставит в упрек гипотезе вторичного залегания), и он пытается опровергнуть эту связь своеобразным приемом «наоборот». По Калицкому, не антиклинали вбирают в себя нефть и способствуют

сохранению ее, а нефть способствует образованию антиклиналей. Она как природная смазка; при боковом сжатии породы легче всего сминаются в складки там, где лежит нефть. (Надо сказать, что такое толкование вызвало прямо-таки улюлюканье в стане противников Калицкого. И право, больно уж надуманным оно выглядит.)

Вот что (в самых общих чертах и в примитивном изложении) представляет собой нашумевшая теория. Справедливости ради отметим, что она кое-что объясняла из того, что не в состоянии была объяснить противная теория (например, различие физико-химических свойств нефтей из разных пластов одного месторождения). Мало того. Некоторые ученые допускали, что она целиком справедлива для локальных участков земной коры. В иных местах нефть залегает ин ситу. На острове Челекен, допустим. Но какой же ученый не соблазнится распространить свою теорию на весь земной шар?

А теперь попытаемся меркою Калицкого измерить «нефтяные ключики» и сланцы Поволжья. Они где ныне лежат, там лежали и вечно. Они не «живая» нефть, а продукты ее разрушения. Когда-то, выходит, были богатые месторождения, потом погибли. Может быть, они связаны с залежами в нижележащих пластах? Нет. Такой связи быть не может вообще. Может быть, сохранилась нефть в других пластах — пусть с нашими ничем не связанных? Этого знать никто не может…

И так далее.

Затевать разведку, если верить выкладкам Калицкого, бессмысленно.

Риск, вкус к которому прививал у геологов Губкин, выходил слишком уж велик.

Никакой здравомыслящий финансовый орган, учтя это, денег на разведку не доверит.

«Нефть в Поволжье такая же авантюра Губкина, как и курское железо…»

Профессору С.М. Лисичкину, упорному и удачливому искателю архивов, посчастливилось разыскать несколько отчетов Калицкого Губкину, относящихся к девятнадцатому-двадцатому годам; оба они тогда вели, откликнувшись на нужду юного Советского государства в топливе, поиски его в центральных губерниях. Административно Калицкий подчинялся Ивану Михайловичу, председателю Главсланца; вот что он ему тогда писал:

«Если здесь будет встречена нефть, то, по всем имеющимся данным, это будет густая, лишенная газов нефть, большого удельного веса, с трудом притекающая к забою скважин. Заранее

можно предвидеть, что скважины будут отличаться ничтожной производительностью».

Как Калицкий ошибался!

Продолжаю выписывать из книги Лисичкина «Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР»:

«Все попытки искать промышленную нефть в том районе Калицкий расценивал как бесполезное дело. В октябре 1919 г., находясь в Самарской губернии, в районе дер. Нижне-Кармальской, он докладывал И.М. Губкину:

«В настоящее время здесь производится по распоряжению командующего Каспийско-Волжским Военным флотом товарища Раскольникова разведочное бурение. Пройдено около 5-ти сажень. Заведует бурением тов. Леонид Сергеевич Савельев. По словам тов. Савельева, в осмотре месторождения и выборе места для скважины участвовал профессор Казанского университета Ноинский». Калицкий тут же спешит высказать свое мнение об этой разведке: «Утверждать, что нефть пришла в данном случае снизу, нет никакого основания».

В этом письме Калицкий апеллирует к мнению А.В. Нечаева, который в свое время также высказал отрицательное суждение об этих нефтяных источниках. Свое письмо он закончил: «Те же «разведки», которые производятся сейчас в Нижне-Кармалке и Батрасе, являются просто непроизводительной тратой народных денег» (Лисичкин, стр. 344).

Сопоставим обнародованные Лисичкиным документы со статьей Губкина «Горючие сланцы и нефть Поволжья», написанной в те же месяцы. Как разно взглянули на проблему, едва еще только прикоснувшись к ней, два крупнейших нефтяных исследователя нашего века!

Сам Калицкий многократно признавал, что «первая и вторая гипотезы во всем противоположны друг другу». Калицкий слишком мало «позволял» природе. Бывают такие периоды в развитии науки, когда выступать с теорией, претендующей на законченное объяснение, преждевременно; а отстаивать неприкосновенность аргументации такой теории — даже вредно. Калицкий зарился на полное и неопровержимое истолкование сложнейшего природного явления; кому из ученых — больших ученых! — не льстит сделать такое? Можно побиться об заклад, что он не подозревал, что проблема, над решением которой они с Губкиным бились, не будет сколько-нибудь удовлетворительно решена и через целых полета лет… Но, думая об этом через пятьдесят лет, ясно видишь, что воззрения Губкина были живее, шире, лишены педантизма, оставляли место аналогиям, ассоциациям, и сам Губкин этим прекрасно воспользовался,

проведя мастерски сравнение геологии волго-уральских и американских месторождений.

Глава 49

О взглядах Губкина на генезис нефти и газа и формирование нефтегазовых месторождений, а также о дне 16 апреля 1929 года.

Иван Михайлович не оставил последовательно изложенной теории образования нефтяных и газовых скоплений в земной коре. Сам он не считал себя автором новой теории; он говорил, что развивает взгляды Потонье. Профессор Н.Б. Вассоевич в талантливой статье «Взгляды И.М. Губкина на происхождение нефти», суммировав обильные высказывания Губкина, разбросанные по многочисленным источникам, убедительно показал, что они представляют собой вполне самобытную теорию, которую он и предлагает называть «теорией Губкина». Н.Б. Вассоевич, правда, допускает, что «если и нельзя говорить о теории И.М. Губкина, то можно, во всяком случае, признать существование гипотезы И.М. Губкина». По мнению автора, своими корнями она уходит к взглядам М.В. Ломоносова.

В «Учении о нефти», этом капитальном и непревзойденном своде знаний о нефти, губкинские взгляды на ее образование изложены — по соображениям педагогического, как он утверждал, характера — не в традиционной последовательности (то есть начиная с отложения осадков, содержащих исходное для нефти органическое вещество, и кончая формированием залежей, их разрушением и уничтожением).

Вассоевич для синтезирования взглядов Губкина применяет остроумную «анкетную» систему: задает восемнадцать вопросов, ответы на которые составляет из цитат или кратких изложений высказываний Губкина. Получается действительно стройная система взглядов, последовательно и всесторонне охватывающая многообразные проблемы, связанные с генезисом углеводородов.

Нефтеобразование, по И.М. Губкину, происходило во все геологические эпохи, начиная с кембрийского и вплоть до нашего времени включительно. Исходным органическим веществом служил сапропель (или гумусо-сапропелевый материал), образованный из растительного и животного планктона. «Будучи сторонником «теории смешанного растительно-животного происхождения нефти», И.М. Губкин, по-видимому, считал, что растительный материал играл главную роль в накоплении

нефтематеринского вещества», — пишет Вассоевич. Далее он разбирает, какова должна быть (по Губкину) степень концентрации органического вещества в породе, чтобы мог начаться процесс нефтеобразования, и сколько органического вещества должно быть на него потрачено. «Нефтеобразование представлялось, по И.М. Губкину, процессом длительным, непрерывным и, как он в одном месте охарактеризовал этот процесс, безостановочным». Непрерывный процесс этот Иван Михайлович делит на стадии (у него есть упоминание о краткой биохимической и длительной геохимической стадиях).

Крепко разработаны у Губкина вопросы влияния давления на миграцию нефти, температурного фактора и фактора времени (геологического времени) на процесс нефтеобразования. Охарактеризованы признаки нефтематеринских пород (свит), факторы и время начальной миграции и т. д.

Поистине блестяще обоснованы Губкиным воззрения на приуроченность скоплений нефти к определенным участкам земной коры; читатель уже знаком с тем, как умело пользовался Иван Михайлович этим при практической разведке.

Более подробное изложение взглядов Губкина (трудно поддающихся, надо признаться, популяризации) потребовало бы привлечения множества специальных терминов, что усложнило бы чтение. Подготовленного читателя отсылаем к упомянутой статье Вассоевича (опубликована в сборнике «Материалы по советской нефтяной геологии». Госгеолтехиздат. М., 1963). Неподготовленному читателю, надеюсь, ясна стала разница между воззрениями Губкина и Калицкого. Временной диапазон нефтеобразования, по Губкину, гораздо шире, чем по Калицкому. В образовании нефти участвует не один-единственный вид морской травы, а множество видов растений и животных. Передвижение нефти и возможность накопления ее в определенных участках Калицкий вообще отрицал.

Н.Б. Вассоевич обстоятельно, а главное, непредвзято, непредубежденно разбирает концепцию Губкина с точки зрения новейших данных. Не все в ней выдержало испытание временем, кое-что устарело, а кое в чем современные ученые знают просто-напросто больше, чем мог знать Губкин. Однако «основные положения концепции И.М. Губкина о происхождении нефти до сих пор остаются в силе и развиваются коллективами советских исследователей».

И настал день 16 апреля 1929 года!

«Сама природа вступилась за волго-уральскую нефть», — торжествовал Губкин.

На далекой речке Россошке, в полукилометре от впадения ее

в Чусовую, бурилась скважина на калийные соли.

Бурилась долго.

Год бурилась, другой, третий…

Просверлена была стометровая толща пород, двухсотметровая, потом и трехсот…

А солей все нет…

Профессор Преображенский, руководитель бурения, недоумевал и огорчался. Это он выбрал место близ деревни Березники, он предсказал глубину, на которой должна быть встречена калийная соль. «От 155 до 300 метров», — записано в проекте.

Из центра слали грозные распоряжения: бурение прекратить!

Профессор не отступался.

«Ну, нет соли, — оправдывался он, — уточним зато геологию».

Вышка была двадцатиметровая, крытая тесом, станок «Вирт XV», новый, тянул без аварий.

«Что ж, — молвили в центре. — И впрямь не часто в тех местах бурим. Пусть себе… Уточним геологию».

В подотчетных списках скважина стала значиться не как «идущая на калийную соль», а как «общегеологическая».

Когда она добралась до глубины 325 метров, из ее устья попер густой метановый запах.

Преображенский насторожился.

«Следите за буровым раствором», — велел он рабочим.

Жилище себе снял в хате на краю деревни.

Утром 16 апреля его разбудил помбур. «Одевайтесь. Там что-то… того…»

Профессор мигом натянул сапоги.

Побежал к вышке.

Буровой раствор поблескивал радужно, а радужную пленку разрывали лопающиеся пузыри.

В тот же день Преображенский отбил телеграмму в Москву, Губкину.

Как и все геологи в стране, он внимательно следил за его полемикой с Калицким.

Понимал ли, что телеграмма ставит точку в затянувшемся научном споре?

16 апреля 1929 года считается днем рождения Второго Баку.

День был серый. Холодный. Лед на Россошке и Чусовой еще не вскрылся.

Открытие Второго Баку являло собой неоспоримую победу губкинских идей, губкинских прогнозов, губкинской методологии. В проигрыше, по всеобщему убеждению, оказался

доктор Калицкий — его идеи, прогнозы, методы. Его не замедлили объявить ретроградом, лжеученым, наградили дюжиной расхожих ярлыков, приписали его концепции «метафизичность и идеалистическую сущность».

Приписывать теории «ин ситу» идеалистическую сущность! Верх абсурда! Она насквозь материалистична. Можно сказать, она «приземленно» материалистична. Все здание своей теории Калицкий возводит на чрезвычайно простых постулатах: теории его не хватает, возможно, гибкости, широты…

Любопытней всего, что, «защищая и развивая» Губкина, ревнители и гонители совершенно игнорировали мнение самого Губкина о теории Калицкого. Конечно, Иван Михайлович нередко высказывался о взглядах своего оппонента в раздраженном тоне, но то ведь в пылу полемики! Откроем его «Учение о нефти». В главе «Происхождение нефти» обозреваются все появившиеся к тому времени концепции. Доходит Губкин и до Калицкого:

«Необходимо отметить большую последовательность и цельность теории происхождения нефти из морских водорослей в интерпретации нашего геолога К.П. Калицкого. Будучи убежденным сторонником первичного залегания нефти, он очень логично увязывает с этим последним и гипотезу ее растительного происхождения». И ниже спокойно и ясно излагается суть концепции. «Наиболее заманчивым моментом в этой теории является то обстоятельство, что упомянутая водоросль (зостера. — Я.К.), во-первых, растет на песчаном грунте и, во-вторых, образует крупные скопления в прибрежных мелководных зонах моря. Мы знаем, что крупные залежи нефти приурочены как раз к мелководным лагунным прибрежным частям прежних морских бассейнов и именно к песчаным отложениям.

Если такое совпадение условий, в которых произрастает зостера, и встречаемые промышленные скопления нефти говорят в пользу гипотезы Калицкого, то имеются и противопоказующие факты, а именно: остатки водорослей типа зостеры пока обнаружены лишь в относительно молодых отложениях (не древнее юрских). Отсюда эти водоросли не могут быть привлечены к объяснению происхождения всей палеозойской и части мезозойской нефти. Далее, против гипотезы Калицкого говорит состав зостеры, в которой преобладающую роль играет клетчатка. Трудно себе представить образование углеводородов из клетчатки в песчаных, доступных действию воздуха отложениях».

Вот как оценил теорию Калицкого сам Губкин! Разумеется, никакой «идеалистической сущности» он в ней не усмотрел.

Гении в науке редко шествуют в одиночестве. По не

познанному еще социально-психологическому закону на небосклоне науки горят чаще всего двойные звезды. Да и только ли в науке так? А в искусстве? В политике? В последней области закон этот интуитивно угадан еще Плутархом, написавшим свои «Сравнительные жизнеописания». С проницательностью, которой не перестаешь восхищаться, сводил он различных исторических деятелей в рамки единого повествования.

Разве не в одно время жили Станиславский и Мейерхольд? Два совершенно разных подхода к искусству. Разве не в одно время жили Маяковский и Есенин? Кажется, нет в их поэзии ничего сходного. Не в одно ли время жили одухотворенный и возвышенный Леонардо и грозный Микеланджело — и разве нет в их творениях скрытой полемики?

Губкин и Калицкий типичная «враждебно-дружественная пара». Это может показаться парадоксальным, но трудно представить одного без другого. Они честно сражались. В проигрыше, по всеобщему убеждению, оказался доктор Калицкий. А победил один Губкин? Победила наука!

Глава 50

Экран «КМА». Благодарность Стеклову. Новые буровые. Курск против Кривого Рога. Слово Дзержинского. Последняя смета. Ликвидация комиссии.

Когда буря, вызванная извлечением на поверхность первых магнитных образцов и награждением ОККМА, стихла и газеты заполнились другими срочными сообщениями, выяснилось, что председатель не потерял ни часа и славой распорядился очень по-деловому. Высшие финансовые органы перечислили на текущий счет подначальной ему комиссии круглую сумму денег, на которую он закупил в нефтяных трестах станки и прочее буровое оборудование. И в Курской губернии поднялись еще четыре вышки.

Места для них выбрал он сам, проявив, при этом присущее ему тонкое понимание местных особенностей геологии. В августе 1923 года на крестьянской телеге, предоставленной губкомом, объездил он Щигровский, Старо-Оскольский и Тимский уезды. Между прочим, в Щиграх тогда собрались сельские учителя — то был один из первых в стране учительских съездов. Как же было удержаться старому народному просветителю, не прийти в школу, где происходило торжественное событие? Он и пришел. О популярности Губкина много уже говорилось в нашей книге; к

тому же в Курской губернии о нем слышали все, да со многими крестьянами он успел познакомиться лично. Губкин связан был в народной молве с Ильичей. Не мудрено, что учителя попросили Ивана Михайловича передать от них привет непосредственно самому Ленину, а заодно и фотографическую карточку, на которой запечатлены они со своим гостем, знаменитым геологом.

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

По поручению съезда школьных работников Щигровского уезда пересылаю Вам карточку, на которой сняты участники съезда с Президиумом Особой комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии.

Вместе с этим съезд поручил мне передать, что школьные работники, преданные всей душой вождю мирового пролетариата и великому делу освобождения трудящихся, желают скорейшего выздоровления Вам, дорогой Владимир Ильич!

С коммунистическим приветом

председатель ОККМА Губкин».

Фотографию (и, кажется, даже не одну) и материалы съезда Иван Михайлович передал Надежде Константиновне Крупской.

Скважины бурились.

И опять за результатами бурения с напряжением следила вся страна. В первую голову, конечно, специалисты. Один из них — в скором будущем ставший академиком, Л.Д. Шевяков, дал интервью (тогда это называлось ответить на анкету) «Горному журналу». Вот как он оценил усилия Губкина и его друзей, не упустив случая коснуться и всего того, что происходило «вокруг» разведки:

«Всю совокупность геологических предвидений, магнитометрических, гравитационных и горноразведочных работ, уже произведенных в областях Курских магнитных аномалий, принимая во внимание атмосферу всеобщего неверия в начале работы, надо считать делом в высшей степени замечательным. Помимо выдающегося значения, чисто научных достижений, результаты горноразведочных работ дают огромные надежды на возможность открытия здесь колоссальных запасов железных руд. Поэтому в течение ближайшего ряда лет разведочные работы бурением должны вестись в возможно большом масштабе и с неослабной энергией, для чего государством должны

ассигноваться все необходимые средства».

Губкин не забыл никого, кто помогал одержать первую в Курске победу. Академик В.А. Стеклов жил в Петрограде; как только ОККМА была выражена официальная правительственная благодарность, он переадресует ее и Владимиру Андреевичу: «Совет Труда и Обороны… признал необходимость выразить благодарность лицам, принимавшим участие в работе ОККМА. Имея в виду Ваше участие в трудах комиссии, Президиум ОККМА считает долгом довести об означенном постановлении до Вашего сведения».

(Послание это вместе с Иваном Михайловичем подписал управляющий делами комиссии некто С. Урусов, и если продолжить список интересных людей из губкинского окружения, то стоит два слова сказать и о нем: князь, крупный помещик, после революции бухгалтер, сотрудник ОККМА, затем — Госбанка.)

Благодарность Стеклову распространялась, разумеется, на всех геофизиков — их Губкин всячески привлекал к исследованию курского рудного тела. Он даже пытался ставить сейсмометрические работы — метод тогда совершенно новый. Опять-таки требуется мысленно перенестись в то время: применение физических методов для решения геологических задач встречалось поклонниками «чистой» геологии с нескрываемым скепсисом, и Губкин вместо благодарности частенько выслушивал до смерти надоевшие попреки в зряшном переводе «так нужных народу денег».

Профессор П.М. Никифоров из стекловской экспедиции с благословения Ивана Михайловича вообще первый в мире применил гравитационный вариометр для познания громадных скоплений руды в верхних слоях земной коры. Представленная им гравитационная карта явно отражала аномалию силы тяжести (то есть, кроме магнитной аномалии, существует, значит, в районе и ненормальное распределение силы тяжести). Среди ученых возник спор: можно ли, глядя на карту, узнать, как распределяются под землей тяжелые массы и какова в разных местах их плотность?

Математических выводов сам Никифоров не сделал. Кому их поручить? Принцип ОККМА «привлекать самых выдающихся ученых» всегда оставался неизменным. Пригласили Шмидта. Отказа, как уже выше отмечалось (все-таки это поразительно!), комиссия никогда не получала ни от кого. 18 декабря 1923 года Отто Юльевич сделал на заседании ОККМА доклад: «Математическое определение тяжести подземных масс по наблюдениям вариометра Этвеша». Математический анализ,

произведенный Шмидтом, с очевидностью показал, что гравитационная аномалия так же, как и магнитная, вызвана концентрацией на глубине колоссальных масс. С тех пор гравитационные измерения широко применяются при геологической разведке, в частности и нефтяной, что важно отметить как исключительную заслугу Губкина.

С осени 1922 года начал работать второй гравитационный отряд с прибором Этвеша. И вообще разные геофизические исследования (зачастую экспериментальные) с поощрения Губкина продолжались вплоть до конца 1925 года, до закрытия ОККМА. Научные отчеты о них незамедлительно публиковались, чему президиум комиссии, состоящий из одних ученых, придавал важное значение.

Скважины бурятся, геофизические замеры идут своим чередом, а сам президиум еженедельно собирается в Москве на заседания. Теперь никакие внутренние распри его не тревожат, и от протоколов, аккуратно подшиваемых князем Урусовым, так и веет спокойствием и великолепно налаженной деловитостью.

«1 марта 1924 г. Глубина буровых скважин на указанное число выразилась в следующих цифрах… В Москве отряды продолжали обработку магнитных и гравитационных наблюдений. Выработан план работ на предстоящий период. Выезд отрядов на места предполагается ранний для большего использования летнего периода… Управляющий делами ОККМА С. Урусов».

«Протокол 145-го заседания… 10 марта 1924 г. Постановили: …Констатируя факт большого расхода алмазов… считать этот расход чрезвычайно высоким…

Слушали: Сообщение А.Д. Архангельского о характере проходимых пород. Постановили: Принять к сведению.

Слушали: О взаимоотношениях между финансовой счетной частью ОККМА и финансовым отделом БурКМА… Постановили: Признать необходимым, что председатель ОККМА, как ответственный распорядитель кредитов, должен быть осведомлен о распределении кредитов для районов…»

По мере углубления скважин, по мере того, как все большее количество образцов глубинных пород выступало на всеобщее обозрение (а ОККМА была нараспашку открытым учреждением: обнародовалось все!) — тем все более нарастала какая-то смутная тревога. Снова поползли слушки, перетолки и сомнения…

К концу двадцать четвертого года четыре скважины были закончены. Интересно, что одна из них (вот где сказалось тонкое геологическое чутье!) встретила железорудные кварциты на глубине всего около 177 метров; была найдена, таким образом,

самая близкая к поверхности руда (скважину Губкин и Архангельский закладывали с учетом магнитометрических и гравиметрических данных). Оба они еще раз объездили губернию и выбрали точки для новых буровых. Началась следующая серия бурения. Одна из скважин этой серии проникла на невиданную тогда в СССР глубину — 607,09 метра, установив рекорд; никогда еще алмазным бурением не удавалось добиться такого «метража» (уродливое словечко это до сих пор живо в среде буровиков).

Успехи успехами, всем они налицо, и их, как говорят, никто не отрицает, однако над ОККМА продолжали сгущаться тучи. «Что это за руда?..» — пошли разговоры. Настоящие геологи, конечно, понимали, что под плодоносным курским черноземом не чистейший же, как слезинка, магнитный железняк залегает! Ясно! Более или менее богатые руды. Но широкую публику, интерес которой возбуждался сначала «общим неверием», потом общим упоением, публику, некоторых журналистов и многих экономистов реальная руда как бы даже несколько раздосадовала. Что это? В ней 40, кое-где 50 процентов железа…

Опять Губкин мечется, доказывает, выступает в газетах, на конференциях. «Да такой руды полно в отвалах Кривого Рога!» — кричат ему. И он самым серьезным образом подсчитывает процент и общее содержание руды в отвалах шахт Кривого Рога, чтобы опровергнуть хулителей. Он устраивает инженера Трушлевича к себе, в Горную академию, и создает специальную лабораторию. Трушлевич с сотрудниками работает денно и нощно и создает специальную схему обогащения. По ней можно увеличить процент содержания железа почти до 70 в концентрате.

Разведочных данных накоплено столько, что вполне можно подумать и о проекте промышленной эксплуатации. Чудовищно трудоемкая работа! Кто за нее возьмется? Принцип ОККМА опять-таки неизменен. «Приглашать самых выдающихся». В этой области самый выдающийся — профессор Александр Митрофанович Терпигорев (в 1935 году стал академиком). ОККМА обращается к нему — и, разумеется, Терпигорев не ответил отказом. Он рьяно берется за дело, нисколько в этом смысле не отличаясь от Шмидта, Стеклова, Ферсмана…

В начале двадцать пятого года проект готов. Производительность будущего рудника — восемьсот пятьдесят тысяч тонн руды в год. По предварительным подсчетам, одна тонна будет стоить (после обогащения и агломерации) восемьдесят три копейки. Дорого ли это? Даже если курскую руду придется транспортировать в Донбасс на металлургические заводы, она запросто может конкурировать с рудами Кривого Рога.

Вот факты! Вот точные расчеты! Потрясая ими, Губкин пытается переубедить противников. Но дело принимает все более серьезный оборот.

28 января 1925 года его вызывают на заседание президиума ВСНХ. Председательствует Дзержинский.

Соблазнительно представить читателю полный отчет о событиях, развернувшихся на заседании (такой полный отчет опубликован в «Экономической газете» 30 января). Там развернулось, по существу, генеральное сражение за КМА. Представители Горного отдела ВСНХ резко возражали против эксплуатации. «Криворожский железорудный бассейн может на ближайшие годы полностью удовлетворить потребности страны в рудах, поэтому нет никакой необходимости затрачивать значительные средства на организацию новой железорудной базы в районе Курской магнитной аномалии».

Мнение Горного отдела поддержали представители других авторитетных учреждений. Феликс Эдмундович присоединился к Губкину. Дойдя до его слов в отчете, читатель невольно должен вспомнить стихотворение Маяковского «Рабочим Курска…».

Ограничимся выписками (шрифтовые выделения фамилий и отдельных фраз, принятые в газетном номере, нами не соблюдаются).

«На состоявшемся 28 января под председательством Ф.Э. Дзержинского заседании президиума ВСНХ СССР заслушан доклад проф. И.М. Губкина об итогах работы Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии.

Докладчик подробно обрисовал историю исследований Курской магнитной аномалии, отметив, что в результате работ ОККМА карты проф. Лейста, которые предлагали купить Советскому правительству за 5 млн. руб., потеряли для нас всякое практическое значение. По числу заснятых точек съемка проф. Лейста превзойдена в 4 раза. Причем густота расположения этих точек выше, чем у Лейста. Важнейшим нашим достижением является то, что мы наносили результаты наблюдений на более точную карту, чем карты, которыми пользовался Лейст. … Буровые работы подтвердили правильность произведенной съемки и доказали, что причиной магнитной аномалии действительно являются залежи магнитных руд. Запасы месторождения колоссальны. На квадратной версте примерно залегает руды с содержанием до 5 млрд. пуд. металлического железа».

Дальше Губкин подробно рассказывает о проекте Терпигорева, по которому добыча курской руды встанет нисколько не дороже криворожской.

Теперь об общих затратах. «На все работы по исследованию Курской магнитной аномалии на 1 января 1925 года израсходовано 1 427 300 руб., имеется имущества и разного рода оборудования на 524 тыс. руб., следовательно, безвозвратно израсходовано примерно 900 тыс. руб. Если принять во внимание, что Лейст запрашивал за свои карты 5 млн. руб. и то, что буровые работы при наличии этой карты все равно пришлось бы производить на свои средства, то нужно признать, что нами израсходованы для исследования Курской магнитной аномалии сравнительно небольшие средства.

В заключение проф. Губкин указывает на необходимость доведения буровых работ… до конца… Срок окончания работ по исследованию Курской магнитной аномалии намечен в докладе в 20 месяцев.

В последовавшем обмене мнений, продолжает газета, был затронут вопрос об экономическом значении Курской аномалии.

В.М. Свердлов считает, что перспективы использования курских залежей в ближайшее время не блестящи. Приходится учитывать огромные запасы Криворожского бассейна и значительные затраты, которых потребует разработка железорудных кварцитов в Курской губ., залегающих на значительной глубине.

Ф.Э. Дзержинский возражал против узкопрактического подхода к определению экономического значения Курской магнитной аномалии. В перспективе развития нашей промышленности курские залежи, несомненно, имеют большое экономическое значение.

В резолюции по докладу президиум ВСНХ отметил огромное научное и практическое значение работ ОККМА, которая выполнила возложенные на нее основные задания. Комиссии предложено представить в президиум план и сметы работ, производство которых необходимо во избежание потерь или обесценения уже полученных результатов».

Над последней фразой постановления Губкин немало поломал голову. Что бы она значила? Закроют ОККМА, поскольку она «выполнила», или нет, учитывая «огромное научное и практическое значение»? Смету, естественно, он представил, предусмотрев в ней продолжение работ в прежнем объеме. 3 марта 1925 года он получил от члена президиума ВСНХ Манцева распоряжение прекратить работы.

Короткая схватка… и 4 апреля 1925 года члены президиума ОККМА собрались вместе в последний раз. Каждый отчитывался «за свой участок». Гиммельфарб рассказал о бурении, Лазарев о делах магнитного отдела, Архангельский — геологического.

Голоса у всех были негромкие, прощальные. Все-таки под занавес не обошлось без стычки. Обсуждался пункт четвертый повестки дня — «Об издании трудов ОККМА». Заспорили не о том, издавать или нет, а на каком языке — каком-либо зарубежном, памятуя необходимость международного научного сотрудничества, или русском. В протоколе отражены оба мнения: «1. Признать необходимым издать труды ОККМА, причем признать, что основное издание должно быть издано на французском языке. 2. Тов. Губкин остается при особом мнении, считая, что основной труд должен быть издан на русском языке».

В середине апреля Губкин приехал в Курск. В исполкоме его знали уже все. На носу посевная, лошади на строгом учете, но раз Иван Михайлович попросил: «Мне по буровым проехаться надо!» — отказа нет. Отдали ему исполкомовский тарантас. Поехал Губкин от деревни к деревне. Попридерживал возницу. «Знаешь, браток, не торопись. Так здесь хорошо…». А лошади бежать и без того невозможно было: грязь. Кой-где лишь на взгорках подсохла дорога. Ночевали в Кочетовке, на Ивановском хуторе, в Мелихино.

На буровых было тихо. Не стучали моторы. Рабочие лениво складывали в штабеля трубы. Когда затвердеют дороги, их отвезут на станцию.

Всего к весне двадцать шестого года было пробурено девятнадцать скважин. Ни одного промаха! Все они были расставлены Губкиным и Архангельским с неподражаемым мастерством. Иван Михайлович, конечно, поскромничал, когда сказал в президиуме ВСНХ, что расходы на разведку были сравнительно небольшие. Просто-напросто очень скромные! Считается редкой удачей, когда все скважины (а бурение — самый дорогой вид работ) попадают в рудное тело, представляя геологам точную информацию о его форме.

ОККМА прекратила свое существование.

Это было все-таки замечательное учреждение. Никогда доселе не бывшее и потом не повторенное. Замечательным оно было потому, что руководили им исключительно ученые — и даже исключительно выдающиеся ученые. Работали они не за вознаграждение. Председатель, например, так много отдавший ОККМА сердечной энергии, вообще ничего дополнительно не получал: его жалованье нарезалось неумолимым партмаксимумом. Разве что лишние пайки время от времени перепадали членам комиссии.

Она, бесспорно, была производственной, промышленной «единицей» и вела немалое буровое и электрическое хозяйство. Известно, какие при этом нужны строгая отчетность, финансовая

дисциплина и ревизорский глаз. ОККМА обходилась мизерным штатом. Никто не помышлял о перепроверке. Удивительно, но бюрократизмом и не пахло. Ученые много спорили, но не интриговали. Работа в ОККМА была их общественной работой, как сейчас бы сказали: «на общественных началах». Они верили, что скоро наступит время, когда всякая работа будет только такой.

Это было замечательное учреждение.

Глава 51,

раскрывающая семейную тайну.

Галина Ивановна Губкина терялась, по собственному признанию, когда слышала вопрос: «Не дочь ли вы знаменитого академика?» Ей хотелось свою тропку проторить самой — пусть бы шла она рядом, да не пропадала в широкой отцовой колее. Ей хотелось — достойнейшее, право, желание — не прикрываться славной фамилией, а собственной славой ее приукрасить. Отчасти поэтому своим научным поприщем она выбрала не геологию, а воздухоплавание — правда, не надо забывать того ореола почитания, которым окружена стала авиация в 20-х годах.

Совсем не помнит Галина Ивановна, как уезжали с матерью из Петрограда в Ставрополь в семнадцатом году. (Было ей тогда семь лет.) Смутно помнит, как возвращались. В двадцать первом в теплушке, набитой студентами… Откуда ехали студенты? Бог знает. Но торопились в Москву не опоздать к началу семестра, и фамилия Губкин была им известна. Это помнит Галина Ивановна. Теплушку загнали в тупик какой-то… или полустанок… тишина, пустые вагоны, обугленные шпалы, запах смолы… Отец разыскал их только к вечеру. Из полутьмы выступил полузабытый, родной до слез человек. Галочка побежала навстречу — голенастая, нескладная, в худом платьишке, и медленно навстречу шагнула измученная беспокойством, недоеданием, надрывной работой, сильно за четыре года разлуки сдавшая Нина Павловна.

Они приближались медленно друг к другу, и, может быть, уже в этот первый момент встречи, о которой с опаской, с болью, с надеждой думали они все время, в этот невыносимый момент приближения друг к другу, когда глаза ищут знакомые черты, запечатленные в сердце, а находят лишь незнакомые, находят морщины и пергаментные пятна на лбу и щеках, — в этот-то первый момент слетело с их уст имя, с которым столько сейчас связывалось для них горя.

Сережа…

Судьба человека, ставшего при жизни легендарным — а Губкин стал легендарным еще при жизни, — окружена в глазах обывателя некоей тайной; если же никакой тайны нет, то молва приписывает ее. Надо признаться, в семейной жизни Губкина действительно была тайна. Она была связана с сыном Ивана Михайловича Сергеем.

Отцовское сердце не обманывало. Когда летом 1921 года Губкин приехал в Баку, то нашел там репатриантов, вывезенных Серебровским из Турции. Губкин ходил из барака в барак. «Помилосердствуйте, вспомните хорошенько, не встречался ли вам Сергей Губкин… Сергей Иванович… круглолицый такой, рослый, веселый… впрочем, теперь, наверное, невеселый… И не круглолицый… А?» Отцовское сердце не обманывало: Сергей действительно был в Турции.

Он был в лагере под Константинополем, где кормили раз в день миской обжигающей смеси из гороха и перца, но уехал оттуда раньше, чем красные взяли Баку. Время от времени формировались в лагере команды для отправки в Бразилию — работать на кофейных плантациях; Сергей записался в одну из них. Пароход останавливался в Салониках. Сергей бежал.

В Греции оставаться было опасно. Перебрался в Болгарию, но там не было работы, ушел в Югославию. В Югославии и обосновался — если так можно назвать бродяжничество по хорватским селам в поисках батрацкой работы. Был он в ту пору застенчивый, молчаливый, болезненный…

Молва — искательница тайн усматривала в печальной одиссее Сергея одну из причин раздора между Иваном Михайловичем и Ниной Павловной: поговаривали, что он не мог понять, как же это она вытребовала сына из Петербурга в Ставрополь. Поговаривали, что она писала ему в Америку, просила отцовской властью распорядиться о приезде Сережи в Ставрополь. Когда в 1917 году Иван Михайлович отплыл в Америку, а Нина Павловна с дочерью уехали к родственникам в Ставрополь в надежде переждать там голодную пору, Сергей остался в Питере. Он был студентом кораблестроительного института. Получив телеграмму Ивана Михайловича из Соединенных Штатов, Сергей ослушаться не посмел. А в Ставрополе закружила его беда.

Война — великая разлучница, но и причудница немалая, в такие иногда узоры сплетает людские судьбы, что прослеживание отдельных линий вызывает головокружение.

Завертелась Сергеева линия в беспомощной и сумасшедшей пляске по городам и весям (будто все искала привычного

твердого отцовского локтя, вокруг которого обвиться, спасаясь от лютого бездорожья войны), вдруг взвилась — и рухнула, вонзилась в землю далеко-далеко от дома…

И Сергей Губкин стал эмигрантом.

Он ничего не знал ни об отце (не знал даже, вернулся ли он из САСШ или все еще за океаном), ни о матери с сестренкой. Иван Михайлович тоже ничего о них не знал, боялся, что все погибли. Нина Павловна же кое-что об Иване Михайловиче порою слышала: доносились вести, что он теперь в Москве большой человек, нефтяной комиссар.

Когда Ставрополь был освобожден, Нина Павловна попыталась сразу же уехать, но железная дорога была разрушена. Потом ее восстановили, но долго еще пускали одни воинские эшелоны. Нина Павловна написала в Москву, и письмо ее нашло Ивана Михайловича. Из него он узнал об их злоключениях и о том, какая беда стряслась с Сережей. Тотчас он начал поиски его, подал заявление в Центропленбеж, специальную организацию, собиравшую сведения о пропавших без вести, беженцах и пленных. Губкины обменялись несколькими письмами, сохранилось лишь одно — написанное Иваном Михайловичем 9 июня 1920 года. Он советует Нине Павловне переехать в Грозный, откуда, по его словам, легче будет добраться до Москвы. «Если бы ты была в Грозном, то теперь уже была бы в Москве». Из письма видно, что Иван Михайлович просил председателя Главконефти Доссера, который был в Грозном в командировке, заехать в Ставрополь и вызволить оттуда Нину Павловну. «Председатель Главконефти З.Н. Доссер не мог поехать к тебе в Ставрополь, потому что его маршрутному поезду не позволили остановиться на Кавказской до следующего дня. Железнодорожная Чр. Ком. потребовала от него, чтобы он немедленно с поездом отбыл раньше. Этим только и объясняется, почему он не мог попасть к тебе в Ставрополь и захватить тебя с собой». Сообщает, что усиленно занят приисканием квартиры. Это «сопряжено с громадными затруднениями».

У Губкина, торопящего Нину Павловну с приездом, вырывается жалоба: «Кончится мое бездомное собачье существование. Заработался я до последней степени, изнервничался окончательно… О Сереже не имею никаких сведений и очень волнуюсь. Боюсь за его судьбу. Из Екатеринодара приезжал Вышетравский и ничего утешительного мне не привез. Следов Сережи он не нашел, несмотря на его расспросы и даже публикацию в газетах. Здесь в Центропленбеже мы тоже наводили справки — и без всякого результата».

Можно догадываться, как он страдал, ничего о близких не

зная — в восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом годах… Ютился в «малюсенькой комнате» на Спиридоньевской, в которой, по его же словам, «повернуться негде» и не было никакой мебели. «Обстановку мне обещали дать в Горном Совете»…

Сережа в Югославии устроился в мастерской по ремонту телефонной аппаратуры. Подружился с рабочими. Однажды они принесли социалистическую газету; в информации из Москвы упоминалась фамилия — Губкин. «Ты ведь тоже Губкин?» — показали ему газетную страницу товарищи. У Сергея екнуло сердце.

Не сразу решился он написать в Москву.

Написал.

Так Губкины нашли сына.

Феликс Эдмундович Дзержинский, всегда все знавший о людях, с которыми он сталкивался, и всегда относившийся с сердечным вниманием к бедам друзей по партии и по общему делу, надо полагать, с большим сочувствием относился и к горю Ивана Михайловича. Поэтому, когда в правительство Советского Союза поступила от Сергея Губкина просьба разрешить ему вернуться на Родину и просьба эта попала на рассмотрение Феликсу Эдмундовичу, он не отнесся к ней формально. На заседании ВЦИК 4 мая 1923 года разбиралась просьба Сергея (протокол № 27). Он был восстановлен в правах гражданства,

Евдокия Архиповна Губкина, вдова Сергея Ивановича, много рассказов выслушала в свое время о том первом дне, когда будущий муж ее приехал в Москву. Он открыл дверь без стука. Нина Павловна бросилась со сдавленным криком на шею ему и обессиленно сползла, припала к коленям, будто поклонилась сыну за страдания его…

Начинается «вторая» жизнь Сергея Губкина, чудо повторения отцовского подвига.

В семье Губкиных просто невозможно было сидеть сложа руки. Не успел Сергей отмыться, отоспаться и чаю власть напиться из семейного самовара, а уж с ним заговорили об учебе, Возвращаться в кораблестроительный он не хотел — хотя бы потому, что пришлось бы разлучиться с отцом-матерью, уехать в Ленинград, а он не в силах был сейчас на это решиться. Вообще-то ему хотелось получить литературное образование, он с детства питал пристрастие к искусству и даже баловался стихами. (Однажды — давно-давно когда-то — Ивана Михайловича вызвали к директору гимназии и с возмущением показали один из опусов его сына, в котором четырехстопным ямбом набрасывались портреты преподавателей, а в конце следовал

энергичный вывод: «Гимназия пятая, сгинет, проклятая!» Из директорского кабинета отец и сын вышли вместе. «Как узнали-то, что ты написал?» — «А сам признался!» — «А… Я тебе за это мороженое куплю».)

В литературный талант Сережи Иван Михайлович все-таки не поверил, несмотря на успех его творений среди учеников «проклятой пятой». И сейчас он не одобрил его намерения поступить на филфак Московского университета. И Нина Павловна была с этим согласна. «Только на геологический», — со свойственной ей повелительностью сказала она. Она отлично понимала, что в области науки, где авторитет отца колоссален, сыну и учиться будет легко и работать потом легко. Иван Михайлович рад был бы видеть в сыне продолжателя своего дела, а Сереже в те недели блаженного его состояния спорить с родителями даже и в голову не приходило: он и записался на геолфак Горной академии. Но очень скоро — кажется, даже и не оповестив родителей — он лекции на геологическом факультете посещать перестал, а стал ходить на лекции в металлургический факультет.

Таковы Губкины! Как только Сергей почуял, что состязаться с отцом в геологии, а тем более превзойти его здесь невозможно, как только он почувствовал, что с его фамилией здесь связывается только слава отца, он оставил геологию. Пусть и его тропка, как сестрина, идет рядом с широкой отцовской колеей, но не сливается с ней и не пропадает в ней. Почему он выбрал металлургию? Трудно сказать. Никогда он не видел доменной печи и, должно быть, смутно представлял, из чего выплавляют чугун. Но раз выбор пал на металлургию, он принялся изучать ее со всею губкинской страстью, присматриваясь к тем отраслям, которые менее всего тогда были разработаны и в которых можно было бы потом показать себя.

Он был тогда весел, общителен, весь светился, льнул к людям. Жилось туговато; денег карманных у Сергея никогда не было. (Да их, кажется, и у отца никогда не было.) Зато папа получал пайки! И в день, когда их привозили, он с утра предупреждал сына: «Ты там сегодня этих… зови давай… свою шатию-братию!» И после лекций вваливались в квартиру Сережины вечно голодные друзья-студенты — пайков как не бывало!

Те новые и сложные отношения, которые возникли между Иваном Михайловичем и Ниной Павловной сразу после их встречи, скоро перестали быть секретом для Сергея. Часто замечал он на лице отца отрешенно-светлое (неприятное Сергею) выражение; в жизни отца появилось нечто чужое их дому. Сергей

пытался воздействовать на ход событий, но и отец и мать были горды и замкнуты, никому не позволяли вмешиваться в то, что касалось их одних. Они все больше и неотвратимо отдалялись друг от друга. Тогда-то и начало у Сергея складываться к отцу странное и противоречивое чувство, сотканное из обожания и протеста, влюбленности и соперничества, отталкивания и подражательности. Но порядок в доме поддерживался ровный и идеальный, Нина Павловна сурово следила за тем, чтобы Сережа не отвлекался ни на что и хорошо учился.

В июне 1928 года он закончил институт.

Когда кончился короткий митинг выпускников, Сергей прокрался в домашний кабинет отца (тот был еще на работе), положил на стол диплом, а рядом листок бумаги, на котором написал стихи:

Давно забыл я рифмы звон
И раззнакомился с размером.
Суровый жизненный закон
Велел быть только инженером.

Отец вернулся с работы, прочел, рассмеялся… Обнял сына.

А потом настал день, и самый для него дорогой человек ушел из дому; больше Сергей Иванович и Иван Михайлович в родном доме не встречались. Те отношения любви и соперничества, противоборства иногда, которые начали складываться давно, теперь обострились. Внешне Сергей Иванович мало походил на отца; был веселее, общительнее, шумнее… В тридцатом году его свалил тиф, осложнившийся воспалением легких. Сергей провалялся в постели девять месяцев, а когда встал, то врачи обнаружили порок сердца и тяжелую форму тромбофлебита. Сказались невзгоды скитальческих лет. Болезни, от которых Сергей Иванович так и не смог избавиться, в конце концов свели его в могилу в пору самой творческой зрелости.

Внешне не походя на отца, может быть, и нарочно стараясь не походить в манерах, речи и привычках, Сергей Иванович подражал отцу в работе: брался за дело так же самозабвенно, жарко, напористо. Область его научных интересов была уже отцовой (у Ивана Михайловича по широте научных интересов соперников весьма немного во всей мировой истории науки). Сергей Иванович избрал для изучения почти в те времена не исследованную природу пластической деформации металлов.

Первая запись в трудовой книжке Сергея Ивановича Губкина

сделана на Путиловском заводе в Ленинграде, где он работал инженером. Вскоре отозван был в аспирантуру, которую закончил досрочно и без всякого видимого усилия. Уже в 1931 году он выпустил свою первую книгу «Введение в механику пластически деформируемого тела». С тех пор печатается регулярно; всего за двадцать пять лет работы в науке опубликовал свыше ста пятидесяти научных работ — монографий, сборников, статей. Через десять лет после смерти Сергея Ивановича (десять лет — срок достаточный, чтобы назвать его «испытанием временем») сотрудники Института металлургии имени Вайкова выпустили в свет специальный сборник, посвященный его памяти. Сборнику предпослан очерк, в котором дается сжатая характеристика научного наследия Сергея Ивановича. Есть в очерке такие слова: «Роль С.И. Губкина в развитии науки о пластической деформации и пластическом деформировании металлов, в области популяризации этой науки, в обучении, в воспитании научных кадров исключительно велика… Научное наследство С.И. Губкина продолжает оставаться предметом изучения и служит отправной базой для дальнейших научных исследований пластического течения металлов, проводимых многочисленными последователями и учениками С.И. Губкина… Можно с уверенностью сказать, что он является одним из основоположников физико-химической теории пластичности».

Ученики и последователи Сергея Ивановича действительно многочисленны. Он рано защитил кандидатскую и докторскую диссертации и начал лекторскую деятельность. Пример отца и здесь был перед глазами: Сергей Иванович всегда скрупулезно готовился к лекциям. Его любили; ученики привязывались к нему на всю жизнь. Он подготовил ни много ни мало — 80 ученых! Среди них есть и доктора наук. После войны Сергея Ивановича пригласили поработать в Белоруссию. Он создал там первую в республике школу металлургов и был избран действительным членом Академии наук БССР.

Главный труд Сергея Ивановича «Теория пластической деформации металлов». Это обобщающая монография, в которой суммируются результаты многолетних исследований в области пластичности и практики пластического деформирования. Автору не привелось увидеть его в печати. Двухтомник появился в продаже уже после кончины С.И. Губкина.

Сергей Иванович умер внезапно, хотя и страдал хроническими болезнями долгое время. Уехал на юг отдыхать — оттуда пришло трагическое извещение. То было летом 1955 года. Похоронили Сергея Ивановича на Новодевичьем кладбище рядом с могилой отца.

Галина Сергеевна долго не могла спокойно произносить имя брата.

Иногда подходила к шкафу, который стоял еще на петербургской их квартире — ему уж лет семьдесят, наверное, и доставала из него старый мамин ридикюль. Когда-то, должно быть, он был черный, а теперь стал серый. В нем письма Ивана Михайловича, которым тоже уж лет пятьдесят…

Галина Ивановна перечитывала, и в тех местах, где упоминаются они с братом — «крепко целую свою маленькую дорогую плюшку», «поцелуй Сержика в его умный лобик», — в этих местах слезы в миллионный раз подступали к ее глазам.

«Пусть щадит свое здоровье и не добивается первенства в классе… Передай ему мою горячую просьбу, чтобы он щадил свою маму… Пора ему быть моим заместителем возле вас».

«Передай моему мальчику, что я думаю о нем, вспоминаю его и прошу его не горевать, если он вместо 4 или 5 получит тройку. Пусть он поймет, что дело не в балле, а в знании. Пусть лучше он что-либо почитает постороннее вместо зубрежки. К нему моя горячая просьба хранить наше общее сокровище — маму, быть с ней рыцарем, как с женщиной, и сыном, как с мамой, которая так нежно и крепко его любит…»

Глава 52,

неожиданно последняя. Автор отказывается хоронить героя.

В первой главе нашего повествования, созерцая в отдаленном восхищении могучие дела героя и прикидывая и примеривая в уме раскрой жизнеописания, мы обронили: не одну, а целых три — вполне достоверно, а не метафорически — жизни он переворошил. С тех пор мы пропустили пред читательскими очами две жизни. Разные жизни. И повествование наше, приспособляясь к скоростям проживания разных жизней, то летело, удила закусив, то перескакивало с документа на документ, как в половодье со льдинки на льдинку, обжигая подошвы. Ибо в полном соответствии с современными понятиями о кривизне, плотности, растяжении пространства-времени, в зависимости от внутреннего напряжения и герой наш бывало, что на малом отрезке пространства-времени проживал много жизни, а бывало, и на раздольных гектарах проживал мало жизни.

И незаметно углубились мы в зеленые дебри третьей жизни.

Совсем не языческая наивность в древнем успокоительном завете продлевать жизнь героя в наших сердцах. Вулканический

заряд энергии, сконденсированной в душах гениев, при истечении своем часто имеющей характер взрыва, создает далеко распространяющееся энергетическое поле; оно индуктирует попадающие в ареал его воздействия зауряд-души; оно создает новые вихревые потоки. В четвертом, временном измерении энергия практически бессмертна, но вечно видоизменяема.

Губкин затевал дела, катящиеся прямехонько в будущее.

Рассудим на брошенной «главу назад» теме.

Вы думаете, он отступился от КМА, получивши суровое предписание вкупе с высокой оценкой труда? Удовлетворился вторым и послушался первого? О, вы недостаточно проникли в его характер! Через несколько лет он добился возобновления разведки — да еще с каким размахом ее повел! Не какие-нибудь скважинки — целые шахты, а в тридцать шестом приступил к строительству первого рудника! Победил все-таки он, а не узкопрактичные экономисты. И вновь он отдался делу со всей своей неуемной страстью. Вот, например, какую бучу поднял он, прослышав о возможном сокращении сметы (привожу телеграмму, посланную секретарю обкома Рябинину в январе 1931 года):

«Намечается сокращение разведок Курской магнитной аномалии 31 году миллиона семьсот пятьдесят тысяч вместо представленного Наблюдательным Советом плана работ 5 половиной миллионов что корне нарушает план разведок зпт оттягивает срок окончания работ установленный Правительством тчк Сокращенному варианту работ проходка шахт зпт увеличение количества станков намеченное нашим планом 31 году переносятся 32 33 год тчк Считаю срочно необходимым первое телеграфировать Орджоникидзе протест области против наметки… корне меняющим срывающим план работ второе совместно областью поставить этот вопрос Правительстве третье 23 января заседании Наблюдательного Совета необходимо Ваше присутствие принятия совместных мер недопущению срыва работ Председатель НС Губкин».

Председатель Наблюдательного совета (организация, много хорошего унаследовавшая от ОККМА) звал на подмогу местные власти… хоть более естественно представить обратную ситуацию. А Губкина никогда никому не приходилось кликать на помощь или спасение, потому что всегда сам первый лез в пекло! Орджоникидзе поддержал. Шахтеры продолжали врубку. Электрики вкапывали столбы и натягивали провода. Дорожные рабочие трамбовали насыпь. И… «сия история длинна и многотрудна». В Москву доставляли победные рапорты и аварийные депеши. В квершлаги просачивался коварный водный

песок — плывун. Маркшейдеров мучили за недосмотр, а в иные хмурые утра и за недосмотр предусмотренный. Потом… потом умер председатель… А потом война… После войны зашевелились дороги и вновь потянулись к небу копры. А сейчас… Каждый школьник знает: «В Курской области громадная добыча открытым способом железной руды».

Вулканическая энергия, прорвав годы, беды и времена немыслимого быта и пронзив самое кончину души, ее породившей, воплотилась в «долгое дело», мечтаемое Маяковским, который в число подобных воплощений включил, как известно, пароходы и строчки…

На наших глазах необыкновенный человек, изжив две свои прижизненные сущности, легко перемахивает последнюю судьбой отмеренную дату и, потеряв представление о всякой усталости, пускается в дорожку по пространственно-временной кривизне, обозначенной в первой главе как «третья жизнь».

Умножим примеры. Счастливая находка близ Чусовских Городков положила предел предыстории, «интеллектуальной истории» открытия, но тут-то и начинается подлинная история открытия Второго Баку. И Губкин себя в ней показал во всю ширь! Одну за другой посылал он геологические партии. В феврале 1930 года специальное совещание приняло его проект разбуривания «по сетке равносторонних треугольников со сторонами, равными 400 метрам». Пятьдесят долот вгрызлись в грунт. (Впервые в СССР применен был метод размашистого ведения «начальной стадии разведки». Он не принес ожидаемого эффекта; снова возвысились было скептические голоса, соблазняющие «не тратить денег на несуществующую нефть»…) Вгрызшиеся долота, приспособленные для кавказских пород, тут работали скверно; надо было переконструировать их по-новому. Отряд А.А. Блохина, любимейшего губкинского ученика, «окопался» в башкирском селе Ишимбаеве. С.С. Осипову Губкин дал задание прочесать берега реки Юрюзани. Третий отряд бросил на западный склон Южного Урала для изучения каменноугольных и девонских отложений.

Долота были исправлены. С 1929 по 1936 год в Прикамье пробурено восемьдесят пять скважин. Влохин упрямо курсировал вдоль левого и правого берегов реки Белой. Декабрь 1931 года. Извлечен керн: известняк, пропитанный нефтью. Это ишимбаевская скважина № 702. Еще несколько месяцев нетерпеливого и трудного ожидания, и Блохин отбивает Губкину телеграмму: «семьсот вторая фонтан ура». Однако через несколько дней в тот же адрес писал о непролазной грязи, худых крышах и нехватке рабочих рук. (Лишь в 1934 году продолжена

железная дорога Уфа — Ишимбаево, в 1935 году сдана электростанция, а до этого времени разведка мучилась и хладом и гладом.) Блохин штурмует левый берег. Стерлитамакская площадь, доказывает он, нефтеносна.

«Надо идти на девон. Идти на девон…» — неустанно твердит Губкин. В 1932 году К.Р. Чепиков (ныне член-корреспондент АН СССР) обнаружил подземную структуру вблизи деревни Муллино в Туймазинском районе. Под его руководством другой разведчик, П.С. Чернов, произвел структурную съемку местности. Геологи ратуют, заручившись горячей поддержкой Ивана Михайловича, за комплексную разведку (теперь это главный метод на вооружении советских исследователей недр: площадь «прощупывается» геологичесюш анализом, геофизическим, геохимическим, гидрогеологическим и буровым. Сочетание геологического и геофизического методов Губкиным уже применялось при изучении КМА). В Туймазу приходят электроразведчики, магнитометриеты, буровики. За ними поспешают строители: нефть есть, надо создавать промысел. Но проходит еще немало лет, прежде чем девонская нефть, предсказанная Губкиным, увидела свет. В сентябре 1944 года скважина, обладавшая «круглым» номером 100, углубилась на 1700 метров, и оттуда черно-пенной струей хлынула маслянистая жидкость.

(Люди черпали ее пригоршнями. У многих на глазах стояли слезы. Так свидетельствуют очевидцы. Шла война. За военные годы во Втором Баку открыли 22 месторождения — против 17 довоенных. За 10 первых послевоенных лет — 107.)

Напомним печальную дату: Губкин умер в 1939-м. В 1937-м вступили в эксплуатацию Сызранское, Бугурусланское, Ставропольское месторождения; в 1942-м — Куганакское, в 1943-м — Покровское и Кинзебулатовское; в 1936-м — Северокамское, в 1939-м — Полазненское, в 1953-м — Шкаповское, в 1948-м — Ромашкинское… Список можно удлинять сколь угодно. Даты открытий мелькают, не зацепившись за «тридцать девять».

Третья жизнь…

Это уже история края, история промышленности и личные судьбы прекрасных разведчиков Трофимука, Кувыкина, Шашина, Мустафинова, Байбакова, Мешалкина… Всех не перечислишь. Но все они губкинцы.

Умножим еще примеры. В 1932 году в Свердловске проходила выездная сессия Академии наук. Иван Михайлович выступил с сообщением, всех взволновавшим. Нефть в Западной Сибири. Где? (На геологической карте того времени громадная территория закрашивалась сплошной белой краской.) Уж ли не «очередная… как и курское железо»? На этом примере

остановимся подробнее и прибегнем к выпискам.

Первая выписка — из брошюры сибирских нефтяников Ф. Гурари и Г. Острого «Нефтяная целина Сибири»: «В 1932 году один из выдающихся геологов-нефтяников, академик И.М. Губкин, высказал предположение о том, что в Западной Сибири расположена гигантская депрессия (впадина), в которой в геологическом прошлом накапливались благоприятные для образования нефти и газа осадки и, по всей вероятности, могут быть найдены их промышленные залежи. За гениальной догадкой ученого стоял анализ геологии Сибири, ее сравнение с другими, сходными по истории развития районами, где нефть и газ были уже найдены». Все абсолютно правильно, но относительно «догадки» хочется поспорить, несмотря на приставленный к ней лестный эпитет. Сам Иван Михайлович, конечно, ни о какой догадке не поминает.

Вторая выписка — из его опубликованной речи перед работниками треста Востокнефть (5 марта 1934 года). Он обращался к специалистам; им и сейчас будут чрезвычайно интересны его слова, не приводившиеся с тех пор никем из биографов; думаю, что при некотором усилии их поймет и неподготовленный читатель. «Практика разработки американских нефтяных месторождений дает примеры таких депрессий, которые являлись большими площадями питания нефтяных месторождений, расположенных по краям. Таким примером является Аппалачская депрессия, расположенная между Аллеганами и Цинциннатским поднятием. Громадный Аппалачский геосинклинал напитал нефтью те структуры, которые развиты по его краям в форме вторичной складчатости. В разнообразных формах этой вторичной складчатости и собралась нефть: на восточном склоне Цинциннатского свода, обращенном в сторону Аппалачского геосинклинала, нефть заполнила не только структуры типа пологих антиклинальных складок, но проникла и в моноклинально залегающие охристые породы, в которых она располагалась по законам удельного веса… Я полагаю, что у нас на востоке Урала, по краю великой Западно-Сибирской депрессии, совпадающей с Западно-Сибирской равниной, могут быть встречены структуры, благоприятные для скопления нефти. Вот те соображения, которые заставили меня выдвинуть идею поисков нефти на восточном склоне Урала».

Иван Михайлович нашел точное слово: соображения. Воистину: научные соображения. Им суждено было пролежать втуне почти двадцать лет, потому что ровно на столько они обогнали технические возможности разведки. Когда же возможности «созрели», то даты открытий замелькали так же

густо, как когда-то во Втором Баку. Те же авторы восклицают: «Никогда мы не забудем апреля 1960 года. Именно в эти дни на далекой и тогда еще никому не известной реке Конде, близ селения Шаим, ударил первый мощный фонтан».

Это уже история края, история освоения, судьбы людей.

Третья жизнь.

Еще примеры? Соображения о нефтегазоносности Средней Азии и Мангышлака, ждавшие реализации почти двадцать пять лет, о нефтегазоносности Русской платформы, ждущие реализации до сих пор… (Весьма вероятно, что губкинский прогноз нефтегазоносности Русской платформы сбудется в самом ближайшем будущем. Здесь ведутся энергичные поиски. Долгое время изучал платформу сподвижник Ивана Михайловича А.А. Бакиров, впоследствии прославившийся как один из открывателей знаменитого узбекского месторождения Газли.)

Вулканический заряд энергии, практически бессмертной в четвертом, временном измерении, вызывает вихревые энергетические потоки «сквозь годы мчась», и таким-то образом угасшая жизнь продлевается в наших сердцах. Но если жизнь героя и гения может быть признана (в определенной «системе отсчета») пусть даже практически бесконечной, то жизнеописание ограничено и в пространстве и во времени и нужно знать, где навести пограничную полосу. Где? Да там, где Губкин перемахивает в будущее, которое для него началось раньше тридцать девятого года, что мы и постарались доказать.

Скрежещут эшелоны с курским железом, а геологи уж «тянут» рудный массив в пределы Воронежской и Харьковской областей. Вьются нефтепроводы и газопроводы, журчит в них нефть сибирская и мангышлакская, а геологи по весне обувают длинные резиновые боты и улетают на восток, на север.

Третья жизнь продолжается…

Основные даты жизни и деятельности И. М. Губкина

1871, 9 сентября — Рождение И.М. Губкина.

1880 — Поступает в сельскую школу.

1883 — Кончает ее и поступает в Муромское уездное училище.

1887 — Кончает училище и поступает в Киржачскую учительскую семинарию.

1890 — Закончив семинарию, начинает работать учителем в селе Жайском.

1892 — Переезжает в Карачарово. Работает учителем, читает просветительские лекции среди крестьян.

1895 — В журнале «Образование» опубликована первая статья Губкина.

6 августа — Уезжает в Петербург. сентябрь — Поступает в Учительский институт.

1895–1898 — Годы учебы в Учительском институте. Участие в революционных кружках.

1898 — Кончает Учительский институт. Не может найти работу. Устраивается преподавателем в приют имени принца Ольденбургского.

1899 — Уходит из приюта. Поступает в Сампсоньевское городское училище.

1903 — Поступает в Горный институт.

1910 — Получает диплом инженера и уезжает на разведку в Майкопский район.

1911 — Открытие рукавообразной залежи.

1912 — Опубликование брошюры «Майкопский нефтеносный район». Посещает Тамань.

1913 — Опубликован «Обзор геологических образований Таманского полуострова». Маршрутные исследования Апшерона.

1914–1916 — Изучает геологическое строение Кавказа и Кубани. Пишет обобщающие работы по этим регионам.

1917, весна — Уезжает в Северо-Американские Соединенные Штаты в командировку.

1918, весна — Возвращается на родину. Начинает работать в Главнефтекоме и Главсланце.

1919, лето — Экспедиция в Поволжье. осень — Печатает статью «Горючие сланцы и нефть в Поволжье». Беседа с В. И. Лениным.

1920 — Избирается профессором Московской горной

академии.

1921 — Посещает Баку после освобождения его Красной Армией. Составляет научный проект восстановления бакинской нефтяной промышленности. Назначается председателем ОККМА.

1922 — Назначается ректором Горной академии и директором Московского нефтяного института.

1923 — Под Курском добыта первая руда.

1923–1926 — Руководит разведками на Кавказе, Эмбе, под Курском. Собирает и обобщает сведения о нефтеносности Волго-Уральской области.

1928, 5 декабря — Избирается действительным членом Академии наук СССР.

1929, 16 апреля — Открытие Второго Баку.

1930 — Возглавляет Совет по изучению производительных сил страны. Возобновление разведки Курской магнитной аномалии.

1931 — Вышли в свет работы «Естественные богатства СССР и их использование» и «Проблема Акчагыла в свете новых данных». А.А. Блохин открыл Ишимбаевское месторождение нефти. И.М. Губкин назначен начальником Главного геологического управления СССР.

1932 — Вышло в свет «Учение о нефти». Назначен председателем Комиссии по четвертичным отложениям при АН СССР.

1934 — Вышла в свет книга «Тектоника юго-восточной части Кавказа в связи с нефтеносностью этой области». Назначен директором Института горючих ископаемых.

1936, 29 декабря — Избран вице-президентом АН СССР.

1937 — Президент Международного геологического конгресса.

1938–1939 — Работает над книгой «Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку)».

1939, 21 апреля — Кончина И.М. Губкина.

Краткая библиография

И.М. Губкин, Избранные сочинения. Изд-во АН СССР. М., 1951.

И.М. Губкин, Учение о нефти. ОНТИ НКТП. М. — Л., 1937.

И.М. Губкин, Воспоминания о В.И. Ленине. В кн.: «Воспоминания о В.И. Ленине», т. 2. М., 1957.

И.М. Губкин, Предварительный отчет по командировке в США. Бюллетень ВСНХ, 1918, № 2.

И.М. Губкин, Горючие сланцы и нефть в Поволжье. «Эконом, жизнь», 12/X, № 228, 16/X, № 231. 1919.

М.В. Абрамович, А.А. Якубов, Научная и практическая деятельность И.М. Губкина в Азербайджане. Сб. «Памяти академика Губкина». М., 1956.

Н. Байбаков, Второе Баку. ОГИЗ, Гос. изд. полит, лит., 1939.

А.А. Бакиров, Научное творчество академика Ивана Михайловича Губкина и современность. «Советская геология», 1961, № 12.

А.А. Блохин, Основные итоги и задачи разведки Ишимбаевского месторождения. «Нефтяное хозяйство», 1934, № 6.

Н.И. Буялов, Задачи освоения новой нефтяной базы. «Нефтяное хозяйство», 1939, № 4–5.

М.И. Варенцов, О жизни и деятельности академика И.М. Губкина. Известия АН СССР, сер. геол., 1952, № 2.

В.Г. Васильев, Ю.П. Притула, Второе Баку. Куйбышев, 1939.

В. Гарфиас, Мировой нефтяной рынок. Л., ГИЗ, 1926.

К.П. Калицкий, Научные основы поисков нефти. ВНИГРИ, 1944.

Курская магнитная аномалия. Сборник документов и материалов. Белгородское кн. изд-во, 1961.

С.М. Лисичкин, Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М., 1958.

Д.И. Менделеев, Нефть. Соч., т. X. АН СССР, 1949.

С.И. Миронов, Деятельность И.М. Губкина — образец связи научного творчества с практикой. «Геология нефти и газа», 1959, № 4.

Д.В. Наливкин, Второе Баку. Изд-во горн. — топ. пром, М., 1939.

К.А. Пажитнов, Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М., Гостоптехиздат, 1940.

А.П. Серебровский, Руководство В.И. Ленина восстановлением нефтяной промышленности. В кн.:

«Воспоминания о В.И. Ленине», т. 3. М., 1960,

М.К. Сидоров, О нефти на севере России. Спб., 1882.

А.А. Трофимук, Открытие Урало-Волжской нефтеносной области — научный подвиг И.М. Губкина. «Геология нефти и газа», 1959, № 4.

С.Ф. Федоров, Учение И.М. Губкина о нефтегазоносности Второго Баку. Сб. «Памяти академика И.М. Губкина». Изд-во АН СССР, М„1951.

М.М. Чарыгин, Академик Губкин как ученый и педагог. Сб. геол. работ, посвященных памяти академика Губкина. М., Гостоптехиздат, 1948.

А.А. Якубов, Роль академика И.М. Губкина в развитии нефтяной геологии в СССР. Известия Азерб. АН, 1949, № 5,

В работе над книгой автор использовал материалы Архива АН СССР (фонд 455) и Архива института МИНХ и ГП имени академика И.М. Губкина. Любезно и терпеливо делились воспоминаниями об Иване Михайловиче В.И. Губкина, Г.И. Губкина, Е.А. Губкина, проф. А.А. Бакиров, проф. М.М. Чарыгин. Всем им автор выражает сердечную признательность.

notes

Примечания

1

Нина Павловна готовилась тогда вторично стать матерью. Дочь Галина родилась 1 декабря 1910 года.

2

Декреты Советской власти. М., 1959, т. 2, стр. 282–283.

3

Там же, стр. 459–460.

4

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 50, стр. 288.

5

Ленинский сборник т. XXIV, стр. 71–72.

Там же, т. XXXIV, стр. 126.

Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 183.

8

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, № 28, стр. 351, 2 июня, 1919.

9

В.И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 51, стр. 156.

10

Известия ЦИК и ВЦИК № 20, 20 января 1930 года.

11

Ленинский сборник, т. XX, стр. 128–130.

12

Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 350–351.

13

Так в просторечии называли магнитометры.

14

Геологические образования, открытые Губкиным и не показанные на карте.

15

Название фауны, наличие которой в породе доказывает ее меловой возраст.